

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ
общественная библиотека
им. Н. В. Бабушкина

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. Ч. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва В-36, 1-я Черёмушкинская, 19

Т-10026	Подписано к печати 24/VIII- 1961 г.	Тираж 1925 экз.	Зак. 3862
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Бум. л. 7,5	Печ. л. 20,55+2 вкл.	Уч.-изд. л. 26,4

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

НАВСТРЕЧУ XXII СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ НАКАНУНЕ XXII СЪЕЗДА КПСС

Победоносное движение нашей страны к коммунизму во многом зависит от успехов различных отраслей науки. Значительна роль и общественных наук, вооружающих строителей коммунизма верным путеводным компасом — теорией диалектического материализма, раскрывающих закономерности общественного развития, способствующих формированию нового человека — человека эпохи коммунизма. О значении общественных наук и их задачах говорится в обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР ко Всесоюзному совещанию научных работников: «Большое значение имеют общественные науки, изучающие законы развития общества и его движения к коммунизму, проблемы исторического соревнования двух мировых систем, международное рабочее и коммунистическое движение, национально-освободительную борьбу народов против колониального гнета»¹.

В выполнении этих задач немалую роль могут и должны сыграть этнографы, которые по самой сути своей работы непосредственно связаны с широкими народными массами, изучают их быт, культуру и мировоззрение.

В величайшем по своему значению документе наших дней — проекте Программы Коммунистической партии Советского Союза большое внимание уделено процессам дальнейшего развития национальных отношений народов СССР: «Придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества. Поддерживая прогрессивные традиции каждого народа, делая их достоянием всех советских людей, партия будет всемерно развивать новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма»².

Исторические решения XX и XXI съездов партии ориентировали научных работников-гуманитариев на глубокое всестороннее изучение процессов современности и выявления их закономерностей, на конкретные социологические обобщения опыта строительства коммунизма, на тесную связь научных исследований с практикой и перспективами нашего строительства.

В докладе на XXI съезде партии Н. С. Хрущев говорил: «Наши экономисты, философы, историки призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе... Необходимо всесторонне анализировать важнейшие процессы, происходящие в капиталистическом мире, разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»³.

¹ «Правда», 13 июня 1961 г.

² Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, «Коммунист», 1961, № 11, стр. 66.

³ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, I, М., 1959, стр. 61.

Выполняя указания партии, советские этнографы уже добились известных успехов. Для советской этнографии, продолжающей традиции прогрессивной русской науки, всегда было характерно внимание к современной жизни различных слоев народа. После исторических постановлений ЦК КПСС, наметивших пути кругого подъема сельского хозяйства, значительно расширилось изучение культуры и быта колхозного крестьянства. Сотрудниками Института этнографии АН СССР, академий наук Украинской, Белорусской, Узбекской, Киргизской, Таджикской ССР и других был подготовлен ряд монографий, посвященных колхозному крестьянству. После XX съезда КПСС современная тематика стала центральной для большинства этнографических учреждений страны.

Непосредственно после XXI съезда КПСС, в качестве ведущих задач этнографической науки было выдвинуто изучение процессов социалистических преобразований в культуре и быте народов СССР, изучение особенностей формирования наций и национальной культуры в колониальных и зависимых странах. Это направление было принято как советскими этнографами, так и этнографами стран социалистического лагеря.

Для более глубокого и планомерного исследования перестройки быта и культуры народов СССР в центральном этнографическом учреждении страны — Институте этнографии — была создана специальная Комплексная экспедиция по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период перехода от социализма к коммунизму. Начиная с 1959 г. экспедиция ведет исследования в разных районах страны, работая в тесном контакте с сотрудниками центральных и местных научных учреждений — этнографами, фольклористами, диалектологами, краеведами. По этой же тематике работают и другие этнографические экспедиции. Материалы, собираемые экспедициями, должны послужить основой для обобщающих трудов: «Современный быт сельского населения и перспективы его дальнейшего преобразования на пути к коммунизму», «Проблема развития материалистического мировоззрения и пути изживания религиозно-бытовых пережитков» и др.

Исследование культуры и быта колхозного крестьянства вступает сейчас в новый этап. От монографий, посвященных отдельным колхозам, этнографы переходят к обобщающим работам по целым областям и народам. Таковы, например, работа Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» (М., 1960), подготовляемая к сдаче в печать монография Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Культура и быт колхозников-льноводов Калининской области» и др. Расширяются имеющие большое теоретическое и практическое значение исследования культуры и быта советских рабочих. Работа эта оказалась особенно сложной: рабочие (как и другие слои городского населения) не признавались раньше объектом этнографического изучения, и советским этнографам пришлось разрабатывать тематику и методику их исследования. Изучение быта рабочих развернулось в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в Узбекистане, в Грузии; существенных результатов добились туркменские этнографы, выпустившие недавно труд, посвященный культуре и быту нефтяников Небит-Дага⁴. В этой работе особенно важным и плодотворным оказалось сотрудничество с этнографами социалистических стран Европы, в частности — Чехословакии, где изучение культуры и быта рабочих ведется особенно широко.

Главная цель этнографов, изучающих культуру и быт советских народов, — показ преобразований быта и культуры, выявление всего нового, прогрессивного, что возникает и развивается в быту советских людей.

⁴ См. Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961.

Исследования этнографов в этой области помогают распространить передовой опыт культурно-бытового строительства, приносят весомую практическую пользу строительству коммунизма. Но советские ученые не могут проходить мимо вредных пережиточных явлений, еще проявляющихся порой в быту и сознании, в семейных отношениях и задерживающих движение вперед. Именно этнографы лучше всего могут понять причины сохранения этих пережитков, вскрыть их корни, показать их вред и тем самым содействовать их быстрейшему изживанию. Большую живучесть проявляют, в частности, религиозные пережитки, несовместимые с мировоззрением и моралью строителей коммунизма. Учитывая важность и сложность борьбы с религиозно-бытовыми пережитками, этнографы СССР за последние годы значительно активизировали работу в этой области. В Институте этнографии АН СССР была создана специальная группа истории религии и атеизма, подготовлен первый сборник — «Религиозно-бытовые пережитки у народов СССР и пути их преодоления». Значительная работа по изучению религиозно-бытовых пережитков проводится этнографами в союзных республиках (например, в Белоруссии).

Работы этнографов по изучению современности должны помочь установить закономерности развития быта и народной культуры в процессе строительства коммунизма, способствовать утверждению нового, подлинно советского быта и формированию коммунистического сознания.

Свою работу этнографы непосредственно связывают с практическими задачами коммунистического строительства, и эта связь становится все более тесной и планомерной. Ярким примером ее может служить работа созданного в 1956 г. в Институте этнографии АН СССР сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, задачей которого является изучение положения народов Севера Сибири с целью дальнейшего подъема и реконструкции их хозяйства, быта и культуры. Сектор проводит свою работу в контакте с советскими и партийными органами и разработал уже ряд практических предложений. Хорошо зная условия жизни, занятия, быт, потребности, навыки и традиции разных народов, этнографы в ряде случаев оказывают существенную помощь плановым и проектировочным организациям. Так, Институт этнографии АН СССР принял участие в составлении плана подготовки и распределения трудовых резервов, в разработке плана производства и распределения товаров широкого потребления, наладил деловой контакт с научно-исследовательским институтом Сельстроя по проектированию жилищ для сельского населения разных местностей и т. п. Аналогичные работы проводят этнографы в союзных республиках.

Закономерное перенесение центра тяжести на изучение культуры и быта народов СССР в период построения коммунизма не умаляет значения работ по исторической этнографии, в области которой советские ученые добились уже больших успехов. В решениях партии неизменно указывалось, что изучение закономерностей исторического процесса на всех стадиях развития общества было и остается одной из важнейших задач исторических наук. Это снова подчеркнул президент Академии наук СССР М. В. Келдыш в докладе на Всесоюзном совещании научных работников: «Обязанностью историков является глубокое изучение закономерностей истории человеческого общества на всех этапах его развития»⁵. Многие в этом отношении обязаны сделать и этнографы. Поэтому изучение этнических процессов и истории культуры различных народов продолжает оставаться вторым основным направлением деятельности советских этнографов. Направление это предполагает разработку ряда важных проблем этнографии советских и зарубежных народов — этногенез, формирование народностей и наций, закономерности развития народных культур в разных исторических условиях, взаимодействие

⁵ «Правда», 13 июня 1961 г.

культур и пр. Особое внимание этнографы должны уделить современным этническим процессам. Исследования в этой области уже проводились в СССР у разных народов Кавказа, Средней Азии, Алтая, Крайнего Севера; обобщение их должно быть дано в подготавливаемом Институтом этнографии АН СССР коллективном труде «Консолидация социалистических наций и пути развития малых народов и этнографических групп». В СССР актуальной проблемой является изучение особенностей национальной консолидации в условиях социалистического общества и в период развернутого строительства коммунизма.

Дальнейшее национальное развитие народов СССР осуществляется путем их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Особое значение имеют исследования видоизменения и совершенствования национальных форм культуры в процессе последующего развития, формирование общих коммунистических черт культуры, морали и быта различных национальностей нашей страны, становления общей для всех советских наций интернациональной культуры.

В области изучения зарубежных народов особое значение приобретают сейчас работы, посвященные народам, освободившимся от колониального рабства, или борющимся за свою независимость. Исследования процессов формирования наций в условиях колониального режима и у народов, недавно обретших самостоятельность, изучение самобытной культуры этих народов и путей ее развития, выяснение их этногенеза имеют актуальное значение; они помогают народам в борьбе за национальное освобождение, в создании своей национальной культуры. Таковы антиколониальные по своему существу исследования советских этнографов, посвященные ряду народов Африки, Латинской Америки и Передней Азии, получившие широкий отклик за рубежом. К XXII съезду партии Институт этнографии АН СССР подготовил историко-этнографический сборник «Куба», в котором отражена борьба кубинского народа за свою независимость и свободу, показано богатство и своеобразие его самобытной культуры. Подобные исследования должны всемерно развиваться этнографами.

Важнейший обобщающий труд по данному кругу проблем представляет серия «Народы мира»⁶, в которой освещаются история формирования современных народов, их образ жизни, быт и культура. Капитальными обобщающими работами являются также этнические карты и историко-этнографические атласы. К XXII съезду Институт этнографии выпускает серию этнографических карт отдельных районов Азии и Африки и карту народов мира на 6 листах. Институтом этнографии подготовлены три выпуска «Русского историко-этнографического атласа» («Сельское хозяйство», «Жилище», «Одежда») и атлас, посвященный сибирским народам; готовятся совместно с академиями наук республик Средней Азии и Кавказа Среднеазиатский и Кавказский историко-этнографические атласы. В ближайшие годы должна быть развернута работа по подготовке Славянского этнографического атласа, в которой примут участие этнографы зарубежных славянских стран.

Третье направление, по которому разворачиваются исследования советских этнографов, это разработка проблем происхождения человека и истории первобытного общества. Работы, проводимые по этому направлению, имеют большое значение и в борьбе против реакционной буржуазной науки. Исследования в области происхождения человеческих рас разоблачают расизм, тенденции к возрождению которого имеются в ряде капиталистических стран. Подготавливаемый Институт

⁶ Вышли семь томов: «Народы Африки», «Народы Австралии и Океании», «Народы Передней Азии», «Народы Сибири», «Народы Америки», I и II; «Народы Кавказа», I. Остальные тома сданы в производство или готовятся к сдаче. Выпуск всей серии должен быть закончен к 1964 году, когда в Москве состоится VII Всемирный Конгресс антропологов и этнографов.

этнографии АН СССР коллективный труд по истории первобытного общества должен на основе анализа фактического материала показать несостоятельность попыток ревизовать основные положения марксизма-ленинизма в этой области и прежде всего — классический труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Расширение проблематики этнографических исследований, стремление к более углубленному анализу рассматриваемых явлений потребовали усиления работы по смежным, соприкасающимся с этнографией дисциплинам. Учитывая важное значение народного поэтического творчества для понимания мировоззрения народа и как историко-этнографического источника, советские этнографы усилили фольклористическую работу. Ценных результатов достигли советские этнографы в области этнической лингвистики. Исследования языков бесписьменных народов невозможны без знания этнографии, и не случайно именно этнографу Ю. В. Кнорозову удалось найти ключ к расшифровке письменности майя, столько веков являвшейся загадкой. Широко развернулось изучение языков африканских народов.

Говоря об итогах, с которыми этнографы СССР приходят к XXII съезду партии, и о стоящих перед ними задачах, нельзя не отметить и существенных недостатков в их работе. В этнографических исследованиях, особенно в исследованиях, посвященных современной культуре и быту народов, нередко преобладает описательность, очень мало еще работ обобщающего характера; порою этнографы разрабатывают частные, малозначительные темы. В работах некоторых этнографов союзных академий современная тематика не заняла еще должного места. Между тем, «Партия ждет от ученых более смелой и творческой разработки социальных проблем, имеющих первостепенное значение для более глубокого и конкретного освещения задач перехода от социализма к коммунизму. Пора покончить с таким положением, когда во многих трудах, опубликованных гуманитарными институтами, отсутствует оригинальное, подлинно научное обобщение процессов, протекающих в жизни»⁷.

Этнографическое изучение зарубежных народов сосредоточено в основном в Москве и Ленинграде, на местах же этнографы занимаются по преимуществу изучением культуры и быта народов своей республики или области; лишь в последнее время на Украине начинает разворачиваться работа по изучению этнографии и фольклора зарубежных славянских народов. Примеру украинских этнографов должны последовать этнографы республик Средней Азии, Кавказа, Прибалтики и др.

Выполнить намеченный план этнографических исследований и дать глубокие обобщающие работы этнографы могут лишь при условии тесного сотрудничества с работниками других общественных дисциплин — экономистами, историками, философами, фольклористами, археологами, лингвистами. К сожалению, такое сотрудничество имеется еще не всегда. Необходимо установить более тесный контакт в работе и добиться должной комплексности в проведении исследований и обобщении их результатов.

В современных условиях, как это не раз указывал в своих решениях ЦК КПСС, огромное значение имеет пропаганда марксистско-ленинской идеологии и подлинно научных знаний. Советские этнографы не выполнят полностью своего долга перед народом, если не доведут результаты своих исследований до широкого читателя. Только при этом условии этнографические исследования принесут ту пользу, которую они могут дать. Надо учитывать также, что сейчас, когда расширяются наши культурные связи с другими народами, когда к нам приезжает все больше гостей и туристов из разных стран, а советские люди посещают все

⁷ Наука и строительство коммунизма, «Коммунист», 1961, № 9, стр. 7.

страны мира, очень важно знать историю, условия жизни и обычаи тех народов, с которыми приходится встречаться. Этнографы должны дать эти знания. Не менее важно дать зарубежному читателю, желающему знать правду о жизни народов Советского Союза, книги, показывающие образ жизни наших народов, раскрывающие те грандиозные изменения, которые произошли и происходят в их быту и культуре. Такие работы будут противостоят недостоверным, а порою заведомо клеветническим сведениям о жизни советских народов, распространяемым буржуазной печатью.

В области популяризации этнографических знаний сделано еще очень мало. Изданы «Очерки общей этнографии», дающие краткие сведения о современных народах мира, опубликовано несколько научно-популярных работ, но этого совершенно недостаточно. Пропаганде этнографических знаний необходимо уделить более серьезное внимание.

Претворяя в жизнь исторические решения XXI съезда КПСС, этнографы СССР добились заметных успехов в разработке актуальных проблем современности, в приближении научных исследований к практике коммунистического строительства, в популяризации этнографических знаний. Но предстоит сделать несравненно больше. Нет сомнения, что, готовясь вместе со всем народом достойно встретить XXII съезд партии, советские этнографы ускорят преодоление недостатков, еще имеющих в их работе, и сосредоточат все свои усилия на создании обобщающих научных трудов, достойных нашей великой эпохи и нашего народа — творца коммунистического общества.

В. К. ГАРДАНОВ, Б. О. ДОЛГИХ, Т. А. ЖДАНКО

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У НАРОДОВ СССР *

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунистического общества обуславливает и новый этап в развитии национальных отношений в СССР. В семилетнем плане, предусматривающем огромный рост хозяйства союзных республик, четко выражена ленинская национальная политика, обеспечивающая всесторонний дальнейший расцвет экономики и культуры всех народов многонационального Советского государства. В то же время социалистическое разделение труда, рост новых, многообразных форм экономических и культурных связей, товарищеского сотрудничества, взаимопомощи и дружбы — создают прочную основу для все более тесного сближения народов нашей страны.

Таким образом, современный исторический этап развития национальных взаимоотношений в Советском Союзе характеризуется все более прогрессирующим, глубоким процессом сближения социалистических наций, процветающих и достигших огромных успехов на путях строительства коммунизма.

* * *

Теоретические основы проблемы развития социалистических наций и народностей в процессе их движения к коммунизму разработаны и освещены в ряде трудов В. И. Ленина и важнейших программных документах Коммунистической партии. Они получили отражение в решениях XX и XXI съездов партии, в постановлениях пленумов ЦК КПСС, в планах развития народного хозяйства и практически уже претворяются в жизнь. Большое значение поэтому имеют исследование и обобщение конкретных путей национального развития, пройденных различными народами Советского Союза с первых лет Советской власти до настоящего времени, и выявление складывающихся на современном историческом этапе национальных взаимоотношений.

Для исследования сложной проблемы современных процессов национального развития и их дальнейших перспектив необходимы данные разных гуманитарных наук: философии, истории, этнографии, экономики, права, языкознания, литературоведения, искусствоведения и др. Одним из важных вопросов, подлежащих исследованию главным образом по данным этнографической науки, является вопрос о тех процессах этнического развития, которые происходят сейчас в нашей стране.

В связи с этим Институт этнографии АН СССР приступил к исследованию современных процессов национального развития в различных районах Советского Союза — в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье, на Крайнем Севере и др. с привлечением полевых этнографических

* В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР 4 апреля 1961 г.

материалов и путем анализа данных всесоюзных переписей населения¹. Ставится задача изучить и проанализировать состояние каждого этнического образования, включая по возможности и самые мелкие из них, выявить пути их дальнейшего развития, сближения, а в некоторых случаях и слияния. Поскольку эта работа еще только разворачивается, в настоящее время можно обобщить лишь предварительные данные по некоторым, наиболее важным, аспектам изучаемой проблемы.

Современные процессы этнического развития в СССР протекают в основном по двум направлениям:

1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей;

2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни — процесс, сопровождающийся созданием общесоветских форм культуры и быта.

Эти процессы происходят, естественно, неодинаково и, как мы увидим, неравномерно в разных районах страны, но протекают параллельно уже с первых лет Советской власти. При этом первое из указанных направлений имело наибольшее значение на ранних этапах развития советского общества, вплоть до окончательной победы социализма в нашей стране, а второе выдвигается на первый план, приобретает все больший размах и актуальность на современном историческом этапе, в период развернутого строительства коммунистического общества.

* * *

Как известно, историческая база образования социалистических наций у различных народов СССР была неодинаковой, что зависело от того уровня социально-экономического и этнического развития, на котором они находились в период установления Советской власти². У крупнейших и наиболее развитых народов — русских, украинцев, белорусов, грузин, армян и других после установления Советской власти начался процесс преобразования старых буржуазных наций в нации социалистические. Иначе протекал процесс формирования социалистических наций у таких народов, которые не прошли стадию капитализма и не успели стать буржуазными нациями. К этой группе принадлежало большинство народов окраин дореволюционной России, в том числе народы Средней Азии и Казахстана, Северного Кавказа и Дагестана, Урало-Поволжья и Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Значительная часть из них сформировалась в народности еще в эпоху средневековья, но в условиях помещичье-буржуазного строя, политического и национального гнета царизма, преобладания во многих районах страны докапиталистических — феодальных, полufeодальных и даже местами дофеодальных отношений — их этническое развитие тормо-

¹ В. К. Гарданов, Работа Дагестанской экспедиции в 1950 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIV, М., 1952, стр. 34—38; Л. И. Лавров, Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIX, М., 1953, стр. 3—7; «Народы Дагестана», Сборник статей под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева, М., 1955; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), «Сов. этнография», 1960, № 2; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнических групп в Ферганской долине, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XLVII, М., 1959; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганского оазиса, Нукус, 1959; И. О. Гурвич, Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии, «Сов. этнография», 1960, № 5 и др.

² См. Резолюцию X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7-ое, 1954, стр. 558—563.

зилось, и в их составе устойчиво сохранялось множество мелких замкнутых, обособленных этнографических групп — остатков тех древних и средневековых племен, которые на протяжении многих веков принимали участие в этногенезе данной народности.

В результате вплоть до Октябрьской революции в составе ряда давно сложившихся крупных народностей и некоторых наций сохранялись внутренние этнические перегородки и устойчивые группы населения инонационального происхождения. Последнее являлось нередко следствием наличия в среде указанных народов осколков других народностей, заброшенных некогда волнами бурных политических событий в отдаленные от своей первоначальной родины области и затем воспринявших язык, многие черты культуры того народа, на территории которого они стали обитать и с которым они ныне постепенно сливаются (например, арабы, цыгане, ирани, среднеазиатские евреи — в Средней Азии). Гораздо большее значение и распространение имело, однако, сохранение в составе основной народности локальных групп населения того же этнического корня, обособившихся из-за исторических, природно-географических условий или по другим причинам и сохранивших местные диалекты и некоторые самобытные этнографические черты. Наконец, очень многие из этнографических групп, сохранившихся вплоть до Советской эпохи, составляли по своему генезису прежние племена и роды, которые, несмотря на многовековое существование по соседству или в составе классовых рабовладельческих и феодальных обществ, устойчиво сохраняли родовые традиции и черты племенного быта. Следует особо подчеркнуть, что вследствие общей социально-экономической отсталости даже сформировавшиеся в эпоху капитализма на юго-восточных окраинах страны буржуазные нации еще сохраняли к моменту социалистической революции остатки этнических подразделений докапиталистической эпохи.

Возьмем, к примеру, грузин, у которых, хотя и сформировалась во второй половине XIX в. буржуазная нация, но в то же время еще в первые десятилетия XX в. сохранялись многочисленные внутренние подразделения, восходившие к прежним племенным и политическим членениям грузинского народа. Главнейшими и наиболее самобытными из них оставались: карталины, кахетины, гудамкарцы, мтиульцы, хевсуры, пшавы, тушины, мохевцы, имеретины, рачинцы, гурийцы, аджарцы, месхи, джавахи. У ряда народов Советского Востока в первые годы социалистического строительства еще значительную и очень отрицательную роль играли пережитки деления населения на родоплеменные группы, продолжающееся влияние феодально-родовой верхушки, традиция расселения родовыми группами, остатки родового общинного водопользования и землепользования и т. п. Как известно, в некоторых из этих районов буржуазные националисты развивали «теорию» «вращения рода в социализм», протаскивая в годы коллективизации в правления колхозов и в местные советы родовых старшин, баев и феодалов.

Отрицательно отражались пережитки родоплеменного деления и на национальном развитии народов. Историко-этнографические исследования выявляют чрезвычайную сложность родоплеменных структур, существовавших у некоторых народов СССР в сравнительно недалеком прошлом. В последние годы наиболее тщательно родоплеменной строй был изучен на материалах народов Сибири, киргизов, туркмен, каракалпаков, башкир, дагестанцев и др.³ Полученные данные показывают,

³ См. например: Я. Р. Винников, Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории южной Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956; С. М. Абрамзон, Этнический состав киргизского населения северной Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М., 1950; Р. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I, Уфа, 1957.

что, в процессе складывания народностей в феодальный и капиталистический периоды еще долго сохранялось в виде пережитка бывшее разделение на племена и роды. Так вплоть до XIX — начала XX в. каракалпаки делились на 12 крупных племен, более 120 больших родовых групп и множество мелких и мельчайших подразделений; в составе башкир насчитывалось 28 племен, 102 рода и также бесчисленные мелкие родовые группы; чрезвычайной родоплеменной раздробленностью отличались горцы Кавказа, в частности дагестанцы.

Следует отметить, что изучение родоплеменного состава, расселения родовых и племенных групп, составление детальных историко-этнографических карт, ставшие важной частью работ экспедиций Института этнографии Академии наук СССР, в настоящее время проводится этнографами не только в целях исследования вопросов исторического прошлого (этногенез, история социального строя, семейно-бытового уклада и пр.) — имеет все это большое значение для изучения современных этнических процессов, так как дает для него исходный материал, картину этнического состояния каждого народа в 1920—1930-х гг., т. е. на начальном этапе консолидации социалистических наций.

Как показывает изучение процессов этнического развития народов СССР, огромную роль в их национальной консолидации сыграло образование соответствующих национальных республик и областей. Создававшаяся и укреплявшаяся на основе советского строя национальная государственность народов СССР явилась важнейшим условием их успешного всестороннего развития на пути к коммунизму. Советская национальная государственность стала тем главным орудием, при помощи которого Коммунистическая партия и Советская власть направляли экономическое, политическое и культурное развитие освобожденных Великой Октябрьской социалистической революцией народов колониальных окраин России, ранее угнетенных и отсталых.

Успехи в социалистическом строительстве и тесно связанные с ними успехи в национальной консолидации способствовали переходу к более высоким формам национальной государственности — преобразованию ряда автономных республик в союзные, а ряда автономных областей в автономные республики. Победа социализма в СССР и происшедшие в результате этого коренные изменения в классовой структуре советского общества, в духовном облике советских людей завершили в основном процесс формирования социалистических наций и народностей в нашей стране, а также процесс складывания их национальной государственности, что и было зафиксировано в новой Конституции СССР 1936 г. Это, однако, не означает, что в дальнейшем в национальном развитии народов СССР не произошло и не происходит никаких изменений. Наоборот, переход к строительству коммунизма открыл перед народами нашей страны новую эпоху их жизни и, следовательно, новый этап в их национальном развитии. Сложившиеся в СССР социалистические нации и народности продолжают и ныне свое развитие по пути к коммунизму.

Сущность современных этнических процессов, связанных с консолидацией и дальнейшим развитием социалистических наций, выражается прежде всего в исчезновении обособленности и замкнутости мелких этнографических групп, постепенном слиянии их с социалистическими нациями, в росте монолитности этих наций. Данные переписей населения в сочетании с этнографическими материалами хорошо отражают этот прогрессивный процесс этнического сближения и слияния, происходящий в условиях социалистического строя, при полном равноправии всех групп населения, естественно и добровольно, без какого-либо элемента давления извне, со стороны административных органов той или другой республики; этим происходящий в условиях нашей советской

действительности этнический процесс в корне отличается от политики насильственной ассимиляции, практиковавшейся в царской России и приводившей нередко к трагическим последствиям — вымиранию целых народностей.

В первые годы Советской власти, когда процесс формирования социалистических наций в нашей стране только начинался и особенно слабо проявлялся на ее окраинах, сознание принадлежности к определенному племени или другой этнографической группе еще нередко преобладало у многих народов СССР над их национальным самосознанием, что отразилось в материалах тогдашних переписей населения. Так, в переписи 1926 г. мы видим еще много родоплеменных групп.

Возьмем, к примеру, узбеков, часть которых (так называемые полукочевые узбеки) сохраняла родоплеменное деление. Помимо собственно узбеков (численностью 3905 тыс. чел.)⁴, переписями 1917 и 1926 гг. были отдельно учтены такие этнографические (родоплеменные) группы узбекского народа, как тюрки, общая численность которых превышала 60 тыс. чел.⁵ (в Ферганской долине их насчитывалось около 24 тыс. чел.)⁶, кипчаки (33,5 тыс. чел.)⁷, курама (50 тыс. чел.)⁸. Все они, хотя и были узбекоязычны, считали себя обособленными от узбеков; в частности, ферганские тюрки даже в паспортах в графе «национальность» обычно проставляли свое племенное название.

В переписи 1959 г. кураминцы уже не фигурируют. Они окончательно слились с узбеками. Из кипчаков Ферганы назвали себя так всего около 100 чел.; к группе же тюрков причислили себя (главным образом в Фергане и Самаркандской области) немногим более 4 тыс. чел. Полевые этнографические исследования, проводившиеся экспедициями Института этнографии АН СССР и Академии наук УзССР в Ферганской долине в 1951—1954 гг.⁹, также подтвердили, что бывшая обособленность родоплеменных узбекоязычных групп по существу там уже исчезла и окончательная победа в ближайшем будущем их национальной самосознания как узбеков не вызывает сомнений.

Сильно продвинулся начавшийся еще до революции процесс сближения и слияния с узбеками вкрапленных в их среду каракалпаков в Ферганской долине и особенно, как показывают новейшие исследования экспедиций Каракалпакского филиала АН УзССР, в Самаркандской области¹⁰.

Идет процесс слияния этнографических групп с основной нацией и в среде таджиков, у которых нет родоплеменного деления, но среди которых издавна обособленно жили в горных районах мелкие народности, сохранявшие свои древние языки, существенно отличавшиеся от таджикского, хотя большая часть этих народностей издавна владела, кроме своего языка, и таджикским. Речь идет о ягнобцах и так называемых припамирских народах. Данные переписей характеризуют процесс постепенного сближения этих групп с таджиками. Так, жители верховий Зеравшана ягнобцы были учтены переписью 1926 г.

⁴ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XVII, М., 1928, стр. 12.

⁵ Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 6.

⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XV, Узбекская ССР, стр. 144—149; т. VIII, Киргизская ССР, стр. 216, 219.

⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XVII, стр. 12.

⁸ Там же.

⁹ Ш. И. Иногамов, Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Автореферат кандид. диссертации, Ташкент, 1955; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.

¹⁰ Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины; ее же, Этнографическая группа «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области, «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР», Нукус, 1960, № 2.

в числе 1,8 тыс. чел.¹¹, при переписи 1959 г. ягнобцами назвало себя около 600 чел., хотя своим родным языком назвало ягнобский примерно то же число, что и в 1926 г. Так же обстоит дело с населяющими Горно-Бадахшанскую автономную область припамирскими народами, которые теперь получили название припамирских таджиков. Переписью 1926 г. эти восемь мелких групп не были учтены; в 1939 г. они составили в общей сложности 38 тыс. чел. При переписи 1959 г. они уже не фигурируют как обособленные этнографические группы, так как все называли себя таджиками по национальности, но многие из шугнанцев, рушанцев, ваханцев, бартангцев, язгулемцев, баджуйцев на вопрос о родном языке называли свои языки, а не таджикский. В общем численность припамирских народов по языковому признаку оказалась несколько большей, чем в 1939 г., что, очевидно, помимо прироста населения, вызвано большей тщательностью проведения последней переписи в отдаленных горных районах по сравнению с предыдущей.

Однако устойчивое сохранение местных языков и некоторых этнографических различий в культуре отнюдь не отрицает реально происходящий прогрессивный процесс слияния с таджиками этих, некогда совершенно оторванных от всего мира, мелких, затерявшихся в высокогорных долинах этнографических групп; слияние происходит на основе таджикского языка, широко распространенного в среде как припамирских таджиков, так и ягнобцев. Строительство дорог, авиа- и автотранспорт, крупное промышленное строительство, рост культуры, переселение части жителей горных районов в долины нарушили вековую замкнутость этих областей.

В иной форме протекает продолжающийся в наши дни процесс этнического развития крупных социалистических наций в республиках Закавказья.

В Армянской ССР на базе социалистического преобразования буржуазной нации произошло более тесное сплочение и слияние отдельных этнографических групп армянского народа. Примерно то же произошло и в Грузии, где социалистические преобразования привели к стиранию многих этнических граней, существовавших в недрах буржуазной грузинской нации. В настоящее время внутреннее подразделение грузин потеряли свое прежнее значение, почти полностью исчезнув при формировании грузинской социалистической нации. В состав этой нации вошли теперь и считавшиеся в прошлом самостоятельными картвельские народности с особыми, родственными собственно грузинскому, языками — сваны, мегрелы, лазы. Хотя эти группы грузин отчасти сохраняют в быту (главным образом домашнем) свой прежний язык, но вся их общественно-политическая жизнь и культура развиваются на основе грузинского языка, ставшего теперь их главным средством общения. По данным переписи 1959 г., свыше 720 чел. называли своим родным языком мингрельский, сванский или лазский. Что касается национального самосознания, то лишь немногим более 10 человек называли себя мингрелами и менее 10 человек — сванами, а из 318 человек, назвавшихся лазами, родным языком своим считают лазский только 232. С грузинами почти полностью слились и проживающие в Грузии цова-тушины (бацбийцы). Хотя по современной лингвистической классификации бацбийский язык и принадлежит к нахской ветви северокавказских языков, в которую включаются также чеченский и ингушский, однако бацбийский язык, как на это указывал еще в середине XIX в. П. К. Услар испытал очень сильное влияние грузинского. Недавнее исследование бацбийского языка показало, что наиболее значительным изменениям под влиянием грузинского языка подверг-

¹¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. XVII, стр. 12.

лась лексика¹². Это обстоятельство весьма облегчило процесс приобщения цова-тушин (бацбийцев) к грузинской культуре. Длительные исторические связи и тесные взаимоотношения цова-тушин с грузинами завершились в советскую эпоху их слиянием с грузинской социалистической нацией. В настоящее время лишь несколько человек признают себя цова-тушинами, причем никто из них уже не считает своим родным языком бацбийский (цова-тушинский).

Значительные успехи достигнуты в развитии азербайджанской социалистической нации, которая вбирает в себя различные этнические группы, проживающие на территории Азербайджанской ССР. Еще задолго до Октябрьской революции в Азербайджане начался процесс ассимиляции ираноязычных татов и талышей. Ныне эти народности в значительной мере слились с азербайджанцами, входя, таким образом, в состав азербайджанской социалистической нации. Однако азербайджанские талыши еще сохраняют определенные этнографические особенности в культуре и быту¹³. Несколько иначе обстоит дело с азербайджанскими татами. Татов по переписи 1926 г. насчитывалось более 28 тыс. чел. (часть учтенных в 1926 г. татов проживала на территории Дагестана). По переписи 1959 г. насчитывается 11 тыс. татов, причем теперь главную часть их составляют небольшие изолированные группы в Дагестане и нагорной части Азербайджана, а основная масса азербайджанских татов, в том числе таты Бакинского района (Апшерона), в настоящее время уже полностью вошла в состав азербайджанской социалистической нации и по своему самосознанию признает себя азербайджанцами. Аналогичное положение наблюдается и среди удинов, древнейших обитателей Азербайджана, сыгравших важную роль в этногенезе азербайджанцев. Ныне азербайджанские удины почти окончательно слились с азербайджанцами и лишь небольшие отдельные группы продолжают считать себя удинами.

Своеобразно проходит процесс национального развития народов Северного Кавказа, которые вплоть до Октябрьской революции сохраняли много черт родоплеменного быта и не успели к этому времени этнически окончательно консолидироваться. После установления Советской власти, в процессе социалистического строительства они достигли такого единства в экономическом, политическом и культурном отношении, что сложились в социалистические нации и народности. Таким образом, народы Северного Кавказа, не успевшие до Октябрьской революции пройти капиталистический путь развития, в условиях советского строя в кратчайший исторический срок совершили гигантский шаг в своем национальном развитии, миновав фазу буржуазных наций.

В результате национальной консолидации внутри социалистических нации и народностей Северного Кавказа исчезли прежние деления на племена, «общества», являвшиеся пережитками патриархально-феодальных отношений. Так, например, адыгейцы вплоть до революции делились на племена абадзехов, бесленеевцев, бжедухов, темиргоевцев, шапсугов и т. д.; абазины — на две основные ветви тапанта и шкарау, внутри каждой из которых сохранялись деления на шесть племен; оалкарцы — на «общества» баксанцев (урусбиевцев), чегемцев, хуламцев, безенгиевцев, мадкарцев. На племена и «общества» делились также осетины, ингуши, чеченцы и другие северокавказские горцы. Следы этих прежних внутренних делений народов Северного Кавказа ныне едва различимы, хотя до Октябрьской революции они еще довольно отчетливо отражались в уровне социально-экономического развития, отдельных элементах материальной культуры и диалектальных особен-

¹² Ю. Д. Дешириев, Бацбийский язык, М., 1953.

¹³ С. М. «Очерки общей этнографии», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова. Азиатская часть СССР, М., 1960, стр. 90—92.

ностях языка соответствующих этнографических групп адыгейцев, абазинцев, балкарцев, осетин, чеченцев.

Помимо глубоких социально-экономических преобразований, проведенных в советскую эпоху, важную роль в национальной консолидации народов Северного Кавказа сыграла культурная революция и, в частности, создание письменности на родном языке. Формирование единых литературных языков у младописьменных народов Северного Кавказа весьма способствовало успешному развитию их национальной культуры, постепенному стиранию диалектальных особенностей в языке и упрочению представлений о единой национальной принадлежности у ранее обособленных этнографических групп данного народа, пережиточно сохранявших еще в недавнем прошлом память о своей родоплеменной принадлежности в противовес общенациональному самосознанию.

Говоря о современных процессах этнического развития у народов Северного Кавказа, следует особо выделить Дагестан, население которого даже на фоне многонационального Кавказа до сих пор отличается чрезвычайным многоязычием и большой этнической дробностью. Естественно, что в этих условиях процессы этнического развития и национальной консолидации принимают весьма сложные формы.

В Дагестанской АССР в настоящее время насчитывается около 30 народов и этнографических групп с самостоятельными языками и более 70 учтенных диалектов. В состав коренного населения Дагестанской АССР входит большая группа народов кавказской языковой семьи, а также тюркоязычные кумыки и ногайцы, ираноязычные таты и горские евреи. К народам, говорящим на кавказских языках, принадлежат такие крупные народы Дагестана — как аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы, табасаранцы. На языках этих народов после Октябрьской революции создана письменность, развивается национальная литература и ведется преподавание в начальных классах средней школы. Это обстоятельство, а также давние исторические связи, близкое соседство, весьма усилившиеся в советское время экономические связи привели к тому, что некоторые из названных основных народностей Дагестана стали ядром для консолидации вокруг них более мелких этнических групп, близких к ним по языку, быту и культуре.

Важное место в этом процессе занимают аварцы с издавна тяготеющими к ним тринадцатью соседними народностями так называемой андо-цезской (андо-дидойской) группы и арчинцами. Консолидирующаяся вокруг аварцев этническая группа населяет в основном западные районы Дагестанской АССР. Она включает составляющих одну языковую ветвь с аварцами: андийцев, ахвахцев, багулалов (квандунов), ботлихцев, годоберинцев, каратинцев, тиндалов, чамалалов (входящих в андийскую подгруппу), бежтинцев (канучинцев), гунзебцев, гинухцев, хваршинцев и цезов (входящих в цезскую, или дидойскую подгруппу), а также арчинцев, занимающих по своему языку промежуточное положение между аварской и лезгинской ветвью дагестанских языков¹⁴. Консолидирующаяся вокруг аварцев этническая группа формируется в крупнейшую народность Дагестана. Ее численность по данным переписи 1959 г. — 239 тыс. чел., что составляет более 22% всего населения Дагестанской АССР. Основным языком общения для

¹⁴ Еще П. К. Услар указал на наличие у собственно аварцев и андо-цезов общего языка («болмац» — войсковой язык). См.: П. К. Услар, *Этнография Кавказа. Языкознание*, т. II, Тифлис, 1899, стр. 5. Советские лингвисты М. С. Саидов и Ш. И. Микаилов отметили, что «болмац», бывший вначале средством устного общения народностей аварской группы, с XVIII в. приобрел письменную форму и положил начало литературному языку аварцев. См.: М. С. Саидов, Глухой лагтеральный л и глухой заднеязычный х в аварском литературном языке, Сб. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М., 1948; его же, Возникновение письменности у аварцев, Сб. «Языки Дагестана», в. I, Махачкала, 1948; Ш. И. Микаилов, Пути образования аварского литературного языка, Сб. «Языки Дагестана», в. II, Махачкала, 1954.

данной группы стал аварский, хотя андо-цезы и арчинцы продолжают еще пользоваться в быту своими родными языками¹⁵.

Следующей по численности консолидирующейся группой дагестанских народностей является даргинская, занимающая центральные районы Дагестана. В эту группу, кроме даргинцев, входят также близко родственные им кайтагцы и кубачинцы, языки которых раньше обычно рассматривались как самостоятельные, а ныне считаются диалектами даргинского языка. Языковая близость кайтагцев и кубачинцев с даргинцами облегчила процесс их национальной консолидации, который можно считать в основном завершенным. Даргинцев по переписи 1959 г. насчитывается 148 тыс. чел., что составляет 14% населения Дагестанской АССР.

Сложна по своему составу группа дагестанских народностей, говорящих на языках лезгинской ветви. В нее входят лезгины, табасаранцы, агулы, рутульцы и цахуры, занимающие юго-восточные районы Дагестана. По переписи 1959 г. численность лезгин в СССР составляет 223 тыс. чел., из них 98 тыс. проживает в Азербайджане. На долю собственно дагестанских лезгин приходится около 109 тысяч человек, что составляет более 10% населения Дагестана. Табасаранцев насчитывается ныне 35 тыс. чел. Поскольку они, как и лезгины, имеют свою письменность¹⁶, их национальная культура развивается самостоятельно, хотя среди табасаранцев имеет довольно значительное распространение и лезгинский язык.

Одно время считалось, что малые бесписьменные народы Дагестана, говорящие на языках лезгинской ветви, сливаются с лезгинами и теряют свои этнографические особенности. Такое представление, оказавшееся, как это потом выяснилось, неправильным, привело, в частности, к тому, что в изданной при участии Института этнографии карте народов СССР среди дагестанских народов не были указаны рутульцы и цахуры, а их территория была обозначена той же краской, что и территория лезгин. В то же время в самом Дагестане при учете населения местные органы перестали выделять рутульцев и цахуров как особые народности, а причисляли их к лезгинам. Более глубокое изучение процессов консолидации народов Дагестана, проведенное Дагестанской экспедицией Института этнографии в 1950—1954 гг., внесло уточнение и в вопрос о малых народах Дагестана, говорящих на языках лезгинской группы. Выяснилось, что несмотря на определенные факты растущего сближения этих народов с лезгинами, говорить в настоящее время о их слиянии с последними преждевременно. Здесь прежде всего надо учитывать их языковую разобщенность. Принадлежность к одной языковой группе еще не означает, что агулы, рутульцы и цахуры могут общаться на своих родных языках с лезгинами, для этого требуется знание лезгинского языка. Между тем степень его распространенности среди малых народов лезгинской группы сравнительно незначительна и далеко не одинакова. Наибольшее распространение лезгинский язык получил среди агулов, многие из которых знают этот язык и пользуются лезгинской письменностью. Что же касается рутульцев и цахуров, то большинство их лезгинского языка не знает.

Нужды экономического и культурного развития народов Дагестана требуют скорейшего изживания их этнической дробности, являющейся следствием былой вековой замкнутости и изолированности мелких групп населения, обитавших в горных, до недавнего времени трудно доступных районах этой «страны гор».

¹⁵ Некоторые исследователи причисляют арчинский язык к лезгинской группе, отмечая, однако, сильное влияние на него аварского и лакского языков. См. Е. А. Бокарев, Дагестанские языки, в кн.: «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959, стр. 248, 260.

¹⁶ Письменность табасаранцев создана сравнительно недавно — в 1932 г.

Социалистические преобразования и проходящие на их базе процессы национальной консолидации в корне изменили жизнь дагестанских горцев, сплотили их и раскрыли им широкие двери в окружающий мир. Если прежде лишь небольшая часть населения, главным образом взрослые мужчины, выходили за пределы своих сельских общин и вступали в общение с окружающим миром, то теперь все население независимо от пола, начиная с детей школьного возраста, через завод, колхоз, школу при помощи печати и радио находится в постоянном общении с окружающим миром, масштабность которого для рядового дагестанца неизмеримо выросла. Если прежде дагестанскому горцу для того, чтобы отправиться на базар в соседний аул, нередко необходимо было знание другого языка, пользуясь которым он, однако, не мог двинуться дальше, так как распространение и этого второго языка было ограничено сравнительно небольшой территорией, то теперь, благодаря появлению дагестанских литературных языков и распространению их среди целой группы родственных народностей, для представителя даже самой малой народности Дагестана создавалась возможность с помощью одного из этих языков не только общаться с значительным кругом своих соплеменников, но и активно участвовать в развитии национальной культуры, литературы, искусства.

Отсюда ясна вся историческая прогрессивность национальной консолидации малых народностей Дагестана вокруг родственной им народности, имеющей свою письменность и литературный язык.

Но наряду с этим в Дагестане в настоящее время с все большей интенсивностью проявляется и вторая тенденция, выражающаяся в процессе создания общедагестанской национальной общности.

Отдельные народности Дагестана, сплачиваемые общностью экономической и культурной жизни в рамках единой автономной республики, все больше осознают себя не только аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами и т. д., но и дагестанцами. В силу многоязычия Дагестана главным языком межнационального общения здесь естественно стал русский. Он в подлинном смысле слова стал вторым родным языком всех народов Дагестана. Теперь аварец и лезгин, кумык и лак, даргинец и табасаранец, встречаясь, разговаривают между собой, как правило, по-русски. При национально смешанных браках, которые теперь стали обычным явлением в Дагестане, где до недавнего времени была распространена эндогамия, поддерживавшая родоплеменную изолированность¹⁷, жена и муж, а в городских условиях и их дети нередко объясняются между собой только на русском языке.

О распространенности русского языка в Дагестанской АССР свидетельствует также и то, что отдельные мелкие народности этой республики (цахуры, рутульцы) предпочитают не переходить на язык соседней, более крупной народности Дагестана, имеющий письменность, а вести обучение своих детей с первого же класса на русском языке.

Таким образом, на основе русского языка происходит процесс дальнейшего объединения народностей Дагестана.

Своеобразную картину этнического развития мы наблюдаем и у народов Сибири и Крайнего Севера. До Октябрьской социалистической революции из народов Сибири только якуты и буряты оформились как народности. Так называемые малые народы Севера: чукчи, коряки, эвены, эвенки, ханты, манси и др. — представляли собой своеобразные ранние этнические образования; у некоторых из них почти в первобытных формах сохранялись племенные и родовые деления. Народы Сибири и Севера были самыми отсталыми этническими группами на

¹⁷ Характерная для Дагестана форма заключения брака между ближайшими родственниками была, по справедливому мнению Л. И. Лаврова, одной из специфических причин сохранения здесь многоязычия. См. Л. И. Лавров, О причинах многоязычия в Дагестане, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 202—203.

территории нашей страны. Потребовался целый ряд специальных политических, экономических и культурных мероприятий советской власти для того, чтобы поднять их жизненный уровень и культуру. У наиболее крупных народов Сибири — бурят и якутов были образованы автономные республики. В результате социалистических преобразований буряты и якуты оформились как социалистические нации. Алтайцы, хакасы, тувинцы образовали автономные области.

Особенно показателен факт национальной консолидации алтайцев и хакасов. До революции те и другие были лишь группами разрозненных племен; только за годы советской власти они консолидировались в социалистические народности, огромную роль в чем сыграло образование их национальных автономий. Расселенные на огромных пространствах малые народы Севера частично были объединены в национальные округа и районы, что также способствовало сближению отдельных частей этих этнических групп. У ряда малых народов Севера (чукчи, коряки, эвены, эвенки, ханты, манси, селькупы, нанайцы и др.) создана письменность на родном языке. Все эти факты способствуют подъему культуры народов Сибири и Севера и изживанию их отсталости. Однако ни в одной из автономных республик, областей и округов Сибири коренные народности не составляют большинства, так как там живет много русских, украинцев, белорусов и др. Часть их живет здесь давно, другие приехали в годы советской власти в связи с развитием в Сибири социалистической промышленности и сельского хозяйства.

В результате перестройки хозяйства и быта усилилось сближение и слияние некоторых малых народов Севера с якутами, коми, русскими, хотя этот процесс еще далек от завершения. Аналогичные процессы наблюдаются и в других частях Советского Союза, например в Поволжье, где отдельные группы мордвы, чувашей, марийцев и других народов, оказавшись среди массы русского населения, постепенно сливаются с ним.

* * *

Следует признать, что существуют еще явления, тормозящие прогрессивный процесс изживания обособленности и замкнутости малых этнографических групп, процессы этнического развития наций. В некоторых республиках были попытки искусственного форсирования слияния малых народностей с основной нацией. Такие действия, в корне противоречащие национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства, наносят безусловный вред успешному ходу в наших советских условиях естественного процесса сближения мелких этнических групп населения с данной крупной социалистической нацией, мешают безболезненному включению их в состав этой нации в будущем.

Все еще встречаются случаи нечуткого отношения к национальному самосознанию представителей малых народностей, тогда как психологическая сторона дела в правильном решении национальных взаимоотношений, как это подчеркивал В. И. Ленин¹⁸, имеет огромное значение.

Часто сближению с крупной нацией препятствуют религиозные различия и предрассудки. Наконец, большую отрицательную роль играет сохранение в быту пережитков архаических обычаев и обрядов, олицетворявших в прошлом единство рода и силу родовых связей в общине.

Так, в Средней Азии, на Кавказе до сих пор широко распространены традиционные многократные поминки по умершему, в которых принимает участие огромное число его сородичей; сородичи, как и в былые

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 452.

времена, помогают собрать деньги на похороны, свадьбу и калым, который, несмотря на запрет его советским законодательством, продолжает еще бытовать в некоторых местах. Бывают случаи круговой поруки сородичей, ведущей к служебным преступлениям, к укрывательству хищений государственной собственности и т. п. У некоторых народов до сих пор еще не потеряли силы законы родовой экзогамии, запрещающие браки даже между далекими сородичами. Давно уже известно, что считающийся положительной народной традицией обычай «почитания старших» нередко является пережитком вредного патриархального обычая слепой покорности старикам — аксакалам, определявшим прежде своими консервативными взглядами «общественное мнение» в селении или ауле. К сожалению, население еще и теперь слишком иногда считается с отсталым, проникнутым бытовыми и религиозными предрассудками, мнением старшего поколения при решении семейно-бытовых вопросов, что тормозит искоренение старых обычаев и обрядов.

Не так давно была опубликована статья секретаря ЦК Коммунистической партии Киргизии тов. А. Казакбаева, в которой отмечалось, что в Киргизии нередко приходится сталкиваться с такими патриархальными пережитками, как родовое местничество, выкуп за невесту, многоженство и т. д. «В колхозах и совхозах порой спрашивают, — пишет он, — почему председатель колхоза или заведующий фермой избран из такого-то рода, а не из другого? Безусловно, ревностные защитники таких пережитков прошлого встречаются все реже, но они еще продолжают наносить вред нашему общему делу»¹⁹.

Особенно важно отметить, что патриархальные обычаи иногда защищаются национальной интеллигенцией, не уклоняющейся от деятельного участия в их соблюдении; при этом распространяется ложная формулировка, что тот или иной обычай — это «наш национальный закон», другими словами — противостоящие советскому быту архаичные обычаи признаются национальными формами быта. Зачастую и общественные организации, актив, как пишет автор упомянутой статьи, предпочитают не вмешиваться в эти дела, не создают вокруг них осуждающего общественного мнения — из-за боязни «нарушить национальные традиции». Автор статьи напоминает, что постановление ЦК КПСС о задачах партийной пропаганды требует непримиримой борьбы против этих пережитков буржуазного национализма, против восстановления и искусственного насаждения под маркой «национальных традиций» отсталых, реакционных обычаев и нравов.

* * *

Наряду с продолжающимся развитием социалистических наций происходит общий процесс сближения наций и народностей СССР, протекающий одновременно в двух направлениях: а) путем все большего сближения социалистических наций и народностей в пределах крупных историко-этнографических областей; б) путем сближения народов в общесоюзном масштабе, что сопровождается формированием общесоветских традиций и черт бытового уклада, высших коммунистических форм сотрудничества и ростом дружественных братских связей народов нашей страны, у которых общие коренные интересы.

Процесс регионального сближения населения наблюдается в таких крупных областях нашей страны как Средняя Азия, Кавказ и др. Народы, населяющие эти области, с древнейших времен находились между собой в тесном экономическом и культурном контакте. Они связаны общими историческими судьбами и иногда родственны по своему происхождению. Сходство природно-географических условий и многовековой культурный обмен повлекли за собой формирование у них многих

¹⁹ А. Казакбаев, Традиции или пережитки? газ. «Известия», 8 июня 1960 г.

сходных приемов хозяйственной деятельности и общих черт культуры. С точки зрения экономики это крупные экономико-географические области, с точки зрения этнографии — крупные историко-этнографические области. Именно в этих областях были выработаны ценные трудовые навыки, до настоящего времени не потерявшие значения: они учитываются в целях сохранения и совершенствования их в генеральной перспективе развития народного хозяйства нашей страны.

Так, в Средней Азии наиболее ценным из традиционных хозяйственных навыков исконных жителей земледельческих оазисов — таджиков, узбеков, туркмен и каракалпак — является ирригационное земледелие, существовавшее здесь в некоторых районах уже с IV—III тысячелетий до н. э. Народы Средней Азии выработали особые, своеобразные приемы орошения в разных природных условиях — в оазисах, горах, предгорьях и в дельтовых областях. Трудовые навыки горного скотоводства у киргизов и части таджиков, степного — у казахов и киргизов, пустынного — у туркмен сочетаются с унаследованной ими от своих предков приспособленностью к труду и быту в суровых природных условиях этих районов.

Особые историко-этнографические и хозяйственные области представляют собой Южная Сибирь и особенно Крайний Север. Народы Сибири и Крайнего Севера в течение многих веков выработали необходимые в местных географических условиях специфические трудовые навыки. Как известно, промышленные очаги занимают на Севере очень ограниченную территорию. Обширные пространства тайги и тундры, занимающие около трети всей территории СССР, охватывают малые народности Севера, общая численность которых — всего 130 тыс. чел. На этих огромных пространствах пока вполне рентабельными отраслями сельского хозяйства остаются оленеводство, охота и морской зверобойный промысел, рыболовство. Народы Севера накопили необходимые практические навыки для ведения этих отраслей хозяйства. Достаточно сказать, что почти все поголовье оленей Советского Союза — 2 млн. голов обслуживают пастухи только из малых народов Севера. Выработанные народами Севера типы полярной одежды и обуви получили широкое распространение среди всего населения Севера.

Большое народнохозяйственное значение имеет и трудовой опыт народов Кавказа, в частности — навыки горного земледелия и скотоводства. В течение многих веков население горных районов Кавказа выработало различные способы обработки земли, приспособленные к местным условиям. Например, в Дагестане издавна применяется террасовая обработка земли под зерновые культуры и фруктовые деревья с использованием искусственного орошения. При этой системе рационально используются даже самые маленькие земельные участки.

Помимо специфических, своеобразных, тесно связанных с местными естественноисторическими условиями традиционных общих черт хозяйства у народов, населяющих крупные историко-этнографические области, издавна сложились и традиционные общие черты материальной и духовной культуры, часть которых (общие религиозные верования, обычаи, обряды) в условиях социалистической современности отжила или отживает свой век, часть же не только сохраняет свою ценность в настоящее время, но, возможно, сохранит ее и в коммунистическом будущем, когда будет происходить уже процесс не сближения, а слияния наций; в какой-то творчески переработанной форме эти черты будут присущи населению определенных областей и районов, составляя своеобразие местного культурно-бытового уклада. Речь идет об умелом и целесообразном творческом использовании многих ценных элементов народного опыта: в области рациональной планировки и ориентации жилищ, максимальной приспособленности их к климату данной области, о практических формах одежды, пищевого режима и режима трудового

дня в данных природных условиях, наконец о художественных традициях в области народного декоративного искусства и т. д.

В условиях социалистического строя исторически сложившиеся региональные связи народов, населяющих историко-этнографические области нашей страны, связи, в развитии которых и ранее никогда не играли существенной роли различие языков и государственные границы,— успешно крепнут и развиваются уже на новой, высокой, социалистической базе экономического сотрудничества и братской дружбы.

Примером такого содружества народов Средней Азии могут быть народные ирригационные стройки, проводившиеся в довоенные годы и в годы войны совместно колхозниками разных республик, строительство в пустыне Кара-Кум железнодорожной линии от Чарджоу до Кунграда и т. д. Совместными усилиями нескольких республик строились и строятся многие электростанции: Кайрак-Кумская и Уч-Курганская ГЭС, Чардаринское водохранилище на Сыр-Дарье. Три республики — Узбекистан, Таджикистан и Казахстан — объединяют свои усилия в освоении Голодной степи. Примеры таких государственных межреспубликанских экономических связей можно было бы значительно умножить; в особенности они укрепятся в ближайшие годы в связи с осуществлением грандиозных работ, намеченных январским Пленумом ЦК КПСС по орошению и освоению пустынь и дельтовых областей Средней Азии и Казахстана.

Другим примером может служить Закавказье, экономическая общность которого складывалась еще до революции, в эпоху капитализма. В условиях же Советской власти, когда народное хозяйство республик Закавказья стало развиваться по единому плану, экономические связи их неизмеримо выросли, что значительно укрепило экономические основы дружбы народов Грузии, Азербайджана и Армении. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь республик Закавказья находят яркое выражение в таких фактах, как создание единой энергетической системы Закавказья, постройка Закавказского металлургического завода им. Сталина в Грузии, работающего на железной руде из Азербайджана, сооружение Закавказского магистрального газопровода, по которому газ из Карадагского месторождения Азербайджана передается через Баку в столицы Грузии и Армении — Тбилиси и Ереван.

С каждым днем растут и крепнут связи между социалистическими нациями крупных историко-этнографических областей в области науки, культуры, искусства и т. д.

В процессе постепенного сближения народов нашей страны очень важное значение имеют совместный труд и совместная жизнь групп населения соседних республик в смешанных по национальному составу колхозах, совхозах, а также на промышленных предприятиях и в городах. Иногда в таких колхозах, которых очень много, в частности, в Средней Азии и Казахстане, складывается даже обычай своеобразного разделения труда — с наиболее целесообразным использованием трудовых навыков каждой национальности: так, из таджиков, узбеков или туркмен создаются хлопководческие бригады; из числа киргизов или казахов — опытных животноводов комплектуется состав бригад, работающих на животноводческих фермах колхоза; из корейцев составляются рисоводческие бригады и пр.

Переселение колхозников и рабочих совхозов из разбросанных на прежних угодьях обособленных хуторов и мелких селений в крупные благоустроенные социалистические поселки, а также новые формы общественной, культурной жизни, семейного уклада, в частности — рост смешанных браков, ранее во многих случаях не дозволявшихся законами религии или бытовыми предрассудками,— все эти явления современной жизни являются действенными факторами прогрессивного про-

цесса сближения разных наций и мелких народностей, как в сельских местностях, так и особенно в городах.

Процесс сближения народов в общегосударственном масштабе начался еще до революции. Однако в условиях царского самодержавия этот процесс был осложнен, с одной стороны, руссификаторской политикой царского правительства, а с другой, — обострением местного национализма как реакции на эту политику. В результате осуществления ленинской национальной политики и достижения фактического равенства всех народов СССР процесс их сближения потерял свои антагонистические черты. Наиболее ярко он выразился в бескорыстной помощи более развитых наций (русской, украинской и др.) народам, отставшим вследствие колониального гнета царского самодержавия в своем экономическом и культурном развитии. Только благодаря этой всесторонней помощи в области экономики, культуры и пр. стало возможным и реальным некапиталистическое развитие этих народов и приобщение их к социализму.

С огромной силой проявились дружба и сплоченность всех народов Советской страны в годы Великой Отечественной войны. В послевоенный период огромную роль в этом сыграли стройки коммунизма и освоение целинных земель, которые вызвали всенародное движение за ускоренное развитие экономики и культуры Советской страны.

Укреплению связей между народами Советского Союза чрезвычайно способствуют правильное размещение производительных сил на территории страны, общесоюзное разделение труда, осуществляемое согласно семилетнему плану развития народного хозяйства, специализация и комплексное развитие хозяйства отдельных республик и крупных экономикогеографических районов. Все это является основой для создания высших форм экономического сотрудничества и в то же время прочной базой для роста более тесного содружества, общения и культурных связей между республиками.

Индустриализация, рост городского населения также являются важными факторами, способствующими сближению представителей разных национальностей. В этом отношении очень показательны данные переписи 1959 г., согласно которым почти все города Средней Азии, Кавказа, Прибалтики имеют чрезвычайно пестрое по национальному составу население, что делает эти города важными центрами интернационального сплочения трудящихся. Здесь на промышленных предприятиях, в советских учреждениях, школах, вузах рука об руку работают как представители коренной национальности, так и других народов Советского Союза. Все чаще теперь в колхозах и совхозах можно встретить до десяти и более национальностей, причем не только коренных, а самых различных.

Здесь уместно вспомнить недавнее выступление Н. С. Хрущева на совещании передовиков сельского хозяйства в Казахстане. «Вы должны гордиться тем, что в вашей республике дружно, единой семьей, в политическом и моральном сплочении живут и трудятся представители ста национальностей и народностей Советского Союза»²⁰.

В протекании сближения социалистических наций и малых народов СССР важнейшую роль играет русский язык, который постепенно становится их вторым родным языком. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. из общего числа населения СССР — 208,8 млн. чел., признали своим родным языком русский 124,1 млн. чел.²¹, т. е. 59,5%. Из этого числа значительную часть — 113,9 млн. составляют русские;

²⁰ «Известия», 25 марта 1961 г.

²¹ Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., Госстатиздат, М., 1960, стр. 12.

из среды других национальностей восприняли русский язык в качестве родного языка 10,2 млн. чел., т. е. около 10,8% ²². К сожалению, перепись не дает сведений о распространении русского языка в качестве второго языка, и этот общеизвестный факт мы не можем выразить точными цифрами.

В союзных республиках, несмотря на то, что здесь русский язык прочно входит в быт в качестве второго языка, в отношении родного языка отмечается стабильное положение или даже рост удельного веса населения с родным языком основной нации данной республики (в значительной степени за счет успешного процесса консолидации наций).

В настоящее время, как показала Всесоюзная перепись 1959 г., в большинстве из пятнадцати союзных республик преобладающую часть населения составляет основная нация данной республики: так, в трех республиках численность населения основной национальности превышает 80% (Армения — 88%, РСФСР — 83,3%, Белоруссия — 81,1%); в трех составляет от 70 до 80% (Литовская ССР — 79,3%, Украинская ССР — 76,8%; Эстонская ССР — 74,6%); в шести — от 60 до 70% (Азербайджан — 67,5%, Молдавия — 65,4%, Грузия — 64,3%, Узбекистан — 62,2%, Латвия — 62%, Туркмения — 60,9%); в одной — более 50% (Таджикская ССР — 53,1%) и наконец лишь в двух — менее половины (Киргизская ССР — 40,5%; Казахская ССР — 30,0%) ²³.

Эти данные убедительно говорят и о преобладании национальных государственных языков. Расцвет языков социалистических наций, прессы и огромная литература на этих языках, значение их в развитии народного образования, в культурной жизни республик — все это показывает, что широкое распространение русского языка происходит здесь отнюдь не за счет вытеснения или даже лишь уменьшения роли национальных языков, а параллельно с процессом роста и расцвета последних, т. е. в качестве второго языка. Это — важный факт, опровергающий клеветнические измышления зарубежных авторов о том, что в Советском Союзе якобы проводится руссификаторская политика.

Роль русского языка в современной жизни социалистических наций СССР хорошо выразил секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов в своей речи на II съезде интеллигенции Узбекистана: «Огромное значение в деле укрепления и развития связей между трудящимися разных национальностей нашей страны имеет глубокое изучение русского языка, сокровищ русской литературы, науки и техники. Благодаря русскому языку достижения каждой республики в области науки, техники, культуры становятся достоянием всех народов» ²⁴.

Особую роль русский язык играет в тех автономных республиках и областях, в которых живут несколько национальностей. Примером могут служить многонациональная Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область. В этих советских автономиях русский язык является основным средством общения между живущими там разноязычными коренными народностями.

Сходное положение наблюдается и на Крайнем Севере, где происходит интенсивное языковое и культурное сближение этнографических групп. На территории Якутской и Коми АССР малые народы нередко переходят на якутский и коми язык; с другой стороны, по всему Северу весьма ощутим процесс освоения коренными народами русского языка. Письменность и обучение на языках народов Крайнего Севера как переходный этап по приобщению этих народов к более высокой культуре

²² Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР стр. 12.

²³ Там же, стр. 13—16. О причинах некоторого уменьшения удельного веса населения коренных национальностей за период с 1939 по 1959 г. в Казахстане и ряде других республик см. там же, стр. 16.

²⁴ «Правда Востока», 12 декабря 1959 г.

сыграли в свое время весьма положительную роль. На языках народов Крайнего Севера и теперь издается значительная учебная литература, которая, однако, не всегда используется. Характерно, что сравнительно недавно чукчи Нижне-Колымского района Якутской АССР (1950 г.), коряки Корякского национального округа Камчатской области (1955—1956 гг.) сами возбудили вопрос о переводе местных школ на русский язык и добились положительного разрешения этого вопроса.

Вместе с тем известно, что ни русский язык, ни десятки других государственных языков, существующих в советском многонациональном государстве, никому не навязываются и каждый советский гражданин вправе выбрать по своему желанию для себя и своих детей из числа этих языков тот, который он считает наиболее удобным для обучения и пользования им в качестве средства общения с другими людьми. Эта свобода выбора языка — одна из отличительных черт советского демократизма; она подчеркнута в законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. В этом законе указано, что в союзных и автономных республиках необходимо обеспечить родителям возможность по своему усмотрению решать вопрос — в школу с каким языком обучения они будут отдавать своих детей. Если ребенок будет определен в школу, где преподавание ведется на языке одной из союзных республик, то он по желанию может изучать и русский язык; если же ребенок будет обучаться на русском языке, то он может изучать язык данной республики.

Следует остановиться еще на одной важнейшей стороне развития национальностей нашей страны — на вопросе о новых, общесоветских формах культуры и быта, сложение которых тесно связано с происходящими этническими процессами.

До Октябрьской революции в культуре и семейно-бытовом укладе каждого народа некоторые этнографические особенности обуславливались отсталым уровнем социально-экономического развития, нищенскими условиями существования, замкнутостью, оторванностью от более культурных областей. Поэтому многие элементы культуры и быта с самого начала социалистического строительства были обречены на исчезновение или коренное преобразование, так как они были несовместимы с новой жизнью. Их ломка и вытеснение происходили на протяжении всего советского периода и продолжают до нашего времени. Одновременно в процессе социалистического строительства шло сложение социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР.

Социалистическое содержание включает элементы культуры, общие для всех социалистических наций, проявляясь в марксистско-ленинском мировоззрении, высоком идейно-политическом уровне, сознательном, коммунистическом отношении к труду, в культуре быта и коммунистических принципах морали, в социалистическом реализме в области литературы и искусства и т. д. — т. е. в тех чертах, которые характеризуют культурный и духовный облик советских людей независимо от их национальности.

Яркие и самобытные национальные особенности культуры и быта каждой социалистической нации включают все прогрессивные традиции и формы, унаследованные от предков и имеющие перспективы развития в будущем.

Социалистическое содержание роднит и объединяет столь различные по языку, бытовому колориту и художественным формам национальные культуры, развивающиеся в нашей стране не изолированно, а в тесном контакте и взаимодействии друг с другом.

Большое принципиальное значение имеет трактовка проблемы общесоветской культуры, особенно если учесть, что буржуазные теоретики, ратуящие за безнациональную, космополитическую культуру, пытаются утверждать, будто социалистическая культура несовместима

с национальной культурой, лишает ее якобы своеобразия и сводит на нет.

К сожалению, некоторые практические работники и исследователи представляют себе общесоветскую культуру как нечто безликое и серое, лишенное яркого художественного облика, причем часто склонны подменять это понятие «европейской» культурой, которую, однако, никак нельзя рассматривать и рекомендовать как образец для всех народов мира. Например, так называемые «европейские» формы одежды, механически перенесенные в восточные республики из холодно-умеренной зоны (костюмы с галстуками, фетровые шляпы и пр.), нельзя считать удобными и приспособленными к жаркому климату; следует более серьезно, чем это делается сейчас, подумать о творческой переработке некоторых местных форм народного костюма и создании на его основе новых красивых, гигиеничных и удобных моделей одежды. Далеко не всегда и не обязательно «европейские» формы материальной культуры являются признаком культурного быта.

Общесоветская культура интернациональна. На наших глазах происходит своеобразный интенсивный процесс непрерывного сближения и взаимопроникновения национальных культур больших и малых народов. Это небывалое в истории явление заслуживает специального комплексного исследования. Оно проявляется в науке, литературе, изобразительном искусстве, театре, кинематографии, музыке. Сотрудничество в культурной жизни принимает все более широкие размеры. Лучшие книги писателей разных республик переводятся на русский и другие языки. Все чаще писатели и поэты в своих произведениях обращаются к темам из жизни народов другой национальности; художественная интеллигенция одной нации знакомит со своим искусством население братских республик. На смену традиционным республиканским декадам литературы и искусства в Москве теперь появился новый обычай взаимных встреч литераторов разных республик, взаимного обмена гастролями национальных театров, хоровых и танцевальных коллективов. Социалистическое искусство одного народа находит дорогу к сердцу другого, становится ему близким. Все это обогащает духовную жизнь, помогает воспитанию высоких эстетических вкусов, ускоряет духовный прогресс всего советского народа.

Талантливые произведения литературы и искусства, выдающиеся творения художников разных наций становятся достоянием всей советской страны, представляют культуру Советского Союза в зарубежных странах, вдохновляют людей всех континентов.

То же происходит и в быту. Этнографические наблюдения позволяют привести немало примеров общесоюзного распространения элементов материальной культуры отдельных народов — одежды, пищи и др. Излюбленным видом одежды в Средней Азии стала вышитая украинская рубашка. В дальних туркменских аулах девушки и женщины шьют «гуцулки», украшая их украинскими или своими национальными узорами. По всей Средней Азии распространился удобный, свободный фасон женского узбекского платья из красивого кустарного шелка «шон». Во всей нашей стране носят летом среднеазиатские нарядные тюбетейки; то же можно сказать о распространении ковров, паласов и др. Предметы прикладного и декоративного искусства разных народов считаются лучшими подарками, их можно встретить в семье любого рабочего, колхозника наряду с любимыми книгами, переведенными на его родной язык с языков других народов.

Общесоветская литература — важнейший фактор роста интернационализма и сближения народов Советского Союза.

Оценка культурного наследия и бытовых традиций народов СССР в настоящее время нередко бывает ошибочной, что влечет за собой весьма отрицательные последствия. Это, с одной стороны, попытки, имеющие

явно националистическую тенденцию «фетишизировать» всю старую культуру и многие пережитки старого быта. Нельзя в этой связи не указать на попытки некоторых архитекторов искусственно создавать якобы «национальный» стиль общественных зданий и жилых домов, некритически используя в качестве образцов сооружения культового зодчества: мечети, мазары и пр. Распространение таких форм культуры и искусства задерживает процессы преобразования быта, создает условия для сохранения косности идеологии, в частности — религиозного мировоззрения. Подлинным образцом творческого подхода к национальному зодчеству и декоративному искусству узбекского народа, переработки его культурных традиций в духе социалистического реализма можно считать театр оперы и балета им. Алишера Навои в Ташкенте, созданный по проекту архитектора А. В. Шусева; в художественной отделке театра принимали участие лучшие узбекские народные мастера — резчики по дереву и ганчу и др.

В то же время, к сожалению, важность бережного отношения к культурному наследию, сохранения и дальнейшего творческого развития ценных рациональных элементов его часто игнорируется под видом того, что это лишь «пережитки старого быта», которым якобы не место в советской действительности. «Левацкие» попытки выхолащивания национальной формы культуры народов, пренебрежение к многовековому народному опыту, трудовым навыкам, художественным вкусам, мастерству приводят к отрицательным результатам. Ни для кого не секрет, что во многих республиках из-за невнимательного, халатного отношения местных организаций к художественным артелям и народным мастерам безвозвратно исчезают целые отрасли прекрасного прикладного искусства.

Далеко не всегда в типовых проектах городов, сельских поселков и домов учитываются местные климатические условия. Немало примеров, когда в современной архитектуре, предназначенной для среднеазиатских районов страны или Закавказья, игнорируется образ жизни местного населения — привычка его, обусловленная жарким климатом, значительную часть свободного от работы времени проводить на открытом воздухе, на прохладных крытых верандах, в садах. Как в сельских местностях, так и в городах этих районов жизнь в период летнего зноя очень тяжела, если возле жилых домов нет зеленых массивов — тенистых садов, водоемов, арыков и если дома не снабжены большими затененными террасами.

Опыт и полезные навыки народов Севера также используются еще очень неполно. Зачастую местные организации пытаются привлечь малочисленные трудовые ресурсы народов Севера в такие отрасли хозяйства, в которых их опыт не может быть использован, — на рудники, шахты, лесоразработки. В то же время сельское хозяйство Севера испытывает недостаток в квалифицированных кадрах оленеводов, охотников и рыбаков. На Север завозятся щитовые дома, не приспособленные к суровым климатическим условиям тундры, завозятся одежда и обувь, изготовленные применительно к центральным районам страны, а местные типы одежды объявляются «пережитками старого быта» и т. д.

Необходима разработка и изготовление промышленным способом предметов материальной культуры, специально приспособленных к условиям соответствующих географических зон страны. Здесь, с одной стороны, следует учитывать трудовой опыт коренных народов, с другой стороны — использовать достижения науки и техники, которые позволят создать наиболее подходящие типы жилищ, одежды, предметов обстановки, утвари и т. д.

Весьма поучительны в этом отношении недавние высказывания Н. С. Хрущева в Целинном крае и в Алма-Ате, в частности о широком

использовании местного строительного материала — камыша для строительства в степных районах и о значении юрты в современных условиях в качестве жилища для чабанов на отгонных пастбищах²⁵. Юрту тоже некоторые левачки настроенные деятели нередко считали олицетворением «старого быта». Между тем этот вид легкого переносного жилища, выработанный степными скотоводческими народами на протяжении многих веков и давно уже переставший играть роль основного жилища у перешедших к оседлой жизни казахов, киргизов и других народов Средней Азии, — целесообразно и сейчас сохранить в районах отгонного животноводства; прав Н. С. Хрущев и в своем указании на необходимость изготовления для покрытия юрт высококачественных войлоков или равноценных химических заменителей, — в условиях континентального климата гор и степей хорошо предохраняющих от ночного холода, утренней сырости, дождей, палящих лучей солнца. Попытки местных организаций заменить войлок брезентом оказались очень неудачными, поскольку брезент пропускает холод и влагу, а в дневное время в юртах, покрытых брезентом, — жара и духота. Теперь испытываются опытные экземпляры юрт с покрытием из пенопласта²⁶. Целесообразно было бы для усовершенствования юрты учесть опыт Монгольской Народной Республики, где конструкция и внутреннее устройство юрты хорошо приспособлены к современным культурно-бытовым потребностям животноводов. Не менее важна проблема передвижного жилища для оленеводов и охотников Севера.

Примерно так же, как с юртой, обстоит дело с кавказской буркой — чрезвычайно удобной для чабанов одеждой. Между тем производство бурок сейчас, к сожалению, сведено к минимуму.

Многие животрепещущие вопросы практики экономического строительства неразрывно связаны с проблемой национального развития и национальной культуры народов СССР и требуют для правильного решения этнографических данных. Так, например, оценка национальных особенностей быта населения, трудовых навыков разных народов важна для решения проблем перераспределения и закрепления трудовых ресурсов во вновь осваиваемых районах страны; учет национальных особенностей одежды, жилища, пищи необходим при составлении планов снабжения населения разных зон нужными ему товарами, чтобы обеспечить повышение его жизненного уровня; особым разделом государственного планирования, для разработки которого тоже нужны этнографические материалы, является дальнейшая реконструкция быта и развитие культуры сельского населения разных национальных районов и т. д.

* * *

Поднятыми в настоящей статье вопросами далеко не исчерпываются задачи исследования процессов национального развития народов СССР на пути их перехода к коммунизму. Так, например, чрезвычайно интересной и сложной является проблема происходящего в наше время изменения психического склада социалистических наций, требующая совместной работы исследователей разных специальностей, и ряд других теоретических проблем. Особо важным представляется нам изучение такой формы социалистического интернационализма как рост дружественных связей социалистических наций СССР с народами зарубежных стран, способствующий борьбе прогрессивных сил мира против реакции, колониализма, расистского изуверства.

²⁵ Н. С. Хрущев, Новый этап освоения целины и задачи сельского хозяйства Казахстана. Речь на совещании передовиков сельского хозяйства в гор. Алма-Ата 21 марта 1961 г. «Известия», 25 марта 1961 г.

²⁶ Ч. Айтманов, С. Ильин, Новая юрта чабана, газ. «Правда» от 12 июня 1961 г.

SUMMARY

The present historical stage in the development of relations between nations in the USSR is characterized by an increasingly progressive process of the coming together of the socialist nations.

One of the major problems to be analysed largely on the basis of ethnographic data is the problem of the processes of ethnic development in the USSR taking place in our day.

In view of this, the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences has undertaken investigations of the processes of national development in different parts of the USSR — in Central Asia, the Caucasus, the Volga area, the Far North, etc. Investigations are conducted on the basis of field ethnographic material and the examination of data of general censuses. The purpose of investigations is to study and analyse the state of every ethnic formation, down to the smallest, to elucidate the paths of their further development, coming together and, in some instances, of their merging with one another. Inasmuch as this work has not yet assumed full scope, it is possible so far to summarize only the preliminary data for certain cardinal aspects of the problem under investigation.

Present-day processes of ethnic development in the USSR mainly assume the two following trends:

- 1) continuous consolidation and development of the socialist nations and nationalities;
- 2) a general process of the further coming together of the socialist nations and nationalities of the USSR on the basis of development of fraternal cooperation between them and of friendly international contacts in the sphere of economy, culture and intellectual life — a process accompanied by the emergence of all-Union, Soviet forms of culture and life.

Although these processes naturally proceed in different ways and with different degrees of intensity in various parts of the country, they have assumed a parallel course starting with the early years of Soviet power. The former of the two above-mentioned trends was of particular importance in the earlier stages of the development of Soviet society, up to the final triumph of socialism in the country; the latter trend is coming to the fore and assumes ever wider scope and urgency in the present historical stage — that of the comprehensive building of Communist society.

И. А. КРЫВЕЛЕВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-БЫТОВЫХ ПЕРЕЖИТКОВ У НАРОДОВ СССР¹

В истории идеологии соотношение сил религии и атеизма до сих пор было непостоянным. На одних ее этапах почти безраздельно господствовала религиозная идеология, на других — подымались мощные волны народных антиклерикальных и атеистических движений, а крупнейшие мыслители выступали с произведениями, в которых религиозное мировоззрение подвергалось беспощадной и глубокой критике. И все же в общем религия удерживала свои позиции до нашего времени. Как ни велики успехи науки, опровергающей религиозные догматы по существу, как ни скомпрометировали себя религии и их служители своей реакционной ролью в ходе классовой борьбы, сознание широких кругов трудящихся в капиталистических странах находится еще под властью религиозных предрассудков. До тех пор, пока не побеждает социалистическая революция и в ходе строительства нового общества не выкорчевываются социальные корни религии, не возникают и условий для полной победы атеизма. Гносеологическая возможность религии, коренящаяся в некоторых исторически сложившихся особенностях человеческого сознания, постоянно претворяется в действительность в обстановке классового общества, поскольку социальные условия жизни людей порождают у них стремление к религиозному самоодурманиванию.

В социалистическом обществе ликвидация эксплуататорских классов и победа общественной собственности на средства производства, плановое хозяйство, ликвидация безработицы, растущая из года в год материальная обеспеченность людей, повышение образовательного и культурного уровня широких народных масс, возможность неограниченного развития и использования своих способностей — все это создает у члена социалистического общества сознание уверенности в завтрашнем дне, устраняет те настроения бессилия, тревоги, неустroенности, которые питают в классовом обществе религиозность масс. Широкое и активное участие трудящихся в общественной жизни, в борьбе за коммунизм обуславливает рост политической зрелости людей, способствующий изживанию самых закоренелых предрассудков, в том числе и религиозных пережитков.

В Советской стране впервые в истории осуществлено полное отделение церкви от государства и школы от церкви. Религиозные организации, пользуясь полной свободой в отправлении своих культов, не имеют права вмешиваться в общественно-политическую и культурную жизнь страны. Сознание детей в школах не отравляется «законом бо-

¹ Статья основана на экспедиционных материалах последних лет (1940—1960), собранных сотрудниками Института этнографии АН СССР у русского населения (Л. А. Анохина, В. Н. Башилов, И. А. Крывелев, М. Н. Шмелева), у народов Прибалтики (Л. Н. Терентьева), у народов Северо-востока Сибири и Дальнего Востока (И. С. Гурвич, А. В. Смоляк), Кавказа (Т. Ф. Аристов), Средней Азии (Г. П. Снесарев) и др.

жиим», — наоборот, школьное преподавание целеустремленно направлено к формированию у подрастающего поколения диалектико-материалистической картины мира, несовместимой с религиозно-фантастическими представлениями и верованиями.

Вся совокупность образовательных, культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских учреждений страны ведет свою работу, руководствуясь указаниями Коммунистической партии и ее Центрального Комитета о коммунистическом воспитании народных масс, о распространении среди них марксистско-ленинского материалистического и, следовательно, атеистического мировоззрения. Пропаганда естественно-научных, философских и политических знаний, проводимая изо дня в день различными учреждениями и организациями через многочисленные каналы, активно способствует проявлению сознания людей. В условиях великих успехов советской науки, связанных, в частности, с раскрытием тайн вселенной, с началом эры космических путешествий, пропаганда естественнонаучных знаний оказывается все более эффективной в отношении распространения атеистического мировоззрения.

Неудивительно поэтому, что в Советской стране атеизм одержал огромные победы. Впервые в истории соотношение сил между религией и атеизмом определенно склонилось в пользу последнего. И это совершенно закономерный ход развития, ведущий к окончательному исчезновению религиозных представлений, тысячелетиями тяготевших над сознанием человечества. Десятки миллионов членов социалистического общества полностью уже отошли от религии, а многие находятся на пути к атеизму.

Нельзя однако представлять себе преодоление религии в виде плавной эволюции, приводящей к полному исчезновению религиозности одновременно во всех слоях населения. Живучесть религии в сознании людей, бытие которых уже коренным образом изменилось по сравнению с теми условиями, которые раньше питали религиозные настроения и взгляды, обусловлена тем, что сознание и в данном случае отстает от меняющегося бытия. Притом религия обладает рядом характерных особенностей, которые делают ее при прочих равных условиях более живучей, чем другие идеологии, даже в том случае, если разумом человек уже начал понимать ее несостоятельность.

Влияние религии распространяется не только на интеллектуальную сторону человеческого сознания, но и на его эмоциональную сторону и находит выражение в совокупности действий — в обрядах и обычаях, в определенных формах быта, в веками устоявшихся привычках и традициях. Став для человека с детства «нормальной» формой отношения к миру, связанная с рядом нередко довольно глубоких эмоциональных переживаний и вошедших в привычку действий, религия с большим трудом оставляет сознание человека.

В произведениях В. И. Ленина мы находим указания на то, что помимо экономических корней религии существуют и исторические ее корни². Это значит, что над сознанием человека могут тяготеть условия, возникновение которых относится не к данному, а к давно прошедшим временам. В этом случае религия и должна рассматриваться как пережиток ушедших в прошлое условий и обстоятельств, когда-то порождавших и питавших ее в общественном сознании. В советском обществе, где экономические корни религии уже исчезли, а взятые в более широком смысле этого слова социальные корни сильнейшим образом подорваны, религия в качестве пережитка еще держится и оказывает серьезное сопротивление наступлению атеистического мировоззрения.

В Советской стране еще существуют религиозные организации, хотя и несоизмеримо менее многочисленные и мощные, чем они были в цар-

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 68.

ской России, но все же разветвленные и сильные. Не только православные, но и другие христианские вероисповедания (католицизм, протестантизм, старообрядчество, баптизм и др.), и ислам, и иудаизм имеют свои организации с многочисленным духовенством. Некоторые из них располагают системой учебных заведений, готовящих новые кадры духовенства, довольно сильной финансовой базой. Ясно, что источником всего этого является наличие еще немалого количества верующих, вносящих свои трудовые деньги для оплаты церковных треб и других культовых услуг, оказываемых духовенством. Многие другие факты и наблюдения говорят о тех случаях, когда люди уже отказались от выполнения диктуемых церковью обрядов и от практического участия в экономической и организационной поддержке церковных организаций, но далеко не всегда это связано с полной победой атеистического мировоззрения в их сознании. Есть и такие формы религиозности, которые коренятся преимущественно в быту, почти не проходя через сознание людей. С другой стороны, существуют утонченные формы религии, не связанные с выполнением обрядов или вообще каких-либо действий и с большим трудом поддающиеся исследованию.

Кроме того, следует помнить, что простое деление всех граждан на верующих и неверующих представляет собой слишком упрощенное решение вопроса. Между этими двумя позициями может располагаться целая серия промежуточных ступеней, отражающих колебания человека, его недоумения и сомнения, половинчатое решение им как основной мировоззренческой проблемы, так и связанного с этим практического поведения.

По конституции СССР, обеспечивающей свободу совести и полное невмешательство государства в религиозные дела, ни один официальный документ не содержит указаний на отношение того или иного гражданина к религии и не задает ему вопросов об этом его отношении. Не отражено это даже в переписи населения. Мы не можем поэтому точно сказать, какой процент населения причисляет себя к верующим, как распределяется количество верующих по различным религиям, сколько десятков миллионов граждан нашей страны окончательно порвали с религиозными предрассудками. Жалеть об этом не приходится, так как свобода совести — слишком великое благо, чтобы можно было им жертвовать в интересах статистики. Но изучать процесс преодоления религиозных пережитков необходимо, притом более тонкими и сложными средствами, чем распределение людей по рубрикам и статистическим группам.

Религия находит свое выражение в разнообразных проявлениях — в быту, в действиях людей, в формах проведения досуга, в способах обозначения важных событий личной и общественной жизни. В основном же она представляет собой идеологию, и в основе ее внешних проявлений лежат определенные представления, не всегда, правда, одинаково отчетливые. Однако исследование не может ограничиваться рассмотрением внешних проявлений религиозности или атеизма, оно должно использовать и методы психологического анализа, раскрывающего внутреннее отношение людей к религиозным учениям и их содержанию.

Многонациональный и разнообразный в отношении религиозной принадлежности состав населения СССР, различие уровней технико-экономического и культурного развития разных народов СССР до Октябрьской революции, своеобразие бытовых условий их жизни, различия в ходе исторического развития, в сложившихся национальных и религиозно-бытовых традициях — все это неминуемо обуславливает известную нестроту процесса преодоления религии в нашей стране и создает особые трудности в деле научно-атеистической пропаганды. Отсюда с еще большей необходимостью вытекает требование изучения проблемы на конкретном материале.

Такое изучение религиозно-бытовых пережитков в аспекте их преодоления в различных этнических, социальных, возрастных и иных группах населения нашей страны и составляет одну из задач Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, рассчитанной на ряд лет.

Ход этих процессов тесно связан с самими условиями жизни людей и, прежде всего, с ходом перестройки этих условий, с конкретными формами и проявлениями процесса строительства коммунизма у данного народа или этнической группы. Методы этнографического исследования должны помочь освещению этих проблем во всей их сложности. Первые итоги этой исследовательской работы дают уже возможность сделать некоторые предварительные выводы.

* * *

О больших успехах в деле распространения атеистического мировоззрения в нашей стране свидетельствует ряд общеизвестных внешних фактов. Из года в год уменьшается количество религиозно-церковных общин различных вероисповеданий. Если в большие праздники работающие до сих пор церкви, синагоги и мечети собирают довольно много молящихся, то из этого никак не следует делать вывод о религиозности основной массы нашего населения. Нельзя забывать, что количество работающих молитвенных домов в стране сильно уменьшилось по сравнению с прежними временами и что в этом как раз и нашло свое отражение огромное уменьшение числа верующих. Неуклонно идущий процесс церковного распада сказывается и в том, что за последние годы стало типичным явление отречение служителей церкви от духовного сана. Многие из них (священники П. Дарманский, Н. Спасский, кандидат богословия Е. Дулуман, муллы Пир Нияз Ходжа, С. Микеладзе, И. Альбатов, раввин И. Голигорский, пастор О. Робежние, ксендз В. Звейсалник и другие) заявили в печати о том, что они убедились в ложности и вредности религиозного мировоззрения. Особенно знаменательным явилось выступление видного деятеля русской православной церкви, профессора Ленинградской духовной академии А. А. Осипова с заявлением о полном разрыве с религией и церковью. Показательно, что православная церковь отнеслась довольно нервно к этим фактам — 30 декабря 1959 г. Синод вынес решение об отлучении от церкви ряда бывших священников, снявших с себя сан.

Этот процесс находит внешнее выражение и в динамике выполнения населением религиозных обрядов как публичного, так и частного культов. У русских колхозников центральных областей страны, обследованных экспедициями Института этнографии, отмечается резкое падение процента выполнения таких религиозных традиций и обрядов, как ношение нательного креста, регулярное посещение церкви, исповедь и причащение; стало редкостью соблюдение постов. Даже у старообрядцев, у которых религиозная регламентация жизни всегда была очень сильна, выполнение религиозных обрядов и запретов падает с каждым годом. Очень ярко выражен процесс исчезновения религиозной обрядности у латышей: в колхозах бывшей Селпилсской волости не наблюдается обряд конфирмации, за последние десять лет не известно ни одного случая крещения детей; были лишь единичные случаи венчания. Постепенное исчезновение религиозной обрядности наблюдается у всех без исключения народов Советского Союза. У ульчей значительно реже выполняется теперь обряд моления небу об удаче в промысле, о здоровье и благополучии охотников и членов их семей; там же, где этот обряд еще бытует, он выполняется в упрощенной форме. Сильное сокращение и упрощение семейной обрядности наблюдается у якутов.

Характерным для наших дней является стирание отчужденности, существовавшей ранее между верующими разных религий. Не так легко

теперь найти старообрядческую общину, члены которой избегали бы пользоваться посудой, бывшей в употреблении у «никониан», а тем более у «нехристей»; весьма быстро исчезают грани между многочисленными старообрядческими толками. То же происходит с былой отчужденностью между курдами-мусульманами и курдами-иезидами, между латышами-лютеранами и латышами-католиками. Все это говорит о том, что религия перестала в какой бы то ни было степени определять взаимоотношения между советскими людьми.

Есть все основания утверждать, что в самых широких кругах населения нашей страны религиозное мировоззрение в значительной мере потеряло свое влияние и что на смену ему идет широко и успешно распространяющееся материалистическое и, стало быть, атеистическое мировоззрение. Этот процесс идет неравномерно не только в различных возрастных группах населения, но и в различных районах нашей страны. Нельзя недооценивать ту роль, которую иногда играют местные условия в успешном ходе преодоления религиозных пережитков или, наоборот, в торможении этого хода.

Наличие ярких революционных традиций в данной местности способствует успехам атеизма. Показателен материал этого рода, собранный за последние годы по нескольким колхозам Латвийской ССР. В этих местах особенно бурно проходили события революции 1905 года, здесь живы еще воспоминания о той борьбе, которую пришлось выдержать латышским коммунистам в 1918—1919 гг., есть еще живые носители славных традиций революционной борьбы. Еще до 1917 г. борьба против царизма и капитализма, а в период буржуазной республики — борьба против нее, — связывалась с антиклерикальным и атеистическим движением. Латышские революционеры были воинствующими атеистами; такие традиции играют немалую положительную роль в борьбе с религиозными пережитками сегодня. Так же и в русском колхозе Костромской области, образовавшемся из коммун, которая существовала с 1918 г., ни в одном из домов нет икон, никто не выполняет никаких религиозных обрядов, да и по существу здесь религия в основном преодолена. Такое же положение отмечается и в отношении некоторых совхозов, личный состав которых комплектовался из приезжего, часто городского, населения с традициями, создавшимися в рабочих центрах.

Противоположное влияние на ход преодоления религиозных пережитков оказывает наличие в данной местности в старое время скитов и монастырей, «чудотворных» источников и других «святых», вроде «святого» озера Светлояр. Там, где колхозы слабы в организационном и экономическом отношении, также создается база для консервации религиозных пережитков. Люди в этих местах больше заняты своим приусадебным хозяйством, что отрывает их от общественной жизни и держит в плену узкого замкнутого круга интересов своей семьи, а это не может не обусловить известную оторванность их от нашей идеологической жизни и делает податливыми к слухам и сплетням, к агитации проповедников религии.

Само собой разумеется, что непосредственное влияние на ход борьбы с религией в данной местности оказывает уровень культурной жизни и, прежде всего, состояние культурно-просветительной работы.

И все же, при всем разнообразии местных условий, исторически складывавшихся черт национального, религиозного, культурного своеобразия, при всем отличии положения разных возрастных групп населения, вряд ли будет преувеличением сказать, что, в общем, атеистические или приближающиеся к атеизму взгляды разделяются теперь большинством сельского населения. Это большая победа марксистско-ленинской идеологии, большое достижение советской социалистической культуры. Подлинное преодоление религиозных предрассудков в широ-

ких народных массах оказалось возможным только в условиях социалистического общества.

Случаи проявления религиозного фанатизма еще, правда, имеют место в различных углах нашей страны; есть еще и сторонники изуверски-фанатических религиозных толков,— молчаливники, свидетели Иеговы и другие. Считать, однако, эти случаи типичными для нашего времени нет никаких оснований. Как массовое явление, религиозный фанатизм в нашей стране отошел в прошлое.

Изменилась и сама степень интенсивности религиозной веры. По существу, современный верующий не может быть отождествлен с верующим дореволюционной России. Общественное поведение подавляющего большинства даже верующих в нашей стране отнюдь не руководится религиозной верой и связанными с ней реакционными политическими идеями. Как и все советские люди, они являются патриотами социалистического отечества. И все же религиозная идеология оказывает, конечно, реакционное политическое влияние на отсталые круги нашего населения. Известный разрыв между религиозной верой, которая и теперь полностью сохранила свой реакционный характер, и политическими убеждениями подавляющего большинства верующих, несомненно, налицо.

Современные верующие, как правило, не имеют определенного и цельного представления о догматике своей религии (что в известной мере имело место и раньше). Мало кто знает наизусть молитвы, помнит весь календарь религиозных праздников. Многим верующим неизвестны содержание и смысл даже тех обрядов, которые ими выполняются. Мифы и догмы нередко переосмысляются в сознании верующих, так что оказываются имеющими мало общего с официальным вероучением.

Можно сказать, что, как правило, в сознании современного верующего в нашей стране существует смутное представление о каком-то объекте веры, но связанные с этим церковные учения лишь в редких случаях ему известны. Знают о рае и аде, о том, что бывают-де чудеса (под последними обычно подразумеваются необъяснимые явления), что существуют «священные» книги, в которых предсказано будущее,— в частности то, что происходит в наше время. Из этих обрывков религиозной идеологии складывается нечто довольно сумбурное и невразумительное, в истинности чего сам верующий не очень убежден.

С наибольшим трудом атеистическое мировоззрение пробивается в среду старшего поколения. Люди, детство и юность которых прошли еще до Октябрьской революции, носят в своем сознании идеологический груз религиозных пережитков в большей мере, чем люди последующих поколений. Это отмечается и у русских (в особенности у старообрядцев), и у народов Нижнего Амура, и у народов северо-востока Сибири, и у курдов Закавказья. Старики являются хранителями остатков религии. Они знают молитвы, иногда разбираются в чине богослужения и могут даже провести его в упрощенной и сокращенной форме. У старообрядцев, например, нередко всю службу справляют теперь старухи. По наблюдениям автора данной статьи, в Алтайском крае (1959 г.) в местностях, удаленных от действующей церкви, и у православных, и у старообрядцев, обряд крещения выполняется старухами, причем весь обряд заключается в том, что младенца купают в кадке или тазу и после невнятного произнесения нескольких бессвязных, но молитвенно звучащих фраз ему присваивается имя. У народов Нижнего Амура и северо-востока Сибири старики являются хранителями и исполнителями обрядов дохристианских культов, в том числе и промыслового.

Нельзя, однако, не отметить, что и у старейшего поколения атеистическое мировоззрение одержало большие победы. Большинство

людей старшего поколения прошло школу классовой борьбы при царизме, великую жизненную школу первой мировой войны, революции, гражданской войны и последовавших за ними лет коренного социального переустройства. Среди них есть ветераны революционной борьбы, ставшие воинствующими атеистами еще до революции. В ряде случаев в этом сыграло роль именно знакомство со священными книгами и религиозными учениями. Некоторые старики, которым приходилось когда-то читать Библию и вообще религиозную литературу, наталкивались в процессе этого чтения на факт удивительной примитивности и противоречивости религиозных учений. Не прошла мимо их сознания и та политико-просветительная и пропагандистско-атеистическая работа, которая ведется различными учреждениями и организациями советской общественности. Женщины старшей возрастной группы пока еще более мужчин подвержены влиянию религиозных предрассудков.

В среднем поколении населения советской деревни успехи атеистического мировоззрения, конечно, значительно больше, что вполне понятно. Люди, составляющие эту группу, вынесли на своих плечах весь великий и трудный процесс строительства социалистического общества, защиту нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков, это те люди, которые в настоящее время играют решающую роль в производственной и общественной жизни нашей страны, в строительстве коммунизма. Даже в районах распространения старообрядчества мужчины этого поколения в большинстве своем отошли от религии, хотя часть их может быть отнесена к людям, занимающим среднюю позицию между верой и безверием и даже к верующим; с женщинами этого возраста дело обстоит значительно сложнее. В массе своей они все же являются верующими, хотя по сравнению с более старшей возрастной группой здесь атеистическое мировоззрение завоевало большее количество приверженцев. Относительная живучесть религиозных предрассудков среди женщин этих поколений имеет свои причины в ряде исторических условий,— некоторые из последних не преодолены еще до нашего времени.

Женщины значительно меньше мужчин выезжали из своей деревни, они всегда были тесней привязаны и к ней, и к своему семейному кругу. Образовательный уровень старшего поколения женщин — в среднем значительно ниже, чем у мужчин: известно, что до Октябрьской революции крестьянские девочки значительно реже получали даже то скудное школьное образование, которое получали мальчики. В наши дни недостаточно еще развитое местами общественно-бытовое обслуживание не дает возможности освободить женщину-колхозницу от домашних забот, связанных с воспитанием детей, с организацией питания семьи и т. д. Это обуславливает трудность вовлечения их в общественную и культурную жизнь деревни, что в свою очередь, является причиной известной замкнутости круга интересов женщин старшего и среднего поколения. Конечно, и среди женщин этих групп имеется немало активных общественниц, нередко ведущих за собой другие группы населения, передовых и по мировоззрению — убежденных атеисток или находящихся на пути к атеизму.

Среди молодежи атеизм одержал еще большие победы. Молодые парни, — будь то русские колхозники центральных областей или охотники, рыболовы и оленеводы народов Нижнего Амура и северо-востока Сибири, — как правило признают себя неверующими (за исключением старообрядцев). Эта молодежь выросла и начала свою сознательную жизнь в обстановке советской культуры, чуждой религии и мистицизму, в школе получила основы естественнонаучных и гуманитарных знаний, дающих ей возможность материалистически объяснять мир.

Выработке атеистического мировоззрения способствует и постоянное участие основной массы молодежи в общественной жизни, в современных культурных развлечениях. Вместе с тем атеизму значительной ча-

сти нашей молодежи присуща одна характерная слабость, заключающаяся в том, что так как атеистическое мировоззрение дается ей обычно без боя, в известной мере стихийно, оно не всегда связано с пониманием реакционной роли религии, с сознанием необходимости неустанной активной борьбы против нее. Нередко наблюдающееся «примиренческое» отношение со стороны молодежи к религии и к ее обрядам доходит иногда до того, что неверующие молодые люди согласны принять участие в том или ином из этих обрядов, считая это несущественной уступкой старикам или обывательскому «общественному мнению», не понимая всей общественной значимости этих действий. Сюда относятся и факты посещения церкви молодежью из любопытства или с целью послушать пение, просто развлечься и т. п. Такие действия молодых людей наносят непосредственный вред делу коммунистического воспитания; к тому же они создают в некоторых случаях искаженную картину состояния религиозности в этой возрастной группе населения СССР.

Необходимо отметить известное отставание, характерное для женской части и данной, молодежной группы населения. (Девушки и молодые женщины сравнительно нередко оказываются верующими и выполняющими религиозные обряды.

В отношении детей несомненно, что заложенные в детском возрасте основы мировоззрения влияют на сознание человека в течение всей его последующей жизни. Наши деревенские дети находятся в советской школе, конечно, в атеистической атмосфере, образуемой не только содержанием школьного обучения, но и работой организаций детской общественности и всей системой советского воспитания. Но в ряде случаев они испытывают давление со стороны религиозных старших членов семьи, а школа не всегда призывает ребятам достаточный иммунитет против этого. Нередко у воспитателей наблюдаются пережитки своеобразного нейтрализма в отношении к религии, близко соприкасающегося с пресловутой концепцией «безрелигиозного воспитания». Улучшение работы школы по этой линии даст возможность еще более последовательно воспитывать наше подрастающее поколение в духе материализма и атеизма.

* * *

Однако нельзя ограничиться констатацией того, как велики наши успехи в деле постепенного преодоления религиозных пережитков. Необходимо подвергнуть анализу факты, свидетельствующие о живучести и цепкости религии, об упорном ее сопротивлении выработке материалистического атеистического мировоззрения. Игнорирование этих фактов может действовать демобилизующим образом на организации, призванные заниматься активной борьбой за атеизм.

Известно, что бедствия и трудности военного времени оказали некоторое гальванизирующее действие и на религиозные пережитки у части населения нашей страны и на религиозные организации различных толков и вероисповеданий. Неслучайно поэтому ряд послевоенных лет был отмечен своеобразным «оживлением» деятельности церковников и некоторым ростом религиозных настроений в отсталых кругах населения. Этому способствовало и то ослабление атеистической пропаганды, которое имело место в военные и первые послевоенные годы. Нельзя, однако, не видеть эпизодического характера этого рецидива религиозности. Очень серьезно просчитались те круги зарубежных и отечественных идеологов и защитников религии, которые приняли его за коренной поворот судьбы религии в нашей стране. Известные решения Центрального Комитета КПСС (в частности, постановление ЦК от 9/1 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях») не оставили никаких сомнений на этот счет у тех, кто хотел бы льстить себя на-

деждой на «процветание» религии в условиях социализма. Партия никогда не мирилась и не может примириться с идеологической реакцией в любой форме, в том числе и в форме религиозных предрассудков. Борьбу против религии необходимо не только продолжать, но и всеми средствами развивать. А для этого и нужно отдавать себе ясный отчет в том, на чем держатся еще среди нашего населения религиозные пережитки.

Некоторую роль в этом играет то маневрирование, которым занимается духовенство различных религий. Упрощается обрядность, допускаются довольно далеко идущие компромиссы в отношении соблюдения постов, пищевых и прочих запретов: широко практикуются «передвижные» формы культового обслуживания населения, — появились теперь разъездные (иногда в автомобиле) священнослужители. Вместо индивидуальной исповеди, на которую не так легко завлечь даже верующих, православная церковь теперь практикует коллективную, заключающуюся в том, что присутствующие в церкви хором отвечают на обращенные к ним вопросы священника о греховности. Вместо крещения погружением в купель, нередко вызывающего простуду крещаемого, часто практикуется простое «окропление», что должно облегчить колеблющимся родителям положительное решение вопроса — крестить или не крестить. Отмечены случаи, когда церковные активисты и священнослужители пытаются заманивать детей в церковь пряниками и конфетами, а молодежь — организацией хоров и других средств «художественного» оснащения религиозного ритуала.

Модернизируются и приемы устной пропаганды религии. Особенное ударение делается на том, что религия якобы проповедует возвышенное моральное учение, что характерно и для многих церквей в зарубежных странах. Последний аргумент играет особенно большую роль в пропаганде баптистских и подобных им религиозных общин. Деятели этих организаций спрашивают своих слушателей на молитвенных собраниях, а особенно в беседах один-на-один или с небольшими группами слушателей: чему плохому учит религия, когда она призывает не пить, не курить, не драться и т. д.? Они скрывают при этом, что религиозная, в частности евангельская, мораль отнюдь не сводится к перечисленным выше советам и запретам, что она включает в себя такой комплекс поучений, который несовместим с моралью члена социалистического общества, ибо ориентирует людей на слепую веру в порождения человеческой фантазии, проповедует ложное, антинаучное мировоззрение, призывает к отказу от построения счастливой жизни для людей на земле во имя несуществующей жизни за гробом. На некоторые неустойчивые слои населения этот маневр сведения религии к нескольким более или менее бесспорным морально-этическим нормам производит эффект, нужный пропагандистам религии. А вслед за этими двумя-тремя этическими требованиями в дальнейшем будет выдвигаться вся религиозная догматика с ее учением о боге, о загробной жизни, о возмездии и воздании, о бренности всего сущего и пр.

Религиозные деятели применяют индивидуальный подход к людям, которых стараются завербовать, используя тонкие методы изучения и обработки отдельного человека, причем особое внимание обращается на людей, оказавшихся по тем или иным причинам в тяжелом положении. Церковные активисты, баптистские или адвентистские руководители нередко предлагают им ту или иную помощь (в частности, и материальную), выражают сочувствие и соболезнование. Им важно при этом даже не столько то, что община верующих пополнится еще одним членом, сколько то, что этот факт произведет определенный агитационный эффект на население.

В составе духовенства происходят некоторые изменения, которые следует внимательно изучать. Такие религиозные организации, как, например, баптистская, ранее не имевшая штатного духовенства, созда-

ли у себя настоящую церковную иерархию. С другой стороны, обнаруживают особую сохраняемость полуцерковные, если можно их так назвать, формы духовенства, что особенно характерно для районов распространения ислама. В Средней Азии, например, еще довольно широко распространено ишанство. Пиры и шейхи еще до сих пор собирают свою дань на мазарах и в других «священных» для верующего мусульманина местах, они нередко оказывают свое вредное идеологическое влияние и в повседневном быту людей.

Следует указать также на ту роль, которую играет в отношении живучести религиозных пережитков передача традиций от поколения к поколению. Хранителями религиозных традиций среди народов СССР обычно являются старики, передающие их последующим поколениям вплоть до детей школьного и дошкольного возрастов. Во многих случаях только они знают порядок проведения той или иной религиозной церемонии и, проводя ее, на практике обучают этому молодых. Уважение к старшим нередко мешает людям помоложе, даже неверующим, возражать против действий стариков и, больше того, иногда побуждает их следовать за ними, самим выполнять требуемые религиозным культом обряды и церемонии. Венчание при заключении брака, крещение и обрезание детей, другие обряды, которые затрагивают, прежде всего, молодое поколение, как правило, исполняются обычно под давлением стариков, начиная с воздействия их на чувства родственной любви и привязанности, кончая угрозами, а иногда и прямым насилием.

Иконы в огромном большинстве случаев перестали теперь служить фетишем и не вызывают к себе того суеверного благоговения, с которым к ним относились раньше; тем не менее они до сих пор нередко сохраняются в колхозных домах. К ним привыкли даже как к убранству жилища. И все же наличие икон в том или ином доме, хотя и далеко не всегда означает, что здесь живут верующие люди, имеет значение для поддержания религиозных пережитков и потому, конечно, должно расцениваться как отрицательное явление.

Особо серьезное значение для полуверующих и даже неверующих имеет боязнь подвергнуться осуждению со стороны обывательского «общественного мнения», до сих пор еще существующего. Снять и убрать иконы, отказаться от крещения родившегося младенца, воздержаться от выполнения бытовых обычаев, связанных с тем или иным религиозным праздником, и пр.— все это значит навлечь на себя осуждение всей родни старшего поколения и некоторой части односельчан. Далеко не всегда этому реакционному суррогату общественного мнения противопоставляется достаточно активное и организованное подлинное общественное мнение, представляющее прогрессивные начала нашей социалистической действительности. Надо добиваться того, чтобы приверженность к традиционным религиозным верованиям и обычаям расценивалась как проявление отсталости и некультурности. Не нарушая принципа уважения старших, следует воспитывать молодежь в убеждении, что в таких принципиальных вопросах, имеющих большое идеологическое значение, как отношение к религии и ее пережиткам, сознательный советский человек не может идти на уступки отсталым элементам, будь это даже отец или дед, мать или бабушка.

Весьма характерные примеры влияния обывательского суррогата общественного мнения на поведение людей наблюдаются, в частности, среди населения районов распространения ислама. Как известно, у каракалпаков похороны умерших и поминальные обряды связаны по традиции с закланием большого количества скота и с другими расходами, зачастую непосильными для семьи³. Традиция, освященная рели-

³ См. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.— Л., 1959, стр. 125.

гией, требует: в случае, если семья умершего не располагает достаточным количеством скота для обряда, его следует купить, а деньги для этого, если их нет, одолжить. Так нередко делается даже в тех случаях, если умер основной работник семьи, ее «кормилец»; выполнение требуемых традицией обрядов может повлечь за собой просто разорение семьи. Но на это идут не только верующие, а иногда и неверующие, — как действует на них боязнь осуждения обывательским «общественным мнением». И, само собой разумеется, не последнюю роль в этом играет давление со стороны мулл и ишанов, которые кровно заинтересованы в сохранении этих реакционных и вредных традиций.

У русских колхозников пережитки производственного культа фактически исчезли, — очень редко где теперь можно услышать, в виде исключения, о том, что отслужен молебен по случаю засушливой погоды или по случаю выгона скота в поле. Однако у некоторых народов северо-востока Сибири и Дальнего Востока, занимающихся преимущественно охотой и рыболовством, обряды промыслового культа еще бытуют относительно широко. Основной причиной такого явления следует, видимо, считать то, что даже при хорошей технике, которою советская промышленность оснастила этих охотников и рыболовов, результативность их труда все еще пока недостаточно постоянна и зависит от колебаний погоды и других случайных обстоятельств больше, чем в земледелии и скотоводстве. У русских рыбаков и охотников, а также у рыбаков Прибалтики этот культ и раньше играл меньшую роль, но те, связанные с повседневной жизнью и бытом, обряды, которые у них были широко распространены раньше, и теперь держатся еще довольно цепко.

Обряды, сопровождающие те или иные важные события в жизни отдельного человека, — крещение, венчание и другие, срослись со многими бытовыми обычаями и кажутся иногда неотделимыми от них. Крещение, например, связано с семейным праздником родин, бракосочетание — со свадебным пиром и «гуляньем». Связь бытового обычая с церковным обрядом во всех этих случаях отнюдь не органична, она сложилась исторически и стала привычной. И это оказалось очень выгодным для религии, ибо за счет прочности бытовой традиции держится и традиция религиозная.

В большинстве случаев эти традиционные формы имеют ярко выраженную национальную окраску и коренятся в исторически сложившихся условиях жизни и быта данного народа. Как известно, ленинская политика в области культуры, проводимая Коммунистической партией, вовсе не направлена к космополитической нивелировке национальных обычаев и традиций всех народов нашей страны. Наоборот, насыщенная социалистическим содержанием, наша культура развивается в национальной форме и многообразие ее национальных проявлений отнюдь не подавляется единством ее социалистического содержания. Однако нередко под защитной маской национальной традиции скрывается религиозно-культовой обряд и привязанность народа к национальным формам своей культуры и быта нередко используется защитниками и служителями религии для сохранения обрядности.

Так, в среднеазиатских республиках нередко еще встречается представление об обрезании как не религиозном обряде, а национальной традиции. Прикрываясь этой совершенно неправильной точкой зрения, совершают обряд обрезания не только верующие люди, а и полuverующие и даже просто неверующие, представители интеллигенции, комсомольцы и т. д. При этом представители общественности в некоторых случаях не только не борются с этим варварским религиозным обрядом, а иногда даже поддерживают его, помогают организовать. У узбеков Хорезма, например, праздник, связанный с обрезанием (суннет-той), нередко организуется колхозной бригадой или даже правлением колхоза, причем бывают случаи, когда в тое принимают участие

представители районных организаций. Конечно, это недопустимо. Нужна широкая и интенсивная разъяснительная работа по вопросу о реакционном религиозном характере обряда и праздника обрезания. Обрезание широко распространено у многих народов мира, поэтому оно не может считаться национальной традицией таджикского или узбекского народов. Это — религиозный обряд, как и крещение он означает приобщение к религиозной общине; его выполнение является недопустимой уступкой враждебной нам религиозной идеологии.

Нужно уметь отделять национальную традицию от религиозного обряда. Свадьба, например, может и должна ознаменовываться как яркий и надолго запечатлевающийся в памяти людей праздник, проводимый у каждого народа в традиционных для него формах; но ей не должно предшествовать венчание, она не должна сопровождаться и другими религиозными обрядами, вроде благословения молодых иконами и т. п. А процедура гражданского оформления брака в загсе уже теперь на наших глазах превращается в торжественную церемонию, соответствующую важности такого события. Большая работа по освобождению красочных национальных обычаев от связи с религиозным культом ведется в Белоруссии, в Прибалтике и в других республиках Советского Союза. Эту работу необходимо развернуть в еще более широких масштабах.

В братской дружной семье народов Советского Союза прогрессивные и полезные национальные традиции могут быть легко позаимствованы у одних народов другими и получить таким образом широкое распространение во всей нашей стране. Советские революционные праздники являются теперь интернациональными, — некоторые из них вошли в быт не только всех народов Советского Союза, но и трудящихся всех стран мира, — не только возникшие в качестве международных Первое мая и Международный женский день, но и праздник годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Надо добиваться того, чтобы и некоторые другие праздники, коренящиеся в традициях отдельных народов, стали общесоюзными и интернациональными. То же относится и к традициям, связанным с памятными событиями индивидуальной жизни советских людей. Все, что есть красивого и ценного в традиционных свадебных и других обычаях у любого народа Советского Союза может быть заимствовано и другими народами СССР. В какой-то мере этот процесс уже имеет место, и в этом находит одно из своих проявлений тенденция образования общих элементов формирующейся единой интернациональной культуры народов Советского Союза.

Живучести религиозно-бытовых пережитков в большой степени способствует та цепкость, с которой держатся в быту людей религиозные праздники. В очень многих случаях люди, посещающие в праздничные дни богослужение, выполняющие те или иные обряды, считающие необходимым пьянствовать и «гулять» в эти дни, не имеют уже никакого представления о религиозном смысле самого праздника и о религиозных воззрениях, с ним связанных. Это в особенности относится к так называемым престольным праздникам в русской деревне, которые держатся в быту еще очень прочно. Очень редко даже активный участник престольного праздника, не вышедший в этот день на работу и проводящий его по всем правилам, может сказать, по какому случаю он празднует.

Во многих случаях дело заключается вовсе не в том, что люди хотят ознаменовать религиозный праздник, а в том, что они испытывают потребность время от времени провести день в необычной обстановке, с праздничной едой и напитками и специфическими развлечениями. Советские революционные праздники, — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое Мая и другие — вошли в быт широчайших кругов нашего народа. Но у нас есть возможности внед-

рения в быт советских людей новых общественных праздников, ценных и прогрессивных по своему социальному и идеологическому содержанию, ярких и эмоционально впечатляющих по своим внешним формам и не имеющих абсолютно ничего общего с каким бы то ни было религиозным культом.

Необходимо однако избегать двух ошибочных крайностей в этой сложной работе: кабинетного искусственного выдумывания «совершенно новых» форм, с одной стороны, и простого копирования старых традиционных форм, как правило, связанных с религией, — с другой стороны. В первом случае вся работа останется бесплодной, ибо ее результаты не привьются, не получат распространения; во втором случае мы окажемся на поводу у отжившего, у тех самых религиозно-бытовых пережитков, с которыми мы боремся и которые успешно преодолеваем. Нужно в каждом отдельном случае конкретно подойти к вопросу и отделить зерна народной национальной традиции от сорняков культового обряда. В некоторых случаях это возможно даже там, где народная традиция генетически связана с религией. Каково, например, теперь значение того обстоятельства, что обычай устраивать елку имеет религиозное, хотя и дохристианское, происхождение? Наши дети, веселясь на новогодней елке, не знают, да и знать не хотят о том, что в незапамятные времена на елку вешали жертвоприношения «языческим» богам. Ряженье совсем не так трудно огорвать от его «святочной» основы и придать ему «светские», карнавальные формы, приурочив это развлечение к любому нашему советскому празднику. То же относится и к некоторым другим обычаям.

Один из источников живучести престольных праздников в нашем сельском быту — то, что они дают выход вполне естественной и вовсе не плохой потребности людей принять гостей, хорошо угостить приехавших, самим съездить в гости к родным и друзьям. Праздник просто дает повод к этому. Но почему нельзя перенести праздничное гостеприимство на любой другой праздник, лишенный религиозного содержания и не совпадающий во времени с разгаром сельскохозяйственных работ?

Это относится и к обрядам, связанным с ознаменованием важных событий в индивидуальной жизни человека, о чем уже упоминалось. Церемонии свадьбы, например, у многих народов нашей страны насыщены интересными и яркими, национально окрашенными, обычаями, которые могут и должны быть сохранены в нашем быту. Свадебный поезд, шаферы, преподнесение молодым хлеба-соли, традиционное белое платье невесты, торжественные и красивые величальные песни — все это может быть унаследовано нашим советским бытом. То же относится и ко многим семейным церемониям, которые все больше входят в быт наших людей.

Не всегда бывает легко полностью отбросить остатки религиозных обычаев и обрядов, нередко примешивающиеся и к новым формам нашего быта. На свадьбе, где и речи не могло быть о церковном венчании, молодые вдруг оказываются. «вынуждены» по настоянию кого-либо из старших родственников или других приглашенных гостей прикладываться к иконам и этим в какой-то мере «освятить» свой союз. Гражданские похороны завершаются, иногда через несколько дней, панихидой в церкви или поминанием за упокой. Иногда такое переплетение старого и нового принимает ярко выраженные внешние формы. У народов Нижнего Амура (ульчи) и северо-востока Сибири, как правило, можно видеть в наши дни на могилах надгробия, увенчанные пятиконечной звездой и другими советскими эмблемами; но тут же нередко оказываются специально поломанные нарты или лыжи, положенные на могилу с тем, чтобы дать нужные якобы покойнику средства передвижения. Если старуха-ульчанка приносит на могилу своего сына не только продукты питания, которые, как она считает, будут ему необходимы

в его потусторонней жизни, но и термометр, таблетки аспирина и записную книжку с карандашом, то это значит, что новое в ее сознании и быту хаотически переплелось со старыми религиозными представлениями и обычаями. Такое смешение находит выражение и в переосмыслении старых обрядов, в придании им нередко «рационального» смысла. Шаманское камлание теперь часто у народов северо-востока Сибири истолковывается как проявление гипноза. Пищевые запреты связываются в сознании людей нередко с санитарно-гигиеническими требованиями, хотя происхождение их чисто религиозное. Обряд обрезания также часто объясняется гигиенической «полезностью» этой операции. Иногда здесь, конечно, налицо обычный прием, используемый защитниками религии для маскировки действительного характера и происхождения тех или иных религиозных обрядов и запретов, но нередко мы находим в этих фактах одно из проявлений борьбы старого и нового в сознании людей,— когда старое объяснение или забылось или просто не укладывается в сознании как приемлемое и разумное. В обоих этих случаях налицо проявление процесса преодоления религиозных пережитков, идущего, правда, далеко не всегда по прямой линии категорического отказа верующих от своих религиозных взглядов и бытовых традиций.

Это сказывается и в той неравномерности, с которой отмирают различные исторические напластования религиозных верований и обычаев. Так, во многих случаях несравненно более живучими, чем христианские или мусульманские религиозные пережитки, оказываются дохристианские и домусульманские верования, особенно там, где христианизация или исламизация в свое время проводились насильственными в той или иной степени методами. В некоторых случаях наблюдается даже нечто вроде реванша, который дают «языческие» верования и обычаи победившим их когда-то христианству и исламу.

Большую живучесть по сравнению с официальными культами обнаруживают так называемые бытовые суеверия,— вера в приметы, в гадание, в сглаз. С ними связаны и различные виды колдовства и знахарства, бытующего еще среди некоторых кругов населения нашей страны даже в условиях широкого развертывания сети медицинских учреждений и обеспечения всех граждан бесплатной медицинской помощью.

В обиходе наших пропагандистов, а нередко и в литературе, можно иногда видеть употребление термина «суеверие» в узком смысле,— только применительно к указанным выше явлениям. Между тем, по существу, как известно, между религией и суеверием нет никакой принципиальной разницы — и то, и другое основано на вере в сверхъестественное. Главное же, защитники религии, конечно, кровно заинтересованы в том, чтобы отделить последнюю от наиболее грубых ее проявлений, компрометирующих «возвышенность» религиозной идеологии. Поэтому следовало бы избегать такого терминологического разделения.

Собранные работниками Института этнографии АН СССР за последние годы экспедиционные материалы ярко показывают, какое огромное значение должна иметь для преодоления религиозно-бытовых пережитков развернутая культурно-просветительная работа и научно-атеистическая пропаганда. Ряд партийных решений по этим вопросам, в особенности, постановление Центрального Комитета КПСС от 9/I 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», дает исчерпывающие указания к правильной постановке этой работы. Руководствуясь ими, все учреждения и организации советской общественности на местах под руководством партийных организаций ведут систематическую работу по коммунистическому воспитанию масс. В ряде случаев эта работа ведется, однако, недостаточно интенсивно и развернуто. Не всегда она доходит до селений, расположенных далеко

от железной дороги и районного центра, не всегда доходит и до отдельного человека,— в особенности, до того, кто больше всех других в ней нуждается,— до верующего. Указанное выше постановление Центрального Комитета указывает на необходимость того, чтобы наша пропаганда «доходила до каждого рабочего, колхозника, интеллигента, до каждого советского человека»⁴. То обстоятельство, что на практике у нас, как говорится в постановлении, «некоторые группы населения находятся вообще вне повседневного идейно-политического влияния»⁵ оказывает определенное тормозящее воздействие на процесс преодоления религиозно-бытовых пережитков.

Проект программы Коммунистической партии Советского Союза, предложенный Центральным Комитетом XXII Съезду, дает ясную установку в вопросе о борьбе против религиозных предрассудков. «Партия,— говорится в проекте,— использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих. Необходимо терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений. При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полней раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах»⁶.

Работники этнографической науки могут и должны многое сделать, чтобы способствовать быстрейшему ходу процесса преодоления религии у народов СССР.

SUMMARY

In the Soviet Union, for the first time in the history of mankind, the conditions have emerged for a conclusive overcoming of religion: its social roots have been undermined, a cultural revolution on an unprecedented scale has been achieved; the building of a new, socialist way of life is accompanied by comprehensive scientific and educational propaganda. The great majority of the population of the USSR firmly adheres to the standpoint of scientific atheism. The process of the overcoming of religion is a highly complicated one and includes dialectical opposites.

Field investigations conducted by staff members of the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography have demonstrated that different elements of the religious pattern possess different degrees of resistance to the advance of the atheistic outlook. Particularly tenacious are common, traditional rituals deeply rooted in the life of the people. The present article analyses, on the basis of material obtained in the course of investigations made by the Institute of Ethnography, the different aspects of the process of overcoming religion among the peoples of the USSR.

⁴ «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», «Коммунист», 1960, № 1, стр. 13.

⁵ Там же.

⁶ Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, «Коммунист», № 11, стр. 70.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

И. С. ГУРВИЧ

О ПУТЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРА

Вопросы реконструкции хозяйства, быта и культуры малых народов Севера с первых лет советской власти привлекли к себе особое внимание Коммунистической партии и Советского правительства. Преодоление глубочайшей политической, хозяйственной и культурной отсталости этих народов — яркая страница в истории национальной политики Советского государства. Благодаря постоянной помощи партии и правительства, малые народы Севера проделали за советский период большой путь в экономическом и культурном развитии и перешли от отсталых патриархальных форм хозяйства и быта к социалистическим¹.

В настоящее время у малых народов Севера созданы рыболовецкие артели, коллективные хозяйства, развивающие все отрасли северного промыслового комплекса — оленеводство, охоту и рыболовство, — государственные промхозы, оленеводческие совхозы и рыболовецкие заводы.

В основных отраслях промыслового хозяйства произошли за последние десятилетия большие изменения, что, естественно, вызвало глубокие сдвиги в образе жизни малых народов Севера.

Однако социалистические преобразования хозяйства и быта этих народов встречаются в особых условиях Севера значительные трудности. Ряд отраслей промыслового хозяйства плохо поддается механизации. Весьма остро стоит на Севере вопрос о переходе на оседлость оленеводов — специфика оленеводства в значительной мере препятствует этому. Намечаемые пути преодоления этих затруднений, проводимые на Севере большие хозяйственные мероприятия по дальнейшей реконструкции промыслового хозяйства, изменяющие традиционный быт и культуру малых народов, заслуживают внимания этнографов.

До коллективизации вся масса северных хозяйств делилась, как известно, на две основные категории: оседлых и кочевых². Оседлые занимались преимущественно рыболовством, а в приморских районах и морским зверобойным промыслом; подсобным занятием служила для них охота. Кочевые вели более комплексное хозяйство, обычно сочетая оленеводство с охотой и рыболовством.

Согласно переписи 1926/27 г., 54,4% населения из среды малых народов Севера вели кочевой образ жизни. Если из этих данных исключить

¹ Этот вопрос нашел отражение в ряде работ. См., например: М. А. Сергеев, Малые народы Севера в эпоху социализма, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 126—158; его же, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXVII, М.—Л., 1955; В. Н. Увачан, Переход к социализму малых народов Севера, М., 1958.

² См. П. Е. Терлецкий, Население крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 г.), Труды научно-исследоват. ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР, т. I, вып. 1—2, Л., 1932, стр. 7.

население Амура, в значительной степени оседлое, то показатели кочевого быта возрастают до 62%³. Некоторые народности были целиком кочевыми. Кочевало 96% долган, 92% эвенков, 71% чукчей, 54% коряков⁴. Две основные отрасли северного производства — оленеводство и охота, связанные с периодическими передвижениями, и обусловили распространение кочевого образа жизни.

Следует отметить, что оседлая форма хозяйства на Севере не была более прогрессивным типом производства по сравнению с кочевыми формами хозяйства. Так, материальное благосостояние чукчей и коряков, занимавшихся примитивным рыболовством и зверобойным промыслом, было значительно ниже, чем их оленных собратьев. Неулов рыбы, трудная ледовая обстановка, не позволявшая добывать морского зверя, влекли за собой тяжелые голодовки. Оседлые чукчи и коряки обитали в дымных темных полуземлянках и землянках, ярангах, тесных избушках из плавника. Значительную часть оседлых составляли хозяйства, лишившиеся оленей и в силу необходимости перешедшие к мало доходному рыболовству и собирательству.

Социально-техническая реконструкция каждого из этих типов хозяйства имела и имеет в настоящее время свои особенности. Сравнительно легко удалось реконструировать хозяйство оседлых групп. Развитие рыбной промышленности на Дальнем Востоке — на Камчатке, Чукотке, на Охотском побережье и в Амурском бассейне — благотворно повлияло на хозяйство берегового населения. Механизация морского рыболовства привела к тому, что рыболовецкие артели малых народов Севера получили возможность применять крупные ставные невода, неводовыборочные машины, кунгасы, рыбонасосы. В связи с этим изменился облик хозяйства ряда малых народов Севера. Так, береговые коряки, в недавнем прошлом занимавшиеся речным рыболовством, охотой на морского зверя и собирательством, перешли к весьма доходному морскому промышленному лову рыбы. Получив современную технику, коряки отказались от примитивных орудий лова — сачка, черпущи, заездка с мордами, от лодки-байдары, обтянутой моржовыми кожей, на которой выезжали в открытое море, и байдарки для подкрадывания к лежбищам морского зверя. Все промыслы, кроме морского рыболовства, отступили на второй план. Гыне береговые коряки ловят рыбу в реках лишь для собственного потребления, пушной охотой занимаются как подсобным промыслом, морского зверя добывают в очень небольших количествах⁵.

К промышленному рыболовству, подобно береговым корякам, перешли и некоторые группы нивхов, ульчей, нанайцев, эвенов Охотского побережья, отчасти — береговые чукчи и эскимосы.

В настоящее время в связи с дальнейшей механизацией и развитием рыбной промышленности на Дальнем Востоке в ней находит применение не только труд мужчин из коренного населения, но и женщин.

Многие корякские, чукотские и эвенские рыболовецкие артели расширили свое хозяйство, занялись, кроме вылова рыбы, также ее обработкой и переработкой. Все это резко увеличило доходы населения. На обработке и переработке рыбы заняты преимущественно женщины, которые раньше участвовали лишь в потребительском речном лове рыбы и в заготовке юколы для личного хозяйства. Таким образом, усилия всего берегового населения сосредоточились на одной отрасли хозяйства — промышленном рыболовстве.

³ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 14.

⁴ П. Е. Терлецкий, Указ. раб., стр. 19.

⁵ Механизация внедряется в зверобойный промысел в тех районах, где он имеет промышленное значение. Охотники-зверобой — чукчи и эскимосы — снабжаются быстроходными катерами, гарпунными пушками и ружьями. Для холодного отжима китового жира применяются вальцовочные машины.

Падение роли морской охоты, сокращение речного рыболовства привели к тому, что береговые чукчи, коряки, эвены из мелких поселений стянулись в крупные электрифицированные и радиофицированные поселки; изменились их быт, рацион питания и одежда. Промышленное рыболовство дает населению высокие и устойчивые доходы. Это позволило полностью реконструировать поселки. Из полуземлянок коряки перешли в срубные дома, но отсутствие леса в ряде районов Берингоморского побережья крайне затрудняет строительство. Дома для чукчей и коряков-рыбаков возводятся из Хабаровского края в разобранном виде. Это щитовые и брусчатые одноквартирные и двухквартирные дома с двойным полом, двойным потолком, тамбуром, с готовыми деталями рам и дверей. От 50 до 75% стоимости дома оплачивается государством, остальная сумма — владельцами домов с рассрочкой на 10 лет. В поселках рыболовов возведены благоустроенные школы, клубы, больницы. Начата работа по переводу целых поселков на центральное водяное отопление.

Однако промышленным рыболовством занята лишь часть малых народов Севера, в основном прибрежное население.

Глубокие изменения произошли и в промысловом хозяйстве кочевой части малых народов Севера. Основой благосостояния и главной отраслью их хозяйства является оленеводство с комплексом подсобных промыслов. Достаточно отметить, что почти все поголовье оленей Советского Союза, около 2 млн. голов, обслуживают пастухи из среды малых народов Севера.

Опыт, накопленный малыми народностями Севера в этой специфической области хозяйства, настолько значителен, что человек, не овладевший им, не в состоянии вести выпас оленей. Оленевод должен уметь не только обращаться с арканом, но и предвидеть состояние погоды (например, по приметам определить наступление пурги, чтобы принять необходимые меры к сохранению оленей), ориентироваться в открытой тундре в любую погоду, определять направление пути по ветру, по расположению снежных застругов. Без умения отличить одного оленя от другого, что дается долгой практикой, невозможно определить, имеются ли в стаде потери.

После организации оленеводческих колхозов и совхозов, резкого укрупнения стад в оленеводство внедрен ряд зоотехнических мероприятий: правильное использование пастбищ по сезонам (пастбищеоборот), разделение стад на половозрастные группы, солеяя подкормка. Налажена ветеринарная служба. Широкое внедрение ветеринарных мероприятий привело к тому, что значительно сократились эпизоотии. Огромный ущерб оленеводству на территории нашей страны в дореволюционное время приносила сибирская язва. В 1907 г. только в Большеземельской тундре Архангельской губернии погибло от этой болезни 200 тыс. оленей, а в 1911 г. — 100 тысяч. От сибирской язвы страдали и другие районы Севера. Применение вакцины против сибирской язвы и предохранительные прививки позволили полностью устранить это заболевание у оленей, опасное и для человека, и даже использовать зараженные пастбища. Эффективные меры применяются против некробациллеза, парши, чесотки.

Поднялась техническая оснащенность оленеводства. Для пересчета оленей, проведения ветеринарно-зоотехнических мероприятий применяются переносные веревочные кораллы. В местах летнего пребывания стад сооружены страховые ледники для хранения мяса. Забойные пункты выстроены около поселков, перевалочных баз, отгульных пастбищ⁶.

⁶ Остро стоит вопрос о механизации выделки оленьих кож и шкур и пошива меховых изделий в колхозах и совхозах. В настоящее время ручная выделка шкур, пошив одежды поглощают значительное время и отрываю женщин от более производительных занятий.

Все это повысило доходность оленеводства. Однако труд пастухов по выпасу оленей облегчен еще недостаточно. Некоторые успехи в этом отношении были достигнуты благодаря перенесению опыта, выработанного западными оленеводами — ненцами и коми — на восток. Оленегонная лайка, используемая при выпасе стад в тундровой и лесотундровой зоне от Кольского полуострова до р. Хатанги, в значительной мере облегчает труд пастуха. Но оленеводы, выпасавшие свои стада от Лены до Чукотки, даже не представляли себе возможность использования собак для ухода за стадом. Пастухи сами подгоняли к стаду отходящих оленей, сами разыскивали отбившихся животных. В 1936—1937 гг. немецкие оленегонные лайки были впервые завезены на Лену, в Булунский район Якутской АССР, в Чукотский и Корякский национальные округа. В последние годы ненецкие пастушеские лайки стали широко использоваться в большинстве колхозов и совхозов, как в тундре, так и в тайге.

Тяжелой работой, требующей большой физической выносливости, является летний и осенний выпас оленей. Если зимой оленеводы объезжают стада на нартах, то летом преобладает пеший выпас. Оленеводы — чукчи и коряки до недавнего времени на летовках переносили на себе все имущество. Теперь в ряде районов тундры проводится работа по внедрению летнего окарауливания стад верхом на оленях, причем используются методы тунгусского верхового оленеводства. Однако олени тундровой породы мало приспособлены к верховой езде, и эти опыты не везде удаются. В некоторых оленеводческих районах (Охотское побережье, низовья Колымы) летом пастухи окарауливают оленей верхом на лошадях. Отметим также, что отдельные оленеводческие бригады завезли упряжки ездовых собак для быстрой связи с поселками в зимнее время.

Летний выпас оленей значительно облегчила противооводная обработка стад. Это новшество повысило и доходность оленеводства. Как известно, олени шкуры являются ценнейшим сырьем для изготовления перчаточной и технической замши. Но качество этого сырья бывает обычно очень низким из-за пораженности шкур личинками овода. Оводы приносят огромный вред и наугулу оленей, которые во время массового нападения оводов сбиваются в кучу и начинают «кружиться» — топтаться и кружиться на месте. В больших стадах животные стремятся пробиться к центру стада, где оводов меньше. Нередко во время «кружения» взрослые олени давят молодняк. Олени отказываются от еды, тощат. Теперь при появлении оводов проводится регулярная обработка стада эмульсией ДДТ и гексахлорана, разбрызгиваемой специальными опрыскивателями, перевозными или переносными. При опрыскивании все скопившиеся около стада насекомые погибают и на 8—10 часов создаются условия для спокойного выпаса оленей. Это новшество коренным образом изменяет традиционную технику летнего выпаса оленей. Раньше, когда олени начинали «кружиться», пастухам приходилось почти весь день бегать вокруг стада, подгоняя оторвавшиеся группы, направляя движение так, чтобы взрослые олени не затоптали молодняк, удерживая стада в местах, близких к водопою. Химическая обработка стад освобождает пастухов от многих тревог. Уже в 1958 г. в районах Крайнего Севера было обработано свыше миллиона голов оленей⁷. В настоящее время разрабатываются и другие способы борьбы с кожным оводом, в частности применяются прививки, обеспечивающие гибель личинок в теле оленя⁸. Прививки в комплексе с систематическими опры-

⁷ Д. Савельев, П. Кондаурова, Первые итоги борьбы с кожным оводом, «Магаданский оленевод», 1959, № 3, стр. 29; К. А. Бреев, Д. В. Савельев, Конский овод северного оленя и борьба с ним, М.—Л., 1958.

⁸ Д. В. Савельев, Н. В. Вобликова, А. М. Симков, Новое в борьбе с кожным оводом, «Магаданский оленевод», 1960, № 5, стр. 35.

скиваниями оленей, дают возможность добиться значительных успехов в борьбе с оводами и другими кровососущими. Эти мероприятия позволят приблизить летний выпас оленей к условиям спокойного зимнего выпаса этих животных⁹.

Реконструкция коснулась и речного рыболовства, важной отрасли северного промыслового хозяйства у кочевых в прошлом групп.

Хотя речное рыболовство механизировано значительно слабее, чем промышленное морское рыболовство, тем не менее и здесь появилось много новшеств. Колхозы применяют большие невода, до 500 м, с механической тягой, капроновые сети. Выстроены ледники для хранения рыбы в замороженном виде. Большое значение для многих северных колхозов имеет подледный осенне-зимний лов рыбы, притом наиболее ценных ее пород. Долбление лунок пешней и ломом, очистка лунок, установка сетей и их осмотр не только крайне трудоемкие работы, но и весьма мучительные, так как они обычно производятся при больших морозах. В последние годы сконструированы льдобуры и льдобурильные агрегаты, благодаря которым на механическое бурение одной лунки с учетом вспомогательных операций требуется всего одна минута¹⁰. По сравнению с ручным долблением процесс ускоряется в десятки раз. Механизация подледного лова не только облегчает труд, интенсифицирует промысел, но и позволяет уменьшить состав неводной бригады.

Распространение механических форм водного транспорта в северных районах способствует интенсификации речного рыболовства. В низовьях рек колхозы и совхозы применяют мощные катеры, моторные баржи для развозки рыболовецких бригад, инвентаря, перевозки продукции и сплава леса. На мелководных реках появились катеры-водометы. Широко используются лодки с моторами. Их часто применяют в качестве буксиров, подтягивая к ледникам крупные лодки с рыбой, а иногда и целые караваны мелких лодок. На моторках перебрасывают рыболовецкие бригады с «неурожайных» песков — тоней на более богатые участки. Труд рыбаков по осмотру сетей облегчился благодаря применению легких подвесных моторов. Механический водный транспорт позволил в значительной степени улучшить снабжение населения тундровых поселков продуктами и промышленными товарами.

Охотничий промысел менее всего поддается механизации. Все же за последние десятилетия и эта отрасль северного промыслового хозяйства испытала значительные изменения. Большие работы проведены по обогащению фауны, что благотворно сказалось на развитии промысла пушных зверей. Вполне оправдал себя выпуск ондатры. В 1930—1932 гг. она была выпущена в Якутии, в 1938 г. — в Приамурье, а в 1951 г. — на Чукотке. В настоящее время ондатра широко расселилась по Северу и акклиматизировалась кое-где даже за полярным кругом. Выпуск соболя в последние два десятилетия производился в Корякском и Чукотском национальных округах, в Якутской АССР, в Приамурье и других районах. Ныне начат нормированный отстрел соболя. Развернулись работы по акклиматизации норки. В 1953 г. она выпущена в Приамурье, в 1955 г. — на Чукотке.

Охотничий промысел интенсифицировался и за счет проведения ряда биотехнических мероприятий. Так, во многих тундровых районах вве-

⁹ Попутно отметим, что комары и гнус резко снижают трудоспособность оленеводов, рыбаков, охотников, строителей, геологов в тайге и тундре. Дымокуры, противокмарные сетки лишь в незначительной степени предохраняют людей от этого бедствия. В последнее время на Север стал поступать диметилфталат, паста «Тайга», позволяющие обходиться без дымокуров и сеток. Применение новых химических средств, отпугивающих насекомых, бесспорно облегчит жизнь населения Севера.

¹⁰ С. С. Торбан и С. И. Полуляк, Тракторный льдодуб ИЛБ, «Рыбное хозяйство», 1960, № 12, стр. 39—45.

дена осенняя и даже весенняя подкормка песцов в местах норения. Привада — рыбные отходы, низкосортная рыба, мясо морского зверя — помещается в ямах, и доступ к этим запасам не ограничивается. Хотя охотнику приходится заготовить и завезти в тундру 3—4 тонны привады, его труд оправдывается. Подкормка способствует сохранению численности песца, предотвращает гибель молодняка. В нужный момент охотник выставляет около привады капканы и производит отлов песцов.

Большое место в охотничьем промысле в ряде районов Крайнего Севера (Красноярский край, Якутская АССР) занимает дикий олень. Охота на него — источник получения мяса и шкур. Но для рационализации промысла необходимо установить численность диких оленей. Мнения специалистов в этой области резко расходятся. Так, на территории Красноярского края, по предположению одних, находится всего 60 тыс. диких оленей, по расчетам других — 500 тысяч. В настоящее время проводятся опыты по аэрофотографическому подсчету диких оленей в тундре¹¹.

Улучшилась и вооруженность охотников-промысловиков. Широкое распространение получили облегченные малокалиберные ружья, двустволки, карабины, капканы, специальные охотничьи ножи и топоры, двускатные легкие брезентовые палатки, железные печки. В последнее время стали распространяться древесные капканы на белку, складные сетчатые живоловушки на ондатру и норку, насторожки и петли из капроновой нити, полиэтиленовые мешки для упаковки пушнины. Многие колхозы оборудовали специальные мастерские для первичной обработки пушнины, освободив охотников от этой работы.

Мероприятия по подъему охотничьего промысла способствуют также улучшению быта охотников. Как известно, охотники, промышляющие песца, белку, соболя, вынуждены на долгий срок, иногда на полгода, покидать поселки. Большая протяженность промысловых участков заставляет охотников часто переезжать с места на место. В лесотундровой зоне охотники на белку обычно обьезжают промысловые угодья на оленях, преодолевая в день до 30—40 км. Необходимость присмотра за ездовым оленем, постоянные перекочевки, длительное пребывание на промысле вынуждают охотников на белку брать с собой и свои семьи. Охотники, специализирующиеся на добыче соболя и песца, обычно оставляют семьи в поселках и навещают их несколько раз за зимний сезон. Они пользуются обычно собачьим транспортом, что значительно сокращает время переездов, но все же посещение поселков отрицательно сказывается на промысле, так как поездки отнимают много времени и ездовые собаки непроизводительно используются. Охотники, промышляющие без семьи, испытывают значительные лишения. После трудового дня, долгого пребывания на морозе, им приходится самим разбивать чум или палатку, готовить пищу, сушить и чинить одежду, обувь, править шкурки. Использование песцовой привады позволяет значительно сократить разъезды охотников и сосредоточить промысел в одном районе. В глубинных участках тундры (в местах норения и скопления песцов) колхозы, организации, ведающие охотой, промхозы ставят охотничьи избушки на расстоянии 20—30 км одна от другой, располагая их в шахматном порядке. К избушкам пристраивают обычно сарай-собачники. Потребность в избушках весьма велика, так как совместно промышляют всего два-три охотника.

За последние десятилетия хозяйство северных промысловых артелей стало значительно более комплексным, чем оно было в первые годы кол-

¹¹ В. Андреев, Определение численности северного оленя, «Охота и охотничье хозяйство», 1959, № 4, стр. 7—9; В. М. Сдобников, Дикий олень Таймыра и упорядочение его промысла, «Проблемы Севера», 1958, вып. 2, стр. 156—162.

хозного строительства. В ряде районов, где это было целесообразно, к традиционным занятиям — оленеводству, охоте и рыболовству — прибавились огородничество и животноводство. Однако попытки придать этим отраслям хозяйства самостоятельное и тем более ведущее значение не оправдали себя. В климатических условиях Севера эти занятия малорентабельны по сравнению с традиционными. Поэтому в северных районах огородничество и животноводство развиваются как подсобные отрасли хозяйства, для удовлетворения потребительских нужд самих колхозников и рабочих оленеводческих совхозов.

Новой отраслью для Севера является и звероводство. Разведение в неволе черносеребристых лисиц, голубых песцов и норок получило там за последние годы широкое распространение. Так, в Чукотском национальном округе в 1955 г. были созданы 3 зверофермы, в 1960 г. имелось уже 19 ферм с основным поголовьем в 1389 черносеребристых лисиц¹². Следует напомнить, что звероводство не является специфически северной отраслью хозяйства. Кроме того, оно требует устойчивой кормовой базы и рентабельно при наличии значительных мясных и рыбных отходов. Однако отходы, имеющиеся в распоряжении северных колхозов, ограничены. В тех случаях, когда отходов недостает, колхозы скармливают зверям оленей, лошадей, рыбу, и доходность фермы резко снижается. Это может быть до известной степени выправлено организацией межколхозных звероферм, механизацией приготовления кормов, применением костедробилок, что будет способствовать повышению рентабельности этой новой отрасли хозяйства.

Значительную роль во всех традиционных отраслях северного промыслового хозяйства играет местный транспорт. За последние годы на Севере и в этой области произошли большие изменения. Так, в большинстве северных районов Якутии до 1940 г. главным средством гужевого транспорта были олени. Однако массовые перевозки почты и грузов на оленях обходились колхозам крайне дорого и отрывали значительную часть трудоспособных колхозников от производства. Так, между Якутском и северными районами для перевозки почты по зимнему пути (летом почта доставлялась оказией) были через каждые 30—50 км установлены почтовые станции. На них жили ямщики-оленьеводы, занимавшиеся перевозкой почты, пассажиров и выпасом почтовых оленей.

До Октябрьской революции на Север завозили только такие грузы, как чай, табак, и в незначительных количествах муку и ткани, а вывозили пушнину; после установления советской торговли на Север стали поступать в больших количествах мука, крупа, сахар, консервы, керосин, свечи, мануфактура, готовое платье, книги, строительные материалы, всевозможное оборудование. Для массовых перевозок этих грузов оленьий транспорт оказался непригодным. Как известно, на одну нарту грузят от 120 до 180 кг, в зависимости от состояния дороги и упитанности оленей. Один возчик обычно ведет караван, состоящий из 5—6 нарт, который проходит в день всего 25—30 км. После нескольких дней пути делается дневка — оленям дают суточный отдых. Олени, регулярно используемые на перевозке грузов, быстро тощат и слабеют. Поэтому в середине зимы во избежание гибели «выбитых» оленей их приходится заменять свежими. Из-за нехватки оленей даже оленеводческие районы часто не справлялись с доставкой почты и вывозкой грузов.

В связи со строительством поселков на Севере нужда в рабочих оленях резко возросла. Они стали использоваться для вывозки дров и строительного леса. Нехватка оленей привела к тому, что в дальние

¹² Г. Любимова, Сделай звероводство доходной отраслью, «Магаданский оленевод», 1960, № 5, стр. 38—39.

наслеги приходилось завозить лишь продукты и товары первой необходимости. В ущерб охотничьему промыслу на вывозку грузов в ряде северных районов отправлялось до 10—15% трудоспособных колхозников.

Применение тракторов с прицепами — тракторными санями, частично грузовых автомашин для доставки продовольствия и товаров с мест выгрузки в северные поселки позволило освободить оленеводческие колхозы и совхозы от обременительных перевозок на оленях. Почта и срочные грузы теперь доставляются в северные районы авиацией.

Использование тракторов и автомашин самими колхозами и совхозами способствует также улучшению условий труда и быта населения тайги и тундры. На тракторах по зимнему пути по маршрутам кочевков развозят запасы продовольствия для оленеводческих бригад, химикаты для противооводной обработки оленей, соль для их подкормки, лес для строительства ледников, кораллей, перевалочных баз, жерди для сооружения песцовых ловушек, а в безлесные районы — запасы топлива для пастухов и охотников. Во многих районах тундры еще недавно в качестве топлива оленеводы и охотники пользовались главным образом тальником. Для того, чтобы вскипятить чайник, расходуется огромная вязанка тальника. Добыча его и доставка в стойбища отнимала у оленеводов большую часть их свободного времени. Но тальник растет не во всех участках тундры, поэтому в некоторых районах оленеводы при перекочевках вынуждены были возить с собой дрова. Расходовали их крайне скупно, что отражалось на быте оленеводов. Из-за нехватки топлива в ряде участков тундры оленеводы вынуждены были отказываться от железных печек. По этой же причине оставались не освоенными многие отдаленные тундровые пастбища.

Тракторы используются и для завоза на тундровые охотничьи базы привады для песцов. С базы привады — рыбу, мясо морского зверя — охотники развозят на собаках и оленях по своим участкам, так как шум тракторов и запах бензина отрицательно влияют на результаты пушного промысла. Применяются тракторы и для вывоза рыбы, добытой на тундровых озерах.

Сокращение грузоперевозок на оленях позволило колхозам более удовлетворительно обеспечить охотников ездовыми оленями. Ныне на одного охотника, промысляющего белку, передовые колхозы выделяют от 8 до 12 оленей на сезон. В некоторых колхозах охотникам дают по 4—6 оленей в начале промысла, а затем, в середине зимы, заменяют их свежими. При хорошей обеспеченности оленями добыча охотников резко возрастает.

Ездовые олени широко используются самими пастухами для работы в стаде.

В ряде тундровых районов в связи с применением механических видов транспорта и сокращением грузоперевозок оленеводство приняло более выраженное мясо-шкурное направление и выход оленьего мяса и шкур увеличился. Однако олений транспорт и в настоящее время сохраняет большое значение. Он широко применяется, например, геологическими экспедициями. На оленях завозят грузы в отдаленные лагеря поисковых партий. Только в 1957 г. в одной Якутской АССР геологическим экспедициям было предоставлено свыше 10 тыс. ездовых оленей.

В связи с тем, что олений транспорт находит разнообразное и широкое применение, местной промысловой кооперацией налажен выпуск металлических принадлежностей к оленьей упряжке (крючки для поводков, кольца, пуговицы, колокольчики). Соответственно для собачьего транспорта выпускаются вертлюги, цепи, железные подползки для нарт.

Проведенные за советский период мероприятия преобразили Север; изменился и быт кочевой части малых народов. В тундре, лесотундре и тайге возникли сотни новых благоустроенных колхозных, совхозных по-

селков с брусчатыми и щитовыми домами¹³. В таких поселках имеются школа, интернат для детей, родители которых заняты на промысле, больница или фельдшерский пункт с родильным отделением, иногда детский сад или ясли, клуб с киноустановкой, библиотека, продуктовый магазин, пекарня; в больших поселках — столовая, сберкасса, почтовое отделение, пилорама. Такие поселки, как Колымская — центр чукотско-эвенского колхоза «Турваургин» Нижне-Колымского района Якутской АССР, ныне центр оленеводческого совхоза, как поселок Карага корякского колхоза «Ударник» Карагинского района Корякского национального округа, поселок Ямск — центр эвенского колхоза «Ленинский путь» — могут служить примером новых, современных типов поселений.

Постоянные жители поселков занимаются рыболовством, звероводством, огородничеством, разведением рогатого скота, кустарными промыслами. Рыбаки обычно живут оседло в поселке круглый год; охотники же и оленеводы по характеру своей деятельности вынуждены покидать поселок на длительные сроки. Все же охотники значительную часть года проводят в поселке, а оленеводы лишь изредка посещают поселки. Как известно, олени стада находятся в постоянном движении, а вместе со стадом кочует и бригада пастухов. Олени стада, как правило, выпасаются в десятках, а то и в сотнях километров от центральных усадеб колхозов и совхозов. В этих условиях отделение бытового кочевания от хозяйственного крайне затруднительно. С оленеводом обычно передвигается и его семья — жена и малолетние дети. В настоящее время по Северу кочует около 12 тыс. семей. Быт их остается весьма примитивным. Назрел вопрос о переводе и этой категории хозяйств на оседлость. Переустройство быта оленеводов — большая государственная задача для всего Севера.

Для улучшения быта пастухов многое уже сделано. Но единого пути для переустройства быта оленеводов и перехода их к оседлому образу жизни не выработано. В различных областях и северных округах этот вопрос пока решается по-разному. В связи с этим приведем несколько примеров того, как перестраивается быт оленеводов в отдельных северных областях. Так, в ряде районов севера Якутской АССР внедрены улучшенные тордохи (чумы). В этих просторных, теплых чумах пол застлан щитами из досок, печка снабжена духовкой, в которой можно выпекать пшеничный хлеб. Пастушеским бригадам выдаются батарейные радиоприемники, складные кровати, столы, стулья. В Анабарском районе в целях сокращения зимних перекочевков каждой бригаде даются болохи — домики на нартах площадью 3—3,5×2 м¹⁴. Для транспортировки такого болоха без груза нужны три оленя. В том случае, когда стадо выпасается далеко от чума, пастухи отдыхают в болохе, иногда проводя в нем несколько суток. В Нижне-Колымском районе, где раньше были распространены яранги, теперь оленеводы сооружают на зиму вместительные палатки из оленьих шкур, с полом, окнами, дверью и необходимой мебелью.

В Саккырыском и Томпонском районах Якутской АССР оленеводы эвены и якуты с успехом применяют сборно-разборные чумы конструкции Л. Файко и И. Попова¹⁵. Эти жилища имеют каркас из дюралюминиевых труб, легкое покрытие из брезента, зимнее — из оленьих

¹³ В связи с развитием промышленности в ряде районов появились современные города — Норильск, Магадан, поселки городского типа, благоустроенные окружные центры — Нарьян-Мар, Дудинка, Анадырь, порты — Тикси, Бухта Провидения и другие, оказывающие большое культурное влияние на коренное население.

¹⁴ Этот тип передвижного жилища известен в этнографической литературе под названием нартянного чума.

¹⁵ Л. И. Файко, Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера, «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 144—150. Несколько сот опытных образцов такого чума было выпущено Якутским механическим заводом.

шкур и пол из тонких дощечек, соединенных ремнями. При всех достоинствах этого чума (малый вес, быстрота сборки и разборки, транспортабельность, сравнительно большая полезная площадь — 18 кв. м) в тундровой зоне, где господствуют сильные ветры, он не оправдал себя. Колхозы и совхозы тундровых районов предполагают выстроить на путях кочевков дома для оленеводов.

Однако ни введение усовершенствованных чумов, ни строительство домов на путях кочевков не разрешают вопроса о коренной перестройке быта оленеводов.

Заслуживают изучения мероприятия, проводимые по улучшению быта оленеводов в Чукотском национальном округе. В 1958 г. колхоз имени Ленина Чукотского района Магаданской области снабдил три свои оленеводческие бригады передвижными восьмиместными домиками, передвигаемыми трактором. В доме оборудованы в два яруса койки, имеются стол, печь, табуреты, радиоприемник, электричество. В таком помещении пастухи получают возможность сменить меховую одежду на обычную, употреблять нательное и постельное белье и стирать его. Применение передвижных домиков на механической тяге позволило обеспечить смену пастухов на дежурство не раз в сутки, а через три-четыре часа. Яркий прожектор, оборудованный при доме, отпугивает волков¹⁶.

Однако применение тракторов для перевозки домиков оленеводов встречает множество затруднений технического порядка: зимой в условиях низких температур трактор очень трудно завести, поломка его в тундре в большом отдалении от ремонтных мастерских трудно исправима, дорого обходится завоз горючего на маршруты следования стад. Затраты по использованию тракторов крайне высоки — по расчетам правления колхоза имени Ленина они выражаются в сумме 48 тыс. руб. в год на одну бригаду. Эти расходы может оправдать только бригада, выпасающая не менее трех тысяч оленей, но такие стада даже в тундровой зоне редкость. Оптимальные размеры стада для большинства северных районов — 1200—1500 голов¹⁷. Этим объясняется, что опыт колхоза имени Ленина не воспринят другими оленеводческими хозяйствами Чукотки.

В Корякском национальном округе также проводится интересная работа по перестройке быта оленеводов. В районе зимовок стад строят поселки-базы, состоящие из нескольких домиков для пастухов и их семей, магазина, фельдшерского пункта. В округе пытались усовершенствовать яранги: в частности, в потолок полога вшивали застекленные рамы, в самом пологе устанавливали железную печку. Днем, когда по крышку яранги приподнимают, в полог проникает свет. Однако эти новшества не получили широкого распространения.

Наиболее радикальные предложения по улучшению быта оленеводов и переводу их на оседлость разработаны в Ненецком национальном округе Архангельской области¹⁸. Оленеводство — ведущая отрасль сельского хозяйства этого округа. В двенадцати колхозах и трех совхозах округа содержится 138 600 оленей, в том числе 75 544 маток (дан-

¹⁶ И. А. Скуратов, Оленеводство, Магадан, 1960; Ю. Егоров, Так утверждается новое, «Магаданский оленевод», Магадан, 1960, стр. 19—22.

¹⁷ «Северное оленеводство», М., 1948, стр. 160.

¹⁸ В августе 1960 г. Нарьян-Марская сельскохозяйственная станция Института полярного земледелия и животноводства устроила расширенное заседание Ученого совета, посвященное переводу на оседлость оленеводов Малоземельской тундры. Ученый совет был собран в открытой тундре в местности Утус-Лабхэе, удобной для съезда оленеводов. Сюда прибыли представители оленеводческих колхозов и совхозов, пастухи, бригады, председатели. Из окружного центра Нарьян-Мара на вертолетах были доставлены члены Ученого совета, представители Ненецкого окружкома КПСС и окрисполкома. Автору настоящей статьи довелось принять участие в этом заседании и ознакомиться с материалами и рекомендациями окружной комиссии по переводу оленеводов на оседлость.

ные на 1 января 1960 г.). Все это поголовье обслуживает 665 семей, состоящих из 3216 колхозников и рабочих оленеводческих совхозов — ненцев и коми (в оленеводстве занята подавляющая часть колхозников и рабочих совхозов Ненецкого округа). Всего оленеводческие колхозы и совхозы округа объединяют 4054 чел., в том числе 3855 трудоспособных. Все 665 семей, занятых оленеводством, постоянно кочуют. Они возят с собой все свое имущество, в связи с чем в каждом стаде содержится большое количество ездовых быков. По подсчетам правления ненецкого колхоза «Нарьяна-Ты», в каждом стаде из-за этого недополучают 100—150 телят. Кроме того, бригады, обремененные значительным количеством имущества и людей, не могут передвигаться часто, иногда нарушают режим выпаса оленей и использования пастбищ. Главная же побудительная причина перевода оленеводов на оседлость заключается в том, что при постоянных перекочевках они и члены их семей не могут создать себе нормальных бытовых условий и не в состоянии удовлетворять свои культурные запросы. Вопрос о переводе оленеводов на оседлость решается в Ненецком национальном округе следующим образом.

Прежде всего предполагается перевести на оседлость оленеводов Малоземельской тундры. Там кочует 118 семей (660 чел.), из которых только 14 семей имеют в поселках свои дома. Всего в Малоземельской тундре выпасается 24 140 колхозных и совхозных оленей и 3728 личных оленей. Маршруты кочевков стад при составлении пастбищеоборотов удается укоротить. В прошлом оленеводы-ненцы имели короткие маршруты кочевков, так как, постоянно живя в тундре, они занимались не только оленеводством, но и охотой. Коми выработали длинные «ленточные» маршруты, их стада кочевали от лесотундры к морю и обратно. Пути, по которым в Ненецком округе двигались колхозные стада, близки к маршрутам коми. Отказ от ленточного кочевания, переход на кольцевые маршруты позволяют сократить в ряде колхозов округа кочевание и приблизить стада к поселкам. Колхоз имени Выучейского уже отказался от зимовок своих стад в лесной зоне из-за отдаленности этих пастбищ от колхозного центра — поселка Нельмин нос. Зимние пастбища в необходимых размерах имеются и в непосредственной близости от этого поселка.

Специалисты Нарьян-Марской сельскохозяйственной станции составили для колхозов округа новое землеустройство, причем удалось выделить большие участки, на которых может быть организован вольный выпас оленей, если будут выстроены изгороди. Таким участком является Канин нос¹⁹. Улучшение землеустройства облегчило укрупнение колхозов: в колхоз «Россия» в 1960 г. вошло четыре небольших колхоза.

Основным мероприятием для перевода на оседлость окружные организации и колхозы считают создание сменных оленеводческих бригад. Каждую бригаду предполагается разделить на две части: первая будет работать в стаде 10—15 дней, затем ее сменит вторая. Трудодни будут начисляться всей бригаде по результатам работы. Правление ненецкого колхоза «Нарьяна-Ты» уже создало сменную бригаду в стаде, базирующуюся около центральной усадьбы. Смена пастухов производится через каждые 10 дней на оленях. После дежурства в стаде пастухи отдыхают в поселке несколько дней, а затем получают там работу до следующего выезда в тундру. Смену бригад намечается в большей части округа

¹⁹ Строительство изгородей и организация полувольного выпаса оленей в лесной зоне позволят и здесь перевести оленеводов на оседлость. В совхозе Буксунда Магаданской области начато строительство изгороди протяженностью в 20 км. Она вместе с естественными препятствиями (крутые склоны гор) перекрывает участок осенних пастбищ площадью в 13 тыс. га. На этом участке стадо в 1500 голов можно будет выпасать весь осенний период (См. В. Соловьев, Изгородь на оленьих пастбищах, «Магаданский оленевод», 1960, № 5, стр. 36—37).

производить на вертолетах и самолетах²⁰, на оленях, когда стада будут находиться близко от поселков, а на некоторых участках летом — на катерах. Стоимость транспорта, по предварительным расчетам, обойдется каждому колхозу от 2 до 10 тыс. руб.²¹. Всего по округу на смену бригад потребуется 81 900 руб. Эти затраты колхозы и совхозы могут принять на себя, так как доходы от оленеводства только за 1960 г. исчисляются в 2 140 900 руб. Следует учитывать и то, что за счет сокращения числа ездовых быков и увеличения поголовья маток часть этих расходов на транспорт будет покрыта.

Применение вертолетов и организация сменных оленеводческих бригад предполагают значительное повышение квалификации оленеводов. Так, им предстоит овладеть простейшей радиоаппаратурой для того, чтобы поддерживать регулярную двустороннюю связь с поселком, для сообщения о своем местонахождении, получения прогнозов погоды и пр.

Использование вертолетов в оленеводстве несомненно облегчит борьбу с потерями — даст возможность быстро обнаружить отколовшиеся от стада косяки оленей (как известно, потери доходят в больших стадах до 400—500 голов). Использование вертолетов открывает большие возможности и для истребления волков²². Вертолеты позволяют преследовать волков не только в тундровой зоне, но и в лесотундре. По словам летчиков и оленеводов, волк, преследуемый вертолетом, не прячется, а кружится, задрав голову, наблюдая за своим врагом. Применение авиации улучшит также снабжение оленеводческих бригад медикаментами, лимикатами, позволит легко забрасывать продукты в отдаленные бригады охотников. Облегчится и борьба с падежом оленей во время гололеда. На вертолетах и самолетах в нужный момент в стада легко может быть завезена подкормка в виде концентрата из овсяной, костной и рыбной муки, отрубей и других пищевых отходов. Страховые запасы подкормки могут быть заготовлены в необходимых количествах каждым колхозом. Обеспечение связи между поселками и оленеводческими бригадами будет способствовать и улучшению подготовки кадров оленеводов. Учащиеся средней школы в северных районах обычно выезжают в стада только во время летних каникул. Применение вертолетов позволит организовать и зимнюю практику школьников в оленеводческих бригадах.

Перевод на оседлость в округе предполагается осуществить в три года: это потребует постройки около 600 домов. Сборные дома могут быть легко завезены с лесопильных заводов Архангельской области. Они производятся и в самом округе. Переход оленеводов в поселки позволит им коренным образом изменить свой быт. Они получат возможность жить в благоустроенных домах, отдавать своих детей в ясли и детские сады, не разлучаясь с ними, воспитывать своих старших детей, находящихся в интернатах. Они постоянно смогут пользоваться медицинской помощью, клубом, учиться на курсах²³.

Переход оленеводов к оседлости позволит полностью обеспечить оле-

²⁰ Вертолеты при ограниченном радиусе действия неприменимы для смены бригад, находящихся в 400—500 км от поселков, а в ряде участков округа олени стада значительную часть года кочуют на расстоянии нескольких сот километров от центральных баз своих колхозов. Для смены бригад в таких районах необходимы самолеты и, следовательно, посадочные площадки; возможно, окажется целесообразным применение вездеходов.

²¹ Здесь и ниже цифры даны исходя из нового масштаба цен.

²² Только в колхозах и совхозах Ненецкого национального округа, по подсчетам сотрудников Нарьян-Марской сельскохозяйственной станции, волки ежегодно уничтожают около 6000 оленей, что приносит убыток до 200 тыс. руб. Применяющиеся меры борьбы с волком — яды, капканы, отстрел специальными бригадами в период шенения — малоэффективны. (См. «Мероприятия по увеличению производства продукции сельского хозяйства и промысла в колхозах и совхозах Ненецкого национального округа», Нарьян-Мар, 1955, стр. 52).

²³ С переводом оленеводов в поселки в значительной мере отпадает необходимость в таких специфических и дорогостоящих культурно-просветительных учреждениях, как красные яранги и красные чумы.

неводство молодыми кадрами. Основная причина нежелания молодежи идти на работу в оленеводство — отрыв на длительное время от поселка, от оседлого быта — отпадает. Переход в поселки потребует и того, чтобы оленеводы-пастухи приобрели вторую, дополнительную специальность и могли бы работать в поселке. Они смогут применить свои силы в животноводстве, огородничестве, рыболовстве и т. д. Это несомненно будет способствовать общему подъему благосостояния и культурного уровня населения тундры.

Путь перевода на оседлость оленеводов, предложенный Ненецким национальным округом, заслуживает тщательного изучения.

Повсеместное осуществление перевода оленеводов на оседлость потребует, очевидно, в различных областях Севера разработки особых форм организации труда и применение особого транспорта.

Перевод на оседлость не снимает вопроса об улучшении бытовых условий в бригадах. Сочетание мер, разработанных Ненецким национальным округом по переводу на оседлость оленеводов, с опытом Якутской АССР и Магаданской области по улучшению быта оленеводческих бригад позволит коренным образом переустроить быт оленеводов. Основное звено в этом — внедрение механического быстроходного транспорта, что даст возможность сочетать ведение промыслового хозяйства с оседлым образом жизни.

S U M M A R Y

The overcoming of the utmost political, economic and cultural backwardness among the small peoples of the North is a vivid page in the history of the national policy of the Soviet state. In the Soviet period these peoples have traversed a long path in their economic and cultural development. Nevertheless, the socialist transformation of the economy and way of life of these people in the specific conditions of the North still encounters considerable difficulties. Several branches of their hunting and trapping economy are ill suited to mechanization. The problem of converting the reindeer breeders to a settled mode of life is quite urgent.

The social and technical reconstruction of the economy of the settled sections of the small peoples of the North dwelling on the sea shore, caused them to switch over to highly profitable sea fishing, which brought about a radical improvement of their life.

Profound changes have occurred in the economy of the nomad section of the small peoples of the North. Zootechnical and veterinary practices have been introduced in reindeer breeding. Treatment of reindeer against gadflies has rendered reindeer breeding more productive and ensured higher earnings to the herdsman. Other branches of the economy, too, are reconstructed — river fishing (the spread of mechanical watercraft, employment of large sweep nets, etc.) and hunting and trapping (augmenting the animal population by lodging muskrat, mink and sable, the introduction of new types of traps, etc.). The people's way of life has visibly improved thanks to the broad employment in the taiga and tundra of tractors and motor cars to carry freights, including foodstuffs and chemicals.

Changes in the economy have promoted the material welfare of the population. Well-built collective-farm and state-farm settlements have emerged in the North, complete with subsidiary, cultural-educational and medical establishments.

Stimulating measures are conducted in various parts of the North to ensure further improvement of the life of reindeer breeders and their transfer to a settled mode of life. In the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, improved dismountable dwellings for reindeer breeders have been designed, while in the Chukot Peninsula a new feature are portable tractor-drawn houses. In many areas, houses are built along the roaming routes of reindeer-breeders' teams; enclosures for semi-free pasturing are introduced. Some radical measures to improve the life of reindeer breeders and to ensure their transfer to a settled mode of life have been worked out in the Nenets National Area. The idea is to achieve maximum proximity of the roaming routes of reindeer herds to the settlements, to introduce an alternating schedule of work for herdsmen's teams (so as to relay them every 10 or 15 days, using for this purpose helicopters), etc., etc.

В. И. КОЗЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У НАРОДОВ СССР

(Опыт исследования на примере мордвы)

1

Проведенная в январе 1959 г. перепись населения СССР создала необходимую статистическую базу для важнейших исследований по народам СССР. Перепись уделила большое внимание учету национального состава СССР; программой переписи предусмотрена детальная разработка данных о национальности и родном языке как в территориальном разрезе, так и в сопоставлении их с другими показателями (половозрастным составом, уровнем образования, занятиями и т. д.). Сравнение данных переписи 1959 г. с данными предыдущих переписей (1926 и 1939 гг.) дает представление о динамике численности народов СССР за этот период.

Динамика численности народа складывается под влиянием трех основных факторов: естественного движения (рождаемость и смертность), механического движения (иммиграция и эмиграция) и этнических процессов (консолидация и ассимиляция). При изучении динамики численности народа этнограф не может оставить без внимания ни показатели естественного движения населения, находящиеся в определенной связи с особенностями культуры и быта народа¹, ни миграции; однако наибольшее внимание он неизбежно должен уделить этническим процессам — процессам перехода групп населения из одной этнической общности в другую, тем более, что связанные с этим проблемы принадлежат к числу наименее изученных проблем этнографической науки.

Наличие этнических процессов у того или иного народа при отсутствии сколько-нибудь заметной эмиграции или иммиграции устанавливается путем сравнения динамики его численности, полученной по показателю его естественного прироста, и действительной динамики численности этого народа, полученной при сопоставлении материалов переписей населения. Следует отметить, что процессы естественного движения у большинства народов СССР в период между переписями 1939 и 1959 гг. были осложнены событиями Великой Отечественной войны (потери на фронтах и на оккупированной немцами территории, значительное изменение показателей рождаемости и смертности и пр.)². Выбирая мордву в качестве объекта данного исследования, мы не могли не учитывать все эти обстоятельства.

¹ См. по этому вопросу нашу статью «Культурно-исторический процесс и динамика численности народов», «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1.

² Отметим, что сильное изменение численности некоторых народов (украинцы, белорусы, евреи, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване и др.) связано и с установлением новых границ СССР в результате воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии, и вхождения в состав СССР прибалтийских республик. Подробный анализ этнических процессов у таких народов может быть произведен лишь после получения данных следующей переписи населения СССР.

При изучении этнических процессов особенно важно установить причины этих процессов, факторы, влияющие на их развитие, интенсивность их на разных исторических этапах, влияние их на динамику численности и на культурный облик отдельных народов и пр. Исследование этнических процессов в настоящее время затруднено слабой разработанностью методологии таких исследований и некоторой путаницей в области терминологии, в частности — недостаточно четким и последовательным разграничением двух основных типов этнических процессов: консолидации и ассимиляции. Поскольку у мордвы наблюдаются оба эти типа этнических процессов, нам придется остановиться и на их определении.

Под консолидацией обычно понимается процесс слияния нескольких народов (или крупных частей народов) в один народ, получающий иногда и новое название; этот процесс обусловлен территориальными связями, хозяйственным и культурным общением народов и ускоряется в случае их родственного происхождения, близости языка и культуры. Процессы консолидации характерны главным образом для народов, находящихся на начальных ступенях этноисторического развития; они лежали в основе образования многих современных наций, которые еще на стадии народности сложились из родственных племен (русские, например, из кривичей, вятичей и др.). В наше время слияние некоторых народностей Алтая и Дагестана в более крупные этнические общности также является не чем иным, как процессом консолидации.

Процессы консолидации мордвы имели свои особенности. В период появления мордвы на исторической арене (конец I тысячелетия н. э.) она представляла собой несколько племен (или групп племен), крупнейшими среди которых были: племя эрзи, расселенное в междуречье Оки, Суры и Волги, и племя мокши, жившее к югу от этой области, в частности в бассейне р. Мокши. Эрзяне и мокшане имели некоторые различия в языке и культуре, однако эти различия не были глубокими. Близость языков эрзи и мокши — наличие общности в корнях слов и в основах грамматики — свидетельствует о том, что оба они возникли из единого «прамордовского» языка, а племена эти — из единой родоплеменной общности. Консолидация эрзи и мокши в древности тормозилась набегами соседних народов (хазар, болгар и др.) и, наконец, была приостановлена нашествием татаро-монголов. Развитию исследуемого процесса после включения всего мордовского народа в состав Русского государства (середина XVI в.) препятствовало бесправное положение этого народа, его экономическая и культурная отсталость. Но, пожалуй, решающую роль сыграло то обстоятельство, что в результате колониционного движения русских в пределы мордовской территории, лежавшей на основном пути их проникновения в районы Поволжья, а также в результате участия самой мордвы в колонизации других районов Поволжья, отдельные группы ее оказались территориально разобщенными и потеряли связь между собой. Вследствие этого мордовские языки так и не слились и в настоящее время представляют собой два самостоятельных литературных языка — эрзянский и мокшанский.

После Октябрьской революции, закончившей с неравноправием мордовского народа, в связи с ростом его экономики и культуры создались условия для слияния эрзи и мокши в единую нацию; однако процесс этот и в настоящее время еще нельзя считать завершенным. Деление мордвы на мокшу и эрзян глубоко укоренилось в национальном самосознании мордовского населения. До сих пор в мордовской литературе для обозначения всего мордовского народа употребляется не термин «мордва», который был дан ему, по-видимому, соседними народами, а термин «эрзят-мокшот», т. е. эрзяне и мокшане. Б. Е. Серебrenников пишет: «В недавнее время в Мордовии усиленно дебатировался вопрос о наличии одной или двух мордовских наций. Одни утверждали, что

поскольку существуют два литературных языка, следовательно, существуют две мордовские нации — эрзянская и мокшанская. Другие считали ненормальным такое явление, когда единая мордовская нация имеет два языка, и призывали к созданию единого мордовского литературного языка на базе искусственного сближения эрзянского и мокшанского языков³.

Не пытаясь решить полностью проблему консолидации мордвы, отметим, что даже в пределах Мордовской АССР, где для этого имеются наиболее благоприятные условия, слияние мордовских языков из-за территориальной разобщенности основных районов расселения мокши и эрзя вряд ли возможно. Это подтверждается и материалами переписи 1959 г., программа которой на территории Мордовской АССР была дополнена вопросом о принадлежности к эрзе или мокше и вопросом об эрзянском и мокшанском языке. Всего в Мордовской АССР было зарегистрировано 178,3 тыс. мокшан (из них 164,7 тыс. с родным мокшанским языком) и 164,8 тыс. эрзян (из них 157,3 тыс. с эрзянским языком). Лишь небольшие группы мордовского населения называли себя просто «мордва» и показали своим родным языком мордовский. Мордовская этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР и Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики в 1957—1958 гг. побывала в смешанных эрзянско-мокшанских районах Пензенской и Ульяновской областей и обнаружила там случаи слияния групп эрзян и мокшан, сопровождающегося иногда и выработкой общего разговорного языка. Эти процессы, происходящие, вероятно, и в других изолированных группах мордвы, представляют известный научный интерес, однако по своей интенсивности они значительно уступают процессам этнической ассимиляции мордвы.

Ассимиляция в отличие от консолидации представляет собой процесс этнического взаимодействия групп населения, сильно отличающихся обычно своим происхождением, языком и культурой. Сущность процессов ассимиляции, характерных, как правило, для уже сформировавшихся народов, заключается в том, что отдельные представители или группы какого-либо народа, находясь в длительном общении с другим народом, утрачивают свои особенности в области национальной культуры и быта, усваивают культуру другого народа, воспринимают его язык и перестают считать себя принадлежащими к прежней этнической общности. Ассимиляция, как и консолидация, представляет собой не только длительный, но и весьма сложный процесс, начальные и особенно конечные стадии которого установить не так легко. Известны случаи, когда перемена языка и многих сторон культуры не влекла за собой изменение национального самосознания; известны также случаи, когда элементы прежней материальной и духовной культуры сохранялись в течение длительного времени после изменения национального самосознания⁴. При изучении ассимиляционных процессов по материалам переписей населения, определяющих национальную принадлежность путем вопроса о национальности, завершающей стадией ассимиляции можно считать изменение национальности (т. е. возникновение нового национального самосознания); перемене второго этнического определителя — языка (т. е. языковой ассимиляции) придается в этом случае менее важное значение.

Изучение ассимиляционных процессов имеет свои особенности. В странах, где национальности неравноправны, процессы естественной ассимиляции, т. е. ассимиляции, обусловленной непосредственным контактом групп населения с различной национальной принадлежностью, сочетаются, как правило, с ассимиляторской политикой правительства и мест-

³ «Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания», Саранск, 1955, стр. 27.

⁴ Подобные случаи среди мордовского населения (мордва-каратаи и мордва-терехане) рассматриваются нами ниже.

ных властей. Во многих случаях влияние факторов естественной и насильственной ассимиляции на изменение этнического облика переплетается столь тесно, что разделить это влияние не представляется возможным. Однако это обстоятельство не должно служить причиной отождествления столь противоположных по своему характеру сторон ассимиляционного процесса. Известно, что В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу четко разграничивал понятие естественной и насильственной ассимиляции и считал, что даже в условиях капиталистической России многие стороны естественной ассимиляции имели безусловно прогрессивное значение. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин посвятил этой проблеме целый раздел — «Националистический жулел „ассимиляторства“», где, выступая против бундовцев, обвинявших большевиков в поддержке ассимиляторства, и подразумевая под термином «ассимиляция» не насильственный, не неравноправный, а естественный процесс, писал о том, что же реального остается в понятии «ассимиляторства»:

«...Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм.

Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто *националистического мещанина*...

Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России»⁵.

В Советском Союзе, где достигнуто равноправие всех народов и созданы условия для беспрепятственного развития национальных языков и культур, ассимиляционные процессы потеряли свою противоречивость. Они обусловлены, как правило, объективными причинами и являются результатом дружной совместной экономической и культурной жизни представителей разных народов, т. е. представляют собой процессы естественной ассимиляции.

В дальнейшем мы остановимся подробно на анализе процессов ассимиляции мордвы, т. е. на процессах слияния некоторых групп ее с другими народами, главным образом — с русскими. Следует отметить, что случаи ассимиляции мордвы другими народами, кроме русского, не характерны и не оказывали на динамику численности мордовского народа сколько-нибудь заметного влияния. В историко-этнографической литературе известен лишь один случай, когда довольно значительная группа мордвы, так называемые каратаи, обитая вместе с татарами, подверглась сильному влиянию их культуры и даже сменила свой язык на татарский. Однако процесс этнической ассимиляции этой группы мордвы не был закончен; национальное самосознание ее не изменилось, и во всех переписях населения СССР каратаи показывали себя мордвой.

В отличие от процессов консолидации мордовского народа, процессы его этнической ассимиляции оказывали и оказывают сильное влияние на динамику его численности. Приводимая ниже таблица показывает, что увеличение численности мордвы за период с 1926 по 1939 г. шло значительно медленнее, чем увеличение численности соседних народов Поволжья: чувашей, марийцев и др., а перепись 1959 г. показала даже

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 12—13.

Таблица 1

Динамика численности поволжских народов (1926—1959 гг.)

Народы	Численность в тыс. чел. и прирост (+) или убыль (—) в процентах по сравнению с предыдущим периодом				
	1926 г.	1939 г.	%	1959 г.	%
Мордва	1340,4	1456,3	+ 8,4	1285	—11,7
Марийцы	428,2	481,6	+12,5	504	+ 4,5
Удмурты	504,2	606,3	+20,3	625	+ 2,7
Чуваши	1117,4	1369,6	+22,7	1470	+ 7,2
Татары (и мишари)	3159,1	4313,5	+36,1	4968	+15,2
Башкиры	713,7	843,6	+18,2	989	+16,3
Всего — население СССР	147027,9	170467,2 (190,3 млн)*	+16,0	208827	+ 9,5
В том числе русские	77791,1	99020,0 (100,4 млн)*	+28,3	114114	+13,7

* Цифры в скобках показывают численность на 1939 г. в современных границах СССР.

снижение абсолютной численности мордовского народа по сравнению с 1939 г.—факт, который может быть объяснен лишь слиянием значительных групп его с русским населением. В связи с этим обстоятельством исследование таких процессов у мордвы и, в частности, установление основных причин их развития представляются нам весьма актуальными.

2

Вопрос об ассимиляции мордвы имеет свою историю. После В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, подчеркнувших в своих работах случаи якобы быстрого обрусения древних финноязычных племен (мещеры и муромы), в русской исторической, а затем и этнографической науке установилось мнение, что финноязычные народности, в частности мордва, «склонны к обрусению» и в недалеком будущем будут полностью ассимилированы. Известный этнограф И. Н. Смирнов, пытавшийся теоретически обосновать ассимиляторскую политику царского правительства, довольно широко использовал материалы, характеризующие развитие ассимиляционных процессов среди групп мордвы⁶. Даже И. Н. Харузин, который решительно выступил против утверждения о наличии у русского народа какой-то особой способности к ассимилированию «инородцев», отмечал: «Во многих местностях инородческий элемент быстро поддается русскому влиянию и утрачивает свои национальные черты... В особенно резкой форме это замечается среди мордвы, в некоторых деревнях, в которых мордовское население в течение сравнительно незначительного количества лет принимает русский язык, забывает свой собственный и отрекается даже от самого имени «мордва»⁷.

Особенно интенсивные ассимиляционные процессы были отмечены среди групп мордовского населения, проживающего в северной и западной части его этнической территории, т. е. в тех районах, которые еще до XVI в. вошли в состав Московской Руси и поэтому ранее других испытали русское влияние. Именно здесь, на территории бывшего Нижегородского уезда, находилась хорошо известная в историко-этнографической литературе группа мордвы-терюхан, а на территории Шацкого уезда — группа шацкой мордвы, первые сведения об обрусении которых восходят к XVII в. Рязанский архиепископ Мисаил, которому было поручено

⁶ И. Н. Смирнов, Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики, «Исторический вестник», т. 47, 1892.

⁷ И. Н. Харузин, К вопросу об ассимилятивной способности русского народа, «Этнографическое обозрение», 1894, № 4, стр. 52.

чено крестить шацкую мордву, в 1614 г. доносил царю: «... и жены их мордвы и дети русским языком говорить горазды и живут между русскими людьми вместе»⁸. Нижегородский епископ Сеченов, занимавшийся насильственной христианизацией мордвы-терюхан, что вызвало восстание жителей некоторых мордовских сел, писал в 1743 г. в Сенат: «...бунтовщики не мордва,... по мордовски говорить не умеют, а говорят ярославским наречием, рознясь от русских нижегородцев»⁹. И. Н. Смирнов, побывавший у мордвы-терюхан в 1889 г., отмечал повсеместное бытование русского языка, причем мордовский язык был забыт терюханами до такой степени, что они считали язык, на котором говорило еще не обрусевшее население Арзамасского уезда, «татарским»¹⁰. Интенсивное развитие ассимиляционных процессов наблюдалось и в Княгининском и Ардатовском уездах Нижегородской губернии. М. П. Пестов в 1869 г. отмечал, что «...мордва в Ардатовском уезде в настоящее время почти совсем уже обрусела и смешалась с русским племенем»¹¹.

Заключения дореволюционных ученых по вопросу об ассимиляции мордвы основывались главным образом, на данных, полученных именно из этих коренных районов ее расселения. Вместе с тем в литературе проскальзывали сведения о развитии ассимиляционных процессов и в других районах. Так, М. Гребнев отметил наличие ассимиляционных процессов среди мордвы Заволжья и даже поспешил сделать заключение: «Дело обрусения мордвы подходит к концу. Еще какая-нибудь сотня лет, и от мордовского имени в Самарском крае останется одно воспоминание»¹².

Некоторые этностатистические материалы того времени, казалось бы, подтверждают выводы о сильном развитии ассимиляционных процессов среди групп мордвы. Так, например, сопоставив исчисления мордвы на 1859—1862 гг. по «Спискам населенных мест...» губерний России и данные переписи 1897 г., можно обнаружить большую убыль мордвы в некоторых уездах (Нижегородском, Княгининском и др.)¹³. Эту убыль нельзя объяснить ни «вымиранием» мордвы, ни ее выселением, так как во всех селениях, отнесенных на 1859 г. к числу мордовских, во второй половине XIX в. наблюдался непрерывный рост численности их обитателей. Нет сомнения, что мы имеем дело с результатом ассимиляционных процессов, однако судить об их интенсивности на основании только этих материалов было бы крайне опрометчиво. Начало этих процессов, как указывалось выше, относится к XVI—XVII вв., цифры численности мордвы на 1859 г. не отличаются точностью¹⁴, а перепись 1897 г. учитывала, как известно, не национальность, а родной язык населения. Перемена языка у мордвы не всегда сопровождалась переменой национального самосознания, и тот же И. Н. Смирнов отмечает, например, что в ряде

⁸ Цит. по И. Н. Смирнову, Указ. раб., стр. 755.

⁹ Цит. по кн.: А. В. Марков, Отношения между русскими и мордвой в истории и в области народной поэзии, Тифлис, 1914, стр. 28.

¹⁰ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 757.

¹¹ М. П. Пестов, Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии, «Нижегородский сборник», т. 2, 1869, стр. 119.

¹² М. Гребнев, Мордва Самарской губернии, «Самарские епархиальные ведомости», 1886, № 24.

¹³ В Нижегородском уезде Нижегородской губ. на 1859 г. числилось 25 317 чел. мордвы, а по данным переписи 1897 г.—2 чел.; соответственно: в Княгининском уезде—14 226 и 10 чел., Ардатовском—13 278 и 1 272 чел., Арзамасском—19 842 и 9 608 чел., Шацком уезде Тамбовской губ.—10 666 и 204 чел., Балашовском уезде Саратовской губ.—11 903 и 98 чел. См.: «Списки населенных мест Нижегородской губернии. По сведениям 1859 г.», СПб., 1862; «Списки населенных мест Тамбовской губернии. По данным 1859 г.», СПб., 1862; «Списки населенных мест Саратовской губернии. По данным 1859 г.», СПб., 1862. Данные переписи 1897 г. по кн.: В. П. Шибаев, Этнический состав населения Европейской части СССР, Л., 1930.

¹⁴ Составители «Списков населенных мест...» при определении национальной принадлежности жителей селений пользовались главным образом материалами церковного учета, которые изобилуют ошибками.

обрусевших мордовских сел Нижегородского уезда жители в 1889 г. называли себя не русскими, а «русской мордвой». Однако процессы слияния терюхан с русскими были уже близки к завершению, так как советская перепись населения 1926 г., имевшая в своей программе не только вопрос о родном языке, но и вопрос о национальной принадлежности («народности»), принесла свидетельство о полной ассимиляции отдельных групп мордвы: на территории Нижегородского и Княгининского уездов этой переписью было зарегистрировано только 40 чел. мордвы, на территории Шацкого уезда — 50 чел., Балашовского уезда — 30 чел.

Вместе с тем анализ этностатистических материалов XIX—XX вв. позволяет убедиться в том, что общая численность мордвы в это время непрерывно увеличивалась, составляя:

в 1834 г., по данным П. Кеппена, — 480 тыс. чел.¹⁵,

в 1859—1862 гг., по материалам «Списков населенных мест...» с коррективами автора, — 650—680 тыс. чел.

в 1897 г., по данным переписи (родной язык), — 1022 тыс. чел.

в 1920 г., по данным переписи (народность), — 1168 тыс. чел.¹⁶.

И хотя уже в то время темпы прироста численности мордвы стали отставать от темпов прироста численности соседних народов (за период с 1897 по 1920 г. численность чувашей увеличилась на 25%, мордвы — на 14%), все же факт роста абсолютной численности мордовского народа говорит о том, что предсказания дореволюционных ученых о его быстром обрушении оказались ошибочными, а сама постановка вопроса об ассимиляции мордвы как ассимиляции целого народа — совершенно необоснованной.

Развитие ассимиляционных процессов среди групп мордвы зависело не от «склонности мордвы к обрусению» и не от «ассимилятивной способности русского народа», как считали многие дореволюционные ученые, а от ряда объективных причин. Большое значение в этом отношении имела отмеченная выше незавершенность процессов консолидации, наличие двух разноразличных частей мордвы — мордвы-эрзи и мордвы-мокши, слабые экономические и культурные связи между отдельными группами мордвы и ряд других причин. Однако прежде чем рассмотреть некоторые из этих причин, необходимо хотя бы кратко остановиться на том влиянии, которое оказывала на эти процессы ассимиляторская политика царского правительства, нашедшая свое отражение в христианизации мордвы и системе школьного образования на русском языке.

Миссионерская работа среди мордовского народа началась почти сразу же после включения его в состав Русского государства. К середине XVIII в. было окрещено уже почти все мордовское население страны.

Религиозные различия в царской России нередко возводились до уровня основных этнических различий; христианизация мордвы, имевшая известные отрицательные стороны, в то же время, несомненно, способствовала ее сближению с русским населением. Значение христианизации для ассимиляционных процессов сказалось прежде всего в возможности смешанных (в национальном отношении) браков, которые, как известно, особенно резко ломают этнический быт. С. Ф. Ташкин отмечает, что в XVIII в. священники поощряли браки между новокрещенной мордвой и русскими¹⁷. В статье А. Можаровского «Инородцы-христиане Нижегородской епархии сто лет тому назад» сообщается о мор-

¹⁵ П. Кеппен, Об этнографической карте Европейской России, СПб., 1852.

¹⁶ Отметим, что перепись населения 1920 г. не охватила всей территории страны, а материалы ее не были разработаны. Поэтому в дальнейшем мы считаем целесообразным основываться на данных переписи 1926 г.

¹⁷ С. Ф. Ташкин, Инородцы Приволжско-Приуральского края по материалам Екатеринбургской законодательной комиссии, Казань, 1924, стр. 71.

довском населении: «...А как они единой с россиянами греко-российской веры и по сей причине и русских девиц берут в замужество за своих детей и своих дочерей отдают за русских, то язык свой час от часа забывают и привыкают к русскому»¹⁸.

Известную роль в распространении среди мордвы русского языка играла система школьного образования, однако ее роль нельзя переоценивать. Тяжелое экономическое положение мордовского крестьянства и национальный гнет приводили к тому, что в школах обучалась лишь небольшая часть мордовских детей. Процент грамотных среди мордвы Пензенской губернии составлял, например по данным переписи 1897 г., — 11,5 среди мужчин и 1,5 среди женщин (у русских соответственно — 25,7% и 6,7%).

Ассимиляторская политика царского правительства и местных властей оказала известное влияние на развитие ассимиляционных процессов среди мордовского населения. Особенно быстро поддавались ей, вероятно, зажиточные слои мордвы, стремившиеся путем принятия православия и перехода на русский язык достичь уравнивания в правах с русским населением. Однако такие случаи ассимиляции вряд ли имели массовый характер. Ассимиляторская политика не могла сама по себе обусловить возникновение сильных ассимиляционных процессов, а сами факторы этой, по существу насильственной ассимиляции не дают ответа на многие вопросы, связанные с развитием таких процессов. Факторами ассимиляторской политики нельзя объяснить, в частности, то обстоятельство, что ассимиляционные процессы среди мордвы имели больший размах, чем например, у жившего по-соседству чувашского народа, который также был окрещен и система школьного образования которого до Октябрьской революции строилась в основном на русском языке.

Перейдем к анализу некоторых объективных факторов, которыми объясняется значительное развитие ассимиляционных процессов среди групп мордовского населения. И. Н. Харузин в упомянутой выше работе писал, что к числу таких факторов следует отнести смешанные браки, географические условия (легкость сношения между народами), общность религии и сходства или различия в быту¹⁹. Перечень этот, конечно, далеко не полон, тем более что в нем нет основного фактора — уровня развития производительных сил и связанных с этим социальных отношений. Совершенно ясно, что ассимиляционные процессы в феодальную эпоху, в эпоху преобладания замкнутого натурального хозяйства, идут более медленно, чем в период капитализма, когда усиливаются экономические связи, когда вследствие классового расслоения деревни часть разорившихся крестьян занимается отходничеством или вливается в ряды городского пролетариата и т. д. Другим фактором, имеющим особо важное значение для цели данного исследования, является характер расселения.

Характер расселения, т. е. особенности географического размещения того или иного народа, особенности его территориальных взаимоотношений с другими народами, является одной из важнейших причин, оказывающих влияние на развитие процессов естественной ассимиляции, и в то же время необходимым условием для возможности проявления других объективных причин. Единство территории — одно из условий формирования этнической общности; оно создает естественную базу для возникновения национальных связей, способствует экономическому и культурному общению. Утрата территориальной целостности нарушает этнические связи и неизбежно ведет к развитию ассимиляционных процессов; степень развития этих процессов при прочих равных условиях

¹⁸ «Нижегородские епархиальные ведомости», 1886, № 1—2.

¹⁹ И. Н. Харузин, Указ. раб., стр. 48.

будет тем больше, чем сильнее смешанность народов в территориальном отношении.

Следует подчеркнуть, что характер расселения не является первопричиной ассимиляционных процессов. Характер расселения обусловлен особенностями исторического развития народов, т. е. в конечном счете влиянием социально-экономических факторов. Общение русского и мордовского населения в феодальной Руси значительно отличалось от общения в капиталистической России (а тем более — в СССР) даже в тех случаях, когда характер расселения оставался одним и тем же. Однако в каждый конкретный исторический период он оказывал объективное и значительное влияние на развитие ассимиляционных процессов. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть ход этих процессов среди мордовского населения именно под углом зрения особенностей его расселения.

Заметные ассимиляционные процессы среди мордовского населения начались лишь после включения его в состав Русского государства (XV — середина XVI в.), что сопровождалось сильным переселенческим движением русских на мордовские земли. «Процесс обрусения мордвы, — замечает И. Н. Харузин, — начался с того времени, когда среди мордвы начали появляться русские поселения»²⁰. Уже к концу XVI в. расселение мордвы в пределах ее древней этнической территории потеряло свою прежнюю компактность, мордва оказалась на положении национального меньшинства. К XIX в. мордва не составляла большинства населения ни в одном из уездов того времени; наиболее высокий процент мордвы был в двух разобщенных уездах: Спасском уезде Тамбовской губ. (45%) и Ардатовском уезде Симбирской губ. (около 40%). Для сравнения укажем, что чуваш, этническая территория которых оказалась в стороне от основного колонизационного потока русских в Поволжье, сохранили свое компактное расселение и к середине XIX в. составляли большинство населения в трех соседних уездах Казанской губернии: Ядринском (90%), Цивильском (80%) и Чебоксарском (70%).

В местах усиленного проникновения русских, особенно в местах активной деятельности крепостников (территория Нижегородской губернии), откуда часть мордвы бежала в другие районы, сохранились лишь мелкие группы мордвы. В дальнейшем само мордовское население, основная масса которого не попала в крепостную зависимость, приняло активное участие в заселении соседних районов Поволжья, образовав довольно значительные ареалы своих поселений на юге его правобережной части и в центральной части Левобережья. Миграции мордвы в феодальной России, связанные главным образом с заселением новых земель, и миграции мордвы в капиталистической России, связанные с развитием капиталистических отношений в мордовской деревне и ростом относительного аграрного перенаселения, привели к увеличению территориальной разобщенности мордовского народа²¹. Уже к 1897 г. в пределах коренного района обитания мордвы осталось менее 40% ее общей численности. В новых районах своего обитания мордва нередко образовывала единичные селения среди массы инонациональных или была вынуждена селиться вместе с другими национальностями. И если в Заволжье смешанные мордовские селения представляют собой все еще редкое явление, то в Приуралье уже почти нет чисто мордовских селений, а в Сибири и Казахстане, заселение которых развернулось главным образом в конце XIX — начале XX в., мордва обитает исключительно в смешанных селениях, составляя в них, как правило, меньшинство населения.

²⁰ И. Н. Харузин, Указ. раб., стр. 51.

²¹ См. по этому вопросу нашу статью «Миграции мордвы в капиталистической России», «Записки Мордовского научно-исследоват. ин-та языка, литературы, истории и экономики», № 17, Саранск, 1957.

Смешанное расселение, наряду с близостью хозяйственного быта русского и мордовского населения, приводило к тесному общению. Особенно сильное влияние на степень общения мордвы и русских оказывала их жизнь в смешанных селениях, ибо это неизбежно вело к хозяйственному сотрудничеству, к овладению языком и, наконец, к смешанным бракам. Выше было отмечено, что решающее значение для возможности заключения до революции браков между мордвой и русскими имела общность религии. Однако такие браки до революции были довольно редки и заключались, как правило, лишь в смешанных селениях. Так, А. Смирнов пишет, что в Лукояновском уезде Нижегородской губ., где мордва еще сохранила свои национальные черты, она считает за честь породниться с русскими, но такие случаи редки. Основной причиной этого, по мнению автора, является то, что «в Лукояновском уезде нет, кажется, сел со смешанным русско-мордовским населением, а русские девушки на сторону тем более в исключительно мордовскую среду, идут неохотно. Известны случаи, когда выданные русские девушки бежали от мужа»²².

С. Иванцев в статье «Из быта мордвы д. Дюрки Парашовской волости Алатырского уезда Симбирской губернии» пишет о чисто мордовском селении, расположенном рядом с русским селом. Степень общения мордвы с русскими в этом случае оказывается значительно слабее: «Мужчины умеют говорить по-русски, только говорят ломаным языком, бабы же некоторые говорят по-русски, хотя плохо, а другие вовсе не говорят... Русские берут жен у мордвы в редких случаях»²³. Другой исследователь — Ф. Бутузов в статье «Из быта мордвы села Живайкино Жадовской волости Карсунского уезда Симбирской губернии» пишет о селе, в котором проживали русские, мордва и чуваш, причем «инородцы» составляли большинство населения. Русский язык, как сообщает автор, среди мордвы распространен сильно и говорят на нем все — и мужчины, и женщины, и «даже семилетние ребятишки»; на своем языке говорит лишь несколько мордовских женщин. Ф. Бутузов подчеркивает самое тесное общение русского и мордовского населения: «Мордва берет невест у русских и русские у мордвов, а у чуваш ни русские, ни мордва не берут и не отдают»²⁴.

Отмеченные выше факты полного обрусения значительных групп мордвы в некоторых уездах Нижегородской губ. и в Шацком уезде Тамбовской губ. были непосредственно связаны с территориальной разобщенностью их групп и особенно — с обитанием их в смешанных селениях. Смешанные селения в этих уездах стали образовываться еще в XV в. путем приселения русских к уже существовавшим мордовским деревням²⁵. Многие смешанные селения Нижегородского уезда, где жили мордва-терюхане, как сообщает С. К. Кузнецов, были созданы искусственно, путем переселения крепостных мордовских кресгьян в соседнюю Лысковскую волость, а русских крепостных крестьян — из Лысковской волости в Терюшевскую²⁶.

²² А. Смирнов, Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии, «Изв. общ.-науч. археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XI, вып. 3, 1893, стр. 290.

²³ Там же, вып. 6, 1893, стр. 487.

²⁴ Там же, стр. 574.

²⁵ См., например, А. А. Герасимов, Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг., «Изв. Нижн.-Волжск. ин-та Краеведения», т. 3, Саратов, 1924.

²⁶ С. К. Кузнецов, Русская историческая география. Мордва, М., 1912, стр. 12. С. К. Кузнецов полагает, что одной из причин этого переселения было желание помещика ускорить обрусение мордвы. Таким образом, нахождение мордвы-терюхан в крепостной зависимости оказало определенное влияние на их ассимиляцию.

В других уездах влияние крепостного состояния мордвы на ее ассимиляцию сказывалось не так сильно. Так, в Курмышском уезде Симбирской губ., где вся мордва была крепостной, не было отмечено сколько-либо заметных процессов ассимиляции. Напротив, в Балашовском уезде, где вся мордва входила в состав государственных крестьян, она обрусела.

3

Беликая Октябрьская социалистическая революция, провозгласившая равенство всех народов России, покончила с ассимиляторской политикой царского правительства. Национальная политика Советской власти ставила своей задачей возрождение и развитие национальных культур, ликвидацию экономической и культурной отсталости нерусских народов. Важным условием для приобщения народов СССР к строительству социализма и пролетарской культуре в формах, соответствующих их языку и быту, было создание национальной государственности. Образование в 1928 г. Мордовского национального округа, преобразованного позже в Мордовскую автономную область, а в 1930 г. — в Мордовскую АССР, имело огромное значение для подъема экономики и культуры мордовского народа, создало, как уже отмечалось выше, благоприятные условия для консолидации мордвы в нацию. Однако процессы естественной ассимиляции, обусловленные объективными причинами, в частности все более усиливающимся общением представителей и групп различных национальностей, не прекратились, а продолжали развиваться и в советский период.

О наличии таких процессов среди мордовского населения в советский период говорит уже отмеченное нами снижение темпов прироста его численности и особенно — снижение абсолютной численности мордвы. Другим важным свидетельством наличия этих процессов является существование значительного числа лиц, показавших своим родным языком язык другой национальности, как правило, — русский.

Анализируя материалы переписей населения СССР, учитывающих национальность и родной язык населения, П. И. Кушнер отмечает: «Совпадение обоих этих показателей (язык и национальность) свидетельствует о том, что этническая принадлежность той или иной группы населения (или того или другого лица) является в данный момент устойчивой... Расхождение этих показателей... свидетельствует о присходящем, но еще не завершенном этническом процессе, о том, что данная группа населения (или данное лицо) имеет неустойчивый этнический быт и что этот, быт развивается в сторону дальнейших этнических изменений»²⁷.

Вывод П. И. Кушнера в отношении мордвы представляется нам совершенно правильным. Практика этностатистического учета показывает, что ответ на вопрос о родном языке, в отличие, например, от ответа на вопрос о разговорном языке, чрезвычайно тесно связан с ответом на вопрос о национальности (или с представлением о национальной принадлежности). Известны случаи, когда некоторые группы населения СССР, утратившие свой родной язык до такой степени, что не употребляли его даже в семейном кругу, на вопрос о родном языке указывали все же этот язык, а не их основной разговорный — язык их общения в быту и с окружающим населением²⁸. Таким образом, случаи, когда лица одной национальности показывают своим родным языком язык другой национальности, отражают обычно не двуязычие, а полную утрату ими своего родного языка. Утрата родного языка — одного из основных признаков национальной принадлежности, средства общения между представителями данной национальности, основного средства сохранения и развития их национальной культуры, хотя и не означает еще полной этнической ассимиляции, но говорит уже о весьма значительном развитии таких процессов.

²⁷ П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XV, М., 1951, стр. 68.

²⁸ Так, по сообщению грузинских статистиков, обитающие в Грузинской ССР греки, говорящие на турецком языке, указывали своим родным языком греческий. См. «Все-союзное совещание статистиков 4—8 июня 1957 г. Стенографический отчет», М., 1959, стр. 249, 330.

Эти факты имеют для нашего исследования особое значение, так как приводимая ниже таблица показывает, что среди мордвы процент лиц, утративших свой родной язык, был выше, чем среди соседних народов Поволжья, исключая башкир²⁹.

Таблица 2

Процент лиц, утративших свой родной язык

Народы	1926 г.	1939 г.	1959 г.		На 1959 г. находилось в республике	
			всего	в своей республике	% от численности всего народа	% от числа жителей республики
Мордва	6,0	10,7	21,9	2,6	27,9	35,8
Чуваши	1,1	3,1	9,2	2,3	52,4	70,1
Марийцы	0,7	1,2	4,9	2,3	55,4	43,1
Удмурты	1,1	2,7	10,9	6,9	76,4	35,6
Татары*	1,5	...	7,9	1,3	27,1	47,2
Башкиры	46,2	41,1	38,1	42,5	75,2	22,2

* Данные касаются всего татарского населения СССР, включая поволжских или казанских татар, крымских, сибирских татар

Материалы переписей населения СССР подтверждают отмеченную выше связь развития ассимиляционных процессов среди мордовского населения с особенностями его расселения. В тех районах Поволжья, где находятся сравнительно крупные, компактные группы мордовских селений, языковая ассимиляция выражена очень слабо. Это особенно характерно для южной части коренного района расселения мордвы, где была образована Мордовская АССР. В момент переписи 1926 г. в пределах этой территории и, как правило, в несмешанных селениях находилось около 450 тыс. мордвы, причем свыше 99% показало своим родным языком мордовский. Слабое развитие ассимиляционных процессов было отмечено также в бывшей Саратовской и Самарской губерниях. Процент мордовского населения, признавшего своим родным языком русский, растет к востоку от коренного района его расселения, т. е. по мере увеличения его территориальной раздробленности. Так, из 145 тыс. мордовского населения, находившегося на 1926 г. в пределах азиатской части СССР, почти треть признала своим родным языком русский. Материалы переписи 1959 г. свидетельствуют о том, что эта связь не только сохранилась, но стала еще более заметной.

Большой интерес представляет анализ процесса утраты родного языка по категориям населенных мест и по половому составу мордовского населения.

Табл. 3, подтверждая общий вывод об усилении процессов этнической ассимиляции с запада на восток, показывает, что эти процессы среди городского населения развиваются значительно сильнее, чем среди сельского населения. Кроме того, таблица позволяет сделать вывод, что языковая ассимиляция мужского населения мордвы идет, как правило, быстрее, чем ассимиляция женщин. Этот факт, отмеченный и у других народов еще дореволюционными этнографами, представляется вполне естественным. Распространение русского языка среди мордовских мужчин связано с их большей активностью и подвижностью, как старших в хозяйстве, большим участием их в прошлом в отхожих промыслах, службой в армии и другими обстоятельствами. Вызывает некоторое удивле-

²⁹ Низкий процент башкир, показавших своим родным языком башкирский, объясняется тем, что значительная часть их употребляет татарский язык. Это, по-видимому, не вызвало значительных ассимиляционных процессов, так как переписи показывают не только абсолютный рост численности башкир, но и возрождение родного языка.

ние значительное развитие языковой ассимиляции на 1926 г. среди городского женского населения, так как это противоречит обычному представлению о том, что женщины отличаются большей консервативностью и являются основными носителями этнических традиций.

Таблица 3*

Процент мордвы, утратившей свой родной язык

Годы	Территория	Сельские мест-ности		Города	
		муж.	жен.	муж.	жен.
1926	По всему СССР	5,0	4,5	28,2	41,0
1959	» »	...	...	...	...
	По основным районам Правобережья:				
1926	Пензенская губ.	0,4	0,3	10,8	27,3
1959	Мордовская АССР	2,2	1,1	23,2	20,2
	Пензенская обл.	5,0	3,4	41,6	34,5
	По основным районам Левобережья:				
1926	Самарская губ.	1,8	1,6	39,7	42,5
1959	Куйбышевская обл.	13,3	10,7	48,4	45,4
	Оренбургская обл.	14,4	11,7	44,9	39,0
	По основным районам Зап. Сибири:				
1926	Центр. часть Сиб. края	27,6	25,1	42,8	44,0
1959	Алтайский край	36,3	32,5	57,2	54,1
	Кемеровская обл.	41,3	34,3	53,1	48,8

* В связи с изменением административно-территориального деления данные на 1926 и 1959 гг. по своему территориальному охвату несколько не совпадают, однако это не может нарушить общей картины.

Необходимо обратить особое внимание на то, что таблицы 2 и 3 говорят о некотором усилении языковой (а, следовательно, и этнической) ассимиляции мордвы в течение 1926—1959 гг. Объективные условия развития процессов естественной ассимиляции, уходящей своими корнями в прошлое, были связаны в этот период с проведением в жизнь политики индустриализации страны, ростом городов, созданием новых промышленных центров и промышленных районов и освоением новых земель, что сопровождалось массовыми миграциями населения из деревни в город и из одних областей страны в другие. В результате этих миграций ломался прежний этнический быт, а новый создавался уже на совершенно иной основе. Широкое распространение получили браки между представителями различных национальностей. Следует указать, что районы основного расселения мордвы в Поволжье, в том числе — территория Мордовской АССР, в годы первой и второй пятилеток оставались по преимуществу аграрными, слабо развитыми в промышленном отношении. Вследствие этого по мере механизации сельского хозяйства часть освободившегося сельского населения, в частности — часть мордовского населения, переселялась в плановом порядке за пределы этих районов.

Миграции мордовского населения за годы Советской власти еще более увеличили его территориальную раздробленность. В 1959 г. в пределах Мордовской АССР, где языковая (и этническая) ассимиляция мордвы, как видно из табл. 2 и 3, незначительна, находилось всего около 28% мордовского населения страны. Значительно увеличились группы мордвы в азиатской части СССР: если в 1897 г. там было менее 5% всего мордовского населения, а в 1926 г. — менее 11%, то в 1959 г. оказалось уже свыше 16% мордовского населения страны. На Дальнем Востоке, где в 1926 г. находились лишь незначительные по численности группы мордвы, в 1959 г. только в Сахалинской области, Приморском и Хабаровском краях было около 40 тыс. мордвы; о сильном развитии ас-

симиляционных процессов среди этих удаленных групп мордвы говорит тот факт, что около 60% ее показало своим родным языком русский. Быстро растет численность городского мордовского населения: если в 1926 г. в городах СССР оно составляло лишь 27 тыс. чел., т. е. около 2% его общей численности, то в 1959 г. в городах было уже свыше 25% всего мордовского населения страны. Поскольку в Мордовской АССР численность городского мордовского населения в 1959 г. составляла немногим более 6%, совершенно ясно, что отмеченный выше рост произошел за пределами республики и является результатом переселения мордвы из сельских местностей Поволжья в города и городские поселки новых индустриальных районов страны³⁰. Рассредоточение мордовского населения по территории СССР, миграции его в города нарушали его прежние этнические связи и способствовали более ускоренному слиянию его с русскими.

Остановимся несколько подробнее на вопросе о смешанных в национальном отношении браках, которые играют большую роль в этнических процессах. Существующие правила текущего учета национальной принадлежности (паспортная система и пр.), оказывающие заметное влияние и на результаты переписей населения, таковы, что потомству от смешанных браков при ответе на вопрос о его национальной принадлежности приходится, как правило, выбирать между национальностью отца и национальностью матери. Обычно предпочтение отдается национальности того из родителей, культурная среда которого оказала преобладающее влияние на данное лицо. В условиях утраты значительной частью мордовского населения своих территориальных и этнических связей смешанные браки его с русскими резко усиливают ассимиляционные процессы, так как дети от этих браков обычно причисляют себя к русским.

Приводимая ниже табл. 4 показывает, что уже в первое десятилетие после Октябрьской революции наблюдается увеличение числа смешанных браков, причем процент у мордвы был, как правило, выше, чем у

Таблица 4

Процент смешанных браков в Европейской части СССР*

Народы	На 100 браков приходилось браков с лицами не своей народности				Примечания
	Мужчины		Женщины		
	1925 г.	1927 г.	1925 г.	1927 г.	
Мордва	5,29	7,16	2,02	4,48	гл. обр. с русскими
Чуваши	2,66	4,21	0,13	1,69	» »
Марийцы	2,51	8,04	...	2,37	» »
Татары	2,07	4,75	0,23	2,24	с русскими, башкирами и др.

* Таблица составлена по данным: «Национальная политика ВКП(б), в цифрах», М., 1930 и «Естественное движение населения», ч. 2, М., 1929.

соседних народов Поволжья. Имеющиеся материалы говорят о том, что относительное число смешанных браков в городах было значительно больше, чем в сельских местностях. Возможно, что это обстоятельство объясняет в какой-то степени больший процент браков мордовских мужчин и русских женщин по сравнению с браками мордовских женщин и русских мужчин, так как его можно связать со значительным преобладанием в то время мужчин среди городского мордовского населения.

Материалы, собранные нами во время полевых исследований 1955 и 1958 гг. в ряде районов Мордовской АССР, Татарской АССР, Куйбышевской и Оренбургской областей, говорят о том, что число смешанных браков мордвы с русскими в сельских местностях сильно увеличилось

³⁰ В частности, в Сахалинской обл., Хабаровском и Приморском краях в городах находится около 65% проживающего там мордовского населения.

с периода коллективизации сельского хозяйства и особенно — после окончания Великой Отечественной войны. Эти браки характерны для смешанных русско-мордовских селений и в большинстве случаев являются браками между мордовскими мужчинами и русскими женщинами. В пределах Мордовской АССР не менее половины всех детей от смешанных браков при регистрации в сельсоветах причислены к мордовской национальности, в других областях — этот процент сильно снижается. К сожалению, отсутствие в настоящее время в статистических публикациях данных о смешанных браках не позволяет проанализировать этот интересный вопрос со всей полнотой.

Большой интерес представляет также анализ процессов естественной ассимиляции среди мордовского населения с количественной стороны, т. е. определение конкретного влияния, которое оказали эти процессы на динамику численности мордвы в разные периоды. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные по административно-территориальным единицам позволяют выполнить этот анализ лишь с большой приближенностью.

На основании приводимой ниже табл. 5 можно сделать вывод, что естественный прирост мордвы за период с 1926 по 1939 г. был примерно таким же, как и у соседних народов Поволжья, и, например, даже несколько превышал прирост чувашского населения. Учитывая, что численность чувашей к 1939 г. (см. табл. 1) увеличилась на 23,7%, при неизбежных, хотя и незначительных в этот период, потерях чувашей от ассимиляционных процессов, можно предположить, что численность мордвы к 1939 г. должна была также увеличиться не менее чем на 24% и, таким образом, составить в 1939 г. свыше 1650 тыс. чел. Разница между этой цифрой и действительной численностью мордвы по переписи 1939 г. — 1456 тыс. чел., составившая, таким образом, около 200 тыс. человек, должна быть отнесена целиком за счет процессов естественной ассимиляции.

Анализ данных за 1939—1959 гг., как мы уже отмечали, представляет значительные трудности. Однако у нас нет достаточных оснований считать, что мордовское население за годы войны понесло относительно большие потери, чем, например, чуваша, численность которых к 1959 г. увеличилась на 7,2%, или татары, численность которых возросла на 15,2% (см. табл. 1); у нас нет также достаточных оснований считать,

Таблица 5

Основные показатели естественного движения*

Народы	1926 г.			1940 г.			1950 г.			1955 г.		
	рожд.	смерт.	ест. прир.	рожд.	смерт.	ест. прир.	рожд.	смерт.	ест. прир.	рожд.	смерт.	ест. пр. р.
Мордва												
МАССР	40,7	18,9	21,8	32,8	21,3	11,5	27,8	8,9	18,9	27,2	8,3	18,9
Чуваши												
ЧАССР	45,5	28,7	16,8	36,4	29,1	7,3	29,2	11,6	17,6	29,2	9,4	19,8
Удмурты												
Уд. АССР	55,6	36,4	19,2	40,8	31,6	9,2	33,6	13,4	20,2	31,6	10,0	21,6
Татары												
ТАССР	53,1	24,5	23,8	37,1	26,4	10,7	26,4	10,2	16,2	29,2	9,1	20,1
Русские												
РСФСР	44,3	21,4	22,9	33,0	20,6	12,4	26,7	10,0	16,7	25,6	8,4	17,2

* Таблица составлена по данным: «Естественное движение населения СССР» (сведения относятся к Европейской части СССР); «Народное хозяйство Мордовской АССР», Саранск, 1958; «Народное хозяйство Чувашской АССР», Чебоксары, 1957; «Народное хозяйство Удмуртской АССР», Ижевск, 1957; «Народное хозяйство Татарской АССР», Казань, 1957; «Народное хозяйство РСФСР», М., 1957.

что рождаемость у мордвы в этот период была заметно ниже, а смертность — выше, чем у чувашей, татар или, например, удмуртов и русских. Для примерного расчета можно и в данном случае основываться на динамике численности чувашского населения, однако следует учесть, что прирост численности чувашей в этот период, несомненно, замедлялся развитием среди некоторых групп их ассимиляционных процессов (см. языковую ассимиляцию чувашей в табл. 2). Таким образом, оптимальная цифра ожидаемого прироста численности мордвы с 1939 по 1959 г. составляет примерно 10%; если исходить из этой цифры, то численность мордвы к 1959 г. должна была быть свыше 1600 тыс. чел., а не 1285 тыс. чел., как показала перепись. Разница между этими цифрами — свыше 300 тыс. чел. — также является следствием этнического слияния отдельных групп мордвы с русским населением.

Большой интерес представляет вопрос о развитии процессов этнической ассимиляции среди каждой из основных групп мордвы — эрзи и мокши, но отсутствие точных данных об их расселении, к сожалению, не позволяет решить его с должной точностью. Можно отметить лишь, что среди эрзян, которые раньше вступили в общение с русским населением и дали значительно большее число переселенцев за пределы коренного района своего расселения, эти процессы развиты сильнее, чем среди мокшан.

Трудно сказать, как будут развиваться в дальнейшем процессы этнической ассимиляции среди мордвы — сохранят ли они свой размах и приведут к новому снижению абсолютной численности этого народа или они будут покрываться его естественным приростом? Ответ на этот вопрос требует детального анализа материалов переписи 1959 г., сбора и обработки материалов по естественному движению и миграциям мордовского населения и, кроме того, проведения специальных полевых исследований среди групп мордовского населения в различных частях страны. Однако тот факт, что подобные процессы и в настоящее время характерны, в основном, лишь для тех групп мордвы, которые находятся за пределами основных районов ее расселения в Поволжье, дает основания считать, что, несмотря на некоторое снижение численности мордвы в районе основного ее расселения, имеются все условия для дальнейшего развития мордовской социалистической нации, и мнение дореволюционных ученых о каком-то «исчезновении» мордовского народа оказалось глубоко ошибочным. Материалы переписи 1959 г. показывают значительное усиление процессов этнической ассимиляции не только среди мордвы, но и среди других народов СССР. Изучение этих процессов ставит перед этнографической наукой серьезные задачи, имеющие большое теоретическое и практическое значение.

SUMMARY

The 1959 census of the population in the USSR provided the necessary basis for an analysis of the dynamics of the size of its peoples in the past period. Of great importance for the dynamics of the size of the different peoples of the USSR were ethnic processes (consolidation and assimilation). The conglomeration of the Mordovian nation on the basis of the two main groups of Mordovians — the Erzya and the Moksha — cannot be regarded as fully accomplished at the present period. The peculiar features of the historical development of the Mordovian people brought about the dispersion of a considerable part of them among a compact mass of the Russian population, with which they established close economic and cultural interconnections. All this brought about the merging of certain groups of Mordovians with the Russian population, which accounts for a decrease in their absolute numerical strength. However, in the main settlement areas of the Mordovians, especially within the confines of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic, assimilation processes are poorly developed, which indicates that the forecasts made by pre-revolutionary Russian scholars as to the rapid assimilation of the entire Mordovian people have proved fallacious.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. И. БРУК, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

1

В Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г., дана следующая характеристика современной эпохи: «Наша эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе»¹. Для этой эпохи характерно бурное развитие национально-освободительных движений в странах Азии и Африки, движений, направленных против колониально-империалистического гнета. В «Заявлении...» указывается, что крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма².

Распад колониальной системы и окончательная ликвидация колониализма — проявления глубоко преобразующего освободительного характера нашей эпохи. За послевоенный период возникло свыше сорока новых суверенных государств и почти полтора миллиарда человек завоевали национальную независимость. Лишь около 100 млн. чел. находятся сейчас под прямым политическим господством колониальных держав. Возрождение к самостоятельной жизни ранее угнетенных народов — закономерный процесс эпохи перехода от капитализма к социализму, результат упорной национально-освободительной борьбы масс. Завоевав политическую независимость, народы ищут ответа на выдвигаемые жизнью социальные проблемы и на вопросы укрепления своей национальной независимости. В «Заявлении...» указывается: «В современной исторической обстановке создаются благоприятные международные и внутренние условия во многих странах для образования независимого государства национальной демократии, то есть государства, последовательно отстаивающего свою политическую и экономическую независимость, борющегося против империализма и его военных блоков, против военных баз на своей территории; государства, борющегося против новых форм колониализма и проникновения империалистического капитала; государства, отвергающего диктаторские и деспотические ме-

¹ Заявление совещания представителей коммунистических и рабочих партий», «Коммунист», 1960, № 17, стр. 3.

² Там же, стр. 18.

тоды правления; государства, в котором народу обеспечены широкие демократические права и свободы (свобода слова, печати, собраний, демонстраций, создания политических партий и общественных организаций), возможность добиваться проведения аграрной реформы и осуществления других требований в области демократических и социальных преобразований, участия в определении государственной политики»³.

Это положение, сформулированное на основе изучения глубинных процессов в национально-освободительном движении, его тенденций и устремлений, представляет собой творческое развитие и обогащение марксистско-ленинской теории национально-освободительных революций⁴.

Одной из важнейших проблем, которая встает перед новыми государствами, освободившимися от колониальной зависимости, является национальная проблема. Ее важность определяется в первую очередь тем обстоятельством, что в своем подавляющем большинстве эти государства — многонациональные.

Марксизм-ленинизм учит, что национальный вопрос не имеет самостоятельного значения и является частью общего вопроса о пролетарской революции. Разрабатывая политику пролетариата в национальном вопросе в эпоху империализма, В. И. Ленин указывал, что национальные движения в колониальных и зависимых странах нужно рассматривать как составную часть борьбы за социализм, как часть мирового социалистического движения против империализма. «Социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»⁵. Слова Ленина полностью подтвердились. Н. С. Хрущев назвал шарлатанством утверждение буржуазных и ревизионистских политиков о том, что «...национально-освободительное движение развивается будто бы независимо от борьбы рабочего класса за социализм, от поддержки социалистическими государствами, что к свободе народам бывших колониальных стран даруют колонизаторы»⁶. Решение национальных проблем в странах Азии и Африки следует рассматривать прежде всего под углом зрения их места и назначения в общей борьбе против империализма, борьбе за мир и социальный прогресс.

Одним из важнейших программных положений марксистско-ленинского учения по национально-колониальному вопросу является принцип самоопределения наций. Будучи направлен своим острием против национального гнета, этот принцип играет первостепенную роль в борьбе народов колониальных и зависимых стран против империалистической кабалы, за свой национальный суверенитет. Вот почему империалисты, стремясь выхолостить, подорвать национальный суверенитет освободившихся стран, пытаются извратить смысл самоопределения наций, навязать под флагом так называемой «взаимозависимости» новые формы колониального господства, поставить у власти в этих странах марионеток, подкупить некоторую часть буржуазии, использовать отравленное оружие национальной розни, чтобы ослабить силы молодых неокрепших государств⁷. В этих условиях вопрос о самоопределении наций

³ «Заявление совещания представителей коммунистических и рабочих партий», «Коммунист», 1960, № 17, стр. 20.

⁴ Б. Пономарев, О государстве национальной демократии, «Коммунист», 1961, № 8, стр. 33.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 138.

⁶ Н. С. Хрущев, За новые победы мирового коммунистического движения, «Коммунист», 1961, № 1, стр. 26—27.

⁷ См. «Заявление...», стр. 19.

приобретает особую сложность. Определяющим моментом при его решении являются общие интересы борьбы за демократию и социализм. При этом общие тенденции национального развития не только не исключают, но настоятельно требуют учета конкретных условий каждой страны. Развитие его в Индии коренным образом отличается от развития в Индонезии, а например, в Конго или Гвинее — от развития в обеих азиатских странах. Пожалуй, ни один общественно-политический вопрос не имеет такого разнообразия различных видов и оттенков, как национальный. Правильное определение национальной политики зависит от учета многих факторов, в том числе и таких, как языковой, религиозный, расовый.

В чем же особенности развития национального вопроса в странах Азии и Африки?

В социалистических странах Восточной Азии, где национальная проблема уже разрешена или близка к разрешению на основе марксистско-ленинского учения о самоопределении наций, встает задача дальнейшей разработки вопросов национальной консолидации в условиях победившего социализма. Не меньшее значение имеет изучение процессов, связанных с хозяйственным и культурным взаимодействием различных наций и их дальнейшим сближением.

Иначе протекают процессы национального развития в других странах Азии и Африки.

В Европе, в период расцвета капитализма, области, населенные одной народностью, складывались в единые национальные государства, которые становились важнейшим фактором национальной консолидации. Лишь в Восточной Европе, в связи с необходимостью совместной обороны против сильных агрессивных соседей и в силу ряда других исторических условий, сложились многонациональные государства (Австро-Венгрия, Россия). То, что было исключением для Европы, является правилом для новых государств Азии и Африки. Большинство этих государств является либо бывшими феодальными империями, вобравшими в свои границы многочисленные народности и племена (Индия, Бирма, Эфиопия и др.), либо — колониальными территориями, границы которых устанавливались в борьбе между империалистическими государствами, безотносительно к существовавшим в то время этническим границам (почти все новые африканские государства). В результате, в отдельных странах насчитывается сейчас по несколько десятков народов. Чрезвычайно часты случаи, когда один и тот же народ расчленен государственными границами на несколько частей, что осложняет отношения между соседними государствами.

При характеристике национального состава того или иного государства или района мы имеем дело с одним понятием — народ, которое охватывает все виды этнических общностей — нации, народности, племена (или группы родственных племен). Все эти виды этнических общностей находятся в процессе исторического развития, и не всегда легко определить, к какой категории относится та или иная этническая общность.

Исторически наиболее ранними этническими общностями являются племена — объединения людей, считающих себя происходящими от общих предков и находящимися в кровном родстве. — характерные для первобытнообщинного строя. В рабовладельческую и феодальную эпохи появляются новые этнические общности — народности, основанные на территориальных связях между людьми и разделяющиеся на антагонистические классы. С развитием капиталистических отношений и усилением экономических связей возникают общности нового типа — буржуазные нации. После Великой Октябрьской социалистической революции в СССР произошло преобразование буржуазных наций в социалистические, отличающиеся отсутствием антагонистических классов и особенно

стями своей культуры; подобные процессы характерны и для других стран социалистического лагеря.

В результате неравномерности социально-экономического развития различных стран одновременно существуют народы с высокоразвитым общественным строем и развитым национальным самосознанием и народы с отсталым общественным строем и примитивными формами этнического самосознания. Если процесс национальной консолидации зашел далеко в странах социалистического лагеря и в развитых капиталистических странах, то во многих слаборазвитых странах он еще находится на ранней стадии. Империалисты, стремясь укрепить колониальный режим и действуя по принципу «разделяй и властвуй», препятствовали созданию местных промышленных и культурных центров, тормозили национальную консолидацию, консервировали докапиталистические отношения и племенную организацию. Таким образом, в странах Азии и Африки искусственно задерживалось формирование народностей и наций. Существующая национальная раздробленность в слаборазвитых странах еще больше преувеличивается зарубежными буржуазными исследователями; население многих районов Африки и Азии изображается ими как конгломерат множества ничем между собой не связанных племен. Это преследует цель разобщить силы народов, борющихся за свою независимость. Значительные группы населения, особенно в Африке, до сих пор сохраняют племенной быт, говорят на племенных диалектах. Однако в самое последнее время здесь происходят огромные изменения в национальных взаимоотношениях. Сплочение сил в национально-освободительной борьбе, получение государственной независимости, освобождение национальной экономики от иностранной зависимости, рост городов, демократизация внутренней жизни, мероприятия по переводу кочевых племен на оседлость — все это способствует ускорению процессов этнической консолидации и росту национального самосознания, формированию новых народностей и наций из родоплеменных и локально-территориальных этнических групп. В Африке складываются такие крупные народности, и нации, как мандинго, хауса, сомали, акан, йоруба и многие другие, в недалеком прошлом представлявшие объединения племен. В Индонезии на базе многочисленных близкородственных народностей формируется единая индонезийская нация.

В новых исторических условиях принятое нами деление наций на буржуазные и социалистические не охватывает полностью всего многообразия форм национальной общности. В странах, освободившихся от колониальной зависимости и развивающихся по пути создания государств национальной демократии, складываются условия для успешного преодоления отсталости, для консолидации наций, укрепления демократических сил. В этих странах может идти речь о формировании наций переходного типа, которые не являются буржуазными или социалистическими. Их, по-видимому можно назвать демократическими нациями⁸. Если при образовании старых буржуазных наций основной силой, сплачивающей нацию, была буржуазия, а при образовании социалистических наций — пролетариат в союзе с трудовым крестьянством, то формирование наций нового типа идет более сложным путем. Для этих новых наций характерно, как правило, сплочение большинства народа в борьбе за политическую, экономическую и культурную независимость, численное преобладание трудового крестьянства, наличие тесно связанной с ним демократической интеллигенции, возрастающая политическая активность рабочего класса (часто даже при его незна-

⁸ В настоящей обзорной статье проблема формирования наций нового типа затрагивается только в порядке постановки вопроса. Проблема эта очень сложна и требует дальнейшей углубленной разработки и всестороннего обсуждения. То же относится и к предлагаемому авторами статьи термину «демократические нации».

чительной численности), участие национальной буржуазии (или по крайней мере наиболее передовой ее части) в освободительном движении. Следует отметить, что, ввиду господства иностранного капитала в экономике ряда стран и вызванной этим относительной слабости национальной буржуазии, рабочий класс в этих странах сильнее национальной буржуазии. Поэтому даже в самых экономически отсталых странах рабочий класс может стать руководящей силой в национально-освободительной борьбе. В тех странах, где национальная буржуазия экономически и политически сильна, но стоит еще на прогрессивных позициях, она играет роль главной силы в процессе национальной консолидации. При слабости или почти полном отсутствии национальной буржуазии могут создаться условия для некапиталистического пути развития демократических наций.

При всем разнообразии национальных движений в странах Азии и Африки более прогрессивными являются такие движения, которые в конечном итоге направлены на объединение, а не на разделение народов.

В настоящее время в ряде многонациональных государств Азии и Африки, недавно освободившихся от колониального гнета, наблюдается процесс сближения разноязычных народов в устойчивые хозяйственно-культурные общности в рамках сложившихся государственных границ. Эти общности, которые можно было бы назвать также «национально-политическими», цементируются экономическими связями между входящими в их состав народами, их длительным культурным взаимодействием и особенно — совместной борьбой с колонизаторами, совместным участием в мирном строительстве после освобождения.

Процесс сближения народов внутри многонациональных стран Азии и Африки в ряде случаев затрудняется борьбой, ведущейся реакционными группами, использующими лозунг самоопределения для своих сепаратистских целей. Такие сепаратистские движения имели место, например, в Индонезии, где часть военно-феодалных кругов при поддержке западных держав вела вооруженную борьбу за отрыв от Индонезийского государства отдельных его частей. Аналогичная картина наблюдается и в Конго, где империалисты, используя племенные различия, пытаются под флагом «конфедерации» расчленивать страну на части. Империалистами «широко используется в целях подрыва позиций освободившихся стран отравленное оружие национальной и племенной розни. Во многих освободившихся странах, особенно в Африке, колонизаторы стремятся затормозить процесс консолидации наций, подстрекая племена к борьбе друг с другом, к созданию мелких государств, находящихся в полной зависимости от чужеземных господ»⁹.

2

Процессы национальной консолидации характерны в наши дни для всех народов Азии и Африки, освободившихся из-под ярма империализма или ведущих борьбу за свое освобождение. В разных странах, однако, процессы эти протекают по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, социально-экономического, культурного и этнического развития населения отдельных государств. На востоке Азии — в Китае, Монгольской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике и Демократической Республике Вьетнам, — где народно-демократические революции, руководимые марксистско-ленинскими партиями трудящихся, переросли в революции социалистические, развитие различных этнических общностей происходит, как и в СССР, в неразрывной связи со строительством социализма. В этих странах «господствующую роль в народном хозяйстве играют социалистические производственные отношения; навсегда уничтожена или успешно уни-

⁹ Б. Пономарев, Указ. раб. стр., 39.

чтожается эксплуатация человека человеком. Все эти страны создали развитую промышленность; в прошлом аграрные страны превратились или превращаются в индустриально-аграрные»¹⁰. Доля промышленности в совокупном продукте промышленности и сельского хозяйства составляла в 1958—1959 гг. в КНР — 67,6%, в МНР — 42,5%, в КНДР — 71,0%, в ДРВ — 37,1%¹¹.

Коренным образом изменился в Китае, МНР, КНДР и ДРВ за последние годы также социальный состав населения. Нет уже класса помещиков, почти ликвидирована как класс буржуазия. Основными общественными классами являются рабочие и крестьяне. «Решен или успешно решается наиболее трудный вопрос социалистического строительства — добровольный переход крестьянства с пути мелкого частнособственнического хозяйства на путь крупного кооперативного социалистического хозяйства»¹². Доля социалистического сектора в общей сельскохозяйственной площади составила в 1959 г. в КНДР — 100%, в КНР — 99,1%, в МНР — 99,7%, в ДРВ — 72,7%¹³. В процессе социалистического строительства окреп союз рабочих и крестьян, ставший политической опорой социалистического строя. Возникла новая трудовая интеллигенция, тесно связанная с широкими народными массами. Создались материальные и политические условия для всестороннего развития техники, науки и культуры. «В многонациональных социалистических государствах сформировался и окреп нерушимый союз трудящихся всех национальностей. Торжество марксистско-ленинской национальной политики в странах социализма, подлинное равноправие национальностей, подъем их экономики и культуры служат вдохновляющим примером для народов, ведущих борьбу против национального угнетения»¹⁴.

Раньше других стран зарубежной Азии на путь народной демократии, ведущий в конечном счете к социализму, вступила, как известно, Монголия, которая ко времени народной революции 1921 года была отсталой страной с экстенсивным кочевым животноводством в качестве основной отрасли экономики и феодально-крепостническим общественным строем (при сохранении значительных патриархально-родовых пережитков). На первом этапе монгольской революции (20-е—40-е годы) были ликвидированы феодальные отношения, упразднено крепостное право, проведена национализация земли, отменены сословные права и привилегии духовных и светских феодалов, вытеснен иностранный торгово-ростовщический капитал, образованы демократические органы власти — народные хуралы, зародился социалистический сектор в народном хозяйстве (вновь созданная государственная промышленность, госхозы, машинно-сенскозные станции, простейшие формы аратских объединений)¹⁵.

Несомненно, что на протяжении всего рассматриваемого периода народно-демократических преобразований в Монголии имел место процесс интенсивной национальной консолидации. Его обусловили возникновение и прогрессивное укрепление экономических связей между отдельными районами страны, организация государственной и кооперативной торговли, развитие внутриреспубликанского транспорта (первоначально автомобильного, позднее — железнодорожного и воздушного), создание

¹⁰ «Заявление...», стр. 8.

¹¹ «Развитие экономики стран социалистического лагеря». Приложение к журналу «Проблемы мира и социализма», 1960, № 11, стр. 6, 15. См. также «Страны социализма в 1960 году. Обзор итогов развития народного хозяйства». Приложение к журналу «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5, стр. I—VIII.

¹² «Заявление...», стр. 8.

¹³ «Развитие экономики стран социалистического лагеря», стр. 18.

¹⁴ «Заявление...», стр. 9.

¹⁵ Ю. Цеденбал, От феодализма — к социализму, «Проблемы мира и социализма», 1961, № 3, стр. 10—17.

общемонгольского алфавита на основе русской графики (в 1942 г.), успехи народного образования на родном языке, распространение газетно-журнальной прессы и различного рода литературы, подготовка кадров национальной интеллигенции, подъем всех видов культурно-просветительной работы¹⁶. Наметилось определенное экономическое и культурное сближение между монголами-халха и другими этническими группами населения МНР — ойратами, бурятами, различными тюркскими народами, частично переходившими на монгольский язык.

Монгольская нация, формировавшаяся в 1920-х—1940-х годах, не была, конечно, буржуазной, так как капиталистические отношения в стране не развивались, а буржуазия почти отсутствовала. Но не была эта нация и социалистической: основная масса трудящихся МНР — араты — еще не была кооперирована, социалистический сектор в народном хозяйстве был слаб, рабочий класс только начинал складываться. Зато есть все основания говорить о формировании в то время демократической монгольской нации переходного периода, состоявшей главным образом из трудящихся аратов, которые вели тогда мелкое индивидуальное животноводческое хозяйство. В состав демократической монгольской нации, руководимой Народно-революционной партией, входили также немногочисленные еще промышленные рабочие, кустари-ремесленники, новая интеллигенция, вышедшая большей частью из среды аратов, и, наконец, значительные группы низших и средних лам, многие из которых в результате проводившейся среди них политической и просветительной работы «добровольно покидали монастыри, отказывались от обета безбрачия и обзаводились семьей, приобщались к общественно полезному труду»¹⁷.

Во втором периоде истории МНР происходило «постепенное перерастание демократической революции в революцию социалистическую»¹⁸. Процесс этот, начавшийся еще до второй мировой войны, резко усилился после ее окончания и образования мировой социалистической системы. Выпуск валовой продукции промышленности Монголии за последние десять лет вырос почти в четыре раза. Доля группы А (производства средств производства) в общем объеме промышленной продукции поднялась с 25,3% в 1952 г. до 50,9% в 1960 г. Число рабочих по сравнению с 1940 г. увеличилось в 6,4 раза. К 1960 г. было закончено кооперирование аратских хозяйств. Большое развитие получило земледелие; посевная площадь за 1958—1960 гг. возросла в три раза, а урожайность — в пять с половиной раз. Социализм победил окончательно во всех сферах экономической, политической и культурной жизни монгольского народа.

В процессе перерастания демократической революции в социалистическую бесповоротно был решен вопрос о дальнейшем развитии монгольской нации, которая — как и всякая нация переходного периода — должна была в конце концов пойти или по пути капитализма, или по пути социализма. Хотя Народно-революционная партия с самого начала народной революции взяла курс на некапиталистическое развитие, все же в первые годы существования независимой Монголии лишенные своих привилегий феодалы (в том числе высшие ламы), а также представители зарождавшейся тогда буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом, пытались повернуть страну на путь капитализма. Только после окончательной победы социализма стала очевидной беспочвенность и бесперспективность этих попыток. Монгольская нация стала социалистической, состоящей в основном из двух дружественных классов — рабочих и крестьян. Ядро этой нации в настоящее время со-

¹⁶ Ю. Цеденбал, Указ. раб.; Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование МНР, М., 1956, стр. 90—102.

¹⁷ Ю. Цеденбал, Указ. раб., стр. 14.

¹⁸ Там же.

ставляют монголы-халха (около 850 тыс. человек — приблизительно 85% всего населения МНР), к которым примыкают другие монгольские группы, говорящие по-ойратски и по-бурятски, но хорошо понимающие монгольский (халхаский) язык — государственный язык МНР¹⁹.

Некоторые особенности национального развития, характерные для населения Монголии, прослеживаются и у народов соседнего Китая, национальная консолидация которых на базе социализма завершилась или завершается также только в самые последние годы. Китайский народ по своему национальному развитию существенно отличается от монгольского народа, так как формирование китайской нации протекало в XIX—XX вв. при переходе от феодализма к капитализму. Образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. открыло новую эпоху в истории народов Китая — эпоху завершения буржуазно-демократической революции и перехода к строительству социализма во всех областях хозяйственной, общественной и культурной жизни. Неоглемой частью этих процессов было разрешение национального вопроса в КНР, ставшее возможным только на базе неуклонного подъема экономического и культурного уровня всех народов страны, постепенного проведения у них демократических, а затем и социалистических преобразований с целью ликвидации всех видов эксплуатации человека человеком и осуществления фактического равенства грудящихся независимо от их национальной, расовой и религиозной принадлежности. Основные принципы национальной политики Коммунистической партии Китая и Народного правительства, сформулированные в работах Мао Цзе-дуна еще до Освобождения, были изложены в Общей программе Народного Политического Консультативного Совета и в конституции, принятой на Первой сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва 20 сентября 1954 г.²⁰

Сами китайцы (хань), составляющие около 94% населения страны (679 млн. чел. в середине 1959 г.), сложились после образования КНР в крупнейшую социалистическую нацию мира. Ее экономической базой стал социалистический сектор народного хозяйства, доля которого в 1959—1960 гг. достигла в промышленности 100%, а в сельском хозяйстве — 99,1%²¹. Коренные изменения произошли и в классовом составе китайской нации. Помещики и крупная компрадорская буржуазия, связанная с империалистами, были ликвидированы как особые социальные группы еще в первые годы после Освобождения в ходе завершения народно-демократической революции. Основная часть национальной буржуазии после преобразования частных предприятий в государственно-частные, а затем и в государственные волилась в процессе перевоспитания в ряды трудящихся. Крестьяне и теперь составляют большинство населения, хотя численность рабочих и служащих неуклонно увеличивается. Если в 1950 г. рабочих и служащих насчитывалось всего 10,2 млн. чел., то в 1958 г. — уже 45,3 млн. Число промышленных рабочих составляло в 1949 г. 3 млн. чел., в 1958 г. — 25,6 млн. Китайская нация по своему социальному составу стала рабоче-крестьянской²².

Демократические, а затем и социалистические преобразования у национальных меньшинств стимулировали процесс коренной трансформации племенных групп и народностей, существовавших в старом полу-

¹⁹ С. И. Брук, Население Китая, МНР и Кореи (Пояснительная записка к карте народов), М., 1959, стр. 35—36.

²⁰ Мао Цзе-дун, О коалиционном правительстве, «Избранные произведения», т. 4, М., 1953, стр. 457—576; «Конституция КНР» (Пер. с кит.), Пекин, 1954, стр. 14.

²¹ «Развитие экономики стран социалистического лагеря», стр. 16, 26.

²² Вне этого процесса остаются до настоящего времени около 10 млн. китайцев на острове Тайвань, оккупированном американскими империалистами.

колониальном — полуфеодальном Китае, в этнические общности нового типа, обычно называемые в КНР «миньцзу» (национальности) и соответствующие по своим основным особенностям социалистическим народностям СССР. Одним из ярких выражений этого процесса было быстрое увеличение числа национальных автономных единиц различных ступеней — районных (областных), окружных и уездных. К 1954 г. в КНР существовало уже 40 единиц территориально-национальной автономии; к 1957 г. число их достигло 77 (из них — два автономных района: Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский). В 1958 г. в составе КНР оформились еще два новых автономных района — Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский. К десятилетию образования КНР в Китае стало уже 87 единиц национальной автономии: 4 района, 29 округов и 54 уезда. Территориальную автономию получили 36 национальных меньшинств, насчитывающих вместе более 26 млн. чел. (95% всех проживающих компактно национальных меньшинств страны)²³.

В настоящее время социалистическое переустройство завершено в Китае повсеместно (кроме Тибета, где проводятся еще демократические преобразования). С 1958 г., когда начался «большой скачок» (да яо-цин) в промышленности и сельском хозяйстве, в народные коммуны вступило свыше 95% населения, принадлежащего к национальным меньшинствам. Значительно увеличилось в их составе также число рабочих. Социалистический строй стал господствующим не только у китайцев, но и у всех других народов Китая. Всего к социализму, миновав капитализм, перешел в КНР 51 народ (38 млн. чел. или около 6% всего населения страны). У народов с общей численностью свыше 30 млн. чел. переход этот совершился от феодальных отношений, с численностью примерно в 1 млн. — от рабовладельческих, с численностью в 600 тыс. — от отношений, переходных от первобытнообщинных к раннеклассовым²⁴. Население КНР в целом несомненно представляет собой в наши дни крупнейшее в мире многонациональное экономическое, политическое и культурное единство, принадлежность к которому, обозначаемую в Китае словом «чжунгожень» (люди Среднего государства), прекрасно сознают все народы республики. Во время празднования десятилетия образования КНР тов. Чжоу Энь-лай имел полное основание сказать: «...Наша Родина стала большой семьей, в которой все народы полностью равноправны, живут в дружбе и помогают друг другу»²⁵.

Корейский народ вступил на путь национальной консолидации значительно позднее китайцев, но раньше монголов. Капиталистические отношения стали развиваться в Корее еще в конце XIX в., хотя феодальный строй и оставался господствующим. Тогда же возникли и основные классы капиталистического общества — пролетариат и буржуазия, создались условия для концентрации местных рынков в единый общекорейский рынок, а следовательно и для формирования корейской буржуазной нации. Однако закабаление страны японскими империалистами, а затем и прямая ее аннексия в 1910 г., хотя и не затормозили полностью этот процесс, значительно снизили его темпы²⁶. После поражения империалистической Японии и освобождения Кореи создались благоприятные условия для развития всех отраслей экономики и

²³ И. Цюнь. Вого шаоцу миньцзу цзяньцзе (Национальные меньшинства Китая. Краткий очерк), Пекин, 1958.

²⁴ «National Minorities in China», «Women of China», 1961, № 2, стр. 31.

²⁵ Чжоу Энь-лай, Великое десятилетие, «Жэньминь жибао», 7 октября 1959 г.; см. также «Правда», 9 октября 1959 г.

²⁶ Ю. В. Ионова, Корейская деревня в конце XIX — начале XX в., «Восточно-азиатский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. LX, М.—Л., 1960, стр. 119—158.

культуры корейской нации. Однако оккупация Южной Кореи американскими империалистами в 1945 г. привела к искусственному расчленению единого народа на две части, развитие которых пошло по совершенно различным путям. После окончания войны 1950—1953 гг., развязанной американскими империалистами и их приспешниками, население Корейской Народно-Демократической Республики под руководством Трудовой партии приступило к восстановлению народного хозяйства и его дальнейшему развитию на социалистической основе. К 1959—1960 гг. доля социалистического сектора в промышленности и сельском хозяйстве КНДР выросла до 100%²⁷. Таким образом, КНДР бесповоротно вступила на путь социалистического развития, а корейский народ на севере страны — на путь преобразования в социалистическую нацию. В 1961 г. народ КНДР начал борьбу за выполнение семилетки — величественной программы социалистического строительства в стране²⁸.

Ясно однако, что национальному сплочению всех корейцев препятствует то, что Корея — по составу населения страна исключительно однопациональная (99% корейцев) — остается искусственно расчлененной на две части и 23,9 млн. чел. из общей численности народа в 31,9 млн. (на 1959 г.) живут на юге в условиях полного развала народного хозяйства, нищеты, бесправия и угнетения со стороны американских империалистов и их корейских приспешников — помещиков и компраторов. Но строительство социализма в северной части Кореи имеет решающее значение для осуществления мирного объединения страны и является его реальным залогом. «Успехи в социалистическом строительстве в Северной Корее и сопоставление трудящимися Южной Кореи реальной действительности Юга и Севера постоянно революционизируют трудящихся Южной Кореи, помогая им осознать свой путь и принять активное участие в борьбе за мирное объединение Родины. Они взируют на Трудовую партию Кореи, как на маяк надежды»²⁹.

По конкретным условиям национального развития народов Демократическая Республика Вьетнам характеризуется рядом специфических особенностей и в то же время обнаруживает известное сходство с одной стороны, с КНР, с другой же — с КНДР. С Китаем Вьетнам сближает многонациональный состав населения при значительном численном преобладании основного народа (в стране в целом свыше 87% населения составляют вьетнамцы), а также наличие большого числа национальных меньшинств (по различным данным — от 30 до 70), находившихся при господстве французов, а частично находящихся и теперь (особенно на юге) на различных уровнях социально-экономического развития, принадлежащих к разнообразным хозяйственно-культурным типам и говорящих на языках разных языковых семей³⁰. С Кореей у Вьетнама обнаруживается сходство в господстве до 1945 г. жестокого колониального режима и в искусственном разделении обеих стран на две части — северную, где успешно строится социализм, и южную, где народ, живущий в тяжелых полуфеодалных — полуколониальных условиях, ведет упорную борьбу за свое освобождение. Население Северного Вьетнама (ДРВ) по данным на 1959 г. составляло 15,3 млн. чел., а Южного — 13,8 млн.

²⁷ «Развитие экономики стран социалистического лагеря», стр. 6.

²⁸ См.: «Новогодняя речь председателя Кабинета министров КНДР Ким Ир Сена», «Новая Корея», 1961, № 1, стр. 1—4.

²⁹ Сэ Чер, Положение в Южной Корее и вопрос мирного объединения страны, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 8, стр. 36—40.

³⁰ С. И. Брук, Население Индокитая, (Пояснительная записка к карте народов), М., 1959, стр. 1—24. Эти вопросы освещены также в сборнике «Национальные меньшинства Вьетнама». (Сборник статей на вьетнамском языке), Ханой, 1959.

Тесное сплочение всех народов Вьетнама было одним из важнейших условий, обеспечивших победу в патриотической войне 1945—1954 гг. против французских империалистов. Однако после установления мира страна оказалась разделенной на две части. «В освобожденной северной части Вьетнама строится социализм, а на юге хозяйничают империалисты и их прислужники, которые хотят превратить Юг в американскую колонию и военную базу, чтобы снова разжечь гражданскую войну»³¹.

Говоря об особенностях строительства социализма в ДРВ, тов. Хо Ши Мин специально подчеркивает: «...Наиболее характерной чертой переходного периода нашей экономически отсталой аграрной страны является непосредственный переход к социализму, минуя капиталистический этап развития»³². Очевидно, таким образом, что, поскольку капитализм во Вьетнаме до установления мира в 1954 г. был развит слабо, процессы национальной консолидации вьетнамцев и других народов на севере страны в основном протекали уже при народно-демократическом строе. Следовательно, можно поставить вопрос о тенденции формирования в это время вьетнамской демократической нации, преимущественно крестьянской по социальному составу, но руководимой рабочим классом и его партией. Конечно, процесс этот в ДРВ не мог принять столь законченные формы, как в МНР, во-первых, потому, что завершение национальной консолидации вьетнамцев возможно только в масштабе всей страны, включая и Север и Юг; во-вторых, же потому, что в Монголии переходный период от полуфеодального — полупатриархального строя к началу развернутого строительства социализма продолжался почти три десятилетия (20-е — 40-е годы нашего века); во Вьетнаме же он охватывал максимум 12 лет, даже если сюда включить годы патриотической войны (1945—1954) и последующего восстановительного периода (1955—1957).

В 1958—1960 гг. ДРВ успешно выполнила трехлетний план развития народного хозяйства, предусматривавший «социалистическое преобразование сельского хозяйства, ремесленного производства, промышленности и торговли»³³. Доля социалистического сектора к концу трехлетки достигла в промышленности 80,5% (без кустарного производства), а в сельском хозяйстве — 72,7%. В 1959 г. сельскохозяйственные кооперативы различных типов объединяли 2 млн. крестьян, принадлежащих к различным национальностям³⁴. Вряд ли можно сомневаться, таким образом, что на севере страны имеются все условия для преобразования демократической вьетнамской нации в социалистическую. На социалистической основе происходит в ДРВ и дальнейшее этническое развитие других народностей, которому сильно способствует создание еще в 1956 г. автономных национальных округов Тхай-Мео и Вьет-Бак. В Южном же Вьетнаме национальный вопрос может быть разрешен только после победы народной революции на юге и мирного объединения всей страны. Именно эти цели ставит перед собой созданный в январе 1961 г. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама. Придавая большое значение разрешению национального вопроса, Национальный фронт считает необходимым «гарантировать равенство между мужчинами и женщинами и между различными национальностями, а также право национальных меньшинств на автономию»³⁵.

³¹ Хо Ши Мин, Тридцать лет Партии трудящихся Вьетнама, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 2, стр. 57—61.

³² Хо Ши Мин, Указ. раб., стр. 59.

³³ Там же.

³⁴ «Развитие экономики стран социалистического лагеря», стр. 6, 18.

³⁵ Манифест Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, «Азия и Африка сегодня», 1961, № 4, стр. 63—64. См. также «Вьетнам», 1961, № 3.

3

В зарубежной Азии до второй мировой войны большая часть стран находилась в той или иной степени политической и экономической зависимости от различных империалистических государств. Помимо стран социалистического лагеря, в последние десятилетия завоевали политическую независимость страны, общая численность населения которых составляет 44% всего населения Азии. К ним относятся Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма, Индонезия, Камбоджа, Лаос и многие другие.

Некоторые государства были формально самостоятельными и до войны, но фактически находились тогда, а в некоторых случаях находятся и в наши дни, в различных степенях экономической и политической зависимости от империалистических держав (Таиланд, Турция, Иран и др.). Колониальный режим сохраняется до настоящего времени на следующих территориях: в португальских владениях на Тиморе, британских колониях и протекторатах на Калимантане (Северный Борнео, Саравак и Бруней), Сянгане (Гонконг) и Аомыне (Макао) на юге Китая, в Гоа, Диу и Дамане на п-ове Индостан, на Мальдивских и Бахрейнских островах, в Адене, Омаве и Маскате, Договорном Омане, Катаре и Кувейте, в южной и восточной Аравии. Общая численность населения этих территорий — 7,3 млн. чел., или 0,5% всего населения Азии³⁶.

Национально-освободительная борьба, направленная на завоевание или укрепление политической и экономической независимости, происходит во многих странах Азии. С этой борьбой неразрывно связаны также процессы национальной консолидации, находящие яркое выражение в сплочении более мелких этнических общностей в крупные, в объединении племен и племенных групп в народности и преобразовании этих народностей в нации, в развитии и упрочении экономических, политических и культурных связей между народами каждой страны в отдельности и между различными государствами, освободившимися от ярма колониализма или стоящими на пути к такому освобождению. Однако конкретные формы национально-освободительной борьбы и национальной консолидации народов зарубежной Азии очень разнообразны; они зависят от уровня социально-экономического развития отдельных стран, классового и этнического состава их населения, особенностей исторического прошлого, характера взаимоотношений с колониальными державами, нейтралистскими и социалистическими государствами.

Для всех стран зарубежной Азии, кроме народно-демократических государств, где преобладают в настоящее время социалистические производственные отношения, да пожалуй еще Японии, бывшей до войны 1941—1945 гг. одной из сильнейших империалистических держав, характерно сложное переплетение различных общественно-экономических укладов при разной степени развития капитализма, почти повсеместном сохранении многих особенностей феодального строя и наличии у некоторых, наиболее отсталых народов, значительных первобытнообщинных пережитков.

Самым многочисленным классом всех народов зарубежной Азии со времени возникновения у них классового общества всегда было и остается в наши дни трудовое крестьянство; на его долю в несоциалистических азиатских странах (кроме Японии) приходится, как правило, 70—90% населения. Во многих из этих стран крестьянство все еще подвергается — хотя и в разной степени — эксплуатации со стороны помещиков-феодалов, которые в некоторых государствах сохраняют в своих

³⁶ «United Nation. Demographic Yearbook», New York, 1959.

руках всю полноту политической власти, в других же — делят ее с крупной буржуазией.

Рабочий класс теперь есть во всех государствах зарубежной Азии, но в одних странах он только зарождается, в других же — особенно в Индонезии, Индии, Ливане, Сирийском районе ОАР — является многочисленным, активно участвующим в политической жизни страны. Росту пролетариата способствует развитие после второй мировой войны в большинстве азиатских стран добывающей и особенно обрабатывающей промышленности, что, несомненно, отражает усиливающуюся борьбу их народов за свою экономическую независимость. Темпы индустриального развития несоциалистических азиатских стран примерно в полтора раза превосходят аналогичные темпы в Западной Европе и Северной Америке. Для добывающей промышленности, например, среднегодовые темпы прироста продукции в 1948—1957 гг. составляли для Северной Америки 3,7%, для Западной Европы — 7,6%, для Юго-Восточной Азии — 11,9%; для обрабатывающей промышленности соответствующие величины равны 3,8%, 7,9% и 12,7%³⁷.

Численность рабочего класса после второй мировой войны значительно возросла почти во всех странах зарубежной Азии. На Филиппинах, например, в 1958 г. было свыше 3,3 млн. рабочих (в том числе — около 2 млн. сельскохозяйственных), т. е. вдвое больше, чем до войны³⁸. В Индонезии численность пролетариата за то же время поднялась с 1 до 3 млн. чел. В Индии до войны насчитывалось 2,5—3 млн. фабрично-заводских, транспортных и плантационных рабочих; теперь их более 7 млн.³⁹. Значительно усилилось за последние годы профсоюзное движение. В Индии, например, в наши дни профсоюзы насчитывают в пять раз больше членов, чем до войны. В борьбе за национальную независимость окрепли коммунистические и рабочие партии, особенно сильные в Индонезии, Индии, во многих арабских странах Передней Азии (Ирак, Ливан, Сирийский район ОАР)⁴⁰.

Буржуазия в различных несоциалистических государствах зарубежной Азии неодинакова по своей относительной численности и неоднородна по социальному составу и экономической мощи. В одних странах она и теперь еще малочисленна и хозяйственно слаба (Камбоджа, Лаос, Непал, Саудовская Аравия, Йемен), в других — количественно гораздо более весома и занимает ведущее положение в экономической жизни (Филиппины, Индонезия, Бирма, Индия, Ливан, Сирийский район ОАР). В большинстве азиатских стран национальная буржуазия в целом добилась после второй мировой войны заметного усиления своих позиций в ходе ликвидации колониальных режимов и последующих хозяйственно-общественных преобразований, хотя империалистические монополии и продолжают играть большую роль в экономике многих из этих стран. В Индонезии, например, иностранные компании до 1956—1957 гг. контролировали более 90% капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство. Однако после принятия в 1958 г. закона о национализации голландской собственности положение стало меняться в пользу национальных предприятий, частично контролируемых государством⁴¹. В политическом манифесте от 17 августа 1959 г. президент Сукарно заявил:

³⁷ В. Тягуненко, Основные структурные сдвиги в экономике слаборазвитых стран, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 3, стр. 56—70.

³⁸ R. Villanova, The state of the Philippine manufacturing industry, «Far Eastern Economic Review», 1958, №№ 18—20, 23; Г. Комаровский, Условия труда и рабочее движение на Филиппинах, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 10, стр. 119—121.

³⁹ Н. Савельев, О национальной буржуазии в странах Юго-Восточной Азии, «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 4, стр. 38—51.

⁴⁰ Ф. Нассар, О национально-освободительном движении на Арабском Востоке, «Современный Восток», 1961, № 2, стр. 10—12.

⁴¹ Н. Савельев, Указ. раб., стр. 39.

«Мы должны поднять лозунг — сломать колониальную экономику, превратив ее в национальную экономику»⁴². В настоящее время для реализации этого лозунга в Индонезии проводится политика «направляемой» экономики, поддержанная большинством населения. Суть ее соответствует конституции 1945 г., которая гласит: «...Отрасли производства, являющиеся важными для государства и интересов большинства народа, должны принадлежать государству»⁴³.

В Индии с 1947 по 1957 г. доля иностранных компаний в капиталовложениях в различные отрасли народного хозяйства упала с 60 до 37—38%. В Бирме в 1954 г. национальному капиталу принадлежало 85% (до войны — 38%) промышленных предприятий. В этой стране укрепление позиции национальной буржуазии сопровождалось дальнейшей централизацией и концентрацией капитала. Если до войны бирманская буржуазия владела главным образом небольшими мастерскими и промышленными заведениями типа мануфактуры, то в 1954 г. на ее долю приходилось уже 77% крупных заводов, фабрик и рудников, организованных на акционерных началах⁴⁴. Аналогичные процессы наблюдаются и во многих других странах зарубежной Азии, где подавляющее большинство населения ведет борьбу за освобождение от экономической зависимости от иностранных монополий⁴⁵. Везде развитие национальной буржуазии происходит в сложных и противоречивых взаимоотношениях с иностранными монополиями, феодальными элементами, крестьянством и рабочим классом.

Компрадорские группы крупной буржуазии, наиболее тесно связанные с империалистами и феодалами, занимают, естественно, самые реакционные позиции как в области экономики, так и в области политики. Однако большинство капиталистов — частично даже крупных, а тем более средних и мелких, — в связи с недавними, а в известной степени и ныне существующими, противоречиями с иностранными монополиями продолжает и в наши дни играть определенную роль в борьбе за экономическую и политическую независимость народов зарубежной Азии, за мир и окончательную ликвидацию колониализма. В то же время национальная буржуазия этих народов проявляет склонность к компромиссам с империалистами. Преобладающая роль прогрессивных или реакционных тенденций в ее политике зависит от специфической обстановки в каждом отдельном государстве, от соотношения классовых сил.

Очень разнообразны также типы сложившихся этнических общностей у народов Юго-Восточной, Южной и Передней Азии. В связи с различными темпами социально-экономического развития отдельных народов на протяжении всей их истории, особенно же в период капитализма, здесь в настоящее время сосуществуют все типы этнических общностей — племена и их группы, сохранившие многие пережитки первобытнообщинных отношений, народности, сложившиеся большей частью еще в рабовладельческую и феодальную эпоху, и, наконец, нации, формирование которых началось, как и везде, на заре капитализма, но пошло особенно быстро в послевоенные годы в связи с завоеванием независимости большинством азиатских стран и их первыми успехами в области социально-экономического и культурного развития. Процессы национальной консолидации, сопровождающиеся в странах Азии уменьшением этнической дробности населения, протекают здесь во многом иначе, чем в капиталистических странах Европы и Америки.

⁴² «Экономическое положение капиталистических стран». Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 8, стр. 105—107 (Индонезия).

⁴³ «Г-н Тобинг о „направляемой экономике“ в Индонезии (интервью)», «Новое время», 1960, № 14, стр. 16—17.

⁴⁴ Н. Савельев, Указ. раб., стр. 38—39.

⁴⁵ См. «Экономическое положение капиталистических стран...», стр. 102—111.

В некоторых молодых государствах при тесном сплочении всего народа в процессе освободительной борьбы, численном преобладании трудового крестьянства, слабости национальной буржуазии и росте активности рабочего класса (хотя бы на первых порах и очень малочисленного) возможно создание предпосылок для формирования новых демократических наций переходного периода, которые при благоприятных условиях могут в дальнейшем пойти по пути некапиталистического развития. В Азии подобные предпосылки складываются, например, в Камбодже, правительство которой, опираясь на широкие слои крестьянства, рабочих и молодую прогрессивную интеллигенцию, проводит последовательную антиимпериалистическую и миролюбивую политику, направленную на укрепление независимости страны, ее экономическое и культурное развитие по пятилетнему плану 1960—1964 гг.⁴⁶ В послании принцу Нородому Сиануку по случаю седьмой годовщины независимости Камбоджи Н. С. Хрущев особо подчеркнул: «Искренне рады тому, что за истекшие годы независимого развития Камбоджа добилась значительных успехов в укреплении своей национальной независимости и последовательно придерживалась политики нейтралитета и развития дружественных отношений со всеми странами»⁴⁷. Во многом аналогичные условия национального развития возможны в перспективе и в Лаосе, где в наши дни большинство народа ведет борьбу за то, чтобы «установить в стране демократический в своей основе режим, провозгласить демократические свободы народа, равенство мужчин и женщин, равенство национальных меньшинств в рамках закона и национальных традиций»⁴⁸.

Но и в тех азиатских странах, где национальная буржуазия сильна и формирующиеся нации являются буржуазными, демократические группы населения — рабочие, крестьяне, мелкая, а частично и средняя буржуазия и связанная с ней интеллигенция — играют сплошь и рядом значительную роль в экономической, общественной и культурной жизни и оказывают определенное влияние на весь ход национального развития народов. В соответствии с этим, и в новых культурах многих народов зарубежной Азии очень сильны те демократические и даже социалистические элементы, о существовании которых в каждой национальной культуре писал В. И. Ленин⁴⁹. Именно так обстоит дело в Индонезии, Бирме, Камбодже, Индии, на Цейлоне и в других странах. В Индонезии, например широкие массы рабочих, крестьян и демократической интеллигенции, руководимые Коммунистической партией, входящей в «Парламент сотрудничества» («Готонг ройонг»), активно участвуют в общественно-политической жизни, безоговорочно поддерживают прогрессивную политику правительства, критикуют его неустойчивую политику и в конечном счете ведут борьбу за превращение Индонезии из полуфеодальной и полукOLONIALной страны в подлинно независимую республику национальной демократии⁵⁰.

Почти все страны Юго-Восточной, Южной и Передней Азии отличаются очень сложным этническим составом населения. Более или менее однородными в национальном отношении в этой части земного шара являются только некоторые арабские государства (Йемен, Саудовская Аравия, Иордания, в меньшей степени — Ливан), в которых доля ара-

⁴⁶ См., например, статью «Kambodscha macht starke Fortschritte», «Internationale Wirtschaft», 1960, № 30; А. Гурьев, Возрождение кхмерской культуры, «Современный Восток», 1960, № 12, стр. 69—41.

⁴⁷ Н. С. Хрущев, Послание принцу Нородому Сиануку, газ. «Правда», 19 ноября 1960 г.

⁴⁸ «Политическая программа правительства Лаоса», газ. «Правда», 15 мая 1961 г.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 3—34.

⁵⁰ Д. Н. Айдит, В интересах национального единства, «Проблемы мира и социализма», 1960, № 2, стр. 21—26; «40 РК (40 лет Коммунистической партии Индонезии)», 1960. Рецензию на эту книгу см. «Новые книги за рубежом», 1961, № 2, стр. 53—58.

бов составляет 90—99% всего населения⁵¹. В каждой из остальных стран рассматриваемой зоны живет значительное количество народов, часто говорящих на совершенно различных языках, относящихся к разным лингвистическим семьям. Однако и среди этих многонациональных государств могут быть выделены страны с резким количественным преобладанием одного народа и страны, где такого преобладания нет. К первым относятся, например, Камбоджа (80% кхмеров), Бирма (71% бирманцев), Ирак (76% арабов), Сирийский район ОАР (84% арабов), Турция (85% турок), ко вторым — Филиппины (44% самого многочисленного народа — висайя), Индонезия (48% яванцев), Индия (25% «хиндустанцев» — населения, говорящего на различных диалектах языка хинди), Пакистан (55% бенгальцев), Афганистан (55% афганцев), Иран (50% персов)⁵².

В процессе национального развития в одних странах зарубежной Азии намечается постепенное слияние всех народов или их большинства в одну нацию, в других же странах — образование нескольких счагов национальной консолидации. По первому пути идет, например, национальное развитие народов Индонезии, где в настоящее время складывается единая индонезийская нация с общенациональным индонезийским языком (бахаса индонесиа), в основе которого лежит малайский язык, являющийся, в связи с широким расселением малайцев почти по всей Индонезии, уже в течение нескольких столетий средством общения между разноязычными, хотя и родственными народами различных островов страны⁵³. На Филиппинах также формируется единая филиппинская буржуазная нация с тагалским языком (тагалог) в качестве общенационального⁵⁴. Аналогичные процессы происходят в Малайской Федерации, где складывается особая малакко-малайская нация, отличная от индонезийской.

Иначе протекает национальное развитие в Бирме, где формирование нации близко к завершению только среди бирманцев, в то время как другие крупные народы страны (карены, кая, качины и шаны), выделенные в особые автономные штаты, находятся только на самой начальной ступени национальной консолидации⁵⁵. Несколько формирующихся или уже сформировавшихся наций существует в Индии, где они по официальной терминологии правящей партии Индийский Национальный Конгресс называются «культурно-историческими общностями». Крупнейшие из них, образующие в настоящее время «лингвистические» штаты, — ассамцы, бенгальцы, бихарцы, гуджаратцы, кашмирцы, маратхи, ория, панджабцы, раджастанцы, каннара, малаяли, тамилы, телугу⁵⁶. Несмотря на то, что девять первых из этих наций говорят на индоевропейских языках, а четыре остальные — на дравидских, между всеми ними (а также большинством других народностей Индии) наблюдается значительное хозяйственно-культурное сходство, сложившееся исторически еще до захвата страны английскими колонизаторами и закрепленное совместной борьбой всех народов страны против них.

⁵¹ С. И. Брук, Население Передней Азии. (Приложение к карте народов), М., 1960, стр. 27.

⁵² С. И. Брук, Население земного шара. (Приложение к карте народов), М., 1961, стр. 45—48.

⁵³ Н. Ф. Алиева, Индонезийский язык на современном этапе, «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 85—93.

⁵⁴ А. Сантос, Пути развития филиппинской литературы, «Проблемы востоковедения», 1960, № 2, стр. 60—69.

⁵⁵ Ч жу Ч жи - х э, Бирма, М., 1958; До Т ин Ч и, Бирманский Союз. (Географический и этнографический очерк), Сб. «Бирманский Союз», М., 1958, стр. 7—26; У Т а н, Государственное и административное устройство Бирмы, Сб. «Бирманский Союз», стр. 55—61.

⁵⁶ Ш. Ч ан д р а с е к а р, Население Индии, М., 1949; «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959, раздел «Народы Южной Азии», стр. 307—386.

Таким образом, хотя и трудно согласиться с официальным определением всего населения Индии как единой «индийской нации», нельзя отрицать очень большой его национально-политической общности. Безусловно реакционными в современных условиях являются различные сепаратистские тенденции, проявляющиеся в феодально-помещичьих и буржуазных кругах некоторых народов Индийской республики (в особенности — у дравидоязычных тамиллов). В будущем при повсеместном распространении в Индии языка хинди вполне реальной может стать национальная консолидация всех индийцев.

На Цейлоне главная задача в области национальной политики — урегулирование взаимоотношений между индоевропейскими по языку сингалами, уже сложившимися в нацию и играющими руководящую роль в политической жизни страны, и дравидоязычными тамилами, быстро идущими по пути национальной консолидации⁵⁷. В Пакистане, состоящем из двух территориально разобщенных частей, национальные противоречия очень остры. Интересы бенгальской буржуазии Восточного Пакистана, искусственно оторванного от соседних областей Индии, сталкиваются с интересами политически господствующей панджабской, а также синдхской и зарождающейся пуштунской буржуазии Западного Пакистана⁵⁸. Национальная консолидация всего населения Пакистана в этих условиях мало вероятна.

В многонациональных государствах Передней Азии — Афганистане и Иране — отдельные народы находятся на разных ступенях национальной консолидации, которая тормозится, однако, наличием феодальных пережитков. Наиболее далеко процесс консолидации зашел у афганцев (пуштунов), персов и азербайджанцев, которые формируются или сформировались как буржуазные нации, растворяя разбросанные ираноязычные и тюркоязычные группы. Афганское правительство для ускорения этих процессов принимает меры к усилению экономического и культурного развития южной части страны, населенной преимущественно афганцами, и к переселению части этих афганцев на вновь осваиваемые земли северных районов. Иранские правящие круги отрицают наличие в стране национальных меньшинств, считая их племенными группами иранцев. В Турции, где турки, сложившиеся в буржуазную нацию, составляют абсолютное большинство населения, национальные меньшинства (курды, туркмены, лазы, армяне, греки и др.) подвергаются усиленной ассимиляции⁵⁹.

У арабов Аравийского полуострова, сохраняющих остатки родоплеменного деления, процесс национальной консолидации тормозится сохранением значительных остатков феодализма. В других арабских странах Азии (Ливан, Сирийский район ОАР, Ирак) сформировались или формируются буржуазные арабские нации. Единой нации арабы не составляют, так как, находясь в различных государствах, живут раздельной экономической жизнью, имеют различия в культуре и говорят на разных наречиях арабского языка, хотя и пользуются общим литературным языком⁶⁰. В настоящее время «ошибочно было бы связывать успех национальной демократической революции даже на первом ее этапе с вопросом об арабском единстве»⁶¹.

Несмотря на огромное разнообразие конкретных форм национального сплочения в странах зарубежной Азии, везде в этот процесс

⁵⁷ В. И. Кочнев, Население Цейлона, «Сов. этнография», 1959, № 2, стр. 80—97.

⁵⁸ См. работы, указанные в прим. 56, а также: О. Х. К. Спейт, Индия и Пакистан, часть вторая — «Народ», М., 1957, стр. 119—215.

⁵⁹ С. И. Брук, Население Передней Азии (приложение к карте народов), М., 1960; «Народы Передней Азии», серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1957.

⁶⁰ См. работы, указанные в предыдущей сноске, а также: А. И. Першиц, Арабы Ирака, «Сов. этнография», 1959, № 5, стр. 77—90; его же, Арабы Иордании, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 76—89; его же, Арабы Аравийского полуострова, М., 1959.

⁶¹ Ф. Нассар, Указ. работа, стр. 11.

вовлекаются в первую очередь наиболее крупные и экономически развитые народы, говорящие на родственных языках. Более же отсталые в хозяйственном и культурном отношении этнические общности, особенно сохранившие племенную структуру, только постепенно втягиваются в процессы национальной консолидации, большей частью входя в состав соседних наций, воспринимая их языки, но еще долго сохраняя, в качестве местных этнографических групп, многие специфические хозяйственно-культурные особенности. По этому именно пути идут в настоящее время многие группы негритосов и так называемых «протомалайцев»⁶² на Филиппинах и в Индонезии, горные моны и кхмеры в странах Индокитая, различные племена и небольшие народности, говорящие на языках мунда и отчасти на дравидских языках в Индии, ведды на Цейлоне.

Существенное влияние на ход национального развития народов зарубежной Азии оказывает и то, что многие из них расчленены государственными границами на несколько частей и в течение более или менее длительного времени живут в различных экономических, общественно-политических и культурно-бытовых условиях, а главное находятся в разном этническом окружении. Так, кхмеры (4,7 млн.) расселены в Камбодже, Южном Вьетнаме и Таиланде; лао (6 млн.) — в Лаосе, Камбодже, Таиланде и Бирме; тамилы (32,4 млн.) — в Индии и на Цейлоне, а также (в качестве недавних переселенцев) в Бирме, Малайе, Сингапуре и Индонезии; бенгальцы (74,7 млн.) и панджабцы (28,6 млн.) — в Индии и Пакистане; белуджи (1,6 млн.) — в Афганистане, Пакистане и Иране; афганцы, или пуштуны (13 млн.) — в Пакистане и Афганистане; курды (6,2 млн.) — в Иране, Ираке, Сирии и Турции. При достаточно длительном политико-географическом и хозяйственно-культурном разрыве между отдельными группами одного народа, некогда единого по языку и культуре, может случиться, что некоторые из этих групп станут самостоятельными этническими общностями, особенно если будут прочными их связи с другими народами того же государства. Вполне возможно, что такова, например, будущность кхмеров Камбоджи и Вьетнама или тамиллов Индии и Цейлона.

Иначе стоит вопрос по отношению к крупным народам Передней Азии, живущим в разных государствах. Курдская проблема, например, в той или иной степени затрагивает все четыре государства, где курды составляют значительные компактные группы. Курды говорят на нескольких диалектах одного и того же языка. Они близки по своей культуре и быту. Сильно развито у них сознание принадлежности к одному курдскому народу. Империалистические государства пытались использовать требование создания независимого Курдистана с целью укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. В настоящее время прогрессивное решение курдского вопроса во многом зависит от конкретных условий развития взаимоотношений между народами внутри каждого из этих государств (Турции, Ирана, Ирака, Сирии).

Особое место на Среднем Востоке занимает проблема Пуштунистана. В прошлом веке английские колонизаторы настойчиво пытались превратить Афганистан в свою колонию. В результате завоевательных экспедиций часть исконно афганских земель, населенных пуштунами, была отторгнута и насильственно включена в состав бывшей английской колонии Индии. Но колонизаторы не смогли подавить свободолюбивый дух пуштунов, стремящихся к национальному самоопределению. При разделе Британской Индии на Пакистан и Индию, Англия отвергла обращение афганского правительства о предоставлении пуш-

⁶² «Протомалайцами» в зарубежной этнографии называют обычно древнейший слой индонезийского (по языку) населения Юго-Восточной Азии. (См., например: Д. Дж. Е. Холл, История Юго-Восточной Азии, гл. I — Австро-азиатская культура, М., 1958, стр. 21—27).

тунам возможности самим распорядиться своей судьбой. В результате около 6 млн. пуштунов, тесно связанных в культурном и хозяйственном отношении со своими соплеменниками в Афганистане, оказались в пределах Пакистана. Афганистан выступает за самоопределение пуштунов. Н. С. Хрушев на митинге трудящихся Москвы, посвященном завершению миссии доброй воли в страны Юго-Восточной Азии, заявил: «Наша позиция вытекает из ленинской национальной политики, которая провозглашает, что каждый народ имеет право на самоопределение, что национальные вопросы должны решаться в соответствии с волей народов. Мы считаем правильными требования Афганистана о предоставлении пуштунскому народу возможности выявить свою волю путем опроса, путем плебисцита в свободных условиях и решить, желает ли он остаться в границах пакистанского государства, образовать новое самостоятельное государство или воссоединиться с Афганистаном»⁶³.

4

В Африке до самого последнего времени преобладали страны, входившие в состав колониальных владений Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии и Испании. Появление европейцев в Африке в конце XV в. повлекло за собой опустошение обширных густонаселенных областей. С этого времени она стала «заповедным полем охоты на чернокожих»⁶⁴. Накануне второй мировой войны в Африке существовали только три независимых государства: Египет, Либерия и Южно-Африканский Союз, на долю которых приходилось 7,7% территории и 17% населения. К началу 1960 г. таких государств стало десять. В 1960 г., который с полным правом называется «годом Африки», получили независимость еще 17 государств. На начало 1961 г. на долю самостоятельных государств уже приходилось 69% территории и 72% населения Африки. Начавшийся после Октябрьской революции процесс освобождения народов от колониального гнета во много раз ускорился в результате изменения соотношения сил на мировой арене, вызванного победой СССР во второй мировой войне, отпадения от мировой капиталистической системы ряда стран Европы и Азии и образования мировой социалистической системы.

Более двадцати стран Африки и около одной четверти всех африканцев еще продолжают жить в оковах колониального гнета в его самых нетерпимых формах. Фашистские страны — Испания и Португалия — всеми силами противодействуют освобождению принадлежащих им колоний, подавляя возникающие там движения вооруженной силой. Всеобщим восстанием охвачена Ангола. Англия и Франция, вынужденные предоставить самостоятельность значительной части своих колоний, упорно борются за удержание так называемых переселенческих колоний европейцев⁶⁵, объясняя это заботой о европейских переселенцах.

⁶³ «Счастье и мир народам. Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане 11 февраля — 5 марта 1960 г.», М., 1960, стр. 346—347.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 760.

⁶⁵ К ним относятся, в первую очередь, Алжир, а также Кения, Южная и Северная Родезия и некоторые другие страны. Лишь в Алжире европейцы в основном французы) составляют сравнительно заметный процент населения — 10,3 (1056 тыс. чел. из 10 265 тыс.). В Кении, при общем населении в 6351 тыс., англичан всего 60 тыс. и индийцев — 165 тыс. В Южной Родезии европейцев 200 тыс. (из 2770 тыс. чел. населения), в Северной Родезии — 70 тыс. (из 2300 тыс.). См.: Б. В. Андрианов. Население Африки. (Приложение к карте народов, М., 1960, стр. 57—72). Среди европейцев имеется значительная прослойка рабочих, мелких фермеров и служащих (также находящаяся в привилегированном положении по отношению к африканскому населению), но основной силой там является крупная буржуазия — владельцы больших ферм, плантаций, рудников, заводов, торговых компаний. Конец колониального господства должен привести к потере этой группой всех своих привилегий.

Много лет длится война в Алжире, жестоко подавляются движения народных масс в таких странах, как Кения, Уганда, Ньясаленд, Южная и Северная Родезия и других. Несмотря на все это, полная ликвидация колониальной системы в Африке является вопросом недалекого будущего.

Однако завоевание государственной власти для многих стран Африки является лишь первым этапом на пути независимости. Некоторые из них находятся под сильным влиянием бывших метрополий: на их территории остаются вооруженные силы империалистов, сохраняются их военные базы. Решающую роль в достижении реальной политической свободы играет завоевание экономической независимости.

Многовековое хозяйничание империалистов резко отрицательно сказалось на экономике колоний. Основная часть национальных богатств вывозилась без всякой компенсации. Экономика развивалась чрезвычайно однобоко, обслуживая потребности метрополии. Промышленность, за исключением горнодобывающей, совершенно не развивалась. Колонии должны были поставлять сырье для промышленности метрополии и покупать ее готовые изделия. Абсолютное большинство населения занято в сельском хозяйстве, чрезвычайно малопродуктивном. В ряде стран европейские колонизаторы, присвоив землю, превращали ее в плантации одной-двух экспортных культур. Таким образом, подавляющая часть всех бывших колоний является слаборазвитыми странами, к тому же почти не связанными между собой в экономическом отношении. И после освобождения иностраный капитал почти целиком контролирует экономику независимых африканских стран. Лишь отдельные государства (Гана, Гвинея) стали на путь ограничения сферы его деятельности.

Какова же расстановка классовых сил в африканских государствах? Социальная опора колонизаторов в африканских странах среди коренного населения чрезвычайно невелика. Это главным образом родовая или племенная знать, феодалы и в значительно меньшей степени — представители местной буржуазии. Слабость этой опоры заставляет колонизаторов делать ставку на использование родоплеменной, а также религиозной и расовой розни.

На стороне освободительного движения находится почти все население африканских государств — крестьяне, рабочие, национальная буржуазия. Резко преобладающее по численности и почти не дифференцированное крестьянство не организовано; лишь в последнее время в некоторых странах создаются крестьянские союзы.

Важнейшей силой, постепенно занимающей ведущие позиции в национальном движении, является африканский рабочий класс. Общая численность рабочих в Африке достигает 10—11 млн. чел. — менее 5% всего населения. По странам этот процент колеблется в очень сильных пределах. В Южной Родезии он достигает 25, в Южно-Африканском Союзе равен 20, в Анголе — 19, в Северной Родезии — 13. Довольно высок процент рабочих и в странах Северной Африки — Марокко, Алжире, Тунисе, Египетском районе ОАР. В то же время имеются страны, где численность рабочего класса совершенно ничтожна. Это относится в первую очередь к крупнейшей африканской стране — Нигерии, а также странам бывшей Французской Западной Африки (Сенегал, Мали, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Дагомея, Нигер и Мавритания); здесь процент рабочих едва достигает 1—5⁶⁶.

В Тропической Африке, где расположено большинство новых государств, численность рабочих наименьшая (исключение составляет Конго — 9%) и сосредоточены они здесь в основном в горной промышленности и на мелких предприятиях полукустарного типа. Подавляющая

⁶⁶ Проценты подсчитаны по данным, содержащимся в редакционной статье «Африка — континент будущего» в журн. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 2. См. также: Г. Усов, Рабочий класс Африки в борьбе против империализма, «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 6, стр. 127.

часть рабочего класса занята на предприятиях, принадлежащих иностранным капиталистам.

Основные черты, характерные для рабочего класса Африки, типичны для всех колониальных стран, едва затронутых индустриализацией. Большая часть его занята на рудниках, плантациях и в качестве домашней прислуги. Высокий процент составляют «кочевые» и сезонные рабочие.

Характерная особенность большинства независимых государств Африки — слабость или почти полное отсутствие национальной буржуазии (ее почти нет, например, в Конго), что является следствием застоя в экономическом развитии и бесцеремонного хозяйничания империалистов, сконцентрировавших в своих руках всю экономику африканских стран⁶⁷. В ряде новых стран Африки ограничивается рост частного капитализма и делается упор на развитие государственного и кооперативного сектора. Представители национальной буржуазии в своем подавляющем большинстве поддерживают национально-освободительное движение.

Африканская интеллигенция, в большинстве своем вышедшая из наиболее состоятельных слоев населения и выражающая интересы национальной буржуазии, занимает важное место в национально-освободительном движении. К этой прослойке можно отнести значительную группу конторских служащих, занятую в аппарате колониальной администрации, учителей, медицинский персонал. Их численность довольно велика: (например, в бывшей Французской Западной Африке насчитывается 250 тыс. рабочих и 107,6 тыс. государственных служащих — африканцев)⁶⁸.

Соотношение классовых сил и перспективы дальнейшего развития в ряде стран Африки таковы, что здесь создаются благоприятные условия для некапиталистического пути развития. «Различные классы и партии предлагают различные решения. Какой путь развития избрать — внутреннее дело самих народов... Народные же массы убеждаются, что наилучший путь ликвидации вековой отсталости и улучшения условий их жизни — путь некапиталистического развития. Только на этом пути смогут народы избавиться от эксплуатации, нищеты и голода. В решении этого коренного социального вопроса важнейшую роль призваны сыграть рабочий класс и широкие массы крестьянства»⁶⁹.

Описанные выше социально-экономические условия оказывают непосредственное влияние на развитие национальных процессов в различных странах Африки.

Большая часть стран Африки имеет очень сложный этнический состав. Исключение составляют Мальгашская республика (населенная почти одними только мальгашами), Сомали (95% сомалийцев) и арабские государства Северной Африки, в населении которых арабы составляют от 63 до 97% общей его численности (в Марокко — 63%, Алжире — 74, Ливии — 88, Тунисе — 89, Египетском районе ОАР — 97)⁷⁰.

К началу колониальной экспансии африканские народы еще не вступили на путь капиталистического развития, не успели сложиться в нации и образовать свои национальные государства. Лишь в отдельных районах существовали феодалные государства, в пределах которых формировались народности. В Тропической Африке значительная часть населения находилась на стадии разложения первобытнообщинного строя и сохраняла племенную структуру. Отсутствие национальных госу-

⁶⁷ Это не относится к арабским странам Африки и Южно-Африканскому Союзу, развивающимся по капиталистическому пути.

⁶⁸ М. И. Брагинский, Социальные сдвиги в Тропической Африке после второй мировой войны, «Сов. этнография», 1960, № 6.

⁶⁹ «Заявление»..., стр. 20.

⁷⁰ Б. В. Андрианов. Население Африки. (Приложение к карте народов), М., 1960, стр. 57-72.

дарств облегчило империалистам задачу расчленения Африки и создания колоний без всякого учета национального состава населения.

Во время колониального господства национальные процессы развивались чрезвычайно медленно. Империалисты были заинтересованы в консервации племенной раздробленности, считая ее одним из важнейших факторов сохранения своего господства. Племенная рознь, искусственно разжигаемая колонизаторами, была серьезным препятствием на пути объединения сил в борьбе за независимость. Очень часты были случаи, когда одно племя поднимало восстание против империалистов, а другое использовалось ими для подавления этого восстания. Колонизаторы утверждали, что их уход из Африки якобы приведет к межплеменным войнам, к взаимному истреблению народов.

С пробуждением Африки происходит возникновение новых государств, но оно, естественно, идет в границах прежних колоний, образованных некогда без всякого учета границ этнических общностей. В результате почти все вновь возникшие государства являются сложными по своему этническому составу, а большинство народов Тропической Африки расселено не в одном, а в нескольких государствах. Так, мандинго, насчитывающие 3,5 млн. чел., живут в Сенегале, Мали, Береге Слоновой Кости, Гамбии, Сьерра-Леоне, Португальской Гвинее, Либерии и республике Гвинея. Семимиллионный народ фульбе расселен в пределах Нигерии, Сенегала, Гвинеи, Мали, Камеруна, Нигера, Верхней Вольты, Дагомеи, Мавритании, Гамбии и других стран. Народы акан, составляющие большинство населения в Гане, кроме того живут на территории Берега Слоновой Кости. Народы моси разделены между Верхней Вольтой и Ганой, эве — между Того, Ганой и Дагомеей; йоруба — между Нигерией и Дагомеей; хауса — между Нигерией и Нигером; тикар и бамилеке — между Западным и Восточным Камеруном; баньяруанда и барунди — между Руанда-Урунди и Конго и т. д.⁷¹ Несовпадение политических и этнических границ является серьезным препятствием на пути национального развития многих народов Африки. Оно осложняет отношения между новыми, освобождающимися от колониальных пут независимыми африканскими государствами, делает национальный вопрос злободневным и чрезвычайно острым. Так, уже сейчас по этой причине возникли определенные трудности в отношениях между Эфиопией и Сомали, между Ганой и Того, Ганой и Берегом Слоновой Кости⁷².

В различных странах Африки этнические процессы развиваются по-разному. Всего можно выделить три группы стран. К первой относятся страны Северной Африки, где на основе арабского языка сложились крупные нации египтян, тунисцев, марокканцев, алжирцев. Различные берберские народы, также живущие здесь в значительном числе, постепенно ассимилируются арабами и в настоящее время в большинстве двуязычны. В некоторых районах уже трудно провести четкую границу между берберским и арабским населением. В Эфиопии идет формирование единой нации на основе амхарского языка, которым пользуется уже около двух третей населения страны. С амхара ассимилируются не только близкие к ним народы семитской группы — гураге, тигре и тиграи, но и кушитские народы — галла, сидамо и др. Процессы ассимиляции ускоряются в связи с сильным территориальным смешением двух крупнейших народов Эфиопии — амхара и галла.

Ко второй группе относятся страны Восточного и Западного Судана, наиболее сложные в этническом отношении. Все они являются многонациональными; почти в каждой из этих стран насчитывается до десят-

⁷¹ Б. В. Андрианов. Население Африки. (Приложение к карте народов), М., 1960, стр. 22.

⁷² И. И. Потехин, Африка смотрит в будущее, М., 1960, стр. 56.

ка и более народов, различных по своей численности, культуре, языку. Это область древних рабовладельческих и феодальных государств — Ганы, Мали, Моси, Канема, Хауса, Сонгаи, Ашантий Йоруба, Бенина, Сокото. В пределах этих государств сложились еще в эпоху средневековья крупные народности, которые затем были расчленены колониальными границами.

Основные языковые группы, в которые объединяются живущие в этом районе народы, следующие: семитская, нилотская, хауса, бантоидные (восточная, центральная и западная), сонгаи, манде (мандинго), гвинейская, центрально-и восточносуданская и канури. В Республике Судан преобладают представители семитской и нилотской групп; в странах Атлантического побережья — мандинго и западные бантоидные народы; в странах Гвинейского побережья — народы гвинейской и центральной бантоидной групп; в Нигерии, Камеруне и других странах Судана — народы гвинейской группы и хауса.

Из всех стран Судана лишь в Республике Судан формируется северо-суданская нация на базе арабского языка, на котором говорит более половины населения страны; на юге консолидируются близкие между собой нилотские народы, которые, однако, в значительном числе живут и за пределами Судана — в Кении, Уганде и Танганьике. В каждой из остальных суданских стран, при всей их этнической пестроте, можно выделить несколько (две-три) наиболее крупных народностей, составляющих большинство населения и играющих роль этнического ядра в процессах национальной консолидации. В Гвинее это фульбе, мандинго и сусу, в Мали — фульбе и мандинго, в Сенегале — волоф, фульбе и серер, в Гане — акан и моси, в Нигерии — хауса, йоруба, ибо, фульбе. Все эти народы различаются между собой по языку и культуре.

Третья группа стран, расположенная в Центральной и Южной Африке, более однородна в этническом отношении. Она заселена близкородственными народами языковой семьи банту. В отличие от второй группы стран, где к началу европейской колонизации уже успели сформироваться многие народности, а общественный строй приобрел вполне определенные феодальные черты, здесь у большинства народов банту в то время только начался распад родовых отношений, и основным видом этнических общностей были племена. Лишь некоторые из этих народов имели свои полуфеодальные образования, уничтоженные в процессе европейской колонизации. В настоящее время здесь расселено много племен, из которых в некоторых случаях начинают формироваться отдельные народности, но многонациональными эти страны назвать нельзя. Неслучайно в Юго-Восточной Африке широко распространяется суахили, ставший языком общения для двух-трех десятков миллионов человек. Рост промышленности и плантационного хозяйства, сопровождающийся ростом населения в городах и горнопромышленных центрах, подъемом культуры и национального самосознания, ускоряет ликвидацию племенной раздробленности. Население в городах, поселках, на рудниках и плантациях часто уже не относит себя к тем или иным племенам, а называет себя по имени страны, в которой оно живет (родезийцами, ньясалендцами)⁷³. Под воздействием новых условий жизни городские жители освобождаются от узкоплеменной ограниченности, у них начинает вырабатываться национальное самосознание⁷⁴. В городах быстро

⁷³ Об этом свидетельствуют переписи населения в таких, например, странах, как Северная и Южная Родезия, Ньясаленд, Танганьика. (См. статьи Р. С. Исмагиловой «Этнический состав и занятия населения Танганьики» и Л. Д. Яблочкова «Коренное население Британской Центральной Африки» в «Африканском этнографическом сборнике», Труды Института этнографии АН СССР, т. XLIII, М., 1958.

⁷⁴ М. И. Брагинский, Указ. раб.

идет процесс детрибализации. Сплочение мелких племен и постепенное формирование более крупных общностей почти повсеместно происходят и в сельских местностях.

Национальный вопрос в Африке, возникший как вопрос межгосударственный, как вопрос об отношениях между метрополиями и колониями, приобрел сейчас значение и внутригосударственного. Сейчас перед новыми государствами Африки стоит важная задача выработки своей национальной политики, установления порядка, обеспечивающего равноправное развитие всех народов⁷⁵.

Искусственность государственных границ делает вопрос о национальном размежевании чрезвычайно важным. Чувство национального единства сильно развито у многих народов Африки, расчлененных между разными государствами,— таких, как эве, мандинго, нилотские народы. Необходимость ликвидации или пересмотра таких границ была признана первой Конференцией народов Африки в Аккре. Но все это дело не очень близкого будущего. Постановка такого вопроса в настоящий момент в большинстве случаев является преждевременной, так как это приведет к ослаблению антиимпериалистических сил и к усилению трений между различными государствами.

Часто встречаются выражения — нигерийская, ганская, гвинейская, суданская или даже вообще африканская нация. Эти понятия следует рассматривать скорее в политическом, нежели в этническом смысле. Несколько другое положение наблюдается в странах расселения банту, где живут близкие между собой племена и этнические группы. «В Конго,— заявил Гизенга,— существует лишь одна нация — конголезская. Поэтому правительство и впредь будет выступать за сохранение единства и территориальной целостности республики. Это вовсе не означает, что правительство не будет уважать культурных и национальных чувств каждого племени, каждой этнической группы»⁷⁶. Во всяком случае можно говорить о процессе формирования единой конголезской нации.

Важной задачей в настоящее время является укрепление солидарности между различными странами и создание тех или иных союзов или федераций с тем, чтобы в этих федерациях отдельные части народов могли оказаться в пределах объединенного государства. Примером подобного объединения является федерация государств Ганы, Гвинеи и Мали. Такие союзы имеют прогрессивное значение лишь в том случае, если они создаются на основе добровольного объединения народов, а не в результате осуществления определенных планов империалистических государств. «Объединение нескольких государств в одно государство — это сложный вопрос. Опыт истории говорит, что народы, особенно если они недавно освободились от иностранной зависимости, очень ревниво относятся к своим суверенным правам, весьма чувствительны к любым попыткам нарушить эти права. Объединение государств приносит пользу народам только тогда, когда для этого созрели необходимые политические и экономические условия, когда принимаются во внимание все особенности объединяющихся стран. Объединение, навязанное народу, осуществленное вопреки его воле, не может быть прочным.

При решении таких вопросов нужно проявлять мудрость и терпение. Если допустить поспешность, то это может привести к нежелательным последствиям»⁷⁷.

Быстро развивающиеся процессы национальной консолидации уже сейчас ставят вопрос о развитии национальных языков. До сих пор

⁷⁵ И. И. Потехин, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, «Сов. этнография», 1957, № 4

⁷⁶ «Декларация правительства Республики Конго», «Правда», 23 мая 1961 г.

⁷⁷ Н. С. Хрущев, Речь на приеме в Кремле Правительственной делегации Иракской республики, газ. «Правда», 17 марта 1959 г.

в большинстве стран Африки государственными языками являются английский и французский. На них обучают в школе, издают газеты, ведут передачи по радио. Они используются в общественной, политической и культурной жизни. Но эти языки знает очень небольшая часть населения — лишь в городах, и то главным образом интеллигенция. Грамотности среди африканцев не превышает 5—10%, а среди женщин — 1—2%⁷⁸. С распространением грамотности процент знающих европейские языки увеличится. Но эти языки не могут стать языками формирующихся африканских наций. По мнению всех прогрессивных кругов, в каждой из африканских стран можно выбрать один из языков (в некоторых случаях — два и даже три), который может стать национальным; для этого требуется дальнейшее развитие этих языков, разработка многих научных понятий, создание письменности и литературы на них⁷⁹. Для стран Центральной и Южной Африки это может быть любой из развитых языков банту, в том числе и суахили; в каждой из этих стран им может быть свой собственный язык банту (киконго, басуто, коса и др.), но во всяком случае представляется совершенно определенным, что это будет один язык для каждого государства. Что касается стран Судана, то здесь государственными могут стать два и даже три африканских языка⁸⁰.

Борьба с пережитками родоплеменной организации и с сепаратистскими устремлениями, развитие национальной экономики, языка, культуры и национального самосознания — все это является важнейшими стимулами для образования крупных африканских наций, что в свою очередь приведет к укреплению суверенитета и национальной независимости африканских стран. Учитывая их классовый состав, можно с уверенностью сказать, что многие из этих наций будут развиваться по пути формирования демократических наций.

* * *

Таким образом, в результате социально-экономических преобразований, происходящих после второй мировой войны, процессы национального развития претерпели значительные изменения.

В странах социалистического лагеря успешно претворяется в жизнь марксистско-ленинское учение о нации, праве наций на самоопределение. Всем нациям обеспечены равные права, созданы территориальные автономии, быстро ликвидируется культурная и хозяйственная отсталость национальных меньшинств, происходит сближение наций. В других странах, освободившихся от колониальной зависимости и развивающихся в своем большинстве как многонациональные государства, значительно ускорились процессы национального развития, формируются нации и народности. Там, где создаются благоприятные условия для образования независимых государств национальной демократии, может идти речь о формировании наций особого переходного типа, которые не являются буржуазными или социалистическими и которые, по-видимому, можно назвать демократическими нациями.

⁷⁸ Ж. Сюре-Каналь, Экономические проблемы Гвинейской республики, «Современный Восток», 1961, № 1; см. также передовую статью «Африка — континент будущего» в журн. «Проблемы мира и социализма», 1961, № 2.

⁷⁹ И. И. Потехин, Африка смотрит в будущее, стр. 54—56.

⁸⁰ Африканские государственные деятели в странах Тропической Африки на официальных совещаниях пользуются английским или французским языками; на митингах и собраниях они пользуются местными языками (Секу Туре, например, на массовых митингах в г. Конакри, пользуется одновременно языками сусу и мандинго, понятными большей части населения; см.: Л. Кильмер, Страна планов и свершений, «Азия и Африка сегодня», 1961, № 3).

SUMMARY

The present article considers certain problems of the processes of national development in the countries of Asia and Africa, which recently have won their freedom from colonial and semi-colonial dependence. As a result of socio-economic transformations in the period following World War II, the processes of national development have undergone considerable changes.

In the socialist countries, the Marxist-Leninist teaching about nations and their right to self-determination is successfully implemented. All nations are ensured equal rights, with territorial autonomy granted; the cultural and economic backwardness of national minorities is being speedily eliminated and the nations are coming closer together. In the other countries that have shaken off colonial dependence and are developing largely as multi-national states, the processes of national development have been considerably accelerated; nations and nationalities are taking shape. Wherever conditions are conducive to the formation of independent states of national democracy it is possible to speak of the emergence of nations of a specific type, which are neither bourgeois nor socialist, and which apparently may be called democratic nations.

Г. А. АГРАНАТ

ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА АМЕРИКИ

Капиталистическая колонизация коренным образом изменила жизнь северных народов, находившихся до прихода европейцев в условиях первобытнообщинного строя. В ходе колонизации быстро развивавшиеся товарно-денежные отношения разлагали традиционные устои общества. Натуральное хозяйство этих народов было подорвано. Веками сложившийся комплекс отраслей хозяйства, обеспечивавший аборигенам все необходимое для жизни, был разрушен. Вследствие установившегося неэквивалентного обмена денежные доходы аборигенов оказались недостаточными для закупки привозных товаров в нужном количестве. Вместе с тем, в результате нерационального, зачастую хищнического ведения промысла значительно сократились ресурсы животного мира. В этих условиях аборигены Севера были вынуждены искать работу по найму; но получить ее на слабо освоенном Севере было трудно, а заработки местного жителя, используемого преимущественно на неквалифицированных работах, крайне малы. Наряду с резким ухудшением экономического положения капиталистическая колонизация принесла народам Севера много других отрицательных явлений: массовое голодание, широчайшее распространение не известных ранее болезней, особенно туберкулеза, разрушение традиционной культуры.

В последние годы за рубежом усилился интерес к проблемам народов Севера. Это вызвано прежде всего стремительным ростом экономического и военно-стратегического значения северных районов и нуждами развернувшегося здесь строительства. Для капиталистических монополий и военных ведомств северные народы являются дешевой и наиболее приспособленной к местным условиям рабочей силой. Следует учесть, что коренное население составляет очень заметную долю всего населения Американского Севера.

Внимание правящих кругов к северным народам объясняется также политикой укрепления суверенитета Канады и Дании над их северными владениями. Немалую роль сыграли и выступления прогрессивной мировой общественности в защиту северных народов, а также протесты и требования самих этих народов. Шумная кампания «помощи» северным народам служит для буржуазии США, Канады и Дании своего рода рекламой, цель которой — показать прогрессивную миссию капитализма по отношению к малым народам; эта реклама, ввиду малочисленности северных народов, обходится недорого, составляя ничтожную долю государственного бюджета. Но положение коренного населения Американского Севера остается крайне тяжелым, особенно на Аляске и в Северной Канаде.

* * *

Коренное население Американского Севера состоит из трех основных групп — эскимосов, индейцев и алеутов. Эскимосы обитают в прибрежных районах Аляски, вдоль Северного Ледовитого океана и Берин-

гова моря вплоть до северного побережья залива Аляска и острова Кадьяк; на Канадском Севере¹ они занимают прибрежные материковые районы, но в ряде мест живут далеко в глубине континента. Эскимосы заселяют также южные острова Канадского арктического архипелага, вплоть до острова Корнуоллис и южной части острова Элсмира. Эскимосы Гренландии расселены по западному побережью острова до 80° с. ш. и в небольшом числе — на его юго-восточном берегу.

Индейцы занимают внутренние районы и юго-восток Аляски, а также лесные и лесо-тундровые области Канадского Севера. Они представлены племенами атапасков (внутренняя Аляска и районы Канадского Севера к западу от Гудзонова залива), тлинкитов, хайда (юго-восток Аляски), алгонкинов (полуостров Лабрадор).

Алеуты живут на Алеутских островах и в западной части полуострова Аляска.

Общая численность коренного населения Американского Севера составляет, по опубликованным данным последних переписей, более 75 тыс. человек. Оно расселено на огромной территории площадью около 6,7 млн. км². На этой же территории проживает более 122 тыс. человек пришлого населения².

По отдельным районам и этническим группам население распределяется следующим образом:

	Площадь, млн. км ²	Коренное население, тыс. чел.				Пришлое население, тыс. чел.
		эскимосы	индейцы	алеуты	итого	
Аляска, 1950	1,5	15,9	14,1	3,9	33,9	94,7
Канадский Север, 1951	4,8	9,0	7,0	—	16,0	21,5
Гренландия, 1955	0,4*	25,2	—	—	25,2	6,1
Всего:	6,7	50,1	21,1	3,9	75,1	122,3

* Площадь, свободная от льда.

Колонизация привела к значительному сокращению численности коренного населения. По оценкам ряда иностранных ученых, до прихода европейцев на Аляске проживало 60—70 тыс. эскимосов, индейцев и алеутов, т. е. в два раза больше, чем сейчас³. Считают, что в Канаде в доколумбово время насчитывалось 20—25 тыс. эскимосов, что примерно в два раза больше их современной численности⁴. Население Гренландии до появления колонизаторов, по свидетельству одного из первых датских миссионеров Эгgede, составляло 30 тыс. человек⁵.

Официальная статистика за последние десятилетия показывает незначительный прирост коренного населения в целом, хотя численность отдельных групп населения, например, алеутов, сократилась (с 5,6 тыс. в 1910 г. до 3,9 тыс. человек в 1950 г.). Но данные переписей нельзя считать вполне надежными, ибо в прошлом кочевое коренное население учитывалось с меньшей полнотой, чем сейчас. На это указывал, напри-

¹ В Канадский Север включают Юкон, Северо-Западные Территории и округа Новый Квебек (провинция Квебек) и Лабрадор (провинция Ньюфаундленд).

² «U. S. Census of population, 1950, part 51—54, territories and possessions», Wastington, 1953; «Census of Canada, 1951», т. 1, Ottawa, 1953; «Statistik Årbok, 1957», København, 1958.

³ См.: «Народы Америки», I, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1959, стр. 102. (Серия «Народы мира. Этнографические очерки», под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова); I. Bartz, Alaska, Stuttgart, 1950, стр. 250.

⁴ G. W. Rowley, The Eskimos, «Arctic Circular», 1958, № 2.

⁵ См. Ф. Нансен, На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов. В кн.: Ф. Нансен, Соч., т. I, Л., 1937, стр. 230.

мер; канадский исследователь Робинсон⁶. В число «туземцев» включается также значительное число людей смешанной крови. На Аляске принцип определения национальности этих людей менялся в течение последнего времени, и в число эскимосов, индейцев и алеутов включались лица, лишь далекие предки которых были «туземцами».

Следует отметить, что на Севере сокращение коренного населения всегда было не так заметно, как в других районах США и на юге Канады. Колонизаторам, представленным здесь до недавнего времени главным образом торговцами и скупщиками мехов, эскимосы и индейцы были нужны как охотники и поставщики пушнины. Сгонять их с земли и уничтожать физически с точки зрения торговцев было нецелесообразно. Финский исследователь Лабрадора Таннер пишет: «...можно сказать, что индейский охотник стал для торговца своего рода умной охотничьей собакой, которую он держит живой, чтобы она доставляла ему меха»⁷.

* * *

Для современной экономики коренного населения Американского Севера характерно сочетание натуральных и товарно-денежных доходов от собственного хозяйства и от работы по найму. Соотношение этих источников существования различно в зависимости от группы населения и района. Общая тенденция последнего времени — увеличение значения товарно-денежных элементов в хозяйстве и особенно рост удельного веса сторонних заработков, с одной стороны, и сокращение доли натуральных доходов — с другой.

У различных групп коренного населения в разных районах сложился свой комплекс занятий. У эскимосов Аляски и Канадского Севера ведущие отрасли хозяйства — пушной промысел, рыболовство, охота на дикого оленя, морской зверобойный промысел. Основными занятиями гренландских эскимосов служат рыболовство и морской зверобойный промысел. В хозяйстве индейцев внутренних районов Аляски и Канадского Севера преобладают пушной промысел, рыболовство и охота на дикого оленя; у индейцев юго-восточной Аляски — рыболовство, охота на морского и пушного зверя. Морское рыболовство и зверобойный промысел — главные отрасли хозяйства алеутов. Наряду с этими ведущими отраслями хозяйства распространен также ряд побочных: оленеводство у эскимосов, овцеводство у гренландских эскимосов, огородничество у эскимосов и индейцев, костерезный промысел у эскимосов, плетение корзин у алеутов и др.

Исторически сформировавшийся комплекс занятий коренного населения представлял наиболее целесообразную форму хозяйствования на том уровне развития производства, который существовал до прихода колонизаторов. Этот комплекс сложился в результате многовекового активного приспособления к условиям Севера, в ходе которого для каждого района определилось наиболее целесообразное сочетание тех или иных промыслов, обеспечивавшее максимально возможное для данных условий использование природных ресурсов и удовлетворение нужд населения. Все это было насильственно нарушено вторжением колонизаторов, не создавших для местного населения новых, достаточно удовлетворительных источников существования.

Пушной промысел является основой товарно-денежного хозяйства значительной части коренного населения Американского Севера — эскимосов Аляски и Канадского Севера и индейцев внутренних районов этих областей. В послевоенные годы состояние пушного промысла на

⁶ J. L. Robinson and oth., An in rodution to the Canadian Arctic, Ottawa, 1951, стр. 76.

⁷ V. Tanner, Outlines of the Georgaphy, Life and Customs of Newfoundland — Labrador, «Acta Geographica», 8, Helsinki, 1944, стр. 648.

Американском Севере резко ухудшилось. Это связано прежде всего с ухудшением конъюнктуры на мировом пушном рынке из-за конкуренции дешевых искусственных мехов и колебания спроса на тот или иной вид пушнины вследствие капризов моды. Упал спрос на длинноволосую пушнину, особенно на песца, что привело к падению цены на шкурки этого зверя в три-четыре раза. Доходы от пушного промысла сокращаются. В Северной Канаде в сезон 1942/43 г. было заготовлено пушнины на 3,5 млн. долл. (12% стоимости всех заготовок пушнины в Канаде), а в сезон 1956/57 г. — 0,8 млн. долл. (менее 3%). Особенно ухудшилось состояние пушного промысла в тундровых районах, где песец фактически единственный объект промысла. Падение спроса на песца — главная причина резкого сокращения доходов эскимосов — охотников тундры.

До войны охотник-эскимос в Канаде зарабатывал за сезон до 1000 долл., а в отдельных случаях — несколько тысяч долларов, сейчас его заработки в лучшие годы обычно не превышают 300—400 долл. В таком же упадке пушной промысел у индейцев. В районе Форт-Смита (Северная Канада) 15—20 лет назад индеец-охотник продавал в сезон до 5 тыс. шкурок разного зверя, теперь он продает не более 200—300 шкурок. Нередко за сезон охотник сбывает лишь 15—20 куньи.

До недавнего времени очень видное место в хозяйстве канадских и аляскинских эскимосов и индейцев — атапасков и алгонкинов — занимала охота на дикого оленя (карибу). Сейчас этот вид охоты переживает серьезный кризис из-за резкого сокращения поголовья зверя, вызванного главным образом хищнической охотой. В Канаде, по наиболее скромным оценкам, в начале XX в. насчитывалось от 1 до 2,5 млн. диких оленей. В 1949 г., по данным аэрофотосъемочного обследования, на территории между р. Макензи и Гудзоновым заливом (основной район обитания карибу) паслось 670 тыс. животных. К 1955 г. их поголовье сократилось до 277 тыс., а к 1959 г. — до 200 тыс.⁸

На Аляске все поголовье карибу оценивается в 160 тыс. голов, тогда как в 1920-х годах только в юго-западной части Аляски имелось более 500 тыс. карибу, а по всей Аляске — по-видимому, 1—1,5 млн. В Гренландии в прошлом столетии насчитывались десятки тысяч карибу, теперь сохранилось не более 10 тыс., причем на восточном побережье острова олень совсем исчез.

В недавнем прошлом каждая семья эскимоса центральной части Северной Канады добывала многие десятки, а иногда и сотни диких оленей, что обеспечивало потребности в пище, шкурах для одежды, обуви и хижин. Теперь эта семья добывает несколько десятков, а зачастую не более одного десятка оленей. В отдельных районах, в прошлом славившихся обильной охотой, ныне добывается не более одного-двух оленей на семью.

Упадок охоты на дикого оленя — одна из самых главных причин тяжелого положения эскимосов и индейцев во многих районах Американского Севера. Из некоторых мест, где особенно остро ощущается нехватка диких оленей, например, из центральных районов Аляски, с полуострова Лабрадор и Баффиновой Земли, из районов к западу от Гудзонова залива, часть аборигенов вынуждена была эмигрировать.

Охоту на дикого оленя могло бы компенсировать оленеводство, но оно очень слабо развито в Америке. Район давнего развития оленеводства — Аляска. После «бума» в тридцатых годах, когда на Аляске насчитывалось, по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн. домашних оленей, находившихся преимущественно во владении американских фирм, поголовье оленей вследствие конкуренции скотоводческих и мясопромыш-

⁸ J. S. Tener, The present status of the barren-ground caribou, «Canadian Geographical Journal», март 1960.

ленных монополий США и других причин⁹ начало быстро сокращаться. В 1956 г. поголовье оленей на Аляске составило 31 тыс., в том числе у эскимосов — лишь 15—16 тыс.

Слабо растет стадо домашних оленей в Северной Канаде. В 1957 г. оно насчитывало 6 тыс. оленей, из которых только 1—1,5 тыс. голов принадлежало эскимосам. В Гренландии в конце 1957 г. имелось лишь 1,3 тыс. домашних оленей.

Рыболовство у значительной части коренного населения Американского Севера носит преимущественно потребительский характер. Лишь у эскимосов Гренландии и, в меньшей мере, у индейцев юго-восточной Аляски оно имеет товарное значение.

В Гренландии рыболовство получило развитие за последние 20—25 лет, когда в результате потепления окружающих вод к острову стало подходить много рыбы (трески) и вместе с тем сократилось поголовье морского зверя. Рыболовство заняло первое место в хозяйстве эскимосов, оттеснив на второй план морской зверобойный промысел. Развитие рыболовства у гренландских эскимосов тормозится недостатком судов и орудий для промысла в открытом море. Поэтому эскимосские рыбаки не могут успешно бороться с растущей конкуренцией со стороны крупных датских и других рыбопромышленных фирм, ведущих промысел в гренландских водах. К тому же появились признаки начала похолодания, что может привести к уходу трески.

Сокращение поголовья лососей и кризис рыбной промышленности Аляски пагубно отразились на рыбном промысле местного коренного населения. Это уменьшило денежные доходы многих индейцев, ухудшило питание большей части коренного населения, а также снабжение кормом собак.

Морской зверобойный промысел в прошлом был одним из самых важных источников существования многих аборигенов Американского Севера. Ныне эта отрасль хозяйства потеряла свое значение, что связано прежде всего с резким уменьшением поголовья морского зверя.

Запасы морского зверя повсеместно сократились из-за многолетней хищнической охоты. Тюленей и моржей истребляло не только коренное население, стремившееся увеличить добычу (ибо продукция зверобойного промысла — жир и особенно кость — приобрела товарное значение), но еще в большей мере — пришлые грабители-охотники. Истреблению зверя способствовало введение огнестрельного оружия и других эффективных орудий промысла¹⁰.

В Гренландии уменьшение поголовья зверя объясняется также потеплением омывающих остров морей. Как уже указывалось, морской зверобойный промысел как основа экономики коренного населения заменен здесь рыболовством. Ныне в Гренландии промысел ведется преимущественно на тюленей, встречающихся еще в значительном количестве. Эскимосы добывают в год несколько десятков тысяч тюленей. С конца прошлого столетия добыча тюленей неуклонно сокращается. На западном берегу, например, добыча морского зверя в расчете на одного жителя упала с 9,1 головы в 1908—1909 гг. до 1,9 в 1946—1947 гг. Моржей сохранилось у берегов Гренландии всего 7—10 тыс., а забивается в год до 2 тыс., что много больше ежегодного прироста.

⁹ Г. А. Агранат, *Зарубежный Север*, М., 1957, стр. 86—88, см. также: J. Sonnenfeld, *An arctic reindeer industry: growth and decline*, «Geographical Review», январь 1959.

¹⁰ При отсутствии у эскимосов моторных лодок замена гарпуна ружьем в охоте на морского зверя приводит к потерям зверя: раненое животное тонет, прежде чем до него успевают добраться охотники. (См. например, J. Sonnenfeld, *Changes in an Eskimo hunting technology, an introduction to implement geography*, «Annals of the Association of the American Geographers», т. 50, № 2, 1960).

Не менее заметен упадок морского зверобойного промысла на Аляске. Особенно сильно сократилась добыча моржа — наиболее ценного объекта промысла.

Прочие, подсобные, отрасли хозяйства играют незначительную роль в жизни коренного населения. Немногие индейцы Аляски и Северной Канады, а также гренландские эскимосы выращивают овощи, держат крупный рогатый скот и птицу. Небольшая группа эскимосов Гренландии занимается овцеводством.

В ряде мест некоторое значение имеют сбор гагачьего пуха, охота на водоплавающую птицу. Охота на мускусного быка и белого медведя в прошлом занимала видное место в хозяйстве, но сейчас пришла в упадок из-за истребления зверя.

Широко распространено среди эскимосов изготовление для продажи резных изделий из кости морского зверя. Это занятие очень трудоемко, требует большого мастерства, но дает оно крайне мало — на Аляске, например, не более 50—60 долл. в год на семью. Такие же небольшие доходы приносят плетение корзин, изготовление продаваемых туристам в качестве сувениров миниатюрных тотемов (резных деревянных столбов — родовых и племенных знаков) и другие подобные промыслы, распространенные у северных народов.

Распад ранее существовавшего комплекса отраслей хозяйства вынуждает коренное население все в большем числе уходить на сторонние заработки. Многие аборигены окончательно порывают связь со своим хозяйством и переходят на постоянную работу в военные, промышленные или транспортные центры. Показательны в этом отношении эскимосы, живущие вблизи таких крупных центров, как Ном и Фэрбенкс. Они почти исключительно заняты работой по найму. Тысяча эскимосов Номы имела в пятидесятых годах только 12—14 собачьих упряжек, 6 каяков (кожаные байдарки) и 8 умиаков (кожаные лодки). Стремление уйти в «город» на поиски лучших условий жизни особенно характерно для молодежи.

Чаще всего, однако, эскимос или индеец нанимается на временную, сезонную работу, с тем чтобы потом вернуться к своим исконным занятиям. Уходят «на сторону» чаще всего летом, когда разворачиваются строительные, промышленные и экспедиционные работы и когда аборигены не заняты пушным промыслом. Молодые люди в поисках работы зачастую скитаются по Северу в течение нескольких лет. Эскимос Аттунгорук с мыса Хоп (Аляска) рассказал в своей автобиографии, опубликованной в канадском журнале¹¹, что с 18-летнего возраста он в течение пяти лет переменял не менее восьми мест работы, побывав за это время на мысе Барроу, мысе Лисберн, в Номе, Фэрбенксе, Анкоридже и др. Журнал указывает, что биография Аттунгорука типична для аляскинских эскимосов.

Степень вовлечения коренного населения в работу по найму различна для разных мест, она зависит от уровня промышленного освоения территории и состояния хозяйства аборигенов. На Аляске, в частности, работает по найму значительно больше аборигенов, чем в глубинных районах Канадского Севера. В целом зависимость коренного населения от работы по найму весьма велика. В Гренландии сейчас 70—75% коренного населения в той или иной мере связано с работой по найму, тогда как еще в 1945 г. 60% эскимосов обходилось без заработков на стороне. На Аляске более 60% коренного населения работает по найму. Даже среди эскимосов и индейцев Канадского Севера, сравнительно слабо вовлеченных в работу по найму, в 1957 г.

¹¹ «Autobiography of an Alaskan Eskimo», Ed. by J. W. Van Stone, «Arctic», т. 10, № 4, 1957.

10% населения было связано преимущественно со сторонними заработками. По данным на 1959 г., из 3000 взрослых мужчин-эскимосов 600 человек было занято работой по найму¹².

В последние годы, в связи с расширением на Севере крупного военного и гражданского строительства, все большее число аборигенов уходит на заработки. Коренные жители заняты на горнопромышленных, рыбопромышленных и транспортных предприятиях, на военных стройках, в торговых учреждениях, в геологоразведочных и других экспедициях. Они используются преимущественно на неквалифицированной работе — в качестве проводников, матросов, грузчиков. Небольшое число аборигенов работает мотористами, механиками, торговыми агентами.

Оплата труда аборигенов, как правило, значительно ниже, чем «белых» рабочих, — на Аляске, например, в 2—2,5 раза. Эскимосы и индейцы Аляски и Канадского Севера, как и прочие постоянные жители этих районов, не пользуются никакими льготами, не получают надбавок к основной зарплате, которые имеют рабочие и служащие, приезжающие из южных районов по договорам с частными фирмами и государственными учреждениями. На жилищное и культурно-бытовое устройство «туземных» рабочих затрачивается значительно меньше средств, чем на устройство пришлых «белых» рабочих. Владельцы никелевого рудника Рэнкин сообщили, что замена «белых» рабочих эскимосами привела к снижению издержек производства¹³. Это, впрочем, не мешает многим «белым» относиться к малым народам Севера с «презрением и недружелюбием»¹⁴. В Номе (Аляска) в начале 1950-х годов эскимос, полностью зависящий от работы по найму, имел в год в среднем всего 700 долл., что соответствует примерно месячному заработку «белого» рабочего высшей квалификации на той же Аляске. Упомянутый выше эскимос Аттунгоруку в конце своих пятилетних скитаний в поисках работы жил исключительно на пособие по безработице. Надежды Аттунгорука не оправдались: ему не удалось завести собственное жилье и хозяйство; женившись, он поселился в родительском доме.

Ввиду отсутствия достаточно надежных источников существования и создавшегося в связи с этим крайне тяжелого экономического положения коренного населения Севера общественное мнение вынудило правительства США, Канады и Дании оказывать помощь некоторой части этого населения. Но индивидуальный размер пенсий и пособий крайне невелик и не обеспечивает даже полуголодного существования. Так, в Северной Канаде детям эскимосов выдается всего от 5 до 8 долл. в месяц; ежегодные пенсии престарелым и больным редко превышают 20—30 долл.

В целом подавляющее большинство коренного населения постоянно находится на грани голода и нищеты. Так, на севере Канады денежный доход в отдельные годы падает до 50 долл.¹⁵ Самый удачливый траппер-индеец получает до 1000 долл. в год, в среднем доходы гораздо ниже¹⁶. Учитывая падение промыслов, сокращение доходов от них, рост числа аборигенов, почти полностью отказавшихся от участия в промыслах, можно считать, что в целом доходы коренного населения не обеспечивают элементарных условий существования.

Особенно тяжелое положение у эскимосов Аляски и Северной Канады, а также индейцев внутренних районов этих областей. Голодов-

¹² E. H. Nicholson, The problem of the people, «Beaver», весна 1959.

¹³ F. Mowat, Integration and the Eskimo: a success to-day, «The Globe magazine», 3 января 1959.

¹⁴ G. C. Monture, The Indians of the North, «Queen's quarterly», 1960, № 4.

¹⁵ F. Mowat, The desperate people, Boston, 1959, стр. 152.

¹⁶ G. C. Monture, Указ. раб.

ки — частый спутник жизни этих народов. Весной 1958 г. в трех эскимосских деревнях Канады умерло от голода 27 человек. В 1946—1958 гг. из 111 эскимосов одного из районов Канадского Севера только от голода умерло 20 человек¹⁷.

Картины бедственного положения коренного населения Аляски и Северной Канады изображены в работах многих зарубежных авторов. Канадский журналист Мовет издал в 1959 г. книгу о канадских эскимосах с характерным названием — «Отчаявшиеся люди». В предисловии к книге говорится, что она представляет собой «хронику длинной цепи ошибок, пренебрежения, непонимания, безучастности и бюрократизма, вследствие которых одна раса привела другую к физической агонии и моральным мукам». «В иглу и палатках большинства из 11 или 12 тыс. канадских эскимосов люди медленно умирают с голода, и постепенно уходит надежда на лучшее»¹⁸.

Американский ученый Бенк в книге, посвященной Алеутским островам, пишет «... о вымирании алеутов — народа, в прошлом сильного и многочисленного, великолепно приспособившегося физически и духовно к окружающей суровой среде, ныне же обнищавшего, пораженного болезнями и ослабленного морально. Численность алеутов угрожающе сокращается, а их древняя культура подверглась почти полному разрушению. Старая экономика, на которой основывалось все существование и общее благополучие алеутов, к настоящему времени в результате аккультурации претерпела такие разительные изменения, что возврат к ней уже невозможен. А то, что алеуты получили взамен, ни в какой мере не восполняет утраченного»¹⁹.

Трагедию коренных жителей северных районов не могут не видеть даже официальные лица. Заместитель канадского министра по делам Севера Робертсон заявлял в начале 1959 г., что жизненный уровень эскимосов «ниже того, что считается нищетой в любом месте»²⁰.

Среди коренного населения выделилась зажиточная верхушка, уровень жизни которой выше, чем основной массы эскимосов, индейцев, алеутов. Социальная дифференциация наиболее заметна у индейцев юго-восточной Аляски и эскимосов Гренландии, менее всего — у эскимосов Аляски и Канады. Но повсеместно кулаки, торговцы и предприниматели из аборигенов составляют ничтожную часть коренного населения. Это, впрочем, не мешает отдельным буржуазным авторам рекламировать в качестве примера жизни северных народов нескольких богачей, имеющих счета в банках, собственные шхуны и ежегодно отдыхающих на курортах Калифорнии.

* * *

За истекшие четыре-пять десятилетий, особенно за последние 15—20 лет, произошли значительные изменения в быте северных народов. Изменился характер расселения. Для всех групп аборигенов, особенно для эскимосов и индейцев внутренних районов, характерна тенденция к концентрации в крупных населенных пунктах — местах торговли и заработков по найму. Прогрессирующее истощение охотничье-промысловых угодий и повышение роли сторонних заработков постоянно активизируют эту тенденцию. Процесс этот особенно заметен на Аляске, где с начала второй мировой войны количество «тузем-

¹⁷ F. Mowat, *The desperate people*, стр. 298—305.

¹⁸ Там же, стр. 178.

¹⁹ Т. Бенк, *Колыбель ветров*, пер. с англ., М., 1960, стр. 65.

²⁰ Цит. по: J. B. MacGeachy, *Stone age to space age*, «Financial Post», 7 февраля 1959.

ных» населенных пунктов уменьшилось, и резко выросла численность индейцев и эскимосов, проживающих в крупных городах и поселках — центрах военного и гражданского строительства: Анкоридже, Фэрбенксе, Номе, Барроу. В районе Барроу сейчас проживает до 1000 эскимосов, 15—20 лет назад рассеянных по всему северному и северо-западному побережью Аляски.

В Северной Канаде, наряду с концентрацией аборигенов в крупных промышленных, военных и торгово-транспортных пунктах — Иеллоу-найфе, Даусоне, Аклавике, Фробишер-Бее Рэнкине и др., ликвидируются многие мелкие поселки, связанные с пушным промыслом. В интересах привлечения аборигенов к работе на промышленных и транспортных предприятиях правительство Канады строит крупные центры сосредоточения эскимосов — Инувик, Фробишер-Бей.

Процесс территориальной концентрации коренного населения заметен и в Гренландии. Датские власти в целях упрощения хозяйственного и административного контроля стремятся ликвидировать мелкие населенные пункты. За последние годы общее число гренландских поселков сократилось примерно с 200 до 175. Эта политика часто идет вразрез с интересами населения и наталкивается на сопротивление со стороны жителей. Датские экономисты признают, что во многих случаях концентрация населения вредит зверобойному и другим промыслам²¹.

Изменение характера занятий привело к сокращению кочевков коренного населения. Значительная часть эскимосов и индейцев, в прошлом знавших только кочевой образ жизни, перешла на оседлость. Даже у тех, кто продолжает кочевать, сроки кочевков стали менее продолжительными, а маршруты короче. Все это — результат упадка значения пушного промысла и других видов охоты, а также прогрессирующего истощения промысловых угодий. Вместе с тем передвижения аборигенов усилились в связи с поисками заработков.

Несколько изменился характер жилищ, хотя этот процесс проходит различно у каждой группы населения и в каждом районе. Подавляющая часть эскимосов Аляски и Канады, а также индейцы Северной Канады и внутренних районов Аляски по-прежнему живут в хижинах, построенных из торфа, дерева, шкур морского зверя и оленя, в снежных иглу. Из-за нехватки шкур стали строить менее приспособленные к условиям Севера жилища из гофрированного железа, досок, толя. Несколько лучше положение в Гренландии, где значительная часть коренного населения живет в деревянных домах. Но благоустроенные жилища здесь доступны лишь зажиточной верхушке. Это еще в большей мере справедливо, как признают иностранные авторы²², для Аляски и Северной Канады, где в рекламных целях власти и частные фирмы строят кое-где для коренного населения сборные дома.

В быту аборигенов Американского Севера появились лишь элементарные предметы современного домашнего обихода: примусы, керосиновые лампы, железные печи, алюминиевая посуда, стулья, столы. Но и эти вещи распространены главным образом среди кулацкой части населения. Вместе с тем в глубинных районах Канадского Севера можно встретить такие предметы первобытной культуры, как жировой светильник.

У разных групп населения по-разному изменилась одежда. Аборигены, у которых связь с исконными видами хозяйственной деятельности ослабла или полностью потеряна, вынуждены были заменить одежду и обувь из мехов и шкур обычными «европейскими» костюмом и обувью, менее приспособленными к суровой природе Севера. Но эскимосы, живущие вдали от центров новой хозяйственной жизни, до сих

²¹ P. Barford, *Track af Grønlands økonomi og erhvervsliv siden 1950*, «Grønland», август 1958.

²² E. H. Nicholson, Указ. раб.

пор пользуются одеждой и обувью из шкур оленя и морского зверя. Только острая нехватка шкур заставляет эскимосов переходить на покупку привозных одежды и обуви. А так как денег у эскимосов очень мало, то значительная часть населения постоянно ходит в лохмотьях. Вот одно из описаний одежды эскимосов Северной Канады: «Их одежда находится в состоянии, которое почти невозможно описать, и трудно предположить, что они могут перенести в ней холодные зимы. меховые подстилки в снежных хижинах отсутствуют, так как их используют в качестве одежды мужчины — охотники на морского зверя. Старики же и женщины одеты в обрывки оленьих шкур, пропитанные жиром и грязью, и это все, что они имеют»²³.

Переход от натуральной экономики к товарно-денежной привел к тому, что значительная часть местных продуктов питания заменяется привозными хлебно-мучными и консервированными изделиями. В Гренландии еще в 1930-е годы привозные продукты покрывали в среднем более 50% (в пересчете на калории) продовольственных потребностей эскимосов. С тех пор удельный вес привозных продуктов возрос.

Абсолютные количества потребляемых местных продуктов в большинстве районов невелики и не удовлетворяют нужду жителя Севера в жирах и витаминах. Даже в Гренландии, где питание коренного населения лучше, чем в других районах, размеры суточного потребления свежих мяса и рыбы составляют в среднем 0,8—1 кг²⁴, что намного меньше потребления этих продуктов в прошлом. Положение значительно хуже на Аляске и в Северной Канаде, особенно там, где охота и промыслы пришли в наибольший упадок. Взрослый эскимос островов Белчер (Канада) в 1947 г. в среднем имел всего 0,2 кг свежего мяса в сутки²⁵. Переход к хлебным и консервированным продуктам при сокращении потребления мяса и жира морского зверя, оленьего мяса, рыбы, по единодушному мнению иностранных специалистов, отрицательно сказывается на состоянии здоровья и работоспособности северных жителей. Калорийность пищевого рациона подавляющего большинства коренного населения очень низка. Алеуты, например, получают в среднем 800—1400 калорий в день²⁶.

Безотрадная жизнь, крах надежд на ее улучшение, культурно-бытовая отсталость толкают на неумеренное потребление кофе, табака, вина: зачастую на эти товары тратится до половины заработка и больше. Алкоголь — злейший бич коренного населения. Даже в Гренландии, где спиртных напитков потребляется меньше, чем на Аляске и в Северной Канаде, затраты на их покупку составляют 13,4% (1957 г.) в бюджете коренных гренландцев²⁷.

* * *

В условиях капитализма у малых народов Севера нет возможности сохранить и развивать свою традиционную культуру. Степень ее разрушения различна в разных районах. Если в Гренландии, например, в процессе колонизации черты самобытной культуры эскимосов сильно стерлись, то у эскимосов Аляски и Северной Канады они еще заметно выражены.

Контакт с европейцами создал много уродливых, болезненных явлений в культуре. Былой авторитет искусного охотника среди аборигенов

²³ P. H. Godsell, Is there time to save the Eskimo?, «Natural History», февраль 1952.

²⁴ P. Rosendahl, Kærene i fangstdistrikterne, «Grønland», февраль 1958.

²⁵ J. Corbel, Les esquimaux d'Amérique du Nord, «Revue de géographie de Lyon», т. 32, 1957, № 4.

²⁶ Т. Бенк, Указ. раб., стр. 65.

²⁷ P. Smith, Alkoholforbruget i Grønland og dets følger, «Grønland», апрель 1959.

сведен на нет. Вместо этого вырос авторитет человека, близко связанного с торговцами и другими «бизнесменами» и имеющего деньги, безотносительно к тому, какими путями добыты эти деньги. Нельзя не отметить, что в культуре гренландских эскимосов возникло меньше нездоровых явлений, чем в культуре аборигенов Аляски и Северной Канады. Гренландские эскимосы достигли гораздо более высокой, чем эскимосы американских районов, ступени социально-экономического развития. Они сумели, в частности, добиться от датского правительства создания органов самоуправления.

Организация школьного образования не удовлетворяет потребности коренного населения Американского Севера. На Аляске школами для коренного населения ведают преимущественно государственные организации. Небольшое число школ содержится церковными миссиями. Школы работают в среднем не более 180 дней в году.

Как отмечают американские авторы, ограниченность государственных ассигнований и практика раздельного обучения детей коренных и пришлых жителей тормозит развитие школьного, а тем более технического и высшего образования среди аборигенов. В отчетах губернатора Аляски подчеркивается недостаток зданий и оборудования для «туземных» школ²⁸. Охват детей школьным обучением низок. По данным на 1950 г.²⁹, 25% алеутов, эскимосов и индейцев старше 25 лет вовсе не училось в школах, лишь 11,7% окончило школы второй ступени и только 2% — колледжи. В настоящее время до 1000 детей школьного возраста совершенно не учатся в школах.

Несколько иначе, чем на Аляске, поставлено школьное образование коренного населения на Канадском Севере. Большинство школ содержится здесь церковными миссиями. Несмотря на некоторый рост числа школ, их все еще мало, в 1954 г. на 10 тыс. эскимосов, расселенных на 2,5 млн. км², имелось всего 24 миссионерских и 8 государственных школ. Не удивительно, что дети коренных жителей, ведущих кочевой образ жизни, часто совершенно не имеют возможности посещать школы. Значительная часть школ работает поэтому только три месяца в году. В 1956 г. лишь 15% детей эскимосов училось в школах. Грамотных очень мало: среди эскимосов восточных районов старше семи-восьми лет лишь 8% может читать и писать и 5% знает арифметику³⁰.

До недавнего времени главное внимание обращалось на религиозное воспитание детей. Учителя-миссионеры почти не давали, да и не могли дать ученикам нужные для жизни практические знания. За последние годы в содержании программ школьного образования коренного населения произошли некоторые изменения. Школьные программы подверглись пересмотру, делаются попытки ликвидировать их стрыв от новых условий жизни. Усилилось внимание к ремесленно-техническому и торговому обучению аборигенов. Такой поворот оказался необходимым в связи с ростом заинтересованности капиталистов в северных народах, как рабочей силе. Перестройка программ обучения облегчена постепенным переходом школ в ведение государства. В Гренландии в 1950 г. школы были полностью изъяты из рук церкви и переданы государству. В Северной Канаде роль церкви в школьном деле также постепенно уменьшается.

Подвергается пересмотру также вопрос о языке преподавания в школах. В Канаде, например, до настоящего времени обучение эскимосов ведется на английском или французском языках. Но под давлением коренного населения ставится вопрос об усилении внимания к родному языку.

²⁸ «Annual report of the Governor of Alaska, 1950», Washington, 1951.

²⁹ «U. S. Census of Population, 1950», (цит. выше).

³⁰ J. Corbel, Указ. раб.; его же, Les esquimaux dans le Grand Nord Américain, «Revue de géographie de Lyon», т. 33, № 3, 1958.

Однако в Канаде и на Аляске, в отличие от Гренландии, до сих пор отсутствует эскимосская письменность. Вместо нее используется так называемое силлабическое письмо, сходное с первобытной пиктографией. Подобная система распространена среди эскимосов Аляски и индейцев — атапасков и алгонкинов.

* * *

Тяжелые условия жизни и работы, частые голодовки, неудовлетворительное питание, плохие жилье и одежда, распространение алкоголизма, наконец, контакт с европейцами, принесшими на Север новые для аборигенов заболевания, — все это привело к широкому распространению различных болезней и высокой смертности коренного населения.

Особенно широко распространен туберкулез, ставший злейшим бичом коренного населения на всем Американском Севере. По сообщению Корбеля, из 35 тыс. коренных жителей Аляски туберкулезом в активной форме больны около 5 тыс., среди канадских эскимосов — один из каждых восьми человек³¹. В некоторых эскимосских поселках Аляски и Северной Канады почти все жители в той или иной форме больны туберкулезом. На Аляске нередки случаи, когда вся эскимосская семья из 10 и более человек больна туберкулезом³². В некоторых гренландских поселках до 50% жителей страдает этой болезнью.

До сих пор сравнительно часты уносящие много жизней эпидемии оспы, кори и других болезней. В 1961 г. корью в южной Гренландии болело 4 тыс. человек, из них 77 умерло. Из 650 эскимосов Нового Квебека в результате эпидемий в 1951 г. умерло 130 человек³³.

Смертность коренного населения очень высока. Из каждых 10 тыс. эскимосов Гренландии, по данным на 1956 г., умирает в год 126 человек. На Аляске в 1953 г. смертность составила 133 человека на 10 тыс. коренных жителей, а пришлых — только 47 человек. При этом от туберкулеза умерло 30 человек на каждые 10 тыс. жителей — в 8,5 раза больше, чем среди пришлого населения³⁴. Средняя продолжительность жизни канадских эскимосов составляет всего 29 лет.

Организация медицинского обслуживания совершенно неудовлетворительна. На всем Канадском Севере государство содержит для эскимосов всего 4 врачей и 24 медицинских сестры (полицейских, заметим, насчитывается 70 человек)³⁵. Правда, на этой территории больницы содержат и миссионеры. Но об отношении церкви к охране здоровья коренного населения ясно говорят слова одного канадского епископа: «Миссионеры должны всегда быть впереди врача. Гораздо важнее спасти души эскимосов, чем вылечить их от туберкулеза»³⁶. На всю Гренландию имеется только 15—20 врачей, что в 5—6 раз меньше числа слугителей культа.

* * *

В условиях все ухудшающегося положения коренного населения северных районов отдельные зарубежные ученые пытаются найти принципиальные пути разрешения проблем северных народов. Под давлением общественности, боясь полного вымирания аборигенов Севера, изуче-

³¹ См. J. Corbel, «Revue de géographie de Lyon», т. 32, 1957, № 4 и т. 33, 1958, № 3.

³² «Hearings before the Subcommittee on minerals, materials and fuels of the Committee on Interior and Insular Affairs, United States Senate, Nov. 1 and 4, 1965», Washington, 1956.

³³ G. H. Michie and E. M. Reil, Cultural conflict in the Canadian Arctic, «Canadian geographer», май 1955.

³⁴ Г. А. Агранат, Указ., паб., стр. 51.

³⁵ R. A. J. Phillips, The Arctic: its human resources, «Queen's quarterly», 1960, № 4.

³⁶ F. Mowat, The desperate people, стр. 114.

нием этих проблем занимаются и в административных кругах. «Если мы не примем меры по спасению эскимосов,— заявил в начале 1959 г. канадский журналист Мовет,— мы будем обвинены Организацией Объединенных Наций в расовой дискриминации»³⁷. Рекомендации буржуазных исследователей не выходят, конечно, за рамки капиталистических порядков и поэтому не могут обеспечить коренных перемен в положении угнетаемых народов Севера; вместе с тем они представляют определенный интерес.

Буржуазные исследователи считают, что есть два основных пути решения проблем коренного населения Американского Севера. Первый путь — это полная изоляция северных народов, ограждение их от экономического и культурного влияния пришлого населения, возвращение их к старому укладу жизни. По существу, это путь резерваций, приведший индейцев США к экономической и культурной деградации.

Второй путь — постепенное приспособление северных народов к новым условиям жизни, расширение привлечения их к работе на строительстве, в промышленности, на транспорте. Большинство зарубежных буржуазных авторов, которые отражают растущую заинтересованность капиталистов в северных народах как дешевой рабочей силе, считает этот путь наиболее целесообразным.

Показателем этой точки зрения является позиция канадского Министерства по делам Севера, изложенная в специальной работе, посвященной населению важнейшего района Канадского Севера — Северо-Западных Территорий³⁸. Министерство считает, что уже к 1980 г. не менее чем для 50% эскимосов и индейцев Канадского Севера основным источником существования будет работа по найму. Бывший министр Лесаж заявил: «С расширением деятельности на Крайнем Севере Канады будет расти нужда в квалифицированной и неквалифицированной рабочей силе. Возможности притока на негостеприимный и суровый Север квалифицированных белых рабочих очень ограничены. Эскимосы же привыкли к трудностям северной жизни. По мнению большинства специалистов, эскимосов можно обучить и удовлетворить ими растущие потребности в рабочих руках»³⁹. С мнением Министерства согласна Королевская комиссия по разработке перспектив развития производительных сил Канады⁴⁰.

В условиях колониального угнетения и расовой дискриминации коренное население Американского Севера может превратиться лишь в неквалифицированную рабочую силу. Капиталистические предприятия сделают эскимосов и индейцев наемными рабами, окончательно разрушив их самобытную экономику и культуру. Таким образом, и второй предлагаемый буржуазными авторами путь «развития» коренных народов Севера в условиях капитализма — путь деградации.

Это понимают некоторые буржуазные исследователи, предлагающие, наряду с расширением участия аборигенов Севера в промышленной жизни, укреплять их собственные хозяйства. Они призывают усилить ремесленно-техническое обучение эскимосов и индейцев и вместе с тем развивать существующие и создать новые отрасли хозяйства коренного населения. Но реализация этих положений возможна лишь, как признают сами авторы⁴¹, при длительной и планомерной помощи

³⁷ Цит. по: J. B. McGeachy, Указ. раб.

³⁸ «Canada. Department of Northern Affairs and National Resources. People of the Northwest Territories», Ottawa, 1957.

³⁹ См.: F. Mowat, The desperate people, стр. 204—205.

⁴⁰ «Royal Commission on Canada's economic prospects. Some regional aspects of Canada's economic development by R. D. Howland», Ottawa, 1958, стр. 210.

⁴¹ E. H. Nicholson, Указ. раб.; M. Lacroix, Integration or disintegration. «Beaver», весна 1959, и др.

государства. В условиях капитализма, как мы видели, это невозможно. Таков тупик, к которому неизбежно приходят исследователи, пытающиеся в условиях буржуазного общества найти выход из отчаянного положения северных народов.

* * *

Современное положение коренного населения Американского Севера показывает, что капиталистический путь развития приводит к возникновению у малых народов тяжелых жизненных проблем. Попытки разрешения этих проблем в условиях капитализма обречены на неудачу и говорят лишь об их остроте. Только социалистический путь развития может, как показывает опыт хозяйственного и культурного строительства на Советском Севере, поднять северные народы от положения отсталых до уровня равноправных, успешно развивающихся народов. Недаром канадская печать вынуждена признать тот факт, что трагическому положению канадских эскимосов противостоит успешное развитие эскимосов и других малых народов Советского Севера⁴².

SUMMARY

Capitalist colonization brought about a drastic reduction in the size of aboriginal population of the American North. Colonization radically changed the life of peoples of the North, who, prior to the advent of Europeans, had been in the tribal-communal stage of development. In the course of colonization the self-sustained economy of these peoples was undermined; the rapidly developing commodity and money relations led to disintegration of the traditional principles of social life. The age-old economic patterns which provided the aborigines with all primary necessities, were disrupted. Due to the establishment of a non-equivalent exchange, the money incomes of the aborigines proved insufficient to buy the necessary quantities of imported goods. At the same time, as a result of rapacious hunting and trapping practices, the animal population shrank considerably. Under such conditions the aborigines of the North had to seek hired employment. However, the opportunities of finding employment in the poorly developed Northern areas were limited, and the earnings of the aborigines, engaged primarily in unskilled labour, exceedingly small.

Along with a sharp deterioration of the economic position, colonization had other detrimental consequences for the peoples of the American North. The health of the aborigines was harmfully affected by the switch from a diet of meat and fat of sea mammals, caribou meat and fish, to imported foodstuffs—mainly farinaceous and tinned foods lacking the necessary amount of fats and vitamins. The clothing and footwear made of pelts and fur was gradually superseded by imported articles, far less suited to the Northerners' way of life. All this facilitated the wide spread among the aborigines of diseases previously unknown in these parts, in particular tuberculosis. Traditional aboriginal cultures are gradually destroyed. The attempts of the bourgeois governments to solve the urgent problems of the small peoples of the American North have ended in failure.

⁴² См. например: R. A. J. Phillips, Указ. раб.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ПРИАРАЛЬСКИЕ СКИФЫ И ХОРЕЗМ

(К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи)

По мере развертывания работ Хорезмской экспедиции, приступившей к ним в 1937 г. и продолжающей их до настоящего времени, постепенно расширялся и обогащался круг стоящих перед ней исследовательских проблем. Экспедиция, как известно, возникла в ответ на поставленную в середине 1930-х годов перед советскими историками Средней Азии крайне дискуссионную в то время проблему об общественном строе Средней Азии в период, предшествовавший арабскому завоеванию. Эта проблема была решена уже в первые годы работ экспедиции и получила свое освещение в наших книгах «Древний Хорезм» и «По следам древнехорезмийской цивилизации», вышедших в свет в 1948 г.¹ Хотя наши выводы и были построены в основном на материале Хорезма, однако как проделанный нами в упомянутых книгах сравнительный анализ с привлечением в первую очередь материала других районов Средней Азии, так и плодотворные результаты других крупных экспедиций, работавших на территории Согдианы, Северной Бактрии, Ферганы, Северной Парфии и т. д.², позволили считать, что наши выводы имеют не только локальное, но и гораздо более широкое значение. Конференция по дореволюционной истории Средней Азии и Казахста-

¹ См. также С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, «Вестник древней истории» (ВДИ), 1938, № 4; его же, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3; его же, Хорезмийский всадник, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (КСИИМК), 1939, I; его же, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1; его же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1945 г., «Изв. АН СССР, Серия истории и философии» (ИАН СИФ), 1946, № 1; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН СИФ, 1947, № 2; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, и др.

² Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1938 гг., Труды АН УзбССР, История, археология, т. I, Ташкент, 1940; т. II, Ташкент, 1945; Труды Ин-та истории и археологии АН УзбССР, т. IV, Ташкент, 1951; В. А. Шишкин, Резная штукатурная декорация из развалин города Варахша, «Искусство», 1938, № 5, стр. 148—152; его же, Археологические работы 1937 года в западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940; его же, Исследование городища Варахша и его окрестностей, КСИИМК, X, 1941, стр. 3—15; его же, Архитектурная декорация дворца бухар-худатов на городище Варахша, Труды отдела Востока Эрмитажа, т. IV, 1947, стр. 225—292; А. Н. Бернштам, Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет, ВДИ, 1947, № 3, стр. 81—92; Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, 1946—1947 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 15, М.—Л., 1950, и др.

на, проведенная в 1954 г. в Ташкенте, могла, опираясь на эти выводы, констатировать, что Средняя Азия прошла через рабовладельческую стадию развития, хронологически охватывающую здесь период от VIII—VII вв. до н. э. до середины I тысячелетия н. э., когда в Средней Азии начинают складываться элементы феодального общества³.

В конце 1940-х годов перед нашей экспедицией встала новая проблема, получающая особенное значение в связи с широким развертыванием гидротехнического строительства в советских республиках Средней Азии; это вопросы, связанные с историей древней ирригации, и неразрывно связанная с ними проблема истории древних русел великих среднеазиатских рек. Эта проблема, являвшаяся в течение многих десятилетий крайне дискуссионной, также может считаться к настоящему времени решенной.

Истории древних дельт Аму-Дарьи — древнего Оксуса — посвящена недавно вышедшая в свет коллективная монография, составленная участниками нашей экспедиции и подводящая итоги больших работ, проведенных нами совместно с географами⁴. Сейчас ведутся аналогичные работы в области древней дельты Сыр-Дарьи, итогам которых в значительной мере посвящена эта статья.

Третьей проблемой, работать над которой наша экспедиция начала в первые послевоенные годы, но которая сейчас занимает все более центральное место в нашей деятельности, является проблема общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружающих со всех сторон древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии, в частности Хорезмский оазис. Эта проблема была поставлена в качестве первоочередной перед всеми исследователями Средней Азии Ташкентской конференцией 1954 г. На этой конференции было подчеркнуто, что в то время как вопрос об общественном строе древних центров цивилизации можно считать уже решенным, вопрос об общественном строе степных племен в те же эпохи остается крайне дискуссионным; это находит свое отражение в весьма противоречивых мнениях, высказываемых разными авторами в специальных статьях и обобщающих трудах⁵. Результаты работы над этой проблемой представляют другой аспект настоящей статьи.

Обе эти, тесно связанные между собой проблемы сейчас, после январского пленума ЦК КПСС, на котором Н. С. Хрущев поднял со всей остротой вопрос о необходимости развития ирригационного земледелия на юге нашей страны и особенно в Средней Азии, приобретают значительный практический интерес. На очереди дня стоит вопрос о новом освоении обширных дельтовых территорий, некогда заселенных степными племенами, ведшими, как мы увидим ниже, комплексное хозяйство, в котором ирригационное земледелие занимало центральное место.

* * *

Хорезм — форпост древневосточной цивилизации, выдвинутый далеко на север, в глубь мира сперва скифских, а потом тюркских степных племен. Если в отношении всех других центров цивилизации Средней Азии и смежных областей можно сказать, что их история не-

³ Решение объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 581—582, 585.

⁴ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

⁵ Решение объединенной научной сессии..., стр. 581—582; С. П. Толстов, Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным, «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1950, стр. 143—149.

отделима от истории степных племен, то особенно необходимо это подчеркнуть в отношении Хорезма.

Наши исследования показали, что в первую очередь мы должны обратить внимание на обширный район, расположенный к северо-востоку от Хорезма, на самых восточных древних руслах Аму-Дарьи и особенно на сухих южных протоках древней дельты Сыр-Дарьи, охватывающих обширную область между Аральским морем на западе и районом современного города Кызыл-Орда, несколько к югу от которого находился известный средневековый центр культуры — город Фараб, или От-рар; уроженцем его был выдающийся раннесредневековый философ ал-Фараби, чье имя занимает достойное место в истории средневековой философии.

Аральское море — самая северная и самая крупная в цепи древних тектонических впадин, окаймляющих с востока и юго-востока древнее плато Устюрт. В позднетретичный период и особенно в эпоху антропогена Аральское море становится главным водоприемником великих среднеазиатских рек, текущих с гор, окаймляющих с востока и юга обширную Туранскую низменность. Именно здесь, в южных и восточных районах Приаралья, складывается огромная система двух соприкасающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — Окса и Яксарта древних авторов.

Первые же археологические исследования, проведенные нами на восточных, ныне сухих протоках древней дельты Аму-Дарьи (так называемая Акча-Дарья) и на древних сухих руслах дельты Сыр-Дарьи, важнейшие из которых известны сейчас под названием Куван-Дарья и Жаны-Дарья, показали, что этот район, сейчас представляющий собой пустыню, изобилует многочисленными памятниками первобытной эпохи, античности и средневековья (рис. 1). По обилию и значительности памятников этот район отнюдь не уступает участкам пустыни, непосредственно окружающим Хорезмский оазис, тем участкам, исследование памятников которых легло в основу наших обобщений по истории древнего Хорезма первобытной, античной и раннесредневековой эпох. Поэтому на нашем экспедиционном жаргоне этот район получил название «нового Хорезма» — название, как мы увидим дальше, имеющее под собой известные исторические основания.

* * *

Исследуемый нами район древней дельты Сыр-Дарьи, смыкающийся, как мы отметили, на юго-западе с древней дельтой Аму-Дарьи, представляет собой огромный треугольник свыше 400 км в широтном направлении и в среднем около 200 км в меридиональном. С запада его границей служит все протяжении восточного берега Аральского моря, с юга он ограничен коренными высокими песками пустыни Кызыл-Кум, с севера его граница идет примерно по современному руслу Сыр-Дарьи ниже города Кызыл-Орда.

История древних русел этого района в целом может быть сейчас намечена в следующих чертах: наиболее древнее, доисторическое русло Сыр-Дарьи (пра-Сыр-Дарья) проходило значительно южнее описанного выше треугольника, к югу от основного массива кызыл-кумских песков, гранича с юга с системой водораздельных хребтов, окаймляющих с севера Зеравшанский оазис, соединяясь с системой пра-Аму-Дарьи⁶.

Позднее, в связи с прорывом вод Сыр-Дарьи на север (вероятно, хронологически совпадающим со временем аналогичного поворота Аму-

⁶ С. П. Толстов, А. С. Кесь, Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных, «Материалы ко второму съезду географического общества СССР», М., 1954, стр. 141—145; А. С. Кесь, Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXX, 1958, стр. 7—12.

Дарьи) воды Сыр-Дарьи растеклись многочисленными сильно меандрирующими протоками по обширной низменности вышеописанного треугольника, проложив себе путь к восточному побережью Аральского моря. Вся обширная исследованная область пересечена многочисленными широтными и меридиональными сухими руслами, изучение которых представляет очень большой интерес для палеогеографического исследования древней гидрографической сети этого района. Наши работы позволяют уже сейчас наметить историю основных направлений нижнего течения Сыр-Дарьи.

Анализ расположения стоянок неолита и бронзового века, датироваемых III—II тысячелетием до н. э., позволяет прийти к заключению, что главным протоком древней дельты Сыр-Дарьи в эту эпоху была Инкар-Дарья — русло, идущее параллельно руслу Жаны-Дарьи, но значительно более меандрирующее и неоднократно пересекающее Жаны-Дарью. В верхнем течении оно расположено главным образом к югу от Жаны-Дарьи, затем после нескольких меандров, пересекающих это русло, на нижнем отрезке Инкар-Дарья расположена преимущественно севернее Жаны-Дарьи.

Базируясь на распространении более поздних памятников, мы можем прийти к выводу, что между VIII и VI вв. до н. э. произошло спрямление русла Инкар-Дарьи, в результате чего сформировалось русло Жаны-Дарьи, а Инкар-Дарья превратилась в систему многочисленных стариц, частично заполнявшихся водой, особенно во время паводков. К этому же или несколько более позднему времени относится формирование того русла, которое мы называем пра-Куван-Дарьей и вдоль которого расположена основная масса античных памятников этого района (комплекс, известный под названием Джеты-асар — «семь памятников»; на деле их гораздо больше)⁷.

Площадь между Жаны-Дарьей и пра-Куван-Дарьей была пересечена многочисленными меридиональными протоками, многие из которых восходят еще к начальному периоду блуждания вод Сыр-Дарьи в поисках выхода к Аральскому морю, и боковыми широтными ответвлениями обоих описанных выше русел.

Вся область, в древности исключительно богато обводненная, представляла в эту эпоху нечто вроде «среднеазиатской Венеции». Именно с этой местностью связано античное название области расселения так называемых «массагетов болот и островов» — термин, дошедший до нас в изложении Страбона⁸, восходящем, однако, как справедливо предполагает А. Германн⁹, к тексту Гекатея Милетского, предшественника Геродота. У нас есть все основания считать, что Яксарт древних авторов в нижнем его течении отнюдь не современное русло Сыр-Дарьи ниже Кызыл-Орды (которое к этому времени еще не сформировалось), а именно Жаны-Дарьи — главное и самое южное русло дельты Сыр-Дарьи античной эпохи. В период максимального освоения этой области под земледелие в античное время площадь земель с остатками оросительных сооружений в бассейне Жаны-Дарьи и пра-Куван-Дарьи достигала 2,2—2,4 млн. га.

Дальнейший анализ наших материалов показывает, что около середины II в. до н. э. течение воды по Жаны-Дарье прекратилось. Глав-

⁷ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 123 и сл.; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945—1948 гг., стр. 16—31; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 235 и сл.; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г., ИАН СИФ, 1950, № 6, стр. 521—529; его же, Археологические работы Хорезмской экспедиции 1951 г., «Сов. археология», т. XIX, 1954, стр. 258—262.

⁸ Страбон, XI, 1, 6—7.

⁹ А. Германн, *Alte Geographie des unteren Oxusgebietes*. Berlin, 1914.

ным руслом дельты стала пра-Куван-Дарья, жизнь на берегах которой не прекращалась и в поздней античности и в раннем средневековье. Жаны-Дарья на протяжении более тысячелетия не существовала как постоянно действующая река. Об этом свидетельствуют как рас-

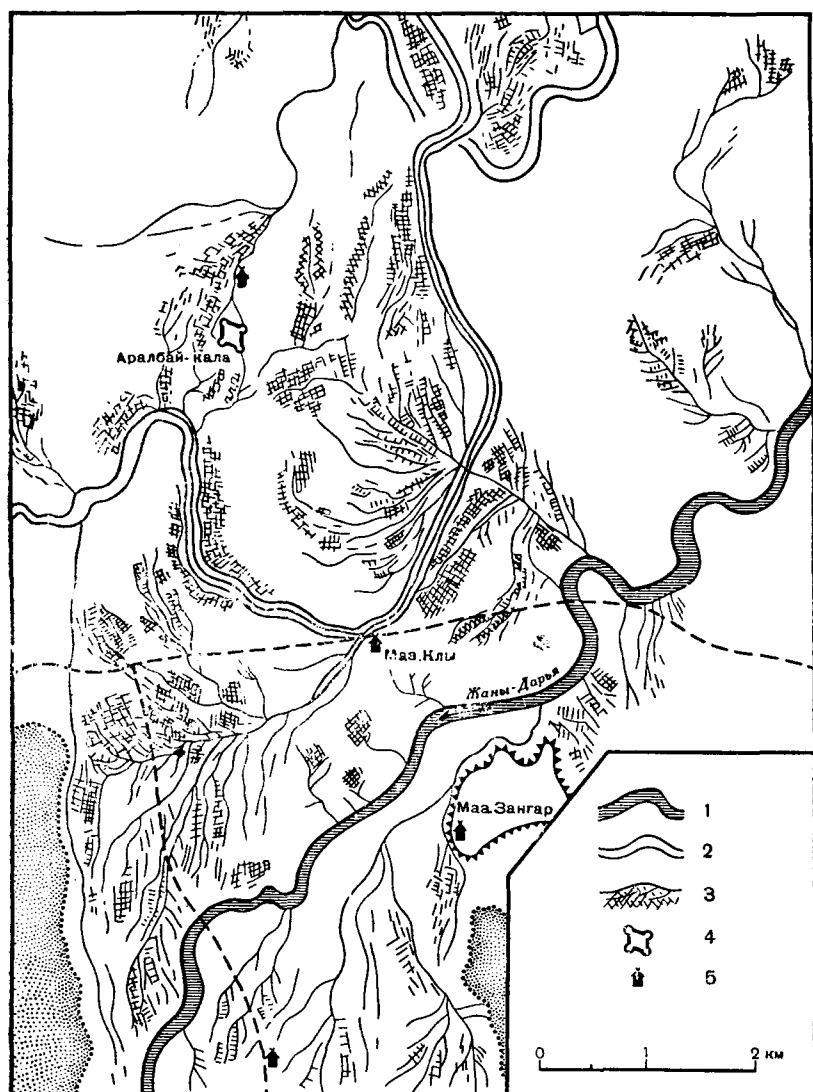

Рис. 2. Земли древнего орошения каракалпаков в бассейне Жаны-Дарьи (урочище Клы): 1 — глубоко врезанное основное русло Жаны-Дарьи; 2 — боковые слабо врезанные русла; 3 — каракалпакские каналы и поля; 4 — каракалпакские укрепления; 5 — мазары

положение археологических памятников, так и сообщение ал-Бируни, великого ученого-энциклопедиста начала XI в. н. э., который назвал Жаны-Дарью (рассматривая ее как продолжение Акча-Дарьи) Вадифахми, «русло стоячих вод»¹⁰. Однако, видимо уже в том же XI веке,

¹⁰ Абу-Рейхан ал-Бируни, Тахдид нихайат ал-амакин фи тасхих масафат ал-масакин (Определение конечных границ, место для проверки расстояний населенных пунктов), см. «Biruni's Picture of the World», в издании «Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 53, Delhi, 1937.

произошел новый прорыв вод по Жаны-Дарье. На ее берегах сохранились многочисленные памятники городских и сельских поселений XII—XIV вв., в том числе развалины большого города Дженда (современная Джан-кала и ее более ранний пригород Кум-кала)¹¹, хорошо известного из средневековых письменных источников как крупнейший центр огузского племенного союза и как пункт, связанный с одним из эпизодов героической борьбы полководца хорезмшаха Тимур-Мелика с монгольскими захватчиками. Площадь орошенных и занятых под оросительными сооружениями земель в средние века на территории Сыр-Дарьинской дельты, по нашим подсчетам, была значительно меньше, чем в период античности, но все же достигала 1,2 млн. га, в том числе устойчивые очаги интенсивного земледелия составляли 700—800 тыс. га, а районы неустойчивого дельтового орошения 400—500 тыс. га. Течение воды по пра-Куван-Дарье, очевидно, прекратилось значительно раньше. Памятники джеты-асарской культуры — не позднее VIII в. н. э.

Имеются все основания предполагать, что окончательное формирование современного русла нижней Сыр-Дарьи может быть датировано временем сколо XV в., когда снова прекращается течение воды по Жаны-Дарье. Течение воды по древним южным руслам Сыр-Дарьи возобновляется периодически, особенно в XVIII—начале XIX в., когда формируется известное ныне под этим названием русло Куван-Дарьи и когда весь этот обширный район, к тому времени ставший вновь пустыней, густо населяется трудолюбивым народом полуоседлых ирригаторов пустынных дельтовых областей — каракалпаками. Следы своеобразных каракалпакских ирригационных сооружений, их поселения, крепости и могильники являются последними по времени массовыми памятниками этого района (рис. 2)¹². Площадь, занятая каракалпакской ирригацией, исчисляется, как и в период средних веков, в 1—1,2 млн. га. Каракалпаки возделывали на поливных землях зерновые культуры (пшеницу, просо, ячмень, рис), занимались также бахчеводством. Наряду с земледелием у них было сильно развито животноводство, в первую очередь разведение крупного рогатого скота.

* * *

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. исследуемая область была густо заселена племенами — носителями культуры степной бронзы. В западной части этого района нами открыт ряд крупных стоянок характерной для бронзового века Хорезма тазабагъябской культуры, несущей на себе черты скрещения срубной культуры юго-восточной Европы и андроновской культуры, распространенной в степях Казахстана и Минусинском крае¹³. Невейшие исследования Т. Д. Златковской, обратившей внимание на наличие в слое VII в. древней Трои керамики,

¹¹ Об идентификации средневекового Дженда с современной Джан-калой см. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61.

¹² Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 522—524; Б. В. Андрианов, Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960.

¹³ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 174—175; его же, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—68; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 76—77; его же, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 192; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., «Сов. востоковедение», 1955, № 6; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 112—115; М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, 1959, стр. 52—69; ее же, Первообытная керамика Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 35—62.

весьма сходной со срубной, а также на аналогичные памятники на территории Болгарии, позволяют нам с большим основанием предполагать в создателях срубной культуры фрако-киммерийские племена. Находка мест поселения древних киммерийцев, охватывающих огромную область от восточной части Балканского полуострова на западе до Приаралья на востоке, ставит на прочную базу наши неоднократно высказывавшиеся предположения, основанные на отрывочных наблюдениях, о какой-то значительной роли, какую фракийский, точнее фрако-киммерийский, элемент играл в формировании древнехорезмийской цивилизации, а также высказанную нами гипотезу о связи этнического имени массагетов (в древних китайских документах «Да-юечжи», если исходить из ханьского чтения иероглифов «Большие», или «Великие», геты) ¹⁴ с именем фракийских гетов ¹⁵.

Далее к востоку по течению Инкар-Дарьи располагались поселения недавно открытой нашей экспедицией инкар-дарьинской культуры позднебронзовой эпохи, существенно отличающейся как от тазабагыбской, так и от андроновской культуры, но тоже относящейся к культурам степного бронзового века.

Изучение памятников первобытной эпохи более северных и восточных частей исследуемого района еще только начинается, но мы уже сейчас на основании собранных материалов можем констатировать, что древняя дельта Сыр-Дарьи в позднем бронзовом веке являлась местом соприкосновения и скрещения различных этнокультурных элементов, среди которых, как и на территории Хорезма, постепенно возобладали, во всяком случае в языковом отношении, восточноиранский, или сакский (скифский), элемент. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

* * *

В VII—VI вв. до н. э. на базе культуры племен бронзового века дельты Сыр-Дарьи в бассейне Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи сложилась весьма своеобразная культура сакских племен этого района, получившая название кочка-тенгизской. В многочисленных стоянках этой культуры керамика, сохраняющая традиции степного бронзового века, сочетается с бронзовыми раннескифскими наконечниками стрел, остатками железоделательного производства и вместе с тем с многочисленными орудиями из кварцита. Эта культура продолжает развиваться и позднее, вплоть до II в. н. э.

V—II вв. до н. э. представлены здесь уже многочисленными монументальными памятниками, позволяющими дать разностороннюю характеристику кочка-тенгизской культуры в период ее расцвета. У нас имеются все основания отождествить носителей этой культуры с занимающими в более поздних античных источниках место «массагетов болот и островов» Гекатея — Страбона апасиаками, «водными», или «речными», саками, по-видимому, тождественными «скифам-абиям» Арриана ¹⁶.

¹⁴ Об идентификации массагетов и Да-юечжи см. «Древний Хорезм», стр. 242—247.

¹⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 202—203; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81—86.

¹⁶ Арриан, Анабасис Александра, IV, I. Термин массагеты в форме Да-юечжи сохраняется лишь в китайских источниках, видимо в связи с тем, что одна из небольших массагетских этнографических групп сохранилась на крайнем востоке Средней Азии, на границах с Китаем, и в описываемое время, о чем свидетельствует текст Птолея (VI, 13), восходящий к Марину, помещающий массагетов далеко на востоке от места прежнего их обитания в верховьях Яксарта, в местности Аскатанка, т. е. в Притяньшанье. Видимо, сильное движение массагетских племен на восток, включая территорию Сяньцзяна и окраины Монголии, было вызвано событиями, связанными с походами Александра Македонского (см. «Древний Хорезм», стр. 245 и сл., а также Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 201—202). Оставшиеся на месте массагетские племена и по языку и по имени растворились в массе сакских племен.

Как показали наши исследования, племена, заселявшие область древней дельты Сыр-Дарьи в античный период, уже тогда вели комплексное хозяйство, сочетавшее животноводство, в частности разведение крупного рогатого скота, с поливным земледелием — возделыванием проса, ячменя.

На среднем течении Жаны-Дарьи расположены величественные развалины древней столицы союза апасиакских племен, носящие сейчас

Рис. 3. Городище Чирик-рабат. Снимок с самолета

название, восходящее к поселемонгольскому средневековью — Чирик-рабат, или Чирик-кала («войсковая стоянка», или «войсковая крепость») ¹⁷. Исследование этих развалин, начатое нами вскоре после второй мировой войны (1946 г.) и возобновленное в более широком масштабе в 1957 г. продолжается до настоящего времени ¹⁸.

Чирик-рабат представляет собой огромное овальное укрепление 850×600 м, опоясанное двойным кольцом стен, разделенных глубоким ровом и следующих очертаниям также овальной останцовой возвышенности, достигающей высоты около 15 м над окружающей равниной (рис. 3). Плоская вершина возвышенности увенчана группой живописных высоких курганов апасиакских верховных вождей, или царей. Вокруг основной части этих курганов расположены две разновременные

¹⁷ Чирик (казахское Ширик) — позднесредневековое среднеазиатское производное от монгольского чирик — войско.

¹⁸ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН СИФ, 1947, № 2, стр. 180; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 98—99; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г., ИАН СИФ, 1949, № 3, стр. 254; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 12; его же, Огузы, печенег, море Даукара, «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 51—52 и карта; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 236; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960, стр. 23—40.

цитадели. В целом крепость, поднимающаяся непосредственно над руслом древней реки, оставляет незабываемое впечатление и воскрешает художественные образы древних городов с полотен художника-археолога Н. Рериха.

Большая часть внутреннего пространства крепости была густо застроена. Раскопки жилых кварталов, еще только начатые, представляют огромный интерес для изучения жизни большого скифского города — проблема, совершенно новая в науке. Судя по итогам раскопок как в жилых кварталах города, так и на курганах и других погребальных сооружениях, о которых речь пойдет ниже, городище возникло не позднее второй половины V в. до н. э., а возможно и раньше, — центральный, по-видимому, самый древний курган и примыкающая к нему территория древней цитадели еще не подвергались раскопкам. Жизнь на городище прекратилась около середины II в. до н. э.

Лишь более тысячи лет спустя на небольшом участке на юго-западном конце города возникло небольшое хорезмийское поселение XII в. н. э., известное, как нам удалось установить, в средневековых источниках под именем Саг-дере¹⁹. Обитатели этого поселения оставили также впускные погребения, совершенные по мусульманскому обряду, в жарских курганах скифской эпохи. Это поселение не пережило монгольского нашествия.

В XVIII в. пространство между древними стенами скифского города было заселено каракалпаками, оставившими здесь следы своих жилищ в виде кольцеобразных валов, окружавших юрты.

История укрепленного скифского города, носящего сейчас название Чирик-рабат, может быть теперь в основных чертах восстановлена. Видимо, древнейшей частью городища является увенчивающая холм группа царских курганов, окруженная, очевидно вскоре после их сооружения, подпрямоугольной стеной древней цитадели. Назначение этой цитадели пока не вполне ясно. Может быть, в ней был размещен охраняющий царские гробницы сакский гарнизон. Видимо, очень скоро после сооружения основной группы курганов вершина возвышенности, на которой они были воздвигнуты, начала густо заселяться саками. Не позднее IV в. до н. э. холм обносится упомянутой выше овальной двойной стенкой. К еще более позднему времени относится сооружение второй цитадели, расположенной к юго-западу от основной группы курганов. К последнему периоду существования города, к какому-то отрезку времени первой половины II в. до н. э., может быть, ко времени, близкому к середине этого столетия, относится последняя крупная перестройка скифской крепости — сооружение стены, отсекающей юго-западную часть городища, и ремонт стен, окружающих эту часть города. Именно эти стены сохранились лучше всего и играют немалую роль в создании того впечатления о развалинах древней скифской столицы, о котором мы говорили выше.

Основные раскопы заложены в семи пунктах городища: на северо-востоке — раскоп, пересекающий обе стены, расположенный между ними рвов крепости и прилегающий к внутренней стене участок застройки городища; в юго-восточной части городища, в наиболее густо заселенной части древнего города, — стратиграфический раскоп, примыкающий к юго-восточной стене города; два раскопа на территории поздней цитадели, один из которых, также носящий стратиграфический характер, вскрыл глубоко погребенный под продуктами позднейшего разрушения угол еще одной древней стены в центральной части городища (на анализе этой находки мы остановимся ниже); три раскопа — на погребальных сооружениях, все они уже почти доведены до конца на одном

¹⁹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 61.

из центральных курганов, на цилиндрическом здании, входящем в систему охарактеризованной поздней поперечной стены, и на позднем прямоугольном погребальном сооружении.

Мы не имеем возможности за недостатком места остановиться здесь на описании добытых при раскопках материалов; мы дадим им обобщающую характеристику после того, как охарактеризуем результаты раскопок двух других апазиатских памятников — городищ Бабиш-мулла и Баланды.

* * *

Комплекс Бабиш-мулла, исследование которого началось одновременно с исследованием Чирик-рабата²⁰, расположен на расстоянии около 40 км к северо-востоку от последнего, в центральной части веера северных боковых протоков Жаны-Дарьи, расходящегося от коренной возвышенности Ак-кыр, находящейся на правом берегу Жаны-Дарьи, выше Чирик-рабата. Если в окрестностях Чирик-рабата не сохранилось следов древних сельских поселений и ирригации античного периода вследствие того, что эти окрестности были густо заселены в XVIII—начале XIX в. каракалпакскими земледельцами, ирригационные сооружения которых и связанные с ними культурно-ирригационные отложения целиком прикрыли аналогичные памятники античного периода, то на описанном выше веере северных боковых протоков эти памятники прекрасно сохранились. На протяжении более двух тысячелетий после того как люди покинули эти поселения эта область оставалась пустынной. Проведенное нами обследование обширной территории около 40 км с востока на запад и 15—20 км с севера на юг показало, что в античный период эта область была исключительно густо заселена, особенно в IV—II вв. до н. э. Повсюду разбросаны остатки обширных сельских поселений с хорошо сохранившимися следами деревенских жилых построек, возведенных на глинобитных цоколях. Вся поверхность этих домов густо усеяна обломками апазиатской керамики IV—II вв. до н. э. и рабочими орудиями из кварцита, добывавшегося, несомненно, в районе возвышенности Ак-кыр, изобилующей выходами этого минерала и, возможно, именно поэтому получившей свое название «белый обрыв», или «белая возвышенность». Кроме того, среди этого наиболее массового материала много находок наконечников бронзовых скифских стрел, позволяющих датировать весь комплекс, а также бронзовых и золотых украшений, остатков меднолитного, железолитного и гончарного производства — шлаков, криц, фрагментов бракованных изделий. Остатки некоторых поселений настолько хорошо сохранились, что дают возможность без раскопок снять точные планы апазиатских деревень.

Все эти поселения базировались на ирригационных каналах, пересекающих местность в различных направлениях, образуя густую сеть. Апазиатская ирригация представляет исключительный интерес. Каналы, выведенные из боковых протоков, нередко соединяют два широтных протока. Это, несомненно, свидетельствует о попеременном использовании в качестве источника водоснабжения то одного, то другого из них, что было легко сделать в связи с почти абсолютной горизонтальностью равнины и что свидетельствует о крайней неустойчивости водного режима этого района.

²⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57—58; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 12; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 236; С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Указ. раб., стр. 40—59.

На одном из таких меридиональных каналов, соединяющих два широтных боковых русла, и расположен комплекс Бабиш-мулла, обширный хорошо сохранившийся сельский район, в центре которого находится небольшой укрепленный городок, видимо, являвшийся центральным поселением одного из апасиакских племен и резиденцией племенного вождя или князя (рис. 4). Городок состоит из квадратной цитадели

Рис. 4. Комплекс развалин Бабиш-мулла. На первом плане погребальное здание Бабиш-мулла 2

(100×100 м) и собственно города неправильной формы, расположенного с юга отчасти с юго-востока от цитадели; протяженность города 125 м с севера на юг и 140 м с востока на запад. От стен сохранилась только цокольная часть глинобитной кладки.

Раскопки проводились преимущественно на цитадели, значительная часть которой вскрыта. Почти полностью раскопан так называемый «донжон», высокое, поднимающееся сейчас на 5 м над равниной подпрямоугольное здание размером 30×30 м, расположенное близ юго-западного угла цитадели и защищавшее, как показали раскопки, вход в цитадель, ведущий через середину «донжона». Вторым объектом раскопок на цитадели был так называемый «большой дом», квадратное здание размером 44×44 м. Сейчас вскрыто более четверти этого здания. Кроме того, раскопки велись на внутреннем дворе цитадели между «донжоном» и «большим домом» и между последним и северной стеной. Помимо цитадели, небольшие раскопы были заложены на территории самого города, один к югу от ворот цитадели и другой близ южной стены города.

Раскопки показали, что, несмотря на относительно короткий период существования городка, построенного в IV в. до н. э. и просуществовавшего до середины II в. до н. э., все раскопанные сооружения цитадели имеют культурные слои трех строительных периодов. Наиболее ярко эти периоды выявились при раскопках «донжона». Первый период характеризуется отсутствием «донжона» как такового; на месте его находились просто ворота крепости, возможно, имевшие какие-то не дошедшие до нас оборонительные сооружения. Во втором строительном

периоде создается нижний ярус «донжона» — к воротам пристраивается снаружи по обе стороны их прямоугольник высоких сводчатых помещений, где, по-видимому, размещался обороняющий наиболее уязвимую часть цитадели гарнизон. Оборона, видимо, велась с обнесенной стенами плоской кровли «донжона». Конец второго периода и на «донжоне» и на «большом доме» несомненно связан с военным разгромом крепости. Об этом наиболее ярко свидетельствуют результаты раскопок одной из сводчатых комнат «донжона»; западная стена этой комнаты, одновременно являющаяся частью внешней стены городка, была пробита стенобитным оружием — тараном, наносившим удар наклонно снизу вверх. Таран разрушил замок свода в западной части помещения, в результате чего рухнула вся средняя часть свода.

Аналогичны следы военного разгрома и в раскопанной части «большого дома», где между вторым и третьим строительным горизонтом налицо слой, свидетельствующий о запустении здания и частичном использовании его какими-то чужеземными завоевателями, совершенно не считавшимися со строгой планировкой здания второго строительного периода. Следы сражения сохранились и на дворе цитадели близ ворот, ведущих в центральное здание. Об этом свидетельствует находка в соответствующем слое бронзовых наконечников стрел и фрагментов железных доспехов. Однако этот период запустения длился, по-видимому, очень недолго. Затем «донжон» был совершенно реконструирован, сводчатые помещения второго строительного периода были засыпаны песком, обломками кирпича и кусками глинобитной кладки или забиты новой глинобитной кладкой. Раскопки восточных комнат «донжона», сплошь забитых такой новой кладкой, представляли большие трудности и были завершены в короткий срок только благодаря широкому применению механизации рабочих процессов.

Здание было одето как снаружи, так и внутри по обе стороны ворот новой кирпичной рубашкой. Эта рубашка закрыла со стороны осевого прохода ворот арочные входы в сводчатые помещения; эти помещения вошли, таким образом, в мощный стилобат «донжона» третьего строительного периода, поднимавшийся на высоту 5 м над равниной. Над этим стилобатом был возведен целый ряд новых комнат, к сожалению, плохо сохранившихся в результате размыва. Въезд на цитадель был оформлен в виде двухстороннего пандуса, от которого ответвляется очень интересный по планировке пандус, идущий в верхние помещения «донжона». Он отходит перпендикулярно от осевого пандуса на восток недалеко от южного входа в «донжон», затем вновь изгибается перпендикулярно на север вдоль западной стены восточной половины «донжона» и выходит близ ее северного конца на уровень помещений второго строительного периода. Здесь он снова поворачивает на запад, идя уже горизонтально и обрываясь над краем прохода ворот. В этом месте была сделана одна из любопытных, хотя и скромных, находок — обрывок зажатой в кирпичной кладке веревки, несомненно связанной с переброшенным некогда через проход подъемным мостом, ведущим в западную половину «донжона».

Заново строится на разровненной площадке второго строительного периода, периода запустения и чужеземной оккупации, новые помещения «большого дома», стены которых частично построены над стенами второго строительного периода, с использованием их остатков, а частично возводятся без учета расположения этих стен.

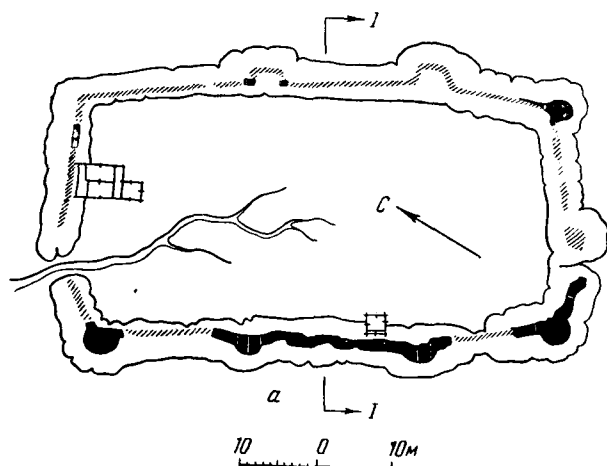
Большой интерес представляет самый верхний слой цитадели, относящийся ко второму периоду запустения, на этот раз не связанному ни с какими катастрофами и предшествующему окончательному превращению Бабиш-муллы в заброшенные, выжженные солнцем пустыни развалины. Этот период, когда города уже не существовало, но какая-то часть потомков создателей этого города еще обитала в этом

районе. Весь связанный с этим вторым слоем запустения материал не может быть датирован временем, более поздним, чем вторая половина II в. до н. э.

В 170 м на запад от городища Бабиш-мулла на берегу описанного выше канала высится живописное здание в виде усеченной ступенчатой пирамиды — Бабиш-мулла 2. Раскопки показали, что перед нами погребальное сооружение — мавзолей апасиакских князей Бабиш-муллы и прилегающего района. Раскопки этого памятника завершены в 1959 г.

* * *

Третьим крупным комплексом апасиакских памятников, открытым нами в 1959 г., является находящийся в 40 км на юго-восток от Чирик-рабата другой небольшой городок с примыкающей к нему деревней и ирригационной системой и рядом расположенных вокруг него погре-

Профиль I-I

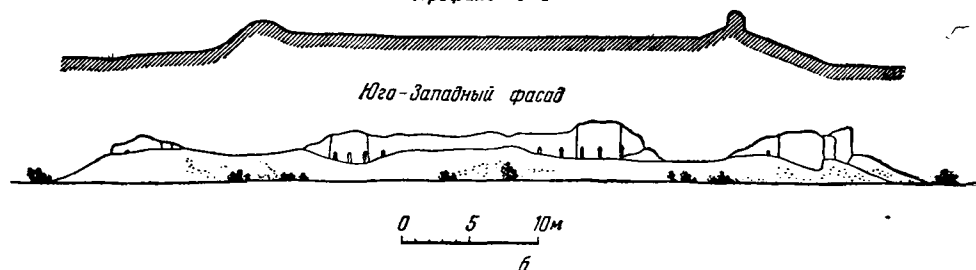

Рис. 5. Городище Баланды 1: а — план; б — разрез

бальных памятников. Весь этот комплекс известен у местного населения под названием Баланды.

Баланды 1 — это прямоугольный городок площадью 80×130 м, стены которого поднимаются над окружающей равниной на высоту 3—4 м (рис. 5); материал, собранный на городке и в его окрестностях, совершенно тождествен материалу из Бабиш-муллы.

В одном километре на восток от Баланды 1 расположено чрезвычайно интересное и несомненно синхронное ему сооружение — круглое

погребальное здание, перекрытое ложным куполом. Это здание было нами раскопано в 1959—1960 гг.

Другое погребальное здание, также раскопанное нами полностью, расположено в 1,5 км к востоку от описанных памятников; это круглое погребальное здание, относящееся к несколько более позднему времени и принадлежащее к весьма интересной и широко распространенной в этом районе категории памятников — так называемых «крестовин», на характеристике которых мы остановимся ниже.

Наконец, еще дальше к востоку, в 5 км от Баланды 1, на берегу крупного меридионального русла, нами открыт и частично раскопан грунтовой могильник, зарегистрированный под названием Баланды 4. Найденный при его раскопках материал, прежде всего бронзовые наконечники скифских стрел, не оставляет сомнения, что перед нами памятник, синхронный Баланды 1 и датируемый IV—III, самое позднее началом II в. до н. э.

* * *

Кроме описанных выше апасиакских памятников, подвергавшихся стационарным или рекогносцировочным раскопкам, следует отметить еще два крупных комплекса, рекогносцировочно обследованных нами. Один из них — это расположенный в 20 км на северо-запад от Бабиш-муллы комплекс Кабул-кала с находящейся в его центре очень интересной с точки зрения фортификации крепостью того же названия, другой — лежащая в непосредственной близости к Чирик-рабату, недалеко от южного берега Жаны-Дарьи крепость, название которой нами пока еще не выяснено. Я не говорю уже об исключительно обильных россыпях апасиакской керамики и кварцитовых орудий — единственных следах многочисленных апасиакских поселений, разбросанных по всей обширной территории описанного участка Жаны-Дарьи по обоим ее берегам, и о погребальных сооружениях — курганах, увенчивающих многочисленные останцовые возвышенности, и «крестовинах», тяготеющих к сухим руслам. Отмечу только, что апасиакский материал зарегистрирован нами не только на глинистой аллювиальной равнине, но и в песках, иногда довольно далеко расположенных от этой равнины и орошавших ее древних русел; это свидетельствует о том, что перед нами памятники народа, сочетавшего ирригационное земледелие, развитые ремесла и градостроительство с полукочевым скотоводством, к которому надо добавить также рыболовство и охоту.

Перейдем к характеристике важнейших для нашей темы сторон культуры апасиакских племен; прежде всего остановимся на искусстве градостроительства и фортификации апасиаков.

Богатый материал, собранный нашей экспедицией по истории апасиакской фортификации и градостроительства, позволяет прийти к очень существенным заключениям. Если в планировке укрепленных городов, особенно таких крупных, как Чирик-рабат, несомненно выступают местные планировочные традиции, хотя и тесно связанные с планировочными традициями Хорезма архаической эпохи (VII—V вв. до н. э.), объясняемые общностью происхождения создателей древнехорезмийской цивилизации и окружающих степных племен²¹, то в отношении конструкций и строительных приемов памятники фортификации апасиаков несут на себе отпечаток фортификационных приемов хорезмийских строителей крепостей. Больше того, на апасиакских памятниках мы можем наблюдать известную «варваризацию» приемов хорезмий-

²¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 99—100; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 153.

ских фортификаторов IV—II вв. до н. э., а иногда и непонимание назначения тех или иных конструкций, механически воспроизводящихся строителями апасиакских крепостей.

Стены всех крепостей апасиаков IV—II в. до н. э. сложены из крупного сырцового кирпича характерных для Хорезма размеров и пропорций, однако не так строго выдержанных, как в архитектуре классического Хорезма. Больше того, наряду с преобладающим квадратным кирпичом, характерным для Хорезма классической эпохи, в кладке встречаются прямоугольные кирпичи, типичные для раннего этапа архаического Хорезма²² и для более северных племен района Джеты-асар²³, синхронных апасиакским памятникам и более поздних. Прямоугольный стандарт сырцового кирпича доживает в южных районах Средней Азии, как известно, вплоть до средневековья.

Стены Чирик-рабата полностью повторяют характерные для классического Хорезма планировку и конструкцию²⁴; внутренняя, лучше сохранившаяся стена имеет толщину 4,5 м. Внутри нее расположена стрелковая галерея шириной 1,8 м, открывающаяся наружу многочисленными стреловидными бойницами — форма, также весьма характерная для Хорезма классической и позднеантичной эпохи. Стена, как и в Хорезме, оборонялась расположенными на расстоянии около 25 м друг от друга подпрямоугольными башнями, тоже с бойницами такого же типа, расположение которых также следует хорезмскому образцу.

Другие крепости, в большинстве прямоугольные, имеют еще больше черт соприкосновения с фортификацией классического Хорезма. Так, например, крепость Кабул-кала настолько напоминает в миниатюре одно из наиболее замечательных фортификационных сооружений античного Хорезма — крепость Джанбас-кала²⁵, — что мы на нашем экспедиционном жаргоне обычно называли ее «малая Джанбас-кала». Эта близость прежде всего выступает в столь характерном для Джанбас-калы отсутствии башен как по углам, так и вдоль стен, и в расположении бойниц в два яруса в шахматном порядке. Однако здесь отсутствует система двухэтажных стрелковых галерей, столь органичная для системы обороны Джанбас-калы. Еще более интересна система обороны цитадели Бабиш-мулла; здесь мы видим широкое использование также характерной для Джанбас-калы системы тройных бойниц; однако, если в Джанбас-кала эти тройные бойницы, обслуживаемые одним стрелком и использовавшиеся как для флангового, так и для фронтального поражения противника, располагались лишь на ответственных участках обороны, соответствующих местоположению башен других крепостей, то здесь тройные бойницы тянутся вдоль всех стен, что сильно сокращает количество бойниц, рассчитанных на фронтальное поражение неприятеля на дальних и ближних подступах к крепости. Аналогичное отступление от хорезмийских фортификационных приемов мы видим и в системе пристенных башен всех исследуемых крепостей, за исключением Чирик-рабата. Как пристенные, так и угловые «башни» Бабиш-муллы и Баланды — это просто массивные выступы стены, не имеющие внутренних помещений и обслуживаемые стрелками, расположенными в той же галерее, что и стрелки, обслуживающие обычные бойницы. Такие башни не только бессмысленны, но и нецелесообразны, так как они значительно увеличивают длину бойниц и соответственно сильно сокращают поле поражения каждой такой бойницы.

²² С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 146.

²³ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 251; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), стр. 21.

²⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 77—98.

²⁵ Там же, стр. 88—98.

Вместе с тем в строительных и планировочных приемах апасиакских крепостей мы находим ряд черт, которые появляются в хорезмийской архитектуре значительно позже. Сюда относится комбинированная глинобитно-кирпичная кладка с чередующимися слоями кирпича и пахсы (битая глина). В еще большей мере это выступает в архитектуре «донжона» Бабиш-муллы, очень близко напоминающей «донжоны» — «жилые башни» раннесредневековой домусульманской архитектуры Хорезма²⁶ и предвосхищающей почти на тысячелетие «донжоны» средневековых европейских замков как с архитектурной, так и с тактической точки зрения.

* * *

Те же черты местных традиций и мощного влияния древнехорезмийской цивилизации с большой наглядностью выступают в керамическом материале²⁷. В то время как ремесленная, сделанная на ножном гончарном круге, керамика, несомненно местного производства (о чем свидетельствуют находки этой керамики в гончарных печах и находки производственного брака), повторяет с очень незначительными отклонениями в несколько более грубых формах хорезмийскую керамику классического периода, — лепная керамика имеет очень мало общего с лепной керамикой Хорезма, находя больше параллелей в скифо-сарматской керамике юга европейской части СССР и северо-западного Казахстана (рис. 6). Надо вместе с тем отметить наличие в ремесленной, особенно ранней, керамике, некоторых устойчивых и совершенно не характерных для Хорезма форм. Это, например, относится к хумам (пифосам) первого строительного периода Бабиш-муллы, имеющим плоский сверху и сильно оттянутый внутрь венчик, а также к небольшим сероглиняным мисочкам, несколько напоминающим формы, типичные для Согда (Афрасиаб II), Бактрии (Кобадиян II) и Парфии, датируемым примерно тем же временем²⁸. Это, как и ряд описанных выше особенностей строительного искусства, позволяет поставить некоторые существенные вопросы, имеющие отношение к социальной истории апасиакских племен.

Имеются основания предполагать, что как строительство грандиозных крепостей и городов, так и изготовление ремесленной посуды, само появление которой свидетельствует о значительном разделении общественного труда, производились не столько руками самих апасиаков, сколько руками рабов иноплеменного происхождения. Отступления от хорезмийских стандартов в архитектуре и керамическом производстве, о которых упоминалось выше, позволяют предположить, что если среди рабов и были хорезмийцы, то в очень незначительном числе. Рабы-мастера в своей основной массе, видимо, происходили из южных областей Средней Азии. Напомним, что Полибий рассказывает о набегах апасиаков на области Гиркании и Парфии²⁹. Однако предметом подражания для апасиакской знати являлись именно хорезмийские образцы — образцы культуры соседнего с апасиаками могуще-

²⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 128—153.

²⁷ О хорезмийской керамике исследуемого периода см.: М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, стр. 84—124; об апасиакской керамике см.: С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, Указ. раб., стр. 32—40, 49—59.

²⁸ А. И. Треножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 54; М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян), 1950—1951 гг., МИА, № 37, 1953, стр. 304, рис. 20, табл. XII; М. И. Вязьмитина, Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г., Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 147—162, рис. 12 (43, 44).

²⁹ Полибий, XI, 34.

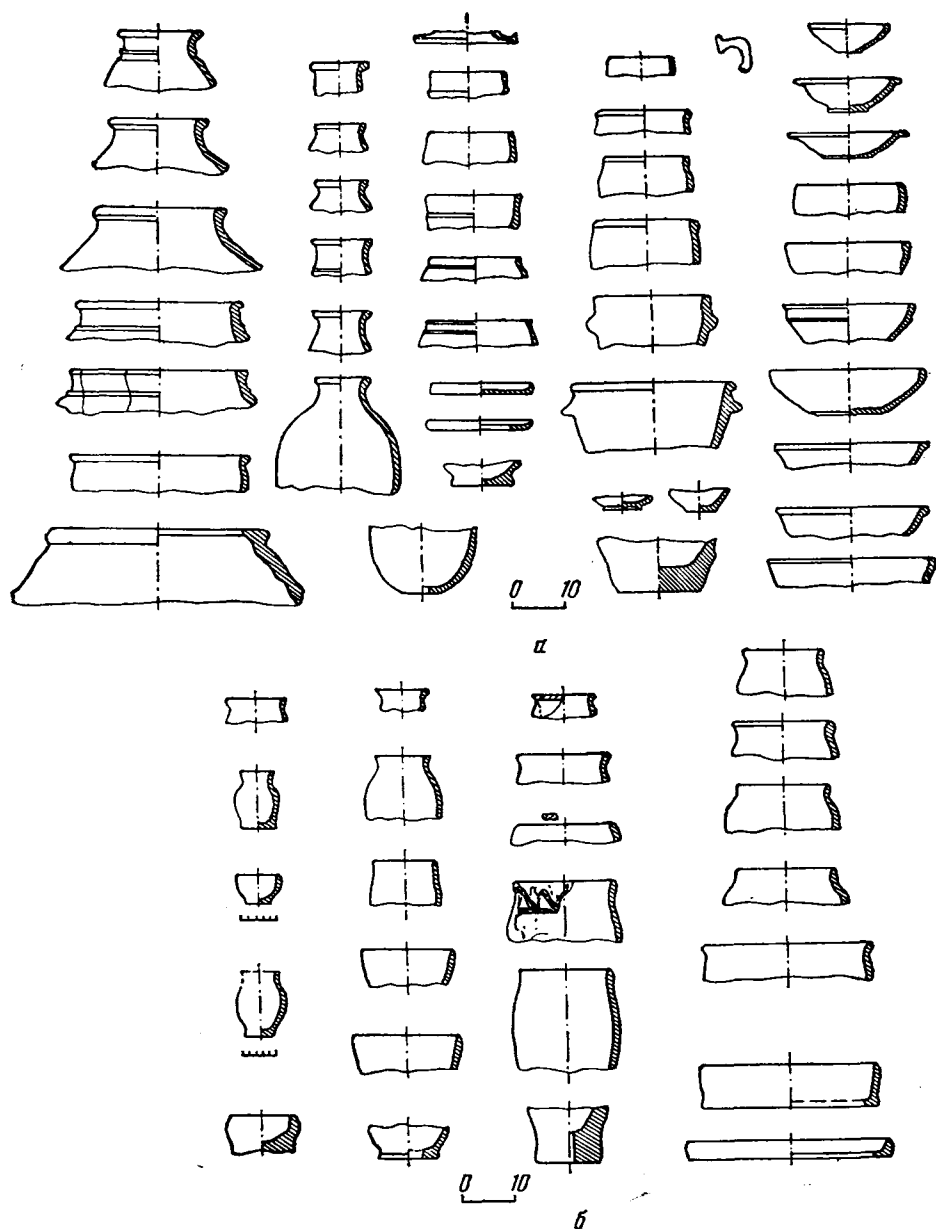

Рис. 6. Керамика апасиакских племен: а — изготовленная на гончарном круге; б — ручной лепки

ственного народа, с которым апасиаки, как уже не раз отмечалось в литературе, находились в тесном союзе³⁰. То, что рабы-мастера вынуждены были подражать образцам культуры, достаточно отличной от их собственной, и объясняет не только известное упрощение и огрубление хорезмийских образцов, но и привнесение мастерами своих собственных приемов.

³⁰ О вхождении Хорезма в конфедерацию массагетских племен см., например W. W. Tarn, *Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, стр. 80—81.

* * *

Перейдем к характеристике еще не освещенных нами, но очень важных памятников культуры сакских племен (рис. 7). Речь идет об их погребальных сооружениях. Пока раскопан один, причем, видимо, один из наиболее поздних царских курганов Чирик-рабата, датируемый

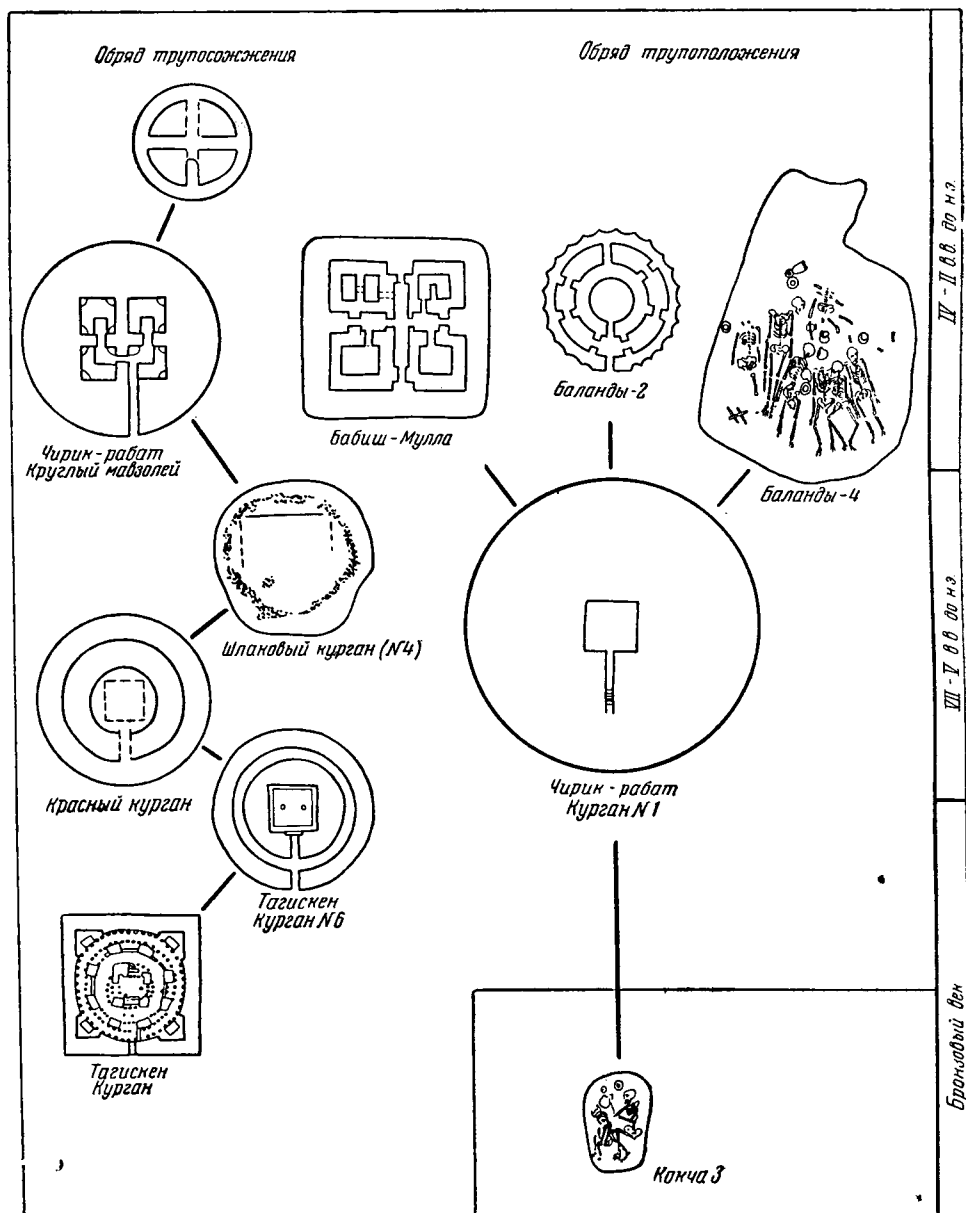

Рис. 7. Схема развития погребальных сооружений племен древней дельты Аму-Дарьи

концом V в. до н. э. (рис. 8). Он имеет 60 м в диаметре при сохранившейся высоте около 3,5 м над окружающими выходами материка. Центр его разрушен огромной грабительской воронкой, поэтому говорить о его первоначальной высоте невозможно. Как показали раскопки.

погребальная камера (размером 7,2×7,2 м) была вырублена на глубину 2,5 м в коренной породе, состоящей из древнего уплотненного песка с известковыми и железистыми стяжениями. От южной стены камеры начинался дромос длиной 14 м, выводивший на древнюю дневную поверхность. Стены камеры и дромоса были покрыты тонким слоем глиняной обмазки с известковой лопелкой. От погребения сохранилось очень мало вследствие предприимчивости грабителей, основательно

Рис. 8. Чирик-рабат. Курган № 1. Погребальная камера и дромос

очистивших камеру, однако кое-что для археологов они все же оставили. И это дает нам возможность не только датировать курган, но и внести некоторые новые черты в характеристику культуры апасиаков. Помимо фрагментов керамики, в заполнении камеры найдены бронзовые наконечники скифских стрел, золотая обкладка рукояти ножа или кинжала, а самое главное — фрагменты длинного меча с плоской рукоятью и, вероятно, овальным навершьем и бабочковидным перекрестьем, сходного со скифскими акинаками³¹. После захоронения, о деталях ритуала которого мы судить сейчас еще не можем, камера была засыпана песком и как камера, так и дромос по уровню дневной поверхности были закрыты шестью слоями камыша (толщина каждого 2—3 см), над ними была возведена курганная насыпь из того же материкового древнего песка.

Следующим хронологически, полностью исследованным погребальным памятником апасиаков является погребальное здание Бабиш-мулла 2: Оно поднимается над современной равниной на 7 м и имеет в плане размеры 30×30 м. Там имеются четыре погребальные камеры,

³¹ Аналогии этому мечу можно найти в Западном Казахстане (И. В. Силицын, Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, XLV, 1952, стр. 67, рис. 27, 1), Приуралье (Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда, Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 148, рис. 1) и в Европейской части СССР среди находок из курганов на р. Псел (В. А. Ильинская, Памятники скифского времени в бассейне р. Псел, «Сов. археология», XXVII, 1957, стр. 237, рис. 2, 1).

которые расположены по углам здания и разделены коридором крестообразной планировки, покрытым высоким коробовым сводом. Здание также было разграблено, однако здесь грабители оставили археологам гораздо больше материала. Нами найдено много золотых и серебряных украшений, бус, обломков дерева (видимо — части погребальной постели), небольшой черешковый трехлопастный железный наконечник стрелы и много остеологического материала. Но самым интересным

Рис. 9. Купольный мавзолей Баланды 2. Снимок с самолета

является, конечно, внутренняя архитектура здания. Особенно эффектной одна из погребальных камер, так называемая «красная комната», пол и кирпичные вымостки (суфы) которой, где, видимо, лежали покойники, облицованы плитами из обожженной глины, покрытыми красным, черным и белым ангобом, образующим шахматный узор. Известная аналогия отделки этой комнаты встречается в погребальных сооружениях сарматской эпохи северного Причерноморья³².

Видимо, близким по времени к Бабиш-мулла 2 является круглый купольный мавзолей Баланды 2, имеющий диаметр около 16 м при сохранившейся высоте 4,5 м (рис. 9 и 10). В центре его расположен круглый зал диаметром 5,5 м, перекрытый ложным куполом, верхняя часть которого не сохранилась. Купольный зал окружен кольцом из семи узких помещений, перекрытых коробовыми сводами очень своеобразной конструкции, соединенных между собой арочными проходами. Вход в мавзолей расположен с южной стороны и оформлен также в виде арки. Внешняя поверхность стены решена в виде 25-гранника с расположенными на стыке каждой двух граней треугольными выступами.

Сейчас остается неясным вопрос о замковой части купола. Характер кривой заставляет предполагать, что верх купола, если в центре

³² См., например, М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1913—1914, альбом, табл. LXXV, 1—3, LXXXII, 3, 4, а также склеп № 9 из раскопок Неаполя Скифского в экспозиции Симферопольского историко-краеведческого музея.

его не имелось отверстия, был сведен в виде настоящего купола. Если подтвердится это предположение, то купол Баланды 2 будет первым историческим примером такого типа сооружений. Как мы знаем, археологические памятники подобного типа до сих пор известны были лишь в Риме второй половины I в. до н. э., на рубеже поздней республики и ранней империи. Первое описание настоящего купола мы встречаем у Витрувия, жившего в то время³³. Встает вопрос о происхождении

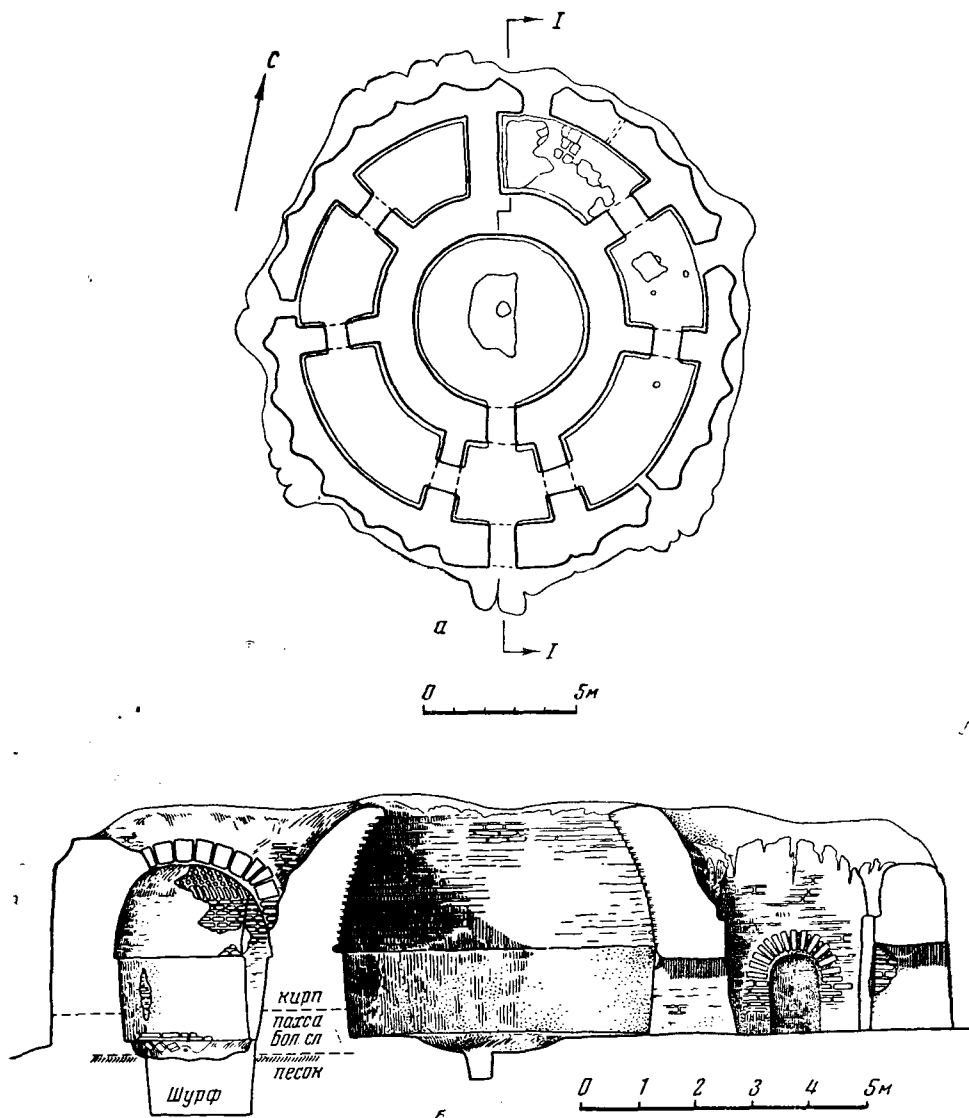

Рис. 10. Купольный мавзолей Баланды 2: а — план; б — разрез

этой, не имеющей никаких корней в предшествующей культуре классического Средиземноморья архитектурной формы. Правда, в архаической Греции и в других районах Средиземноморья того же времени имеются погребальные сооружения, перекрытые ложным куполом (достаточно упомянуть знаменитую гробницу в Микенах), однако в даль-

³³ Витрувий, Об архитектуре, Десять книг, пер., ред. и введ. А. В. Мишулина, Л., 1936, кн. IV, гл. VIII.

нейшем развитии классической архитектуры Средиземноморья эта форма исчезает бесследно, и ее появление в позднем Риме требует своего объяснения. В этой связи я позволю себе выдвинуть гипотезу, которая представляется мне весьма правдоподобной. Рим мог заимствовать эту архитектурную форму из Парфии, с которой он находился не только в военных отношениях, о чем больше говорят источники, но и в тесных культурных взаимоотношениях. Весьма вероятно, что первоначально куполом был перекрыт круглый зал дворца парфянских царей, раскопанный экспедицией М. Е. Массона на городище Ниса и датируемый I—II в. н. э.³⁴ Парфяне же в свою очередь могли заимствовать эту форму у скифских племен Средней Азии, к которым некогда принадлежали и их предки и у которых, если верно наше первое предположение, эта форма относится к гораздо более раннему времени — IV в. до н. э.

Как бы ни решился этот вопрос, бесспорным остается, что купол из сырцового кирпича появляется в Хорезме лишь в раннем средневековье; там ложные купола в различных формах богато представлены в замках VII—VIII вв. — Кум-баскан-кала, Беркут-кала, замок № 36 и др.³⁵ Имеются все основания предполагать, что в раннесредневековом Хорезме это один из тех вкладов, внесенных степными племенами, на которые мы указывали выше и без учета которых нельзя понять происхождение раннесредневековой афригидской культуры домусульманского Хорезма. Надо при этом вспомнить, что купольные гробницы характерны для степных племен на протяжении всего средневековья и доживают у них почти до наших дней. Имеются все основания предполагать, что эта форма, имитирующая формы древнего переносного жилища степняков, и зародилась здесь в центре степного мира.

Третьим по времени апасиакским погребальным сооружением является упомянутое выше цилиндрическое здание, включенное в систему поздней оборонительной стены городища Чирик-рабата и датируемое концом IV в. до н. э. (рис. 11). Его диаметр 32 м, сохранившаяся высота 7,5 м; оно представляет собой сплошной массив из сырцового кирпича на глиняном растворе, внутри которого заключены четыре сообщающиеся между собой камеры, размером в среднем около 5,9 × 5,9 м каждая.

Стены камер были покрыты мощным двойным слоем глиняной обмазки общей толщиной около 20 см, держащейся на каркасе из вертикальных бревен и наклонных жердей, видимо, представлявшем имитацию каркасной глиняной постройки, широко распространенной в Средней Азии вплоть до нашего времени.

Несомненно (об этом говорят остатки каркасных построек в нижнем горизонте Кюзели-гыра, относящиеся к несколько более раннему времени), возникновение каркасных построек намного предшествует созданию цилиндрического здания. Несмотря на то, что это здание Чирик-рабата также было разграблено еще в древности, толстая глиняная обмазка способствовала сохранению многих сопровождавших покойника вещей. Дело в том, что к моменту ограбления значительная часть внутреннего, более тонкого слоя обмазки обрушилась и накрыла часть погребального инвентаря, не обнаруженную поэтому грабителями. Сохранившиеся под слоем обрушившейся обмазки вместе с вещами остатки мелких обломков обгоревших человеческих костей, так же как и следы горения в самих камерах, позволяют предположить, что здесь мы сталкиваемся с

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана по рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 100—108.

³⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 145—148; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 198; В. Л. Воронина, Строительная техника Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 98—99.

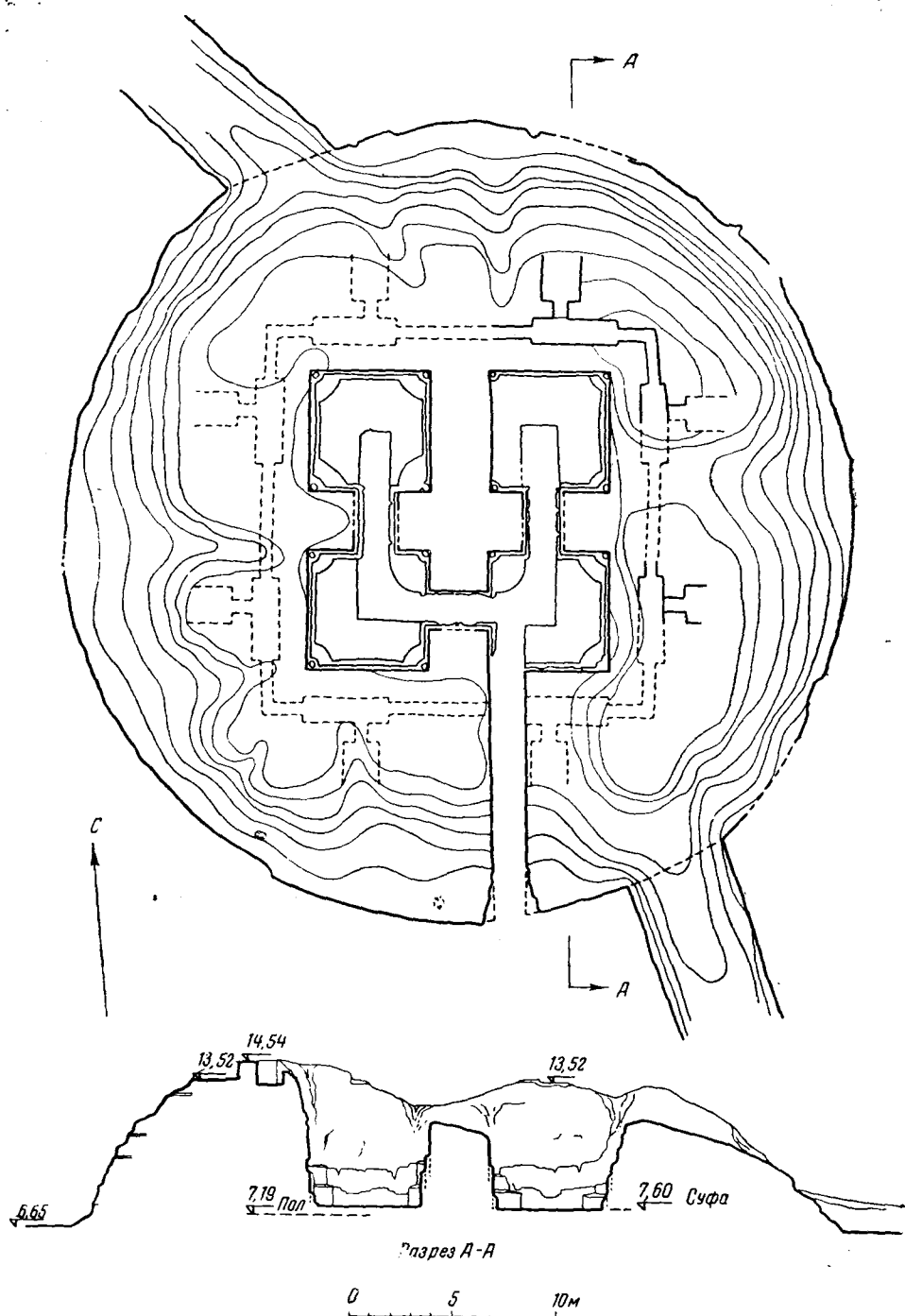

Рис. 11. Чирик-рабат. Круглое погребальное здание. План и разрез

иным обрядом, чем в описанных выше памятниках, — с обрядом трупопожжения.

Мы не будем здесь за недостатком места останавливаться на характеристике богатой коллекции золотых и серебряных украшений, наконечников бронзовых и железных стрел и др., которые, помимо своего об-

щего научного значения, дали нам возможность точно датировать памятник концом IV в. до н. э. Отметим лишь наиболее интересную находку — значительные фрагменты железного доспеха, позволившие нам почти полностью реконструировать доспех апасиакского воина этой эпохи: в нем сочетались принципы чешуйчатого и пластинчатого

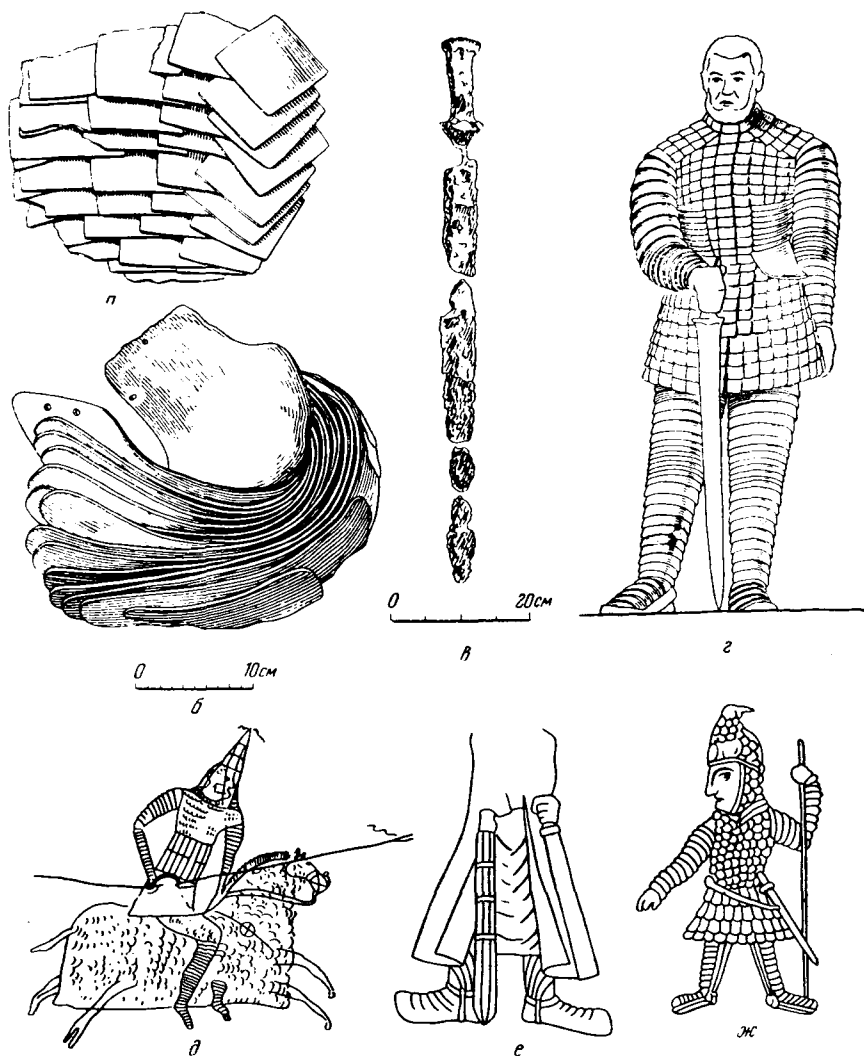

Рис. 12. Вооружение апасиакского воина: а, б — детали пластинчатого доспеха (Чирик-рабат, круглое погребальное здание); в — железный меч (Чирик-рабат, курган № 1); г — вариант реконструкции доспеха; д — парфянский катафрактарий (рисунок из «Дура-Европос»); е — фрагмент статуи кушанского царя Канишки (музей в Матуре); ж — кушанский царь Васудева (с изображения на монете)

чатого доспеха, покрывавшего все тело воина и позволявшего ему свободно маневрировать в бою, несмотря на массивность брони, в каждой точке которой оружие врага натывалось одновременно на не менее чем две-три находящиеся друг на друга чешуи и пластины, составлявшие доспех (рис. 12).

Большой интерес представляет то, что наш чирик-рабатский катафрактарий жил во время похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Именно о его современнике, а может быть и о его соплемен-

нике, если не о нем самом, рассказывает Арриан при описании битвы Александра со скифами на берегу Яксарта, особо подчеркивая (как, видимо, важный и поразивший греков эпизод), что выпущенный стрелометной машиной македонян дротик пробил броню одного из скифских катафрактариев и сбросил его с коня³⁶.

Это наиболее древняя находка доспеха катафрактария. К гораздо более позднему времени относятся фрагменты доспеха роксоланских катафрактариев в погребальных сооружениях северного Причерноморья и следы изображения аналогичного доспеха на сакских монетах юга Средней Азии и северной Индии и на монетах кушанских императоров; среди них особо надо отметить изображение царя на одной из групп монет Васудевы (II в. н. э.), доспех которого особенно напоминает броню чирик-рабатского катафрактария³⁷.

Первые свидетельства античных источников о массовом появлении сакско-парфянских и роксоланских катафрактариев относятся только к I в. до н. э. К этому и более позднему времени относится и появление изображений такого рода всадников в Пантикапее и Дура-Европос. Массовое появление катафрактариев и примененная ими тактика в битве при Каррах были причинами поражения и гибели Красса. Для римлян эти пришедшие из глубин Азии формы военного искусства были совершенно неожиданными — уроки поражения Александра на берегах Яксарта были уже к этому времени прочно забыты. Только позднее Антоний, учтя трагический опыт Красса, сумел победить роксоланских катафрактариев, уже дошедших до Мизии. В нашей книге «Древний Хорезм», в главе «Конница Кангюя», базируясь на ограниченном материале, имевшемся тогда в нашем распоряжении, мы выдвинули гипотезу о происхождении доспеха и тактики катафрактария где-то в области контакта населения Хорезмского оазиса и сакско-массагетской степи³⁸. Сейчас эта гипотеза получает прочное обоснование и хронологическую дату. Позднеантичный (Топрак-кала) и раннесредневековый хорезмский доспех, как и доспех домусульманского Согда, несомненно генетически восходят к доспеху апасиакского катафрактария. И мы вправе поставить вопрос — не сыграло ли население этой области через ряд посредствующих звеньев значительную роль в сложении типа вооружения средневекового европейского рыцарства?

* * *

Для понимания более поздних памятников апасиакского погребального культа, как, впрочем, и для полного понимания ритуала погребения с обрядом трупосожжения, выявленного при раскопках цилиндрического здания Чирик-рабата, мы должны обратиться к другому кругу памятников, впервые открытому нами в 1959 г. и принадлежавшему, несомненно, сакскому племени, сильно отличавшемуся от апасиаков. Дело в том, что в указанном году нами были обнаружены погребальные сооружения совсем иного характера и целый ряд неразрывно связанных с ними поселений: это так называемые «шлаковые курганы», датируемые VI—V вв. до н. э., — курганы, опоясанные у основания кольцом крупных глыб гончарного шлака, явно изготовленного специально для этой цели. Внутри этого кольца обнаружены следы трупосожжения. Добытый при рекогносцировочных раскопках и собранный на соседних с курганами поселениях материал позволяет охарактеризовать культуру создателей «шлаковых курганов» как резко отличную от апасиакской. Хотя и курганы и поселения датируются более ранним временем, чем

³⁶ Арриан, IV, 4.

³⁷ См., например, E. J. Rapson, *Indian coins*, Strassburg, 1898, табл. 11.

³⁸ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 211—227.

большинство апасиакских памятников, здесь полностью отсутствуют чрезвычайно характерные для апасиакских поселений орудия из кварцита, столь же распространенные в более ранних поселениях кокча-тенгизской культуры, датируемой VII—VI вв. до н. э. и несомненно продолжающей традиции бронзового века. Совершенно иными оказываются и формы лепных сосудов (рис. 13).

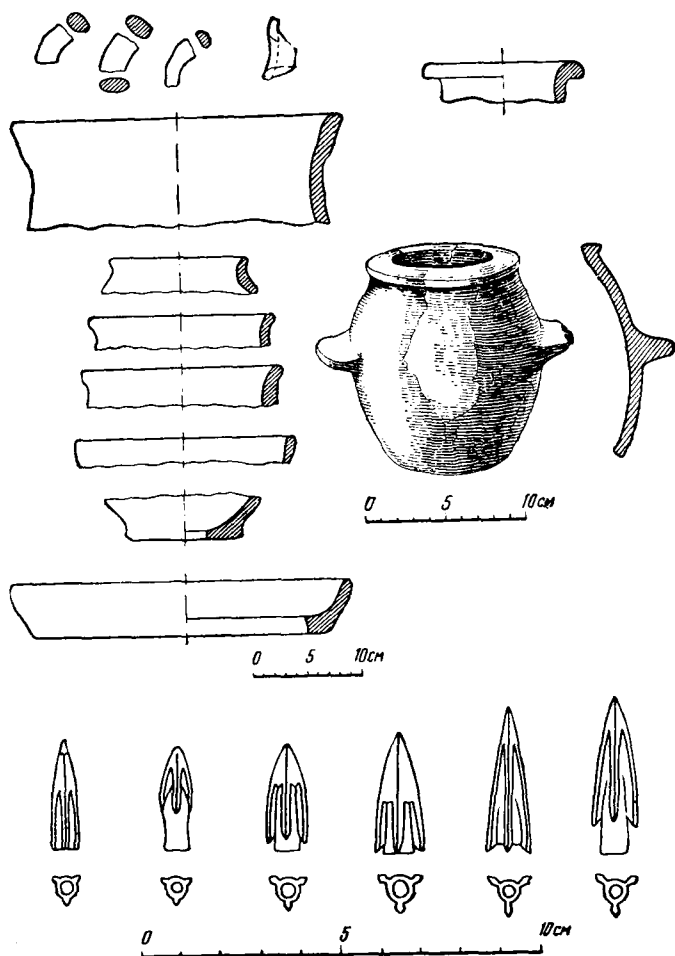

Рис. 13. Керамика и наконечники стрел сакараваков («шлаковые курганы»)

Наиболее крупным памятником культуры «шлаковых курганов» оказался известный нам уже с 1946 г., но не понятый нами в то время величественный памятник, расположенный неподалеку (18 км) к юго-востоку от Чирик-рабата,—Сенгир-там, увенчивающий бугор того же названия (рис. 14). Это огромный, диаметром около 34 м (обычный диаметр «шлаковых курганов» — 8—10 м) курган, окруженный стеной из сырцового кирпича высотой около 3 м. В окрестностях его расположено несколько прямоугольных оград-валов; такие ограды-валы обычно сопровождают также и апасиакские курганы (по предварительному предположению, именно такой прямоугольной ритуальной оградой является отмеченная выше стена, угол которой открыт в стратиграфическом раскопе 1959 г. на цитадели Чирик-Рабата). Сенгир-там, так же как и другие «шлаковые курганы», расположен на одной из древних стариц Инкар-Дарьи.

Большой интерес представляет вопрос об этнической принадлежности носителей культуры «шлаковых курганов». Дело в том, что мы знаем сейчас территорию расселения и характер культуры не только апасиаков (пасианы, пасики других, более поздних античных источников), но и других сакских племен, упоминаемых Птолемеем при описании нижнего течения Сыр-Дарьи и игравших важную роль в движении саков на юг в Бактрию, на восточные окраины Парфянской империи и далее в Индию, в связи с чем они упоминаются Трогом Помпеем и другими античными авторами³⁹.

Рис. 14. «Шлаковый курган» Сенгир-там 1. Снимок с самолета

Нашей экспедицией уже исследованы в 1946—1951 гг. памятники заселявших бассейн пра-Куван-Дарьи, дахов — тохаров, сильно отличающиеся как от апасиацких, так и от памятников культуры «шлаковых курганов»⁴⁰. Культура тохаров продолжалась и выше по Сыр-Дарье, где одним из ее памятников является городище Каунчи-тепе близ Ташкента. В районе низовьев современной Сыр-Дарьи, и, видимо, южнее вдоль восточного берега Аральского моря, было расселено племя аугасиев (в искаженной передаче некоторых античных авторов — аугалов), наиболее прочно сохранявших в своих керамических изделиях вплоть до раннего средневековья традиции бронзового века Приаралья⁴¹.

Наконец, к востоку и северо-востоку от нижнего и частично среднего течения Сыр-Дарьи, в бассейне Или и Чу, вплоть до Тянь-Шанских гор находилась обширная область культуры ассиев, или ассианов античных авторов, усуней древнекитайской литературы⁴².

³⁹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, экскурс 1; его же, По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 140—143; его же, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 51—54.

⁴⁰ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 137—140; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945—1948 гг., стр. 16; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 236.

⁴¹ С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 57—71.

⁴² Ошибочным является разделение памятников очерченной выше территории на сакские и усуньские; на деле это памятники одного и того же народа, только относящиеся к разным периодам. См. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 162—179; А. Н. Берн-

По всем данным⁴³, самым южным из принимавших участие в движении сакских племен на юг было племя сакараваков (искаженная форма сакаравлы) — имя, восходящее к «сака хаумаварга» древнеперсидских надписей; в некоторых из них, видимо, то же племя выступает под именем «сака пара Сугдам» — «скифы за Согдом». Имеются все основания предполагать, что культура «шлаковых курганов» принадлежит именно сакаравакам.

Мы, по-видимому, знаем пока только крайнюю северную периферию сакаравакской территории. Основную массу сакаравакских памятников надо искать южнее, в центральных и южных Кызыл-кумах и в области Нуратинских гор, в непосредственном соседстве с Согдом. В пользу этого говорит и своеобразный, более высокий уровень культуры сакараваков раннего периода по сравнению с апасиаками, что трудно объяснить без предположения о длительном и непосредственном контакте их с населением Зеравшанского оазиса. Большое значение в связи с этим имеет открытие могильника на возвышенности Тагискен, на берегу одного из южных притоков Жаны-Дарьи — Инкар-Дарьи. Могильник датируется IX—VII вв. до н. э. Покойников здесь сжигали в великолепных погребальных сооружениях, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича, вместе с сопровождающим их погребальным инвентарем — многочисленными сосудами, часть которых сделана уже на гончарном круге, бронзовыми двуперыми втульчатыми наконечниками стрел, бронзовыми ножами, шильями, украшениями из бронзы, золота и кости.

Отличительной особенностью инкар-дарьинской культуры является сочетание в ней двух элементов. С одной стороны, в ней проявляются традиции, уводящие нас в эпоху бронзы, в круг андроновской, а затем дындыбаевско-бегазинской культур Казахстана, с другой стороны, перед нами культура, связанная своими корнями с высокой цивилизацией, о чем свидетельствуют великолепные сосуды, сделанные на гончарном круге, и применение в строительстве сырцового кирпича.

Таким образом, мы можем предположить, что тагискенские курганы — самый ранний из известных нам сакаравакских памятников, в материалах которого еще сохраняются, и довольно сильно, черты культуры степной бронзы, подвергшейся сильному влиянию высокой цивилизации более южных районов. Обряд трупосожжения, характерный для ранних сакаравакских курганов, как и обряд ингумации, типичный для синхронных и частично более поздних памятников апасиаков (ингумация в специфической форме характерна также для тохаров и атсианов), имеют в исследуемой области глубокие исторические корни.

Нам известно, что для тазабагъябской культуры бронзового века, характерной для западной части исследуемой территории, был типичен обряд ингумации, хорошо изученный нами в результате раскопок позднебронзового могильника Кокча 3⁴⁴. Наоборот, как мы уже говорили, для инкар-дарьинской культуры был характерен обряд кремации. Эти две самостоятельные традиции несомненно продолжают до середины I тысячелетия до н. э., но, видимо, в IV в. до н. э. начинается процесс взаимопроникновения различных элементов культуры апасиаков и са-

штам, Археологический очерк северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 24—54; его же, Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, 1950; его же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952; К. А. Акишев, Памятники старины северного Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, и др. работы.

⁴³ См., например, W. W. Тагп, Указ. раб., стр. 291 и др.

⁴⁴ См. С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. «Сов. востоковедение», 1955, № 5; см. также «Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамыш. Узбой». «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

караваков. По-видимому, в области материальной культуры возобладали апасиакские элементы. В непосредственном соседстве с поселениями культуры «шлаковых курганов» появляются поселения, видимо, оставленные тем же народом, но дающие характерную для Бабиш-муллы и других памятников апасиакской культуры этого времени керамику и кварцитовые орудия. Напротив, в области погребального обряда и, вероятно, вообще в области духовной культуры преобладание получили сакаравакские традиции. Первым несомненно апасиакским памятником, сочетающим характерные черты других апасиакских погребальных сооружений IV в. до н. э., в которых еще продолжают традиции обряда ингумации с чисто сакаравакским обрядом кремации, является цилиндрическое здание Чирик-рабата. Характерные для более позднего времени и расположенные повсеместно на апасиакской территории погребальные сооружения, носящие условное название «крестовин», являются коллективными памятниками трупосожжения. Это круглые здания с высоким глинобитным цоколем, увенчанным кольцевой стеной из сырцового кирпича и разделенным двумя перекрещивающимися стенами (это тоже апасиакская традиция) на четыре открытые сверху камеры, в которых, вероятно, и производилось трупосожжение. В этих камерах обряд совершался неоднократно, каждая из них содержит значительное количество черепов и костей.

* * *

Наша статья была бы не полной, если бы мы кратко не остановились на результатах исследования краниологических материалов из наших раскопок, сделанного Т. А. Трофимовой. Наиболее существенным является впервые установленный для этого района факт проникновения уже не позднее IV в. до н. э. в преобладающий тип населения, близкий к антропологическому типу носителей андроновской культуры бронзового века, монголоидных элементов, причем не носящих еще признаков смешения с европеоидами. Это заставляет предполагать наличие где-то в не очень удаленном, во всяком случае доступном для мирных сношений и военных набегов районе значительных массивов монголоидного населения. Позволительно спросить, не аргиппей ли это Геродота, жившие, согласно этому автору, в непосредственном соседстве с исседонами, которых большинство советских исследователей отождествляет с усунями-ассианами? Напомним, что описания аргиппеев Геродота не оставляют сомнения в монголоидности их антропологического типа⁴⁵.

Таким образом, процесс постепенного внедрения монголоидного элемента в среду восточноиранских еще по языку народов Средней Азии может быть отнесен к значительно более раннему времени, чем это предполагалось прежде.

* * *

Как мы указывали выше, в середине II в. до н. э. жизнь на апасиакских и сакаравакских поселениях исследуемого района прекращается. Вряд ли случайным является совпадение этой даты со временем начала наступательного движения сакских племен на юг против Греко-Бактрийского царства — движения, завершившегося крушением власти потомков греко-македонских завоевателей и широким проникновением сакских племен на юг в Бактрию, Сеистан и далее в северную Индию. Какая-то часть апасиакско-сакаравакских племен проникает в этот период также и на территорию Хорезма; об этом свидетельствуют не только известная «варваризация» керамики позднекангюйского перио-

⁴⁵ Геродот, IV, 23.

да, начинающегося как раз в середине II в. до н. э. (что подтверждается данными радиоуглеродного анализа), и появление в позднекангюйском слое Кой-Крылган-калы керамики, несомненно бытовавшей у степных племен и принесенной сюда ими⁴⁶; об этом говорит и появление на юго-западных окраинах Хорезмского оазиса, может быть, восходящих к еще более раннему времени поселений, созданных, по всей видимости, самими апасиаками. Я имею в виду в частности и в особенности городище Шах-Сенем, первоначальная планировка которого близко напоминает описанные нами выше апасиакские городки и, что особенно важно, в непосредственном соседстве с которым, как раз на расстоянии, на каком обычно располагаются могильные склепы апасиакских вождей, находятся развалины крестообразного здания античной эпохи, послужившего в XII в. стилобатом центрального павильона садово-паркового комплекса одного из поместий хорезмшаха⁴⁷.

Исследование сакских племен Средней Азии ведется уже давно. Но оно ограничивалось до недавнего времени изучением памятников гораздо более отдаленной периферии древних культурных центров Средней Азии, сыгравших в мировой истории такую значительную роль. Это были преимущественно слабо связанные с этими центрами племена восточных гор и северных равнин, заселенных главным образом редким скотоводческим населением. О них почти ничего не знали ни античные авторы, ни создатели персидских надписей, да и сами они принимали относительно слабое участие в тех бурных событиях, которым посвящены дошедшие до нас письменные документы.

Сейчас мы получили возможность познакомиться с сердцем среднеазиатской Скифии (если не Скифии вообще) — страной, во много раз гуще заселенной, чем указанные выше периферические области, заселенной народом, с которым отнюдь не вяжется традиционное, давно уже изжившее себя, однако все еще не уходящее из науки представление о «кочевниках». Это был народ не только скотоводов, но в первую очередь ирригаторов, ремесленников и градостроителей, народ, живший прочным оседлым бытом, сочетавшимся, однако, с кочевым бытом пастухов и с легкой подвижностью всего населения в случае, если этого требовала необходимость. Эта подвижность выработалась веками и определялась прежде всего характером самого ирригационного земледелия этих районов, районов дельты, русло которой часто меняет свое направление, вынуждая земледельцев покидать свои поля и насиженные места обитания и искать новых мест, чтобы строить новые каналы и создавать новые деревни и города⁴⁸. Так сложилась та обширная культурная область двух смыкающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, область, известная в иранской литературной традиции под именем Канг-ха, — Кангюй более поздних китайских авторов⁴⁹.

⁴⁶ См. подробно об этом: М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, стр. 124—144. О радиоуглеродном анализе см. А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова, М. Г. Мартищенко, Определение абсолютного возраста по ¹⁴C. Сообщение 2, «Геохимия», 1959, № 8, стр. 667.

⁴⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 220; его же. Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 51; Ю. А. Рапполорт, Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, стр. 400.

⁴⁸ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 55—102; Т. А. Жданко, Патриархально-феодалные отношения у полуседлого населения Средней Азии, «Материалы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 628—638; ее же. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии, «Сов. этнография», 1961, № 2.

⁴⁹ По вопросу о Кангхе — Кангюй и ее связи с Хорезмом см. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 20—26; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 145 и сл.; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 72—73.

Хорезм был только частью этой обширной области, правда, частью двинувшейся в своем развитии далеко вперед, ставшей политическим гегемоном всей Кангхи и оказавшей в период расцвета своей классической культуры мощное воздействие на ее степные племена.

Движение саков на юг не было вызвано стихийными причинами или перенаселением; оно определялось глубоким политическим кризисом государства греко-македонских завоевателей и стремлением масс населения возглавляемого ими государства получить помощь в своей борьбе против них от близкородственных этому населению и на протяжении веков тесно связанных с ними северных племен. Далеко не все население исследуемого района ушло в поход на юг. Если большинство апасиаков и сакараваков действительно переменяло места своих поселений, перенеся их далеко на юг, то тохары, аугасии и ассияны лишь частично приняли участие в этом движении. Историко-археологическое изучение этих народов показывает, что на местах их древнего расселения жизнь не прерывалась на протяжении всего периода античности и раннего средневековья. Да и апасиаки, слившиеся с сакараваками, не ушли полностью из бассейна Жаны-Дарьи. Правда, их численность сократилась настолько, что они не могли здесь поддерживать свое ирригационное хозяйство. Видимо, с этим связан поворот вод Жаны-Дарьи по новым, более северным руслам — река ушла из-под контроля чело-века. Оставшиеся апасиаки вынуждены были перейти к кочевому скотоводческому образу жизни, о чем свидетельствуют материалы периода последнего запустения Бабиш-муллы и результаты исследования поздних апасиацких стоянок в окружающих Жаны-Дарью песках. Часть апасиаков создала новые поселения на крайнем западном участке Жаны-Дарьи, в месте ее стыка с Акча-Дарьей, где мы смогли исследовать памятники позднеапасиацкой культуры IV—V вв. н. э. — комплекс Барак-там⁵⁰.

Мы не можем остановиться здесь на позднем этапе истории исследуемых нами племен. Отметим лишь, что в конце античности и в раннем средневековье их культура подвергается все большему влиянию восточных, сперва гуннских, а потом тюркских элементов, но мы можем твердо сказать, что это было не массовое переселение, не завоевательная волна кочевников. Это был постепенный медленный процесс, начавшийся, как мы видели, еще не позднее середины I тысячелетия до н. э. В результате этого процесса в раннем средневековье, после арабского завоевания и исламизации Средней Азии, на месте центра территории аугасиив образовался один из важнейших центров уже тюркских по языку огузских племен; столица их Янгикент возникла на месте наиболее крупного города аугасиив, нижние слои которого восходят еще к бронзовому веку⁵¹. Результаты изучения нашей экспедицией в 1959—1960 гг. обширного района огузских сельских поселений на верхней Инкар-Дарье (рис. 15) с большой убедительностью подтверждают неоднократно высказывавшиеся нами положения о полuosедлом быте и своеобразном комплексном хозяйстве этого народа, о распространении у него наряду со скотоводством поливного земледелия.

На месте апасиаков появляется также уже тюркское племя печенегов, имя которых, как мы показали в одной из наших работ, восходит через ряд переходных форм к имени апасиаков⁵². Имя тохаров продол-

⁵⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1945 г. ИАН СИФ, 1946, т. 3, № 1, стр. 83—86; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 21, 53 и др.; М. А. Орлов, Барак-там, Труды Хорезмской экспедиции, т. 1, стр. 135—152; Е. Е. Неразик и М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки Барак-там I в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, стр. 81—95.

⁵¹ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 68—71.

⁵² С. П. Толстов, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 49—52.

жает жить в имени одного из главных огузских племен дюкер⁵³, и, наконец, имя ассианов — усуней с очень незначительным изменением его формы продолжает до сих пор жить в качестве имени одного из важ-

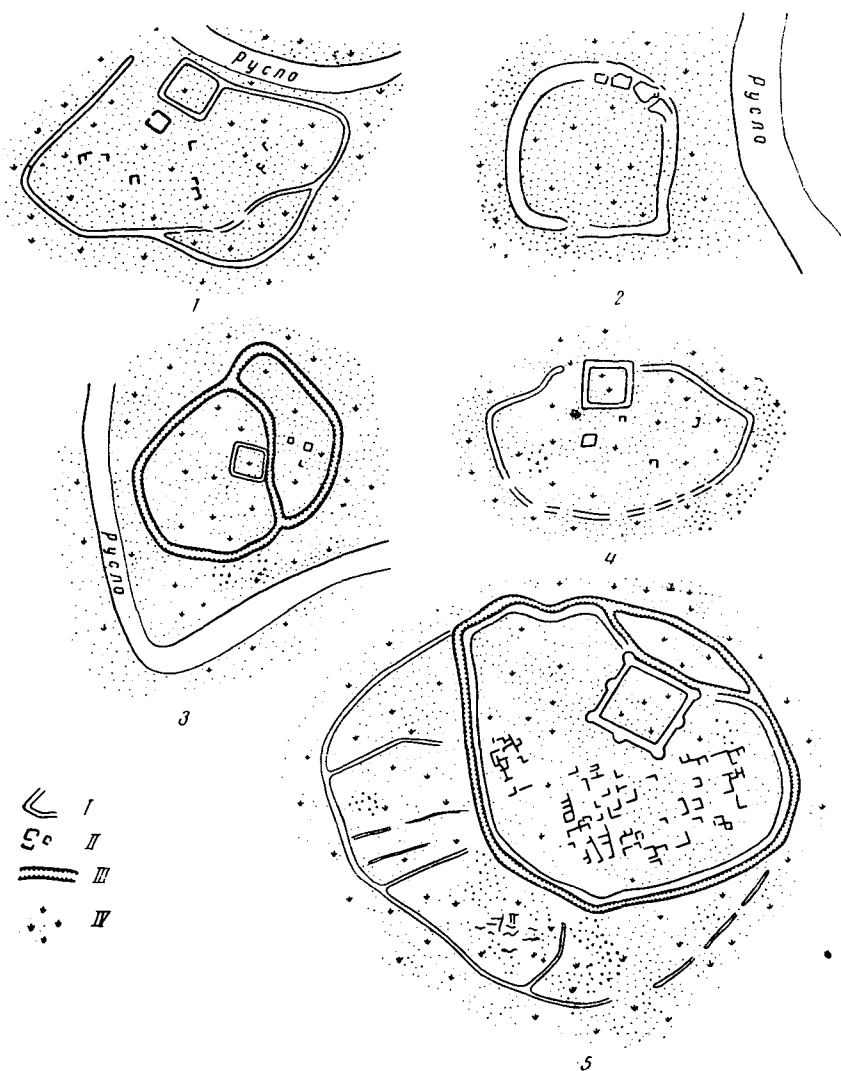

Рис. 15. Раннесредневековые тюркские поселения на верхнем течении Инкар-Дарьи: I — стена; II — следы планировок; III — ров; IV — растительность; I—4 — укрепленные усадьбы, расположенные на берегах Инкар-Дарьи; 5 — крепость Зангар-кала

нейших подразделений Старшего жуза казахов. Имя самой страны Кангха выступает в средневековые в качестве имени большого союза при-сырдарьинских тюркских племен — канглы (более ранняя форма названия печенежского племени кангар). Это имя также продолжает жить до сих пор в качестве имени крупного племенного подразделения в составе узбекского и каракалпакского народов⁵⁴.

Так скифы восточного Приаралья, сыграв крупную роль в событиях мировой истории, происходивших в древности на территории всего

⁵³ С. П. Толстов, Огузы, печенеги, море Даукара, стр. 82.

⁵⁴ По вопросу о связях Кангха — Канга — Канглы см. С. П. Толстов, Говола гузов: его же, Древний Хорезм, стр. 24.

Среднего Востока, включая и Индию, оставили свой осязаемый след в культуре своих непосредственных наследников — народов Средней Азии, в первую очередь обитателей Приаралья — узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов.

Оставленные предками этих народов на обширной территории древней дельты Сыр-Дарьи многочисленные памятники ирригации и земледелия, занимающие в целом площадь около 2,5 млн. га, составляют один из важных элементов их культурного наследия. Факт трехкратного освоения земель древней дельты на длительные сроки за последние два с половиной тысячелетия убедительно свидетельствует о том, что природный фактор не сыграл сколько-нибудь существенной роли в запустении этих земель, которое было обусловлено прежде всего социально-историческими причинами. Поэтому имеются все основания считать, что при современных технических средствах новое освоение этого огромного массива земель древнего орошения и развитие здесь комплексного многоотраслевого сельского хозяйства не представит сложности и сможет дать государству большой народнохозяйственный эффект без крупных затрат на капитальное строительство дорогостоящих гидротехнических сооружений.

SUMMARY

The Khwarizm Archeological and Ethnographical Expedition, launched in 1937 and headed by the author of the present article, has investigated a wide range of problems pertaining to the history of Central Asia. At present investigations are conducted in the ancient delta of the Syr Darya, where numerous relics of prehistoric, ancient, medieval and modern times have been discovered, including remnants of irrigation systems and of fields that once had been cultivated. The formerly irrigated lands in the Syr Darya delta cover the vast area of 2.5—2.8 million hectares.

In the period of classical antiquity (from the middle of the 1st millennium B. C. to the middle of the 1st millennium A. D.) this area was populated by large Scythian tribes, whose culture is studied by the Expedition in the light of archaeological findings. Along the large delta channel, (today the dry channel of Zhany Darya) there stood the walled cities, villages and majestic mausoleums of the Apasiaks. Northeast of these tribes, along the ancient channel of Kuva Darya, there lived the Tocharians. The Aral Sea shore in the vicinity of present-day Kazalinsk was inhabited by Augassian tribes. The southernmost of the Scythian tribes of the Aral Sea area were apparently the Sakaravaks, whose settlements and burial mounds were discovered by the Expedition in 1959.

All these steppeland tribes on the margins of the ancient state of Khwarizm were semi-settled; along with raising cattle (mostly large cattle), they engaged in irrigated farming, cultivating millet, barley and other crops. Of great interest is the architecture of these tribes, which knew such original architectural devices as domed ceilings long before the appearance of the cupola in the agricultural areas of Central Asia.

It has been established that not only in the period of antiquity but also in the later epochs, up to the beginning of the 19th century, the now deserted lands of the Syr Darya delta were at different times irrigated and brought under the plough, with settled and semi-settled populations appearing on the site.

The findings obtained by the Expedition testify to the possibility of opening up the deserted delta lands in our time and setting up mixed farming there that would combine the cultivation of cereal and fodder crops traditionally grown in these parts, with intensive cattle breeding. Bringing under the plough the once irrigated lands of the Syr Darya delta may prove of tremendous economic advantage to the Soviet state, without calling for large outlay of capital.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Р. Н. ИСМАГИЛОВА

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА АФРИКИ

Бурный подъем антиимпериалистического, национально-освободительного движения африканских народов наносит колониализму удар за ударом. 1960 год вошел знаменательной датой в историю борьбы народов Африки за свободу и независимость, за свержение колониального рабства: в этом году семья свободных африканских государств пополнилась семнадцатью новыми членами. В числе стран, независимость которых официально провозглашена в 1960 — начале 1961 г., — крупнейшие африканские страны с огромной территорией, богатейшими природными ресурсами, многомиллионным населением: Нигерия, Конго, Камерун, Мадагаскар и ряд других бывших колоний и «подопечных территорий» европейских империалистических держав. Таким образом, сейчас на политической карте Африки появилось 28 независимых африканских государств; населяющие их коренные африканские народы решительно взяли в свои руки право распоряжаться своей судьбой. Учитывая живой интерес советских читателей к новым государствам Африки, приводим краткие справочные сведения о тех из них, которые получили политическую независимость в 1960 — начале 1961 г.¹

РЕСПУБЛИКА БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ (БСК)

Государство на северном побережье Гвинейского залива. Площадь — около 322 тыс. кв. км, население — 3,1 млн. Основные народы — бауле (720 тыс.), бамбара (350 тыс.), малинке и диула (350 тыс.), бете (550 тыс.), сенуфо (460 тыс.). Европейцев — 15 тыс.

Население южных районов страны говорит на языках гвинейской группы: подгруппа ква — бауле, гонжа, аньи; подгруппа кру — кру, гере, бете, басса. В северных и центральных районах распространены языки групп моси-гуси (сенуфо, лоби и др.) и манде (диула, малинке, бамбара). По конституции государственный язык — французский.

Основная часть населения придерживается традиционных верований (почитание духов, культ предков и т. п.). Среди народов группы моси-гуси распространен ислам. В прибрежных районах и особенно в городах распространено христианство.

С 7 августа 1960 г. Берег Слоновой Кости — независимая республика, входящая во Французское Сообщество, ранее — французская колония. Республика БСК — член «Совета Согласия»². Столица — г. Аби-

¹ Общая численность населения приводится по данным ООН на середину 1959 г. Численность отдельных народов дается на середину 1958 г. по раб.: Б. В. Андрианов, Население Африки. Приложение к карте народов Африки, М., 1960.

² «Совет Согласия» — объединение африканских государств в составе республик БСК, Верхней Вольты, Нигера и Дагомеи, предусматривающее координацию экономической деятельности, заключение таможенного союза и т. д.

джан (в 1959 г. — 120 тыс.); крупные города — Буаке (43 тыс.), Далоа (18 тыс.).

Высший законодательный орган — Национальное собрание, состоящее из 70 депутатов, избираемых на 5 лет. Государство возглавляется президентом; сейчас этот пост занимает Уфуэ Буаньи — лидер правящей партии «Демократическая партия Берега Слоновой Кости» (секция «Демократического объединения Африки»). Существуют профсоюзные организации — «Национальное объединение трудящихся БСК» (секция «Всеобщего объединения трудящихся Черной Африки») и секция «Африканской конфедерации верующих трудящихся»; в 1959 г. насчитывалось 13 тыс. членов профсоюзов.

Народы БСК имеют древние государственные традиции: народы северных районов, по-видимому, входили в состав государств Гана, Мали, Сонгаи, Моси и др. Южные районы испытывали сильное влияние государств Ашанти. С конца XIX в. Берег Слоновой Кости — колония Франции.

Берег Слоновой Кости — аграрная страна монокультурного типа. В экономике господствует иностранный, главным образом французский капитал. По производству кофе и какао БСК занимает 3-е и 4-е места в мире. Кофе составляет 60% экспорта по стоимости (в 1959 г. собрано 130 тыс. т, экспорт составил 100 тыс. т). Кроме кофе и какао, экспортируются лес, бананы, ананасы. Скотоводство развито слабо, преимущественно в северных районах. Есть маслобойные заводы, предприятия по первичной обработке кофе и какао, производству консервов из ананасов, фруктовых соков и т. д. Имеются месторождения алмазов (в 1958 г. добыто 188 тыс. каратов), золота, марганцевой и железной руды, меди, бокситов, титана.

В стране феодальные отношения переплетаются с пережитками родоплеменного строя. Наряду с ними развиваются капиталистические отношения. Национальная буржуазия владеет большими плантациями кофе и какао, на которых используется труд батраков из Мали и Верхней Вольты. Растут рабочий класс и национальная интеллигенция.

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; Н. Никитин, Двадцатое независимое государство (БСК), «Правда», 7 августа 1960 г.; «L'annuaire vert», Paris, 1960; «La Côte d'Ivoire dans la cité africaine», Paris, 1951; «Marchées tropicaux et méditerranéens», Paris, 1959, № 701; «La République de Côte d'Ivoire», «Notes et études documentaires», № 2.588, 7 ноября 1959 г.

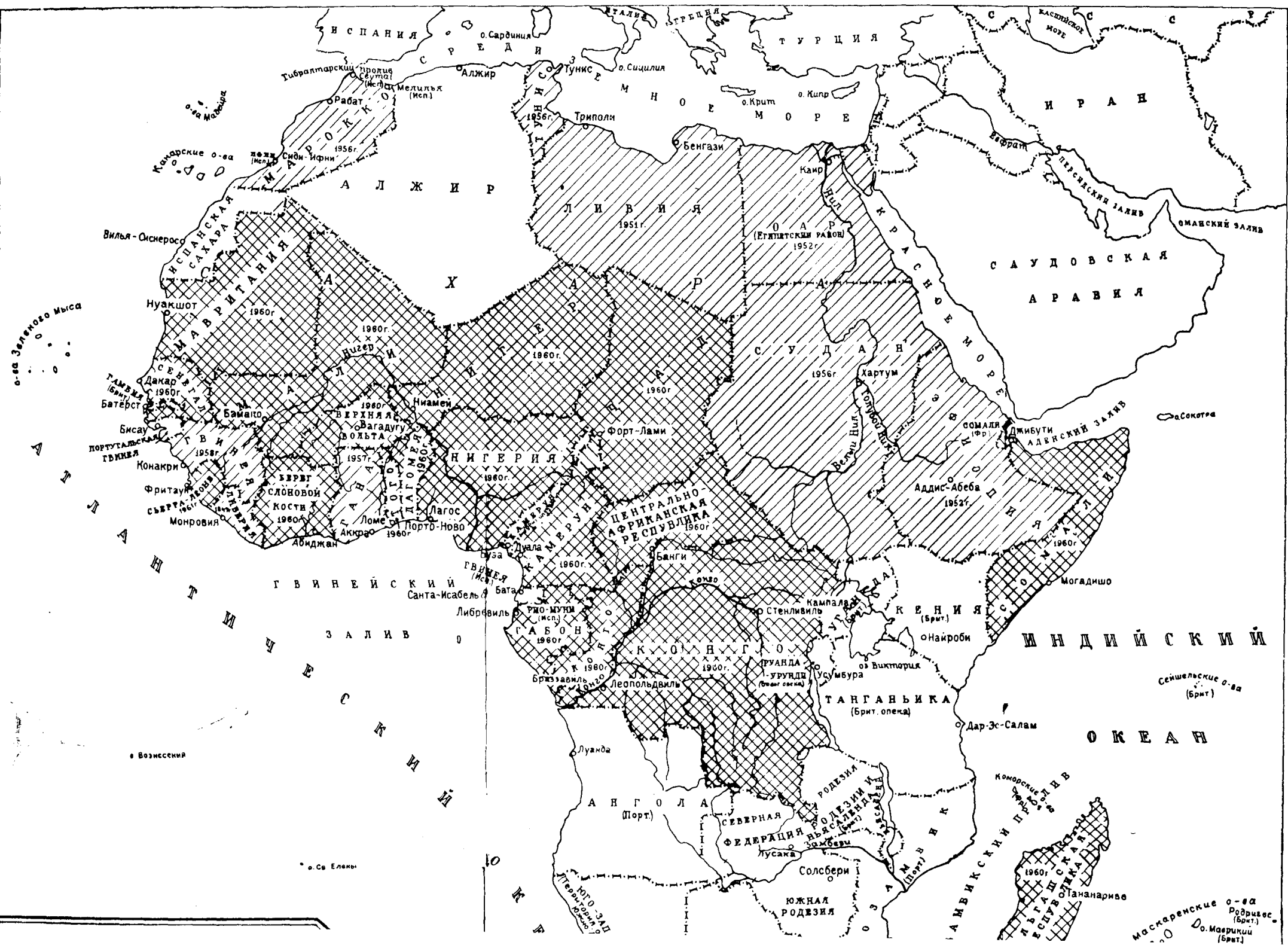
РЕСПУБЛИКА ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА

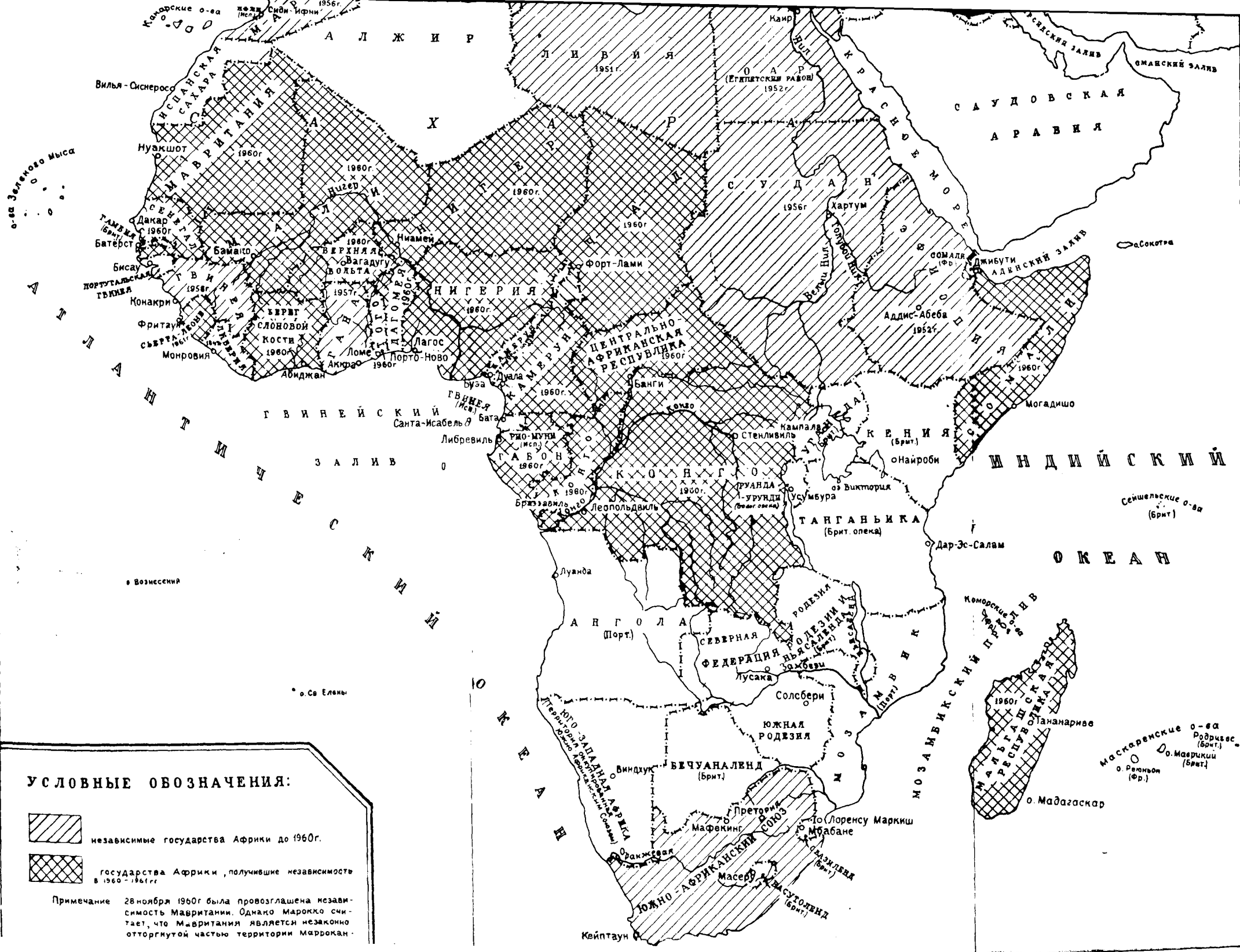
Государство в Западной Африке. Площадь — около 274 тыс. кв. км, население (1960 г.) — 3,7 млн. Основные народы — моси (2100 тыс.), бобо и лоби (476 тыс.), фульбе (265 тыс.), гурунси (210 тыс.), сонгаи (85 тыс.), само (120 тыс.), буссансе (85 тыс.), диула (32 тыс.). Небольшое число хауса, туарегов³. Европейцев — около 3 тыс. По языку основная часть населения (около 2,7 млн.) относится к группе моси-груси (моси, гурунси, бобо, лоби); около 300 тыс. говорит на языках манде (самбо, буссансе, диула).

Подавляющее большинство населения придерживается традиционных верований и культов. Около 680 тыс. исповедуют ислам, около 135 тыс. — христианство (главным образом католичество).

С 5 августа 1960 г. Верхняя Вольта — независимая республика, ранее — французская колония. Верхняя Вольта — член «Совета Согласия».

³ Большинство этих народов живет также в соседних республиках — Гане, Того, Дагомее, Береге Слоновой Кости и т. д. Несовпадение политических и этнических границ — тяжелое наследие колониального режима.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

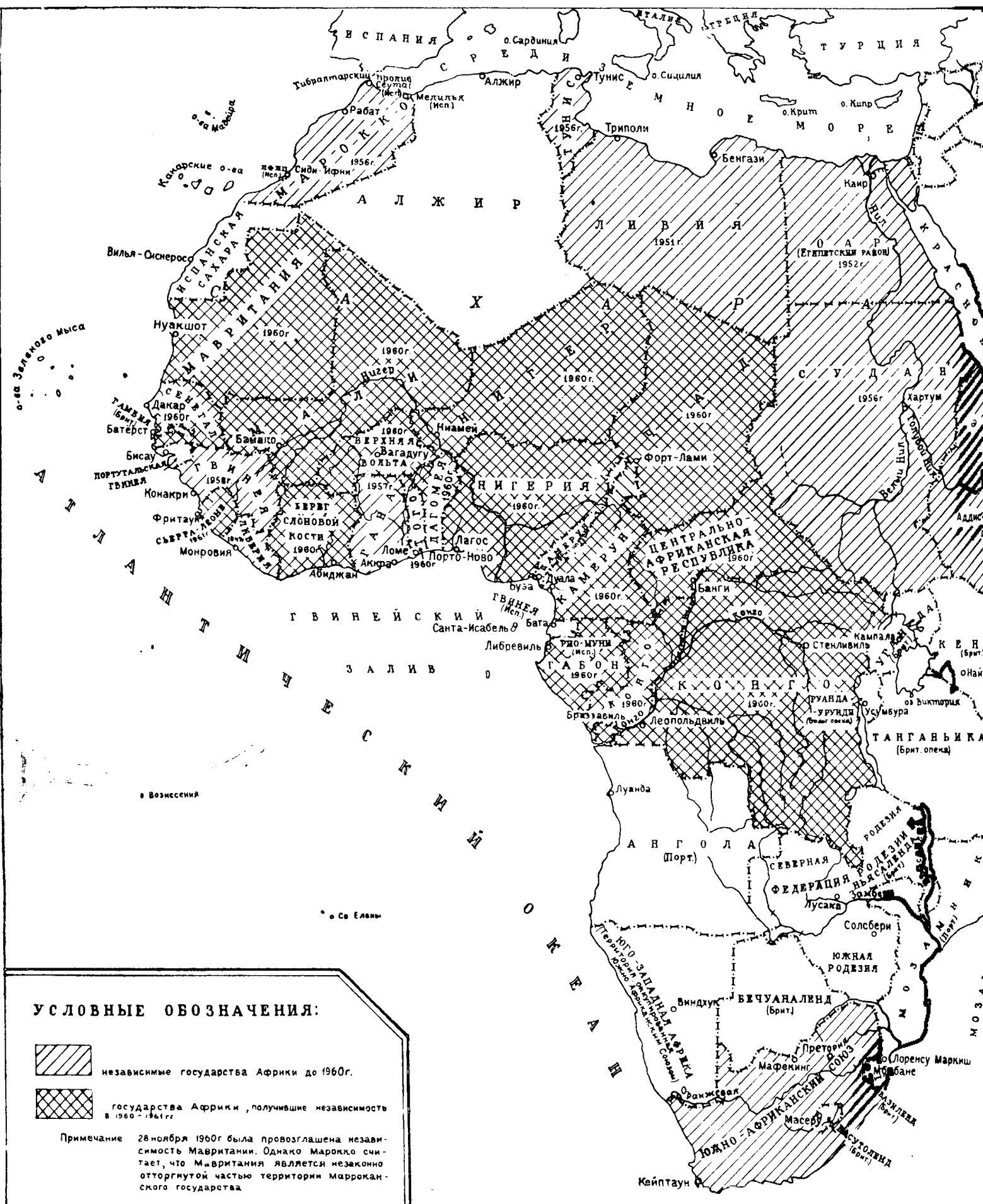

независимые государства Африки до 1960г.

государства Африки, получившие независимость в 1960 - 1961гг.

Примечание 28 ноября 1960г была провозглашена независимость Мавритании. Однако марокко считает, что Мавритания является незаконно отторгнутой частью территории мароккан.

Независимые государства Африки

Столица — Уагадугу (65 тыс.); крупные города: Бобо-Диуласо (45 тыс.), Кудугу (16 тыс.).

Высший законодательный орган — Национальное собрание (75 депутатов) — избирается на 5 лет. Государство возглавляется президентом. В настоящее время посты президента республики и председателя Совета министров занимает Морис Ямеого, лидер правящей партии «Демократический союз Верхней Вольты» (секция «Демократического объединения Африки»). В оппозиции к ней партии «Движение перегруппировки Вольты» и «Республиканская партия борьбы за свободу» (запрещена властями). Профсоюзы в 1960 г. объединяли около 8,3 тыс. рабочих.

Народы моси достигли высокого уровня общественного развития уже в первые века н. э. В IX в. они подчинили большинство племен в излучине р. Нигер. Позже моси создали государства Гурманче, Уагадугу, Ятенга. С начала XIX в. Верхняя Вольта — колония Франции.

В экономике господствует иностранный главным образом французский капитал. Продукция сельского хозяйства составляла в 1960 г. 76% всей валовой продукции, доля промышленности — всего 5,3%. Большое место в хозяйстве занимает животноводство: в 1960 г. насчитывалось крупного рогатого скота 1680 тыс. голов, овец 1200 тыс., коз 1200 тыс.

В настоящее время в Верхней Вольте, как и в большинстве стран Африки, наблюдается сложное переплетение феодальных и развивающихся капиталистических отношений с пережитками родоплеменного строя. Национальная буржуазия слаба. Ее развитию препятствует засилие иностранных монополий. Большую роль в политической и культурной жизни играет национальная интеллигенция. Численность рабочего класса невелика: в промышленности и на транспорте насчитывается 21 тыс. рабочих.

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; Л. Никитин, Суверенное государство Верхняя Вольта, «Правда», 5 августа 1960 г.; «L'annuaire vert», Paris, 1960; A. Dim Delobson, L'empire du mogho-naba. Coutumes des Mossi de la Haute-Volta, Paris, 1933; «La République de Haute-Volta», «Notes et études documentaires», № 2.693, 19 августа 1960; L. Tauxier, Le noir du Yatenga, Paris, 1917.

РЕСПУБЛИКА ГАБОН

Государство на восточном побережье Гвинейского залива. Территория — 267 тыс. кв. км, население (1960 г.) — около 450 тыс.

Основное население — народы бакеле (125 тыс.), фанг (120 тыс.), мпонгве (ок. 70 тыс.), бакота (50 тыс.), мака, батеке и др. — говорит на языках банту; французов — 4 тыс. Государственным языком считается французский.

Большинство населения придерживается традиционных местных верований и культов.

С 17 августа 1960 г. Габон — независимая республика, входящая во Французское Сообщество, в прошлом — колония Франции. Столица — г. Либревиль (22 тыс. жит.).

Законодательная власть принадлежит Национальному собранию, состоящему из 40 депутатов. Государство возглавляется президентом; в настоящее время этот пост занимает Леон Мба, лидер правящей партии «Демократический блок Габона», являющейся секцией «Демократического объединения Африки». В оппозиции к ней находится «Партия национального единства Габона», выступающая с позиций антиколониализма за дальнейшее упрочение независимости страны.

Основная отрасль экономики — лесное хозяйство, составляющее 72% экспорта по стоимости (1958 г.). Промышленность связана с переработкой древесины: имеются лесопильные, фанерные заводы. Развивается горнодобывающая промышленность: имеются крупные месторождения железной, марганцевой и урановых руд; продукция горной промышленности идет на экспорт. Экспортируются также кофе и какао.

Экономика страны находится в руках французских, западногерманских и американских монополий.

Социальные отношения в Габоне представляют сложную картину. В деревне значительные пережитки родоплеменного строя. В районах экспортного лесного хозяйства, на рудниках и т. д. формируются рабочий класс и национальная буржуазия. В 1959 г. насчитывалось 38 тыс. рабочих. Созданы профсоюзные организации — местные секции «Всеобщей африканской конфедерации труда» и «Африканской конфедерации верующих трудящихся». Местная буржуазия немногочисленна и экономически слаба. Растет национальная интеллигенция.

Литература: «Габон приобретает независимость», газ. «Красная звезда», 17 июля 1960 г.; «Ежегодник БСЭ», 1960; «Новые государства на карте мира. Габон», «Правда», 17 августа 1960 г.; «Afrique equatoriale française. Le Gabon», Paris, 1948; «L'annuaire vert», Paris, 1960; F. Charbonnier, Gabon, terre d'avenir, Paris, [1957]; A. P. Walker, Notes d'histoire du Gabon, «Mémoires de l'Institut d'études centrafricaines», № 9, Brazzaville, 1960.

РЕСПУБЛИКА ДАГОМЕЯ

Государство на северном побережье Гвинейского залива. Территория — около 116 тыс. кв. км, население (1959 г.) — 1,7 млн.

В южной части страны основное население состоит из дагомейцев, или восточных эве⁴ (ок. 1 млн.) и йоруба (185 тыс.), говорящих на языках гвинейской группы. В северных и центральных районах живут сомба (ок. 250 тыс.), барба (165 тыс.), тем, гурма и другие народы, говорящие на языках группы моси-грусси. В Дагомее живет также небольшое число хауса, сонгаи, фульбе. Французов 3 тыс. По конституции государственной язык — французский.

Большинство коренного населения страны придерживается традиционных анимистических верований и культов, в прибрежных районах распространено христианство, а на севере страны — ислам.

С 1 августа 1960 г. Дагомея — независимая республика, в прошлом — французская колония. Столица — г. Порто-Ново (30,5 тыс.), главный порт — Котону (56,5 тыс.). Высшая законодательная власть принадлежит Национальному собранию, избираемому на 5 лет. Государство возглавляется президентом, в настоящее время этот пост занимает Юбер Мага, лидер правящей партии «Дагомейская партия единства». Функционируют профсоюзы: «Объединение профсоюзов трудящихся Дагомеи» (примыкает к «Всеобщему объединению трудящихся Черной Африки») и местная секция «Африканской конфедерации верующих трудящихся».

Народы Дагомеи достигли высокого уровня общественного и культурного развития задолго до европейской колонизации. В конце XVI—XVII вв. здесь существовали государства Ардра, Дагомея и др., были созданы выдающиеся произведения деревянной скульптуры, развито искусство бронзового литья. В XIX в. Дагомея была захвачена Францией. Французские колонизаторы превратили Дагомею в страну монокультуры: продукты масличной пальмы (пальмовое масло, ядро и др.) составляют 90% экспорта. Пальмовые леса тянутся широкой полосой (до 300 км) по побережью Гвинейского залива. Плантации принадлежат главным образом африканцам. Экспортное значение имеют также арахис, хлопок и кофе. Основная продовольственная культура — кукуруза, в лесных районах — маниока, ямс, батат. На севере страны развито животноводство (240 тыс. голов крупного рогатого скота, 176 тыс.

⁴ Значительное число эве живет вне Дагомеи — в соседних Гане и Того. Раздробленность народа эве между несколькими государствами — результат колониальных разделов.

овец, 270 тыс. коз). Горнодобывающая промышленность не развита. Имеются маслособойные, хлопкоочистительные, мыловаренные заводы. Широко развиты гончарство, ткачество, изготовление различных изделий из дерева и бронзы. В экономике страны господствует французский капитал.

В Дагомее, как и в большинстве стран современной Африки, наблюдается сложное переплетение общинно-родовых, патриархально-феодальных и растущих капиталистических отношений. Особенно бурно процесс разложения старых социальных отношений идет в районах плантационного хозяйства. После второй мировой войны выросли кадры рабочего класса и национальной интеллигенции, возникли национальные и профсоюзные организации. Рабочий класс численно невелик (около 15 тыс.), но играет активную роль в политической жизни страны.

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; A. Akindélé et C. Aguessy, *Le Dahomey*, Paris, 1955; «L'annuaire vert», Paris, 1960; J. Clerk, *Société paysanne et problèmes fonciers de la palmeraie Dahoméenne*, Paris, 1956; A. Le Herissé, *L'ancien royaume du Dahomey. Moeurs, religion, histoire*, Paris, 1911; M. J. Herskovits, *Dahomey. An ancient West African kingdom*, New York, 1938, 2 vols; «La République du Dahomey», «Notes et études documentaires», № 2.620, 31 декабря 1959 г.

РЕСПУБЛИКА КАМЕРУН

Государство в северо-западной части Центральной Африки. Территория — 432 тыс. кв. км., население — 3,2 млн. Основные народы — дуала (и балунду, баса, батанга) — 350 тыс., фанг⁵, или пахун (и булу, этон, яунде) — 750 тыс., мака (и нзем, кака) — 210 тыс., а также живущие в лесных районах юго-востока пигмеи (бабинга, бака, бакола) — 8—10 тыс., бамилеке — 565 тыс.; в северных районах — хауса и близкие к ним народы — 636 тыс., фульбе — 320 тыс., канури 21 тыс. и арабы (шоа) — 46 тыс. Европейцев (главным образом французов), сирийцев и др. — 17 тыс.

Почти половина населения говорит на языках банту (дуала, фанг, мака, бабинга, бака, бакола и др.). В центральной части страны распространены изолированные, малоизученные языки, условно называемые центральносуданскими; на них говорит около 255 тыс. чел.

Значительная часть коренного населения (ок. 1600 тыс.) придерживается традиционных анимистических верований. Более 1 млн. исповедует христианство. В северных районах среди хауса, фульбе и канури распространен ислам (ок. 560 тыс.).

С 1 января 1960 г. Камерун — независимая республика, в прошлом подопечная территория ООН, находившаяся в управлении у Франции. Столица — Яунде (60 тыс.). Крупный город — Дуала (118 тыс.), главный порт страны, через который проходит также значительная часть товарооборота республик Чад и Центральноафриканской. Высшая законодательная власть принадлежит Национальному собранию (100 депутатов). Государство возглавляется президентом. Сейчас этот пост занимает Амаду Ахиджо, лидер правящей партии «Камерунский Союз». Партия выступает за тесное сотрудничество с Францией. Программу «Камерунского Союза» поддерживает «Национальная партия действия Камеруна», лидер которой Шарль Ассале является премьер-министром Республики. В оппозиции к правительству Ахиджо по некоторым вопросам находится «Демократическая партия Камеруна».

Народы Камеруна имеют богатое историческое прошлое. Северный Камерун вместе с прилегающими к оз. Чад районами Нигерии и республики Чад входил в состав «империи Сао» (IX—XIII вв.). Здесь от-

⁵ Фанг в результате империалистического раздела оказались в разных странах: 750 тыс. в Камеруне, 120 тыс. в Габоне и 160 тыс. в испанской колонии Рио-Муни.

крыты большие земледельческие поселения, замечательная терракотовая скульптура, бронзовые украшения и т. д. В XVII—XVIII вв. в районе Мандара существовало сильное государство того же названия. Общественный строй его был, вероятно, близок феодальным султанатам Борну, Дарфура и др. В XIX в. возникло несколько княжеств (ламидавов) фульбе, вторгшихся в Камерун из соседней Нигерии. В Центральном Камеруне ко времени вторжения европейских колонизаторов (XIX в.) существовали сильные централизованные государство Бамум (сложилось в XVII—XVIII вв.), а также небольшое государство Бали, несколько независимых княжеств бамилеке и тикар. В государстве Бамум в XIX в. значительное развитие получили феодальные отношения. Государство Бамум было значительным культурным центром всего Западного Судана. Высокого уровня достигло искусство. Замечательная резьба по дереву, бронзовое литье, плетение, орнаментированные ткани и т. д. славилась далеко за пределами Камеруна. Государственные образования в XIX в. существовали и в самых южных районах страны — у народа дуала.

Камерун — аграрная страна, вся экономика в руках французского капитала. Большие земельные площади и лесные концессии принадлежат французским монополиям и плантаторам. На экспорт выращиваются какао (35% экспорта по стоимости), кофе (19%), бананы, хлопчатник. На севере и западе скотоводство (1250 тыс. голов крупного рогатого скота, 1500 тыс. овец). Промышленность дает 10% национального дохода. В небольших количествах добываются оловянная руда, золото и рутил. Открыты крупные месторождения бокситов и железных руд. Обрабатывающая промышленность: деревообделочные предприятия, маслобойные, хлопкоочистительные, мыловаренные заводы.

В настоящее время наряду с господствующими патриархально-феодальными отношениями развиваются капиталистические отношения — особенно в районах плантационного хозяйства. Существуют национальная буржуазия, рабочий класс, национальная интеллигенция. К началу 1958 г. по найму работало 130 тыс. чел., в том числе в сельском хозяйстве 45 тыс., в обрабатывающей промышленности 12 тыс., в горнодобывающей 2,4 тыс. Профсоюзные организации объединяют 36 тыс. членов. Крупнейшей организацией является «Всеобщая конфедерация труда Камеруна».

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; В. Ларин, Народ Камеруна в борьбе за объединение и независимость своей страны, «Международная жизнь», 1955, № 10; Афанасенди, Народ Камеруна борется за воссоединение и независимость, «Правда», 20 февраля 1950 г.; «Проблема воссоединения Камеруна: А. С. Орлова, Уровень общественного развития народов Камеруна к началу европейской колонизации; И. И. Потехин, Борьба за воссоединение Камеруна; Б. В. Андрианов, Этнический состав современного Камеруна», «Сов. этнография», 1959, № 5; «L'annuaire vert», Paris, 1960; F. Ardener, Coastal Bantu of the Cameroons, London, 1956; «Constitution du Cameroun (21 fevr. 1960)», «Notes et études documentaires», № 2 682, 9 июля 1960 г.; Jean Froelich, Cameroun, Togo. Territoires sous tutelle, Paris, 1956; «La Republique du Cameroun», «Notes et études documentaires», № 2. 741, 19 января 1961 г.; C. Tardits, Bamiléké de l'ouest Cameroun, Paris, 1960.

РЕСПУБЛИКА КОНГО

(со столицей в Браззавиле)

Государство в западной части Центральной Африки. Территория 349 тыс. кв. км. Население 810 тыс. чел.

Большинство населения (более 750 тыс.) говорит на языках семьи банту: народы баконго, бавили, байомбе, баяка (ок. 400 тыс.), батеке (ок. 200 тыс.), бобанги (55 тыс.), некоторые племена пигмеев (бабинга,

баква, батва — 16 тыс.). Около 12 тыс. европейцев — преимущественно французов. По конституции государственный язык — французский.

С 15 августа 1960 г. Конго — независимая республика, входящая в состав Французского Сообщества, ранее — французская колония. Республика Конго — член Союза республик Центральной Африки (согласно договору о создании Союза, вступившему в силу в августе 1960 г., в ведение Союза передаются вопросы внешних сношений, обороны и финансов).

Подавляющее большинство населения сохраняет анимистические верования. В прибрежных районах и в городах все большее распространение получило христианство.

Столица — Браззавиль (99 тыс.), крупный речной порт, аэропорт международного значения. Крупный город — Пуэнт-Нуар (ок. 57 тыс.), главный порт на Атлантическом побережье, обслуживает также нужды республик Центральноафриканской и Чад.

Высший законодательный орган — Национальное собрание (61 депутат), избирается на 5 лет. Государство возглавляется президентом (ныне — Фюльбер Юлу). Правящая партия — «Демократический союз защиты африканских интересов». Основные профсоюзные организации — местные секции «Всеобщей африканской конфедерации труда» (входит во «Всемирную Федерацию Профсоюзов»), «Африканской федерации свободных профсоюзов» (примыкает к «Международной конфедерации свободных профсоюзов») и «Африканской конфедерации верующих трудящихся» (примыкает к «Международной конфедерации христианских профсоюзов»).

Конго — аграрная страна, основное занятие населения — земледелие. Из продовольственных культур выращиваются маниок, ямс, кукуруза, рис, батат. В экономике господствует французский капитал. Важнейшая отрасль экономики — лесное хозяйство, лес и лесоматериалы, составляющие более 70% экспорта. Леса занимают почти 60% территории страны. Лесные концессии в 1957 г. — 617 тыс. га, заготовлено древесины 484 тыс. м³. Вывозятся также продукты масличной пальмы, кофе, арахис, каучук. Промышленность развита слабо: имеются деревообделочные предприятия, маслобойные, пивоваренные заводы. Добываются золото (114 кг в 1959 г.), свинцовая (ок. 9 тыс. т) и оловянная руда. Численность рабочего класса невелика — 63 тыс. чел. (1958 г.).

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; «Новый заговор против Конго (о проложении в республике Конго, бывшем фр. Конго)», «Правда», 7 сентября 1960 г.; «Annuaire Noria, 1960», Paris, 1960; «L'annuaire vert», Paris, 1960; C. Balandier, Sociologie des Brazzavilles noires, Paris, 1955; «La République du Congo (Brazzaville)», «Notes et études documentaires», № 2. 732, 17 декабря 1960 г.

РЕСПУБЛИКА КОНГО (со столицей в Леопольдвиле)

Государство в Центральной Африке. Площадь — 2345 тыс. кв. км, население — 13,8 млн. Основные народы, населяющие Конго, говорят на языках семьи банту: балуба (2270 тыс.), баконго (1600 тыс.), монго, батетела и баленгола (1500 тыс.), бобанги, бангала и бабоши (более 800 тыс.), батеке (250 тыс.), баньяруанда (2300 тыс.), барунди и баха (100 тыс.). В результате империалистического раздела единый народ баконго раздроблен между двумя республиками Конго, и португальскими колониями Кабинда и Ангола. На севере живут народы, говорящие на центральносуданских языках (1840 тыс.), в том числе азанде (800 тыс.), мору-мангбегу (более 500 тыс.), банда и нгбанди (более 300 тыс.). На северо-востоке — народы, говорящие на нилотских языках (ок. 200 тыс.) — алур и бари. Большинство нилотов живет в соседних странах — Уганде, республике Судан и Кении. Европейцев — 116 тыс.

Более 60% населения придерживается анимистических верований и культов. Христианство (преимущественно католицизм) исповедует более 5 млн.

С 30 июня 1960 г. Конго — независимая республика, в прошлом — бельгийская колония. Столица — Леопольдвиль (285 тыс.). Крупные города: Элизабетвиль (126 тыс.), Стэнливиль (80 тыс.).

Конго — парламентская республика. Парламент состоит из двух палат — Сената и Палаты депутатов. Государство возглавляется президентом. В стране существует большое число политических партий и группировок с различными программами. После провозглашения независимости республики в июне 1960 г. произошел раскол политических лидеров Конго на унитаристов и федералистов. Унитаристы выступают за единство и политическую независимость страны. Последовательным защитником единства и централизованного государственного устройства страны является основанная в сентябре 1958 г. партия «Национальное движение Конго», лидером которой был зверски убитый в феврале 1961 г. премьер-министр республики П. Лумумба. Федералисты защищают феодальную и родоплеменную раздробленность страны, поддерживая наиболее реакционные элементы. За федеративное устройство Конго выступают занимающий сейчас пост президента Ж. Касаубу и возглавляемая им партия «Абако» («Альянс народа баконго», основана в 1948 г., до 1959 г. называлась «Ассоциация народа баконго»). В августе 1961 г. сформировано новое правительство Конго (премьер-министр — Сирил Адула), объявившее о своем намерении «восстановить мир и порядок» и проводить политику «позитивного нейтралитета».

Бельгийские колонизаторы образовали несколько проимпериалистических партий и группировок. Наиболее значительные из них «Партия национального прогресса» (в западной части страны) и «Конакат» («Конфедерация племенных ассоциаций Катанги»).

Профсоюзы объединяют (1959 г.) около 70 тыс. человек. Наиболее значительные организации — «Национальный союз конголезских трудящихся» (создан в апреле 1959 г.), «Всеобщая федерация труда Конго», «Союз конголезских трудящихся».

Народы Конго прошли длительный путь исторического развития. В средние века они создали ряд государственных образований. Наиболее значительное — государство Конго — занимало обширную территорию в низовьях реки Конго. На юго-востоке страны существовало государство Балуба, в междуречье Луалабы и Луапуды — государство Касонго, севернее — между реками Санкуру и Лулуа — государство Бушонго. Народы Конго создали замечательные памятники искусства. К ним относятся прежде всего великолепная резьба по дереву и слоновой кости. Деревянная скульптура народов балуба и баконго, маски, различные плетеные изделия с тонким изящным рисунком пользуются всемирной известностью. В XIX в. Конго было захвачено Бельгией.

Конго — одна из самых богатых по своим природным ресурсам стран Африки: она занимает 1-е место в капиталистическом мире по добыче кобальта и промышленных алмазов, дает 7,5% мировой добычи олова и 7% мировой добычи меди. Добываются также урановая руда, цинк, марганец и т. д. Господствующее положение в экономике занимает иностранный капитал (бельгийский — 93% всех капиталовложений, американский — 5%, английский — ок. 2%). Европейские монополии и колонисты — основные производители экспортных культур: какао, кофе, чая, каучука, пальмового масла. Развита горнодобывающая, текстильная, химическая, пищевая промышленность. Подавляющее большинство предприятий находится в Нижнем Конго и в Катанге. В середине 1959 г. введен в эксплуатацию первый в Тропической Африке атомный реактор, построенный американскими фирмами.

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; В. А. Мартынов, Конго под гнетом империализма, М., 1959; В. А. Мартынов, Условия жизни африканцев Бельгийского Конго, «Сов. этнография», 1959, № 3; В. Мартынов, Заговор против Конго, М., 1960; «Congo», Bruxelles, 1958; N. De Cléene, Introduction à l'ethnographie du Congo Belge et du Rwanda-Barundi, Anvers, 1957; J. Maes et O. Boone, Les peuplades du Congo Belge. Nom et situation géographiques, Bruxelles, 1935; Whymys, Léopoldville, son histoire, 1881—1956, Bruxelles, 1956.

МАВРИТАНСКАЯ ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государство на западном побережье Африки. Площадь — около 1 100 тыс. кв. км, население 730 тыс. Около 80% населения — арабы Западной Сахары, около 20% составляют негроидные народы, живущие в долине р. Сенегал: сараколе или сонинке (ок. 30 тыс.), волоф (ок. 10 тыс.), бамбара и др. В некоторых районах расселены фульбе и тукулер (ок. 80 тыс.). Европейцев — около 2 тыс. Четыре пятых населения страны говорит на арабском языке, на юге распространены языки западнобантоидные и манде. По конституции национальным языком считается арабский, официальным — французский.

Подавляющее большинство населения исповедует ислам.

С 28 ноября 1960 г. Мавритания — независимая республика, входящая во Французское Сообщество, в прошлом — французская колония. Столица — г. Нуакшот (2 тыс.). Крупные города: Касди (8 тыс.), Атар (6,5 тыс.).

Законодательная власть принадлежит Национальному собранию, избираемому на 5 лет. Премьер-министр — Мохтар Ульд Дадда. Правящая партия — «Партия Мавританской перегруппировки». В оппозиции находятся «Партия национального возрождения» («Надха») и «Социалистический союз мавританских мусульман», выступающие за присоединение Мавритании к Марокко. Со своей стороны, Марокко считает, что Мавритания является незаконно отторгнутой частью Марокканского государства.

Мавритания — страна древней культуры. В средние века здесь существовал ряд самостоятельных арабских эмиратов. Происходившая из Мавритании династия алморавидов в XII в. создала обширное государство, включавшее Марокко и большую часть Испании. Исторически народы Мавритании тесно связаны с народами Марокко, совместно с которыми они с XV в. вели борьбу против европейских работорговцев и колонизаторов. В конце XIX в. Мавритания захвачена Францией.

Мавритания — отсталая в экономическом отношении страна, здесь господствует иностранный капитал (французский, в горнодобывающей промышленности также английский, западногерманский и итальянский). Основное занятие населения — кочевое скотоводство. В 1959 г. насчитывалось (в тыс. голов): крупного рогатого скота 1250, овец и коз — 5000, верблюдов 300. Земледелие возможно лишь на юге, в долине р. Сенегал; выращиваются просо, кукуруза, бобовые и др. Большую роль играет сбор камеди, употребляемой в лако-красочной, текстильной и фармацевтической промышленности. В последние годы быстрыми темпами развивается горнодобывающая промышленность. Открыты крупные месторождения медных (запасы более 30 млн. т) и железных руд, вольфрама, урановых руд и т. д. Добывается соль. Промышленность связана с обработкой рыбы и продуктов животноводства.

У скотоводческих народов Мавритании процесс феодализации начался задолго до европейской колонизации. Французская колонизация принесла новые формы эксплуатации, связанные с капиталистическим способом производства. Рабочий класс малочислен, в 1958 г. работало по найму всего 5 тыс. чел. Рабочие объединены в профсоюзы

(в 1955 г. было 48 профсоюзов, объединявших 1,2 тыс. чел.). Профсоюзы являются местными секциями «Всеобщего объединения трудящихся Черной Африки», «Африканской конфедерации верующих трудящихся» и «Африканской конфедерации свободных профсоюзов».

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; С. Зыков, Независимость Мавритании, газ. «Известия», 29 ноября 1960 г.; «Независимость формальную превратить в действительную» [о Мавритании], газ. «Известия», 28 ноября 1960 г.; «Annuaire Noria, 1960», Paris, 1960; «L'annuaire vert», Paris, 1960; L. C. Briggs, Tribes of the Sahara, Cambridge, 1960; «La République Islamique de Mauritanie», «Notes et études documentaires», № 2. 687, 29 июля 1960.

МАЛЬГАШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государство на о-ве Мадагаскар. Территория — 590 тыс. кв. км; население 5280 тыс. Подавляющее большинство населения — мальгаши (ок. 5 млн.), подразделяющиеся на ряд этнических групп (мерина, бецимизарака, бецилео, цимихету, сакалава и др.). Немальгашское население: французы (ок. 80 тыс.), индийцы (ок. 25 тыс.), китайцы (ок. 8 тыс.).

По языку мальгаши относятся к западной индонезийской группе малайско-полинезийской языковой семьи. По конституции официальными языками являются мальгашский и французский.

Большинство коренного населения придерживается традиционных верований и культов. Мусульман — 850 тыс. Распространено также христианство.

Мальгашская республика (быв. французская колония Мадагаскар) провозглашена независимым государством 26 июня 1960 г.; она входит в состав Французского Сообщества. Столица — г. Тананариве (206 тыс.). Крупные города: Маджунга (52 тыс.), Таматаве (49 тыс.), Диего-Суарес (37 тыс.).

Высший законодательный орган — Законодательное собрание. Главой государства является президент республики; в настоящее время этот пост занимает Филибер Циранана — лидер правящей партии «Социал-демократическая партия Мадагаскара и Коморских островов», которая выступает за тесный экономический и военный союз с Францией. Оппозиционная «Партия конгресса независимости Мадагаскара» (председатель партии — Андриаманьято, генеральный секретарь — Ж. Рабесаала) требует выхода из Французского Сообщества, отказа от участия в военных блоках, возвращения мальгашскому крестьянству отнятых колонизаторами земель, ликвидации французских военных баз.

Мальгаши — народ с богатым историческим прошлым. В средние века они создали ряд государственных образований: государство Имерина (XIV в.), государства сакалава, бецимизарака, бецилео (XVI—XVII вв.). В XIV—XVII вв. на Мадагаскаре складывались феодальные отношения. К XIX в. эти государства были завоеваны Имериной и вошли в состав «королевства Мадагаскар». В конце XIX в. остров был захвачен Францией.

Мальгашская республика — отсталая аграрная страна, 90% населения занято в сельском хозяйстве. Лучшие земли захвачены французскими компаниями и колонистами. В экономике господствует французский капитал. Более половины обрабатываемой площади занято под рисом. Экспортируются рис, ваниль, кофе, сизаль, арахис, сахарный тростник. Эти продукты составляют 85% объема и 50% стоимости экспорта. Мадагаскар дает половину мирового сбора ванили. На засушливых равнинах западного побережья главная отрасль хозяйства — скотоводство. На долю промышленности приходится всего 1/5 нацио-

нального дохода. Горная промышленность: добыча графита (1,2 тыс. т в 1958 г.—4-е место в капиталистическом мире), слюды (1 тыс. т), урана, тория, монацита. Имеются месторождения никеля, железной руды, каменного угля, нефти. Обрабатывающая промышленность: маслостекольные, мыловаренные, мясоконсервные, сахарные заводы, рисоуборочные. Судоремонтный завод в Диего-Суаресе, железнодорожные и механические мастерские в Тананариве и т. д. На острове сохраняются некоторые традиционные ремесла, в частности ткачество. Мадагаскар славится высокохудожественными произведениями прикладного искусства (резьба по дереву, плетение и т. д.).

В Мальгашской республике сложились рабочий класс, национальная буржуазия, многочисленная национальная интеллигенция (врачи, юристы, художники, поэты, писатели, ученые и т. д.).

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; Л. Корнеев, Успех мальгашского народа (К провозглашению Мальгашской Республики), «Современный Восток», 1960, № 7; В. Кудрявцев, На острове сокровищ, газ. «Известия», 30, 31 августа, 8 сентября 1960 г.; А. С. Орлова, Общественный строй мальгашей в XIX веке, «Африканский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLIII, М., 1958; Н. Прожогин, Республика на Мадагаскаре, «Правда», 23 сентября 1960 г.; Р. В. Рабемананджара, Мадагаскар. История мальгашской нации. Пер. с французского, М., 1956; J. Faublée, L'ethnographie de Madagascar, Paris, 1946; «Les investissements et les problèmes de développement dans l'économie de la République Malgache», «Notes et études documentaires», № 2.707, 13 октября 1960; «Madagascar à travers ses provinces. Aspect géographique, historique, touristique, économique et administratif du territoire», Paris, 195-; «Le peuple malgache», Paris, 1959; «La République Malgache», «Notes et études documentaires», № 2. 737, 23 декабря 1960 г.

РЕСПУБЛИКА МАЛИ⁶

Государство в Западной Африке. Площадь 1204 тыс. кв. км, население (1956 г.) — 4330 тыс. Основные народы — бамбара, диалонке, малинке, сонинке, сану (более 2 млн.), говорят на языках группы манде; в южных районах расселены народы, относящиеся по языку к группе моси-гуси: сенуфо (505 тыс.), бобо и догон (ок. 350 тыс.), моси (20 тыс.). В среднем течении Нигера расселены сонгаи (ок. 200 тыс.). Во многих районах кочуют со своими стадами фульбе (более 500 тыс.), на севере живут туареги (ок. 200 тыс.) и арабы Западной Сахары (более 50 тыс.). Европейцев 3700 (преимущественно французы).

Свыше половины населения исповедует ислам, около 44% (преимущественно народы группы манде) придерживается традиционных верований и культов, около 0,5% — христиане.

С 22 сентября 1960 г. Мали — независимая республика, в прошлом колония Франции (быв. Французский Судан). Столица — Бамако (101 тыс.). Крупные города: Кайес (20 тыс. жит.), Сегу (17 тыс.), Сикассо (15 тыс.).

Правящая партия — «Суданский Союз» — выступает за укрепление политической и экономической независимости страны. Ее генеральный секретарь Модибо Кейта является президентом Республики.

Народы Мали имеют богатое историческое прошлое. В IV в. н. э. в междуречье Нигера и Сенегала существовало сильное государство Гана. В VII в. возникло государство Мали; расцвет его приходится на XIII—XIV вв. Этническую основу его составляли малинке. Позже господство перешло к государству Сонгаи, этническую основу которого составляли сонгаи. В период своего расцвета в XV—XVI вв. Сонгаи простиралось

⁶ Республику Мали не следует путать с Федерацией Мали, созданной в апреле 1959 г. в составе республик Сенегал и Судан. В сентябре 1960 г. Федерация Мали распалась, и в настоящее время существуют Республика Сенегал и Республика Мали (бывший Французский Судан).

от Буса на Нигере до Сенегала. В государстве Сонгаи жили многие арабские ученые, врачи, архитекторы, бежавшие из Испании после изгнания мавров. Об общественном строе этих государств известно мало. В конце XVI в. в результате опустошительных набегов марокканских султанов большие города в долине Нигера были разрушены. В XIX в. эти территории захвачены Францией.

Основное занятие населения — скотоводство. В 1959 г. насчитывалось (в тыс. голов): крупного рогатого скота — 3360, овец и коз — 7150, лошадей — 112, ослов — 320. Продукты скотоводства составляют важную статью экспорта. В долинах рек — земледелие, расширяются посевы экспортных культур: хлопчатника, риса, арахиса. В сельском хозяйстве занято 112 тыс. чел. (1957 г.). Промышленность развита слабо. Обнаружены крупные месторождения марганца, фосфоритов, бокситов. Имеются небольшие маслобойные, хлопкоочистительные заводы, рисоушки, мясокомбинат, кожевенные предприятия.

Литература: С. Волк, Наследие Великого Мали (к провозглашению независимости Республики Мали), «Современный Восток», 1960, № 12; Н. Прожогин, Федерация Мали (справка), «Правда», 21 июня 1960 г.; M. Delafosse, Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français). Le pays, les peuples, les langues, l'histoire, les civilisations, Paris, 1912, 3 vols; B. Hols, Les sénoufo, Paris, 1957; V. Paques, Les Bambara, Paris 1954; «La République du Mali», «Notes et études documentaires», № 2, 739, 13 января 1961 г.

РЕСПУБЛИКА НИГЕР

Государство в центральной части Западной Африки. Территория — около 1189 тыс. кв. км; население (1960 г.) — 2850 тыс. Основные народы: хауса (более 1 млн.), сонгаи (ок. 500 тыс.), туареги (300 тыс.), фульбе (280 тыс.), канури и близкие к ним тиббу (300 тыс.), арабы (ок. 100 тыс.); европейцев — около 3 тыс. Подавляющее большинство населения говорит на языке хауса или понимает его (относится к семито-хамитской языковой семье). По конституции государственным языком является французский.

Большинство местного населения (по некоторым данным — до 90%) исповедует ислам.

С 3 августа 1960 г. Нигер — независимая республика. Столица — г. Ниамей (24 тыс.). Высшая законодательная власть принадлежит Национальному собранию, состоящему из 60 депутатов, избираемых на 5 лет. Государство возглавляет президент (ныне Амани Диора).

Правящая партия — «Прогрессивная партия Нигера» является секцией «Демократического объединения Африки». Оппозиционная партия «Саваба» («Свобода»), выступающая за укрепление независимости страны, находится на нелегальном положении. Основные профсоюзные организации: местные организации «Всеобщего объединения трудящихся Черной Африки» (распущены правительством в начале 1960 г.), «Африканской конфедерации верующих трудящихся» (примыкает к «Международной конфедерации христианских профсоюзов»), «Африканской федерации свободных профсоюзов» (примыкает к «Международной конфедерации свободных профсоюзов»).

В средние века часть народов современного Нигера входила в государство Мелле, или Мали (VII—XIV вв.), а позднее в государство Сонгаи (XVI в.). Народы хауса и канури находились под властью государств Канема, Борну, государств хауса, существовавших в пределах Нигерии. С конца XIX в. территория современного Нигера — колония Франции.

Нигер — аграрная страна, в ее экономике господствует французский капитал. Колонизаторы превратили Нигер в страну монокультуры: арахис и арахисовое масло составляют 85% экспорта, под арахисом

занято 168 тыс. га, сбор — 168 тыс. т. (данные 1958 г.). Большое место в хозяйстве страны занимает животноводство: в 1958 г. было крупного рогатого скота 2 млн. голов и мелкого рогатого скота (овцы, козы) — 5,6 млн. голов. Имеются маслобойные, мукомольные заводы, предприятия по производству льда и т. п. Полезные ископаемые: олово (в 1959 г. добыто 90 т), вольфрам, поваренная и глауберова соль.

Производство продуктов сельского хозяйства на экспорт и массовые сезонные миграции крестьянства (развито отходничество в соседние страны — Нигерию и Дагомею) приводят к разрушению общинного землевладения и развитию частной собственности на землю. Национальная буржуазия очень немногочисленна и экономически слаба. В политической жизни страны большую роль играет национальная интеллигенция. Формируется рабочий класс: в 1958 г. по найму работало около 14 тыс. чел.

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; Абдулай Мамани, Народ Нигера в борьбе за независимость (статья депутата Законодательной Ассамблеи Республики Нигер), «Современный Восток», 1959, № 8; «Независимая республика Нигер», «Правда», 3 августа 1960 г.; Л. Никитин, Нигер стал независимым, «Правда», 4 августа 1960 г.; M. A b a d i e, Afrique centrale. La colonie du Niger, Paris, 1927; «L'annuaire vert», Paris, 1960; P. B o n a r d i, La République du Niger. Naissance d'un état, Paris, 1960; «La République du Niger», «Notes et études documentaires», № 2. 638, 26 февраля 1960 г.; J. R o u c h, Les songhay, Paris, 1954.

ФЕДЕРАЦИЯ НИГЕРИЯ

Государство в Западной Африке. Территория — 873,4 тыс. кв. км, население — около 35 млн. Этнический состав очень сложен. По данным 1958 г., численность племен и народов Нигерии составляла (в тыс. чел.): хауса — 7202, ибо — 6050, йоруба — 6000, фульбе — 3412, канури — 1503, эдо — 1210, нупе и близкие им гбари и игбира — 922; кроме того много этнических меньшинств. Неафриканцев — около 20 тыс. (главным образом англичане).

Основные языковые группы: гвинейская — подгруппа ква (йоруба, ибо и др.), восточно-бантоидная (тив и др.), хауса, или чадо-хамитская (хауса, котоко, мусгу и др.), западнобантоидная (фульбе), банту (баквири, балунда и др.), большая группа малоизученных языков Центрального Судана, на которых говорит население южных и юго-восточных районов Северной Нигерии.

По переписи 1952—1953 г. в Нигерии насчитывалось 13316 тыс. мусульман, 6360 тыс. христиан, 9772 тыс. чел. придерживались анимистических верований.

С 1 октября 1960 г. Нигерия — независимое государство, входящее в Британское содружество наций; в прошлом — владение Англии.

Столица — г. Лагос (325 тыс.). Крупные города: Ибадан (500 тыс.), Огбомошо (140 тыс.), Ошогбо (125 тыс.).

Высший законодательный орган — федеральный парламент, состоящий из двух палат — Сената и Палаты представителей. Исполнительная власть принадлежит Совету Министров (премьер-министр Альхаджи Абубакар Тафава Балева). Главой государства считается английская королева Елизавета II, назначающая генерал-губернатора Федерации (в настоящее время — Ннамди Азикиве).

Основные политические партии: «Национальный Совет Нигерии и Камеруна» (в восточной Нигерии, лидер М. Окпара), «Народный конгресс Северной Нигерии» (лидер Ахмаду Белло), «Группа действия в Западной Нигерии» (лидер А. Аволово).

Народы Нигерии имеют древние культурные традиции. Археологические раскопки в Северной Нигерии свидетельствуют о высокой культуре этих районов еще в I тысячелетии до н. э. В средние века здесь суще-

существовал ряд крупных государств: Канем-Борну (VIII—XVII вв.), Бенин (XIII—XV вв.), Нупе (XV—XIX вв.), государства йоруба, хауса. У некоторых народов (хауса, йоруба) существовали развитые феодальные отношения. В государстве Бенин были созданы выдающиеся произведения бронзовой скульптуры, пользующиеся мировой известностью. Во второй половине XIX в. государства Нигерии были завоеваны Англией.

Нигерия — слаборазвитая аграрная страна, 90% экспорта (по стоимости) составляет продукция сельского хозяйства. Основные экспортные культуры: арахис, масличная пальма (1-е место в мире по производству и экспорту продуктов масличной пальмы), какао (3-е место в мире по производству и экспорту), хлопок. Возделываются также зерновые культуры (сорго, просо, пшеница, ячмень) и корнеплоды (ямс, кассава, батат). В Северной Нигерии развиты скотоводство и молочная промышленность. Обрабатывающая промышленность связана с переработкой сельскохозяйственных продуктов. Тяжелой промышленности нет. Нигерия богата полезными ископаемыми: редкими металлами, каменным углем, нефтью. Добываются колумбит и ниобиевые руды (1-е место в мире), олово (6-е место), вольфрамовая руда, золото, каменный уголь, нефть:

За последние десятилетия в общественной структуре Нигерии произошли большие изменения. Наряду с патриархально-родовыми и феодальными отношениями, продолжающими играть очень видную роль в жизни страны, развиваются и укрепляются капиталистические отношения. Образовался рабочий класс (в 1957 г. — 475 тыс. чел.), растет национальная буржуазия, создаются кадры африканской интеллигенции — деятелей науки, искусства, литературы.

Литература: Б. В. Андрианов, Р. Н. Исмаилова, Народы Нигерии, «Сов. этнография», 1960, № 6; «Ежегодник БСЭ», 1960; О. Орестов, Первые шаги Нигерии, «Правда», 16 ноября 1960 г.; Л. Прибытковский, Нигерия: независимость завоевана в борьбе, «Современный Восток», 1960, № 1; Л. Н. Прибытковский, Из истории рабочего движения в Нигерии, «Проблемы востоковедения», 1960, № 4; В. Рыбаков, Нигерия на пороге независимости, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 2; A. Burns, History of Nigeria, London, 1958; C. K. Meek, Tribal studies in Northern Nigeria, London, 1931, 2 vols.; «Nigeria. A special independence issue of „Nigeria Magazine“», (Lagos), 1960; P. A. Talbot, The peoples of Southern Nigeria, London, 1926, 4 vols.

РЕСПУБЛИКА СЕНЕГАЛ

Государство на западном побережье Африки. Площадь — 200 тыс. кв. км, население — 2570 тыс. Основные народы — фульбе (560 тыс.), волоф (ок. 1 млн.), серер (325 тыс.), диола (150 тыс.). По языку все они относятся к западнобантоидной группе. Французов — 45 тыс. По конституции государственный язык — французский.

Большая часть населения придерживается традиционных местных верований и культов. Распространен также ислам.

С 20 августа 1960 г. Сенегал — независимая республика, входящая во Французское Сообщество, в прошлом — французская колония. Столица — г. Дакар (300 тыс.), важный морской и воздушный порт. Крупные города: Сент-Луи (52 тыс.), Каолак (50 тыс.), Тиес (43 тыс.).

Высшая законодательная власть принадлежит Национальному собранию. Государство возглавляется президентом; сейчас этот пост занимает Леопольд Сенгор, генеральный секретарь правящей партии «Прогрессивный союз Сенегала» (секция «Партии африканской федерации»). В оппозиции находится «Партия Африканского объединения». «Партия африканской независимости», стоящая на марксистских позициях, запрещена в августе 1960 г., ее лидер М. Диоп и другие деятели

арестованы. Значительную роль в политической жизни страны играют профсоюзы.

Сенегал — аграрная страна монокультурного типа: арахис составляет более 90% экспорта. В экономике страны господствует французский капитал. Некоторое значение имеет животноводство: в 1959 г. насчитывалось около 1 млн. голов крупного рогатого скота, 600 тыс. коз и овец, 70 тыс. лошадей. Из полезных ископаемых добываются фосфориты, ильменит, цирконий, рутил.

Имеются небольшие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья — мукомольные, мясоконсервные, пивоваренные заводы, кожаные, лесобделочные предприятия и т. д.

Вовлечение крестьянского хозяйства в производство на экспорт сыграло огромную роль в разрушении общинного уклада и способствует быстрому развитию товарного производства. Но национальная буржуазия в Сенегале сравнительно немногочисленна и экономически слаба. Растет и крепнет рабочий класс. Наряду с развивающимися буржуазными, немало пережитков полуфеодалных отношений, переплетающихся с остатками родоплеменных порядков.

Большая роль в пробуждении народов Сенегала, как и других стран Африки, принадлежит национальной интеллигенции. Она возглавляет различные политические, культурные и другие организации. В Сенегале есть свои ученые, писатели и т. д.

Литература: С. Гипп, Дакар (путевой очерк), «Современный Восток», 1960, № 10; «Annuaire Noria, 1960», Paris, 1960; «L'annuaire vert», Paris, 1960; Jean Baptiste Laurent Béranger-Féraud, Les peuplades de la Sénégalie. Histoire, Ethnographie, Moeurs et coutumes, Paris, 1879; Ly Abdoulaye, La compagnie du Sénégal [Paris, 1958]; E. Sère de Rivières, Le Sénégal, Dakar, 1953.

СОМАЛИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государство в Восточной Африке. Территория — 637 тыс. кв. км, население — около 2 млн. Основное население — сомалийцы — говорят на сомалийском языке, относящемся к кушитской языковой группе. Сомалийцы исповедуют ислам. В Сомалийской республике живут также арабы (ок. 30 тыс.), индийцы (ок. 1 тыс.), итальянцы, англичане. Границы государства не совпадают с этническими границами расселения сомалийцев: большое число сомалийцев живет во французской колонии Сомали, английской колонии Кении, в Федерации Эфиопии и Эритрея.

Сомалийская республика создана в июле 1960 г. в результате объединения бывшего английского протектората Сомалиленд (независимость провозглашена 26 июня 1960 г.) и бывшей подопечной территории Италии — Сомали (независимость провозглашена 1 июля 1960 г.).

Столица — г. Могадишо (ок. 80 тыс.). Крупные города: Харгейса (более 60 тыс.), Бербера (20 тыс.).

Высший законодательный орган — Национальное собрание. Глава государства — президент (ныне Аден Абдулла Осман). Правящая партия «Лига младосомалийцев» (создана в 1943 г. под названием «Клуб сомалийской молодежи») возглавила борьбу за независимость. Оппозиционные партии — «Лига Великого Сомали» и «Партия национального союза» — требуют неучастия в блоках западных держав, сотрудничества со всеми странами, в том числе и со странами социалистического лагеря. Создаются рабочие профсоюзы.

Сомалийская республика — отсталая аграрная страна. Основная отрасль хозяйства — скотоводство, продукты которого составляют значительную долю экспорта. В небольших количествах добываются соль, колумбит, бериллий. Имеются маслобойные, сахарные, мясо- и рыбоконсервные заводы. В экономике значительное место занимает итальянский капитал.

В общественном строе страны очень сильны патриархально-феодальные отношения. Вместе с тем, формируются национальная буржуазия и рабочий класс (20 тыс. промышленных и сельскохозяйственных рабочих), растет национальная интеллигенция — ученые, поэты, писатели.

Литература: Л. З а р и н а, Сомалийский народ в борьбе за независимость, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 7; В. И з м а й л о в, Республика Сомали (справка), «Новое время», 1960, № 29; С. К р е ч е т о в, Независимый Сомали, «Современный Восток», 1960, № 10; М. В. Р а й т, Сомалийцы (Историко-этнографический очерк), «Сов. этнография», 1959, № 1; H. D e s c h a m p s (ed.), Côte des Somalies, Paris, 1948; I. M. L e w i s, Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Saho, «Ethnographic survey of Africa. North Eastern Africa». Part 1, London, 1955.

РЕСПУБЛИКА СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Государство в Западной Африке. Территория — 72,3 тыс. кв. км. Население — 2,5 млн. Основные народы: менде (св. 800 тыс.), говорят на языке группы манде; булло, лимба, темне (св. 1,2 млн.), говорят на языках западно-бантоидной группы; имеется некоторое количество фульбе. Около 1 тыс. европейцев. Большинство коренного населения придерживается анимистических верований, распространено также христианство.

С 27 апреля 1961 г. Сьера-Леоне — независимая республика, входящая в Британское содружество наций, в прошлом — английское владение. Столица — г. Фритаун (88 тыс.). Правящая партия — «Народная партия Сьерра-Леоне», ее лидер Милтон Магаи является премьер-министром. В оппозиции — партия «Всенародный конгресс», выступающая против военного союза с Англией.

Сьерра-Леоне — аграрная страна. Основные занятия населения — земледелие и рыболовство, у фульбе распространено скотоводство. Главные экспортные культуры: продукты масличной пальмы, кофе, какао. Имеются месторождения алмазов, железа, хрома, молибдена, в 1958 г. алмазы и железная руда составляли 60% экспорта по стоимости. В экономике господствует английский капитал. Промышленность занята переработкой сырья, есть маслостекольные заводы, рисоушки, предприятия по копчению и сушке рыбы. По найму работает около 80 тыс.; более $\frac{1}{3}$ рабочих объединены в профсоюзы.

Национальная буржуазия экономически слаба и малочисленна. Растет национальная интеллигенция — ученые, писатели, поэты и т. д.

Литература: О. О р е с т ь в, Сьерра — Леоне обретает независимость, «Правда», 27 апреля 1961 г.; «Ежегодник БСЭ», 1960; R. L e w i s, Sierra Leone. A modern portrait, London, 1954; M. M c C u l l o c h, The peoples of Sierra Leone Protectorate, London, 1950.

РЕСПУБЛИКА ТОГО

Государство на северном побережье Гвинейского залива. Территория — 57 тыс. кв. км, население — 1670 тыс. В северных и центральных районах страны живут народы гурма, тем, кабре, моси, дагомба, нанкансе, говорящие на языках группы моси-гуси (ок. 560 тыс.), на юге — эве (ок. 450 тыс.) и некоторые другие народы, говорящие на языках гвинейской группы (подгруппа ква).

Около 75% коренного населения придерживается анимистических верований, около 20% — христиане, 5% исповедуют ислам.

С 27 апреля 1960 г. Того — независимая республика, ранее — подопечная территория Франции. Столица — г. Ломе (69 тыс.), крупный морской порт.

Премьер-министром республики является Сильванус Олимпио — лидер правящей партии «Комитет единства Того» (создана в марте 1941 г.). Оппозиционная партия «Жуванто» (создана в 1951 г.) выражает интересы крайних левых националистов, недовольных политикой правительства. «Демократический союз населения Того» (создан в 1959 г.), «Союз вождей и населения Северного Того» и «Партия прогресса Того» придерживаются профранцузской ориентации.

Того — экономически слабо развитая, земледельческая страна. Основные экспортные культуры: кофе, какао, масличная пальма и ее продукты, хлопок. На севере страны развито животноводство. Имеются залежи бокситов, хромовой и железной руды, титана, урана, фосфатов, месторождения золота, но минеральные богатства почти не разрабатываются. Имеются хлопкоочистительные, маслобойные заводы, предприятия по производству гончарных изделий, кустарных тканей и т. п. В экономике господствует французский капитал.

В обществе Того наряду с патриархально-феодальными отношениями, особенно сильными в северных районах, происходит рост и укрепление капиталистических отношений. Растет рабочий класс, создано несколько профсоюзных организаций; некоторые из них примыкают к «Африканской конфедерации верующих трудящихся», другие — к «Всеобщему объединению трудящихся Черной Африки». Национальная буржуазия экономически слаба, она связана преимущественно с плантационным хозяйством. В стране растут кадры национальной интеллигенции — ученые, писатели, композиторы; на языке эве (одной из наиболее крупных народностей страны) издаются газеты, журналы, книги.

Литература: В. Н. Вологодина, Республика Того, «Сов. этнография», 1960, № 6; «Ежегодник БСЭ», 1960; О. Орестов, Того накануне независимости, «Современный Росток», 1960, № 3; Л. М. Энтин, Республика Того — независимое африканское государство, «Проблемы востоковедения», 1960, № 6; «Cameroun Togo», Paris, 1951; R. Cornevin, Histoire du Togo, Paris, 1959; J. C. Froelich, Cameroun — Togo. Territoires sous tutelle, Paris, 1956; M. Manoukian, The Ewe-speaking people of Togoland and the Gold Coast, «Ethnographic survey of Africa. Western Africa», Part. 6, London, 1952; La République du Togo, «Notes et études documentaires», № 2. 706, 5 октября 1960 г.

ЦЕНТРАЛЬНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государство в Центральной Африке. Площадь — около 626 тыс. кв. км, население (1960 г.) — 1190 тыс. Основные народы — банда (ок. 450 тыс.), гбайя (ок. 400 тыс.), азанде (120 тыс.) и др., говорящие на малоизученных языках Центрального Судана. Около 100 тыс. говорит на языках банту (бакаре, мака). Около 10 тыс. европейцев (главным образом французоз), сирийцев, ливанцев и т. д.

Большинство коренного населения придерживается местных традиционных верований и культов. На севере страны распространен ислам.

С 13 августа 1960 г. Центрально-Африканская республика — независимое государство, входящее в состав Французского Сообщества, ранее — французская колония Убанги-Шари. Центрально-Африканская республика входит в «Союз республик Центральной Африки». Столица — г. Банги (83 тыс.). Крупные города: Боссангоа (80 тыс.), Буар (41 тыс.), Бамбари (42 тыс.).

Высший законодательный орган — Национальное собрание состоит из 50 депутатов, избираемых на 5 лет. Глава государства — президент (ныне Давид Дако). Правящая партия — «Движение социальной эволюции Черной Африки». Основные профсоюзные организации — местная секция «Всеобщей африканской конфедерации трудящихся» (примыкает к ВФП), местные секции «Африканской конфедерации верующих трудящихся» и «Африканской федерации свободных профсоюзов» (примы-

кает к МКСП). Центрально-Африканская Республика — аграрная слабо развитая страна. В экономике важные позиции занимает иностранный капитал. Сельское хозяйство носит монокультурный характер: под хлопчатником — 167 тыс. га, сбор 40 тыс. т. Выращиванием хлопка занята примерно половина всего населения. На экспорт идут также кофе, сезам и сизаль. В некоторых районах население занимается скотоводством. поголовье скота в 1958 г. составляло: крупного рогатого скота 350 тыс. голов, коз — 380 тыс., овец — 90 тыс. Имеются небольшие хлопкоочистительные, маслобойные и мыловаренные предприятия. Севернее г. Вадда — добыча алмазов, недалеко от г. Банда — добыча золота (15 кг в 1959 г.).

Товарно-денежные отношения глубоко проникли в крестьянское хозяйство. Рост товарного производства и рыночных связей оказывает разлагающее влияние на общинную организацию. Однако в целом в сельском хозяйстве сохраняются пережитки докапиталистических отношений. Национальная буржуазия немногочисленна и экономически слаба: ее развитию мешает засилие иностранных монополий. Численность рабочего класса невелика (в 1956 г. — 55 тыс.).

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; «Растет семья независимых государств Африки (Центрально-африканская республика)», «Правда», 14 августа 1960 г.; «Центрально-африканская республика», «Московская правда», 13 августа 1960 г.; «Annuaire Noria, 1960», Paris, 1960; «L'annuaire vert», Paris, 1960; «La République Centrafricaine», «Notes et études documentaires», № 2. 733, 19 декабря 1960 г.

РЕСПУБЛИКА ЧАД

Государство в Центральной Африке. Территория — 1284 тыс. кв. км, население — 2630 тыс. Основные народы — багирми, саре, бонго (643 тыс.), чамба, мбум, мумуйе (185 тыс.), маба (175 тыс.), тама (164 тыс.), даго (65 тыс.). Более 850 тыс. арабов, около 200 тыс. канури (собственно канури и тиббу), около 300 тыс. хауса и близких к ним народов.

Около половины населения говорит на малоизученных языках так называемой центрально-суданской группы (багирми, бонго, чамба, мбум, тама, даго и др.), остальная часть — на арабском и на языках чадской группы (канури). По конституции государственный язык — французский.

Примерно половина населения (хауса, арабы, канури и др.) — мусульмане. Остальная часть придерживается анимистических верований.

С 11 августа 1960 г. Чад — независимая республика, входящая во Французское Сообщество, в прошлом — французская колония. Республика Чад входит в «Союз Республик Центральной Африки». Столица — г. Форт-Лами (70 тыс.).

Законодательная власть принадлежит Национальному собранию (85 депутатов). Государство возглавляется президентом. Лидер правящей «Прогрессивной партии» Франсуа Томбалбей является президентом и премьер-министром Республики. В оппозиции находится партия «Чадское народное движение», стоящая на антиколониальных позициях.

Чад — страна многовековой культуры: у южных берегов оз. Чад открыты древние поселения, которые по местным преданиям принадлежали загадочному народу сао (по мнению некоторых ученых, культура сао датируется X—XVI вв. н. э.). Художественные изделия из терракоты и бронзы свидетельствуют о высокой культуре населения этого района. В последующие века в районе оз. Чад существовали феодальные султанаты Борну, Багирми, Вадаи.

Республика Чад в результате многолетнего господства французских колонизаторов — одна из самых отсталых стран Африки. В экономике господствуют французские монополии. Чад — страна монокультуры, основной поставщик хлопка во Французском Сообществе. Хлопок составляет $\frac{4}{5}$ экспорта республики. В северных районах развито скотоводство. Промышленность занята обработкой сельскохозяйственного сырья. Открыты крупные месторождения урановых и ториевых руд.

В Республике Чад наряду с господствующими патриархально-феодальными отношениями развиваются капиталистические: растут национальная буржуазия, рабочий класс и национальная интеллигенция. По найму работает 46 тыс. чел. Рабочие создают свои профессиональные организации, примыкающие к «Всемирной федерации профсоюзов», к «Международной конфедерации свободных профсоюзов» и к «Международной конфедерации христианских профсоюзов».

Литература: «Ежегодник БСЭ», 1960; Л. Никитин, Флаг независимости над Республикой Чад, «Правда», 11 августа 1960 г.; «Annuaire Noria, 1960», Paris, 1960; «L'annuaire vert», Paris, 1960; A. M. Lebeuf, Les populations du Tchad, Paris, 1959; «La République du Tchad», «Notes et études documentaires», № 2. 696, 31 августа 1960 г.

С О О Б Щ Е Н И Я

Г. А. ГУЛИЕВ

ЭТНОГРАФИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА ЗА 40 ЛЕТ

В результате победы социалистической революции в Азербайджане азербайджанский народ впервые за всю свою многовековую историю получил подлинную национальную независимость и вышел на широкий путь экономического и культурного возрождения. С установлением в 1920 г. в Азербайджане Советской власти стало все шире развлекаться этнографическое изучение народов республики.

До Октябрьской революции этнографическая работа в Азербайджане систематически не проводилась. Специальная литература состояла преимущественно из сравнительно небольших по объему публикаций: статей в журналах, в серийных изданиях и газетах. Почти все эти статьи посвящены отдельным сторонам культуры и быта народов Азербайджана. В них сказывается, помимо классовой ограниченности авторов, незнание ими местных языков, народных обрядов и обычаев¹.

Изучением Азербайджана занимались и местные этнографы-любители, в основном представители интеллигенции².

В первые же годы установления советской власти в Азербайджане была начата работа по этнографическому обследованию республики, развитию краеведения и т. д.

Сперва этнографическая работа была сосредоточена на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета и в Музейно-экскурсионном отделе Наркомпроса Азербайджанской ССР (Музэкскурс, организованный на основе Краеведческо-педагогического кружка в 1920 г.). В экспедициях Музейно-экскурсионного отдела были собраны обширные краеведческие и этнографические материалы по разным районам Азербайджана. Этот отдел в 1924 г. был превращен в Азербайджанский государственный музей (Азгосмузей).

В 1924 г. в Баку был созван первый краеведческий съезд, посвященный вопросам истории, этнографии и археологии Азербайджана.

Большую работу по изучению этнографии Азербайджана проделала историко-этнографическая секция Общества обследования и изучения Азербайджана, организованного в 1923 г. В этой секции были объединены историки, этнографы и археологи. В работе секции принимали участие такие крупные ученые, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр,

¹ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I—II, М., 1823; «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. 1—4 (В. Григорьев — Нахичеванская провинция; Д. Зубов — Карабахская провинция и Казахская дистриция В. Легкобытов — Бакинская, Кубинская провинции; А. Яновский — Шекинская провинция и пр.), СПб., 1836; И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб., 1852; Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2, раздел Татары, СПб., 1871, стр. 328—399.

² См. М. Эфендиев, Селение Ланч Геокчайского уезда, Бакинской губернии, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. XXIX, стр. 1; Р. Эфендиев, Кабалинский магал, СМОМПК, вып. XXXII, отд. 1, стр. 1—9; Т. Байрамилибеков, Из космогонических поверий талышцев Ленкоранского уезда, СМОМПК, вып. XVII, отд. 2, стр. 202—204; его же, Талышинские легенды и поверья, СМОМПК, вып. XXVI, отд. 2, стр. 1—10; Г. Багиров, Некоторые характерные черты жителей селения Геран-Бой-Ахмедлы Елизаветпольского уезда, Елизаветпольской губернии, СМОМПК, вып. VI, ч. 2, стр. 177—185; С. Абдулрахман, Татарские детские сказки, записанные в гор. Нуха, СМОМПК, вып. XXXI, отд. 2, стр. 80—105; Б. Алибеков, Праздник «Новруз», газ. «Каспий», 1913, № 55, 56; И. Алибеков, Народное образование на Кавказе, Тифлис, 1903, и др.

И. И. Мещанинов. С 1924 г. в Обществе стал активно работать А. К. Алекперов, ставший впоследствии видным этнографом и археологом Азербайджана; собиранием этнографических материалов и краеведческой работой А. К. Алекперов занимался еще с 1919 г.³ Под руководством этих ученых в Обществе выросли кадры местной интеллигенции, впоследствии изучавшие отдельные отрасли истории и этнографии Азербайджана. Обществом обследования и изучения Азербайджана было собрано большое количество этнографических полевых материалов и издан ряд научных трудов по истории, этнографии и археологии Азербайджана. Однако по сравнению с археологическими публикациями этнографические работы занимали второе место.

В «Известиях» этого Общества (всего вышло семь выпусков) печатались статьи по отдельным вопросам этнографии Азербайджана. Так, в № 6 были опубликованы статьи: И. К. Гольберга — «К вопросу о сборе дикорастущих лекарственных растений в Азербайджане», А. Кара-шарлы — «Санитарно-бытовые очерки Азербайджанской провинции», Ш. Гасанова — «Народная медицина в Азербайджане».

На заседаниях Общества прочитали доклады по этнографии Азербайджана: С. Д. Вергельсон («Остатки древней и средневековой музыкальной культуры в Азербайджане»), В. А. Рюмин («Очерк истории заселения Азербайджана тюркскими народами»), П. К. Жузе («О собирании материалов по народным верованиям и обрядам»), Н. И. Ашмарин («Нухинские народные говоры»), В. С. Квито («Плоский орнамент Азербайджана»), Б. Алибеков («Талышские поверья»), и др.

В первом же десятилетии существования Советского Азербайджана появляются и работы по отдельным этническим группам (курды, талыши, таты и пр.) Азербайджана⁴.

Большой интерес представляют работы: А. К. Алекперова «У айрумов»⁵, К. Каракашлы «Об айрумах»⁶, Г. Ф. Чурсина «Талыши (этнографические заметки)»⁷ и «Азербайджанские курды (этнографический очерк)»⁸.

Статья А. Алекперова посвящена происхождению айрумов, формам айрумского жилища «карадам» и его связи с сооружениями в курганных погребениях, особенностям маслбойки у айрумов и пр. Автор положил в основу статьи полевые материалы, собранные им во время экспедиции в 1927 г., организованной Обществом обследования и изучения Азербайджана под руководством И. И. Мещанинова в селениях айрумов нынешнего Дашкесанского района. В работе К. Каракашлы затронуты вопросы происхождения айрумов, рассмотрены их жилище, одежда, средства передвижения. Г. Ф. Чурсин в работе с талышах описывает их домашнюю жизнь, религиозные верования, амулеты и талисманы, родильные обряды, народное врачевание, похоронные обычаи и другие стороны быта талышей.

В результате ряда экспедиций, организованных Азгосмузеум в 1926—1927 гг. в Нахичеванскую АССР и Нагорно-Карабахскую автономную область, были собраны ценные этнографические данные по быту, хозяйству и материальной культуре народов Азербайджана. В Азгосмузей были привезены орудия труда ремесленников и различные сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода, утварь, национальная одежда и другие этнографические материалы. Это способствовало освещению ряда неизученных или малоразработанных вопросов истории Азербайджана. До 1930 г. Азгосмузей в значительной степени был музеем старого типа — музеем-вещехранилищем. В 1930—1931 гг. была проведена его реорганизация, были открыты естественноисторический отдел и отдел материальной культуры. В экспозиции Музея много места было отведено показу дореволюционного быта и экономической жизни азербайджанского народа и коренным преобразованиям, происшедшим в советский период.

В 1929 г. на базе Общества обследования и изучения Азербайджана был создан Азербайджанский научно-исследовательский институт (АзГНИИ), где был образован и историко-этнографический отдел⁹.

В 1920-х — начале 1930-х годов был опубликован ряд работ, связанных с изучением религиозных пережитков и борьбой с ними: С. Агамалиоглы («Две судьбы»), М. Орду-бады («Что такое события магеррама и почему они преувеличены?», «Магеррам и проповедь», «Почему плачут»), В. Хулуфлу («О магерраме», «Религия и женщины», «Религия и культурная революция»), М. Кулиева («Культурная революция и ислам») и др.¹⁰.

³ См. А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, редакторы Г. А. Гулиев, Дж. Халилов, Баку, 1960, стр. 5. В этой книге собраны как опубликованные, так и неопубликованные работы А. К. Алекперова.

⁴ Н. Я. Марр, Талыши, Пг., 1922; В. А. Рюмин, Талышинский край, Ленкорань, 1923; Б. А. Миллер, Татары, их расселение и говоры, Баку, 1929.

⁵ «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927, стр. 230—258. (Перепечатано в кн.: А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана).

⁶ К. Каракашлы, Об айрумах, Баку, 1929.

⁷ «Изв. Кавказского историко-археологического института», т. IV, Тифлис, 1926.

⁸ «Изв. Кавказского историко-археологического института», т. III, Тифлис, 1925.

⁹ См. Ю. Г. Мамадалиев, Развитие науки в Азербайджане, Баку, 1960, стр. 109.

¹⁰ А. Сумбатзаде, Развитие общественной науки в Азербайджане, «Изв. АН АЗССР», 1957, № 10, стр. 210.

В 1933 г. было учреждено Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР. В нем был создан сначала сектор, а в 1935 г. Институт истории, этнографии, археологии и литературы Азербайджана. Стала разворачиваться работа по изучению искусства и зодчества Азербайджана. При Институте в 1933 г. была организована секция истории материальной культуры, план работы которой был тесно увязан с вопросами социалистического строительства в Азербайджане. Было выдвинуто на первый план изучение форм хозяйства и материального быта в связи с социалистической реконструкцией сельского хозяйства, а также изучение религиозно-бытовых пережитков¹¹.

По первой проблеме был намечен ряд тем — жилища Азербайджана, кочевые формы скотоводческого хозяйства Прикуринских районов, кустарные ремесла и пр. Была выработана программа исследований по этим темам и организованы экспедиции. Экспедиция по изучению жилищ была направлена в Таузский район (селения Мансурлы, Караханлы, Кирзан, Боз-Бозалчаны и др.). В этих селениях были выявлены пять основных типов жилищ, из них четыре — типа полужемлянки. Жилища были подробно описаны, обмерены, составлены чертежи, сделаны зарисовки и фотоснимки.

Вторая экспедиция по изучению жилищ была предпринята в Бардинский, Агдамский и частью в Агджабединский районы. Здесь были обследованы карадамы, которые в то время еще сохранялись в этой зоне¹². «Продвигаясь далее от Прикуринской полосы к Агдому через селения Лемберан, Гиндарх..., экспедиция установила эволюцию жилищных форм от карадама к развитым наземным жилищам современного типа»¹³. Кроме того, экспедиция обследовала пещерные жилища курдов Лачинского района.

Для изучения кустарных промыслов республики сотрудниками секции были разработана картотека районов распространения кустарных ремесел, видов ремесла и других данных. Была организована экспедиция в северо-восточные районы Азербайджана для приобретения экспонатов для Азгосмузея и изучения на местах процессов производства. Особо изучались прославленные кустарные ремесла Лагича, Баскала и других пунктов (медное производство, кузнечное дело, набойка, шелководство). Кроме того были сделаны зарисовки национальных костюмов, собраны материалы по быту и религии.

Секцией было уделено особое внимание изучению религиозно-бытовых особенностей народа. Продолжали собирать материал о «пйрах» Азербайджана¹⁴, о культах камня и дерева. Экспедиции в Гильский (ныне Кусарский) и Закатало-Белоканский районы дали богатый полевой материал. Проводилось изучение семейного быта, были записаны родильные, свадебные, похоронные обряды у талышей Ленкоранского района, татов Апшерона и яссаев Закатальского района, а также обряды, утверждающие угнетенное положение женщины. Проводилась также работа по изучению современного состояния ислама и его сект. Та же экспедиция выяснила распространение мюридизма в Закатало-Белоканском, Гильском и Бардинском районах Азербайджана. Эта работа имела практическое значение, ибо мюридизм использовало кулачество в борьбе против колхозов и культурного строительства в деревне.

Отдельно было поставлено изучение селений Апшерона; накоплено много материалов: анкетных данных, чертежей, фотоснимков, обмеров, дневниковых записей, зарисовок.

Азгосмузей проводил большую работу по освещению материальной культуры азербайджанского народа в XVII—XIX вв. и экспозиционному показу этнографии Азербайджана этого периода. В 1935—1936 гг. Азгосмузей был реорганизован в Музей истории культуры и искусства Азербайджана и перешел из системы Наркомпроса в ведение Азербайджанского филиала Академии наук СССР (АзФАН).

В 1930-х годах этнографией Азербайджана занимались А. Алекперов, И. Джафарзаде, Р. Бабаева, Д. Сафарова, З. Кильчевская, А. Алескерзаде и многие другие. Необходимо особо отметить заслуги А. К. Алекперова, который с 1937 г. возглавил отдел истории материальной культуры Института истории, языка и литературы АзФАН СССР. Собранные им полевые и литературные материалы легли в основу его многочисленных работ по этнографии Азербайджана: «К вопросу об изучении культуры курдов»¹⁵, «Кукольный театр и игры в Азербайджане»¹⁶, «Задачи этнографии Азербайджана»¹⁷ и другие. Кроме этнографических работ им написан ряд статей на антирелигиозную

¹¹ См. А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 11.

¹² В настоящее время они вытеснены другими типами жилищ.

¹³ А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 13.

¹⁴ Собираанием материалов о пйрах занимались еще раньше; результатом этого была работа И. И. Мещанинова «Пйры Азербайджана», опубликованная в 1931 г. в Баку.

¹⁵ Труды Азербайджанского филиала АН СССР, XXV, Историческая серия, Баку, 1936, стр. 33—61 (Перепечатано в кн.: А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 134—168).

¹⁶ Там же, стр. 63—68. (Перепечатано в кн.: А. К. Алекперов, Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, стр. 169—175).

¹⁷ «Сов. этнография», № 5—6, стр. 187—195.

тематику и по искусству Азербайджана. В 1930-х годах А. К. Алекперов принимал активное участие в работе журнала «Советская этнография». Он был организатором и руководителем ряда научных этнографических и археологических экспедиций в районы республики. Им была впервые составлена подробная этнографическая карта Азербайджана.

В период с 1935 по 1941 г. Институтом истории и Музеем истории Азербайджана был проведен ряд этнографических экспедиций, целью которых было обследование различных районов республики и сбор экспонатов для музейной экспозиции.

Во время Великой Отечественной войны этнографическая работа в Азербайджане несколько сократилась. Зато повышенное внимание было обращено на агитационно-пропагандистскую работу и на издание научно-популярной литературы.

После войны этнографическая работа в Азербайджане сосредоточилась главным образом в Институте истории им. А. Бакиханова, в Музее истории Азербайджана и в Кировабадской научно-исследовательской базе Академии наук Азербайджанской ССР. Работу этой базы возглавляли К. Каракашлы и А. А. Эфендизаде. Этнографически здесь изучалась обширная территория, прилегающая к крупному промышленному центру — Кировабаду.

В Институте истории этнографическая работа велась в отделе материальной культуры (зав. отделом И. М. Джафарзаде). Однако этой работой, за неимением специалистов, было занято лишь несколько человек. Отдел в основном занимался хозяйством и бытом населения Апшерона.

Р. И. Бабаевой была опубликована книга о свадебных обрядах¹⁸. Ею же подготовлена работа «Материалы по старинным свадебным обрядам Баку и Апшерона» и собраны фольклорные материалы — песни, поговорки, загадки и проч., связанные с семейным бытом и положением женщины в семье¹⁹. И. А. Меджидова занималась изучением скотоводческого хозяйства на Апшероне, игравшего важную роль в недалеком прошлом в экономике некоторых селений.

Отдел материальной культуры Института истории уделял большое внимание обследованию хозяйства и быта населения Карабахско-Мильской степи. Основной отраслью хозяйства здесь было скотоводство с преобладанием овцеводства. В продолжение нескольких лет (1946—1949 гг.) Д. Сафарова занималась изучением и сбором материалов среди скотоводов. Результатом ее долголетней работы была монография «Этнография бывших кочевников Мильско-Карабахской степи»²⁰, еще неопубликованная, в которой на основе богатого фактического материала дана характеристика скотоводческого хозяйства и показаны пути его развития.

Активное участие в изучении и собирании этнографических материалов в Азербайджане принимал в те годы И. М. Джафарзаде. При его непосредственном участии была организована этнографическая экспозиция Музея истории Азербайджана.

Статья И. М. Джафарзаде «Искусственное орошение и народные способы водоснабжения на Апшероне»²¹ имеет важное практическое значение. Она посвящена народным способам рытья колодцев, добычи, перевозки и хранения воды, описанию посуды для воды и пр.

В последнее время этнографами, историками и другими специалистами Академии наук АзССР подготовлен коллективный труд «Азербайджанцы», который войдет в много томное издание «Народы мира (этнографические очерки)», выпускаемое Институтом этнографии АН СССР.

В 1954 г. при Музее истории Азербайджана был организован отдел этнографии (руководитель Г. А. Гулиев). Сотрудники его заняты в основном пополнением этнографического фонда Музея приобретаемыми у населения предметами народного быта и хозяйства. В настоящее время число этнографических экспонатов достигает семи тысяч. В этнографическом фонде Музея имеется до ста комплектов национального костюма из разных районов Азербайджана, коллекции десяти видов вышивок (тамбурная, золотошвейная, бисерная, штампованные бляшки и др.), большой ассортимент медной, глиняной посуды, сельскохозяйственные орудия труда и пр.

Случайный характер экспонатов, составлявших первоначально этнографический фонд Музея, вызвал необходимость систематического пополнения фонда путем планомерного проведения экспедиций по специально разработанной программе. Работами восьми экспедиций были охвачены все районы (кроме Ленкоранской зоны) республики; приобретенные экспонаты (сельскохозяйственный инвентарь, предметы домашнего обихода, утварь, предметы художественного ремесла и проч.), обогатившие коллекции Музея, позволили осуществить полноценную этнографическую экспозицию XVI — начала XX в. и советского периода. Богатый материал этой экспозиции показывает само-

¹⁸ Р. И. Бабаева, Свадебные обряды в городе Кубе (на азерб. яз.), Баку, 1946

¹⁹ Материалы по фольклору и обрядности, а также материалы о пище, консервировании сельскохозяйственных продуктов и дикорастущих съедобных растений, собранные и систематизированные Р. И. Бабаевой, хранятся в архиве Института истории АН АзССР.

²⁰ Рукопись хранится в архиве Института истории АН АзССР.

²¹ Опубликована в сборнике «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 113—157.

бытность культуры азербайджанского народа в области художественного ремесла, искусства и материальной культуры.

В последние годы был организован ряд новых этнографических поездок в разные районы республики для приобретения музейных экспонатов. Особенно следует отметить поездки в 1960 г. в Нахичеванскую АССР, Казахский, Шамхорский и другие районы, откуда привезено большое количество различных орудий труда, предметов домашнего обихода, утвари, национальной одежды и проч. Значительный интерес представляет полный комплект инструментов ювелирных дел мастеров, приобретенный в г. Кировабаде. Музей истории Азербайджана поддерживает регулярную связь с краеведческими музеями республики, с помощью которых приобретаются нужные этнографические материалы.

Сотрудники Музея совместно с этнографами Института истории подготовили к печати два альбома: «Вышивки Азербайджана» и «Национальная одежда азербайджанцев», приступили к подготовке альбома «Медная посуда азербайджанских мастеров».

В настоящее время отдел этнографии Музея истории переведен в Институт истории АН АЗССР.

В отделе этнографии, руководителем которого является автор данного сообщения, насчитывается 14 научных сотрудников, в том числе пять кандидатов наук; пять человек учатся в аспирантуре в Москве и Тбилиси. Аспиранты занимаются изучением хозяйства, быта и культуры азербайджанского колхозного крестьянства и рабочего класса. В отделе разрабатываются следующие темы: «Земледелие и скотоводство в древнем Азербайджане до VII века» (Т. Бунятов), «Семья и семейный быт в Азербайджане» (М. Атакишиева), «Ремесло в Азербайджане в XIX веке» (Г. Гулиев), «Одежда и украшения населения Азербайджана в XIX в.» (К. Каракашлы), «Жилища и поселения Азербайджана» (М. Насирли), «Народный способ шелководства в городе Нухе» (С. Вайдова). К. Каракашлы завершена работа «Этнографическое исследование хозяйства и материальной культуры населения склонов Малого Кавказа». Научный коллектив отдела подготовил к печати сборник материалов по этнографии Азербайджана. Сдан в печать составленный Г. А. Гулиевым «Систематический указатель дореволюционной этнографической литературы об Азербайджане» и его же работа «Материалы по древним культам Азербайджана». Вышли в свет книги М. Насирли «Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР» (Баку, 1959) и А. Алекперова «Исследования по археологии и этнографии Азербайджана» (Баку, 1960), куда вошли, наряду с другими его работами, ранее неопубликованные статьи «Азербайджанцы», «Женская одежда Азербайджана», «Культы и антирелигиозная работа».

В связи с подготовкой Кавказского историко-этнографического атласа в отделе создана группа, занятая сбором литературных и полевых материалов по земледелию, скотоводству, жилищу и народным костюмам. В 1960 г. завершена научная экспедиция работников отдела в районы склонов Большого Кавказа (от Исмаилинского до Белоканского районов), составлена обширная программа для дальнейшего обследования этих районов, где создана широкая сеть корреспондентов из среды местной интеллигенции, школьников и колхозников.

Говоря о развитии этнографии Азербайджана, особенно за последние годы, необходимо отметить постоянную помощь, оказываемую нашей республике в деле подготовки кадров Институтом этнографии Академии наук СССР и Сектором этнографии Института истории Академии наук Грузинской ССР.

За последнее десятилетие кандидатские диссертации по вопросам этнографии Азербайджана защищены Г. А. Гулиевым («Социалистическая культура и быт колхозного крестьянства Азербайджана. По материалам Кубинского района»), М. И. Атакишиевой («Семейный быт азербайджанцев в прошлом и настоящем. По материалам Халданского района»), М. Н. Насирли («Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР»).

Несмотря на достижения, наши этнографы находятся в долгу перед республикой. Еще не опубликованы значительные исследования по этнографии Азербайджана.

Характерной особенностью этнографической науки в Азербайджане до 1950-х годов было то, что ею были заняты не специалисты-этнографы, а археологи, историки, географы, врачи, которые попутно занимались сбором и описанием этнографических материалов. Подготовка кадров этнографов до того времени не проводилась. И в настоящее время пополнение и подготовка новых кадров этнографов тормозится из-за недооценки некоторыми местными работниками значения этнографических исследований. Особенно мешает развертыванию работы отсутствие кафедры этнографии в местных высших учебных заведениях.

Необходимо завершить к 1965 г. подготовку историко-этнографического атласа Азербайджана; эта работа координируется с подготовкой таких же атласов в Грузии и Армении.

Г. А. СЕРГЕЕВА

ШКОЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В АДЫГЕЕ

Хатажукайский школьный музей (Шовгеновский район Адыгейской авт. области) насчитывает всего несколько лет своего существования. Тем не менее он успел за это время завоевать хорошую славу далеко за пределами с. Хатажукай. Краеведческая и этнографическая экспозиции музея привлекают внимание не только местных жителей, но и студентов-практикантов из Майкопа, учащихся Хакуринохабльской средней и Пшизовской семилетней школ и многих других.

Большинство коллекций и экспонатов, представленных в музее,— подлинные предметы труда, утвари, одежды местного населения, образцы народного изобразительного искусства. За интересные экспонаты по краеведению, представленные на выставку в период съезда учителей Адыгейской автономной области в 1957 г., Областной отдел народного образования и Институт усовершенствования учителей наградил Хатажукайскую среднюю школу № 6 Почетной грамотой.

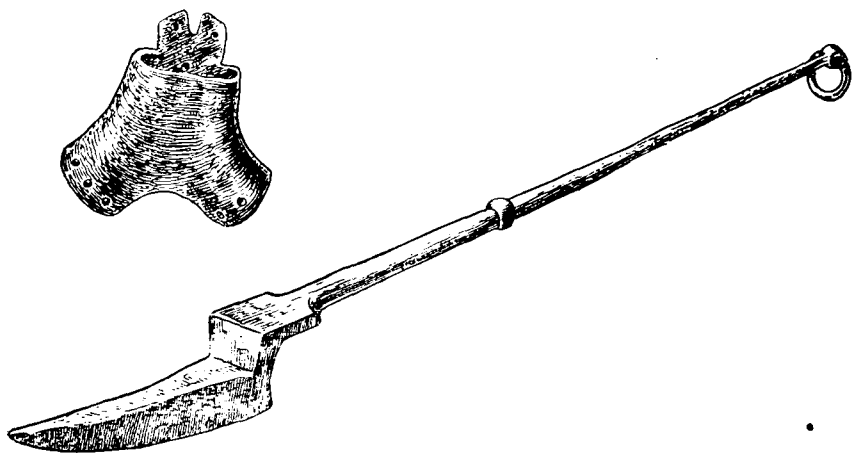

Рис. 1. Старинная роговая солонья и железный утюг

По количеству и ценности собранных экспонатов музей не уступает многим районным краеведческим музеям Краснодарского края. «Он давно перерос рамки учебного подсобного предприятия,— читаем мы в книге отзывов,— и по существу превратился в серьезный краеведческий музей. Нужно, чтобы соответствующие органы признали его таковым и выделили ему необходимые средства и штатных работников».

Остановимся вкратце на истории музея. В школе № 6 с. Хатажукай в течение ряда лет работал географический кружок, руководителем которого был учитель истории и географии Ю. Б. Гумов, подлинный энтузиаст своего дела. Работа кружка сводилась в основном к обсуждению докладов о великих путешественниках и исследователях, об отдельных уголках нашей Родины и земного шара. Однажды, проводя экскурсию с группой старших школьников, Ю. Б. Гумов обнаружил, что они плохо знакомы с историей своего селения, а на практических занятиях по географии убедились и в недостаточном знании ими природы родного края. Это еще раз подтвердило возникшее у него ранее намерение создать в школе краеведческий кружок, который и начал свое существование с осени 1956 г. Работа кружка протекала в пяти секциях: исторической (для учащихся VIII—IX кл.), изучения местного производства (VII—VIII кл.), этнографической (V—VI кл.), нумизматики и филателии (V—VI кл.) и секции топонимики (сборный состав).

Многочисленные орудия труда, предметы утвари, одежды и различные коллекции, собранные членами краеведческого кружка, составили основу экспозиции школьного

музея, который начал свою работу в следующем 1957 году. Инициатором создания этого музея и его руководителем по праву считается уже знакомый нам Ю. Б. Гумов, знаток народного быта, плодотворно работающий в области воспитания у молодежи любви к родному краю. Старый педагог сумел привлечь к работе музея большой актив учащихся (в настоящее время до 70 человек), с помощью которых были сделаны и с большой любовью оформлены стенды, витрины, чертежи, макеты.

На первых порах своего существования музей испытывал затруднения с помещением. Теперь экспозиции его размещаются в двух просторных комнатах.

Красеведческая экспозиция музея открывается отделом «Флора и фауна», где особое внимание привлекает богатая коллекция местных трав.

Собираателям трав пришлось проделать большую работу по выяснению их названий, поскольку адыгейцы при определении растений в большинстве случаев употребляют термин «уцы» (травы). Путем расспроса местных жителей и кропотливого анализа удалось выявить до 100 названий местных трав (из них 20 лекарственных) на адыгейском языке. До сих пор эта терминология в специальной литературе не была известна.

В коллекции местных пород деревьев хранится кусочек самшита — «хэшъай». Изделия из его древесины, особенно ложки, благодаря прочности и приятной светло-коричневой окраске, адыгейцами высоко ценятся. Из древесины другого дерева — «отэбэчы» (вид болотной ивы), представленного в этой же коллекции, делали в прошлом гвозди для прикрепления лат к стропилам, кольца для калиток и ворот и многое другое. Весьма ценным считалось дерево-краситель — «еклапцлэ». Экстракт, приготовленный из древесины, употребляли для окраски конской сбруи, мужских кожаных поясов, овчин.

Второй отдел экспозиции посвящен истории школы и селения Хатажукай; здесь представлены фотографии выпускников школы, начиная с первого выпуска, а также учащихся, награжденных медалями. Отдельно оформлен стенд «Участники Великой Отечественной войны — учителя и бывшие учащиеся школы». Среди них мы находим фотографии директора школы А. С. Плищева и Ю. Б. Гумова. Члены исторической секции собрали много ценных материалов по истории школы и родного аула. Часть этих материалов будет опубликована в журнале «Вестник истории аула», выпуск которого намечен в ближайшее время; другая часть пополнит экспозицию исторического отдела музея.

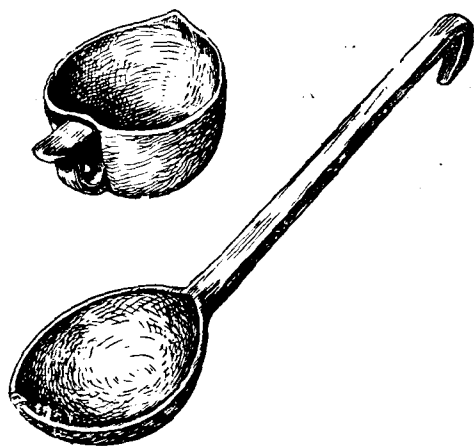

Рис. 2. Старинная деревянная посуда — чашка и ковш

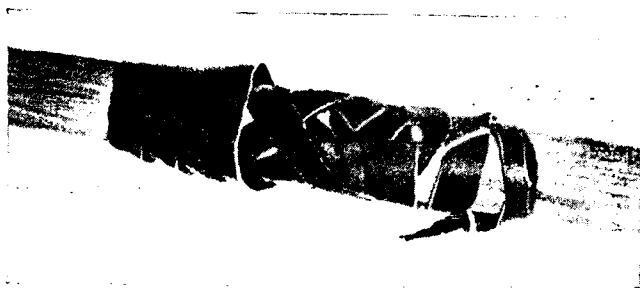

Рис. 3. Петля для вправления вывихнутого пальца

В экспозиции нумизматики и филателии собрана коллекция старинных русских чеканных монет, начиная с 1768 г., а также монет и денежных знаков Советского государства в различные периоды его существования и других стран. Рост экономической и технической мощи нашей Родины, развитие науки и культуры отражает небольшое, но ценное собрание почтовых и гербовых марок, среди которых имеется и первая советская марка. Здесь же мы видим марки зарубежных стран.

Раздел «Экономика нашего колхоза» знакомит посетителей с жизнью хатажукайского колхоза. Фотоэтюды «Земледелие, свиноводство и птицеводство» дают представление об основных отраслях его хозяйства. С большой тщательностью выполнен учеником А. Джимовым план землеустройства колхоза. В отдельных коллекциях по-

казаны образцы удобрений и семян. Фотоальбом юннатов отображает основные трудовые процессы колхозного производства. Здесь же приводятся выполненные в диаграммах и рисунках планы посева и современная сельскохозяйственная техника (тракторы, свеклокомбайны, кукурузоуборочные комбайны и др.), применяемая на колхозных полях, таблица чередования сельскохозяйственных культур и ротационная таблица. Экспонаты уголка юннатов рассказывают о работе ученической производственной бри-

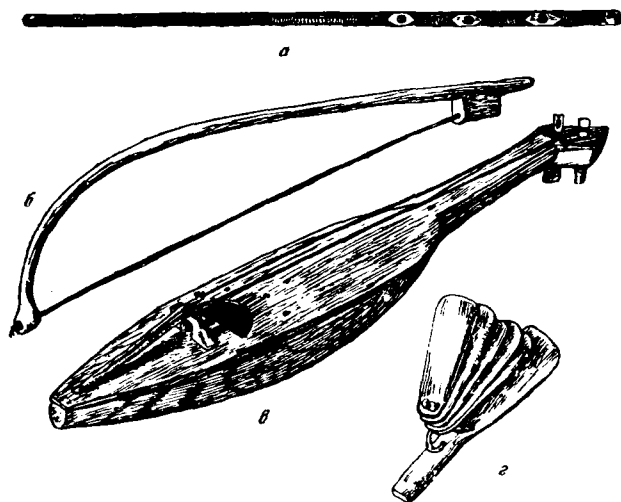

Рис. 4. Музыкальные инструменты адыгейцев:

а — «къамыл» — род флейты; б — смычок для двухструнного смычкового инструмента «шыклэпщын»; в — «шыклэпщын»; з — «пхъэкыч» — трещотка, род кастаньет

гады на пришкольном участке. Здесь представлены фотографии бригады во время обработки овощей и сбора винограда. Здесь же находятся документы об участии кружка юннатов на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1955 и 1956 гг. Более подробная работа ученической бригады освещается в отделе «Связь школы с производством».

Заботливо оформленный угол «Подарки наших друзей» отражает дружбу адыгейских и украинских школьников-краеведов. Школьники 17-й полтавской средней школы прислали хатажукайцам археологическую коллекцию — керамику неолитического времени и коллекцию растений. Присланы в подарок друзьям также фотографии и альбомы, где отражены жизнь и учеба украинских школьников, их путешествия по родному краю.

С большой любовью подобраны экспонаты отделов «Умелые руки», «Биология и химия», «Математика и физика». Модели самолетов и лодок, таблицы, различные приборы — выполнены руками самих школьников.

Юные краеведы, изучающие местное производство, подробно ознакомившись с работой мельницы, составили схему переработки зерна по отдельным этапам (очистки, увлажнения, вальцовки) и сделали обстоятельное описание процесса помола. На специальной полке размещены мешочки с различными видами продукции, являющейся результатом переработки зерна.

С природой и хозяйством Краснодарского края, в состав которого входит Адыгейская автономная область, знакомят материалы, собранные во время экскурсий, совершенных юными краоведами в летние каникулы. На постоянно пополняемой новыми экспонатами выставке, организованной в школьном музее, представлены речные и морские раковины двенадцати различных видов, материалы для стекловарения, а также сырье и продукция Масложиркомбината и текстильной промышленности.

Широко и разнообразно показаны в музее этнографические материалы. Первым из таких экспонатов был набор инструментов для выделки басонных изделий — галуна, шнурков, тесьмы. Его принесла в 1957 г. ученица Л. Пышзова. Набор состоит из чинаровых планок (с отверстиями для нити), при помощи которых образуется зев; кляка

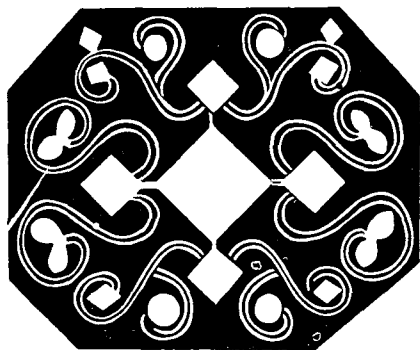

Рис. 5. Образец золотошвейного изделия — наволочка для подушки

дыкого барана, заменяющего трепальце, костяных ножей для заделки утка; ушивальника; костяных и медных крючков, натягивающих основу нитей, и трех костяных дыроколов. Басонные изделия изготовляли при помощи указанных инструментов. Галуны, шнурки, тесьма имели самое широкое распространение. Узкими полосками галуна вытканного из золотых и серебряных нитей, украшали платье (по бортам, подолу и швам). Шнурки и тесьма шли на отделку одежды, служили вздержкой в штаны и т. п.

На небольшом стенде показан процесс обработки конопли, рядом с ним размещены инструменты для обработки шерсти: гребень для расчесывания шерсти — «цыпх», трепалка — «цыутылъ», прялка — «хъэцку».

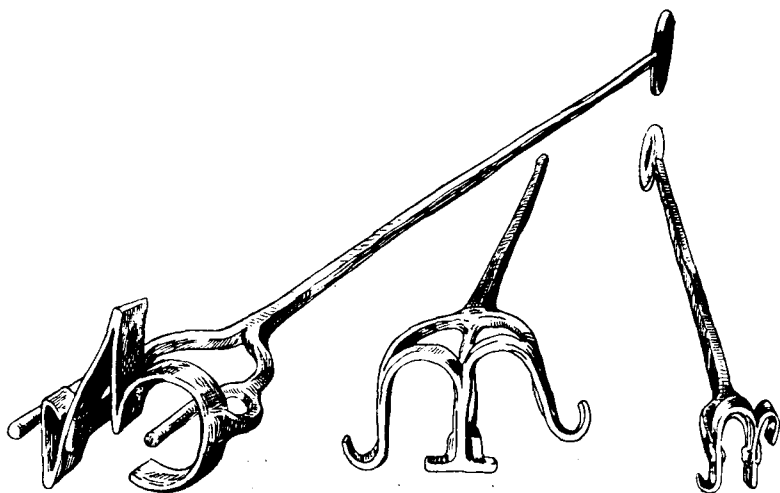

Рис. 6. Штампы для клеймения скота

В прошлом у адыгейцев было развито ремесло, связанное с обработкой кожи, из которой изготавливали обувь и конскую сбрую. Производство последней достигало высокого мастерства. С этой отраслью ремесла знакомит посетителя набор инструментов шорного дела. Его изготовил и подарил музею отец одной из учениц И. Качецуков.

Из предметов одежды адыгейской женщины экспонированы серебряный пояс и отделанная пазументом шапочка (ее в молодости носила бабушка ученицы Т. Тхабсовой). В наши дни такие шапочки надевают лишь на свадьбу или во время выступлений художественной самодеятельности.

В музее представлено большое количество предметов домашнего обихода. Среди них маслбояка — «тхъууалъ», бытующая и в наши дни, железная очажная цепь — «лхъонч» и котелок — «щыуан», старинный железный утюг. Интересна роговая солонка — «шыхъэбжъэ шыгъул», датированная первой половиной XIX в. У адыгейцев была широко распространена деревянная утварь — блюда, чашки, подносы, шумовки, мерки, ложки, также представленные в экспозиции. Обращает на себя внимание низкий круглый столик — «анэ», на котором подавали еду. В прошлом у адыгейцев, кроме анэ, не было других столов, женщины обычно всю работу выполняли на полу.

На плотном листе картона укреплен изящная светло-коричневой окраски самшитовая ложка, являющаяся принадлежностью столика анэ. Такой ложкой пользуются и сейчас при приеме гостей. Рядом с ложкой помещены кусочек самшита и инструмент, при помощи которого такие ложки выделывают.

В отделе военного снаряжения привлекают внимание хорошо сохранившиеся кольца и колчан, находившие широкое применение у адыгов в прошлом, а также кремневый пистолет и ружье.

В этнографической коллекции имеются и некоторые уникальные предметы, например кожаная петля для вправления вывихнутого пальца. Это удлиненный кусок тон-

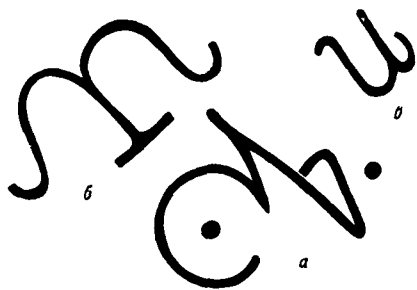

Рис. 7. Адыгейские тамги

кой кожи, разрезанный на пять параллельных полосок так, чтобы оба конца оставались целыми. Особыми приемами, которые известны в настоящее время только одной местной жительнице Абреговой, петлю надевают на больной палец. Спустя три-четыре дня вывих ликвидируется.

В музее собрана ценная коллекция национальных музыкальных инструментов. Это прежде всего «къамыл» — род флейты. Экспонируемый экземпляр особенно интересен тем, что на нем играл мастер камыла Гуатиж Темзоков. Роль ударного инструмента исполняет трещотка «пхэкъыч» (род кастаньет), состоящая из связанных вместе деревянных пластинок. Третий, представленный в коллекции музыкальный инструмент, — это «шыкӀэпщын» — двухструнный смычковый инструмент.

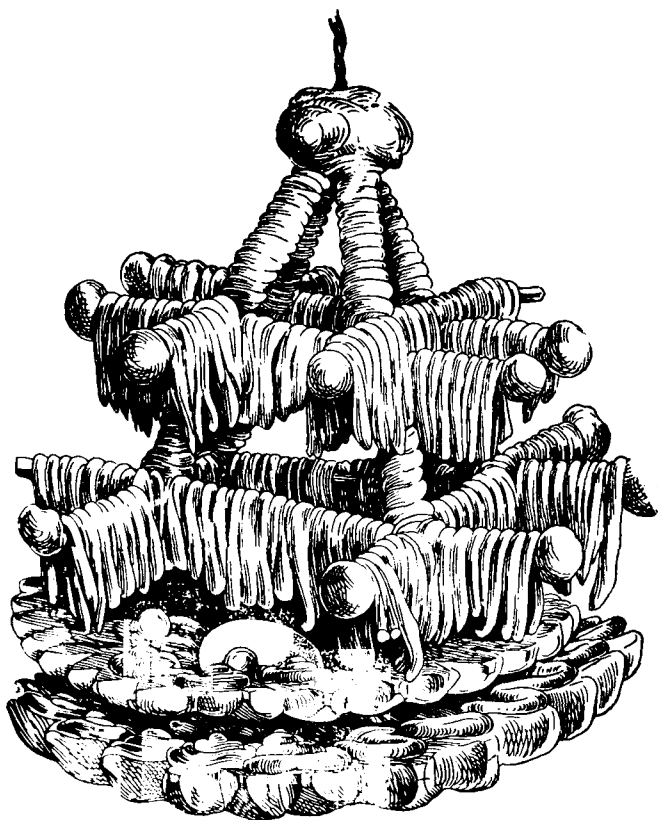

Рис. 8. Обрядовый пирог — «цэлдау»

Школьниками — членами этнографической секции — проделана большая работа по сбору материалов о детских играх и развлечениях. Ими записаны названия ряда детских групповых игр, подобраны и экспонированы детские игрушки: волчок «чын», хлопушка «срыб», альчик «кӀэн» и др.

Разнообразно показано адыгейское народное, в частности изобразительное, искусство. Оригинальны золотошвейные изделия — подчасники, чехлы для гребешков и ножниц, вешалка для полотенца, наволочки для подушек, выполненные женщинами селения Хатажукан и принесенные ими в дар музею. Вышивание золотой нитью одежды и различных бытовых предметов — исконное искусство адыгейцев, получившее широкую известность. К сожалению, в настоящее время это высокое искусство пришло в упадок.

Обращают на себя внимание изделия из серебра с чернью и гравировкой, главным образом украшения сбруи — седла, уздечки, а также части мужского пояса. Все эти предметы, как золотошвейные, так и серебряные, украшены богатым орнаментом. В нем сочетаются геометрические элементы с элементами растительного характера, а также с изображениями родовых знаков — тамг и стилизованными изображениями людей, бараньих рогов и пр.

На одном из стендов экспонируется несколько штампов, служивших в прошлом для клеймения, или таврения, скота. Знак, выжженный на коже животного этим штампом, был знаком фамильной собственности. Он носил название «тамга», что значит

выжигание. В XIX в., в период национально-освободительной борьбы с царизмом, тамга, изображенная на знамени предводителя военного отряда, являлась как бы его гербом.

Интересным экспонатом является обрядовый пирог — «цэлдау», подвешиваемый к потолку во время специальной церемонии «КIапш», устраиваемой у постели больного или раненого человека.

В целом экспозиция школьного музея отражает большие изменения, происшедшие в хозяйстве и культуре хатажукайских колхозников за годы Советской власти.

Перед музеем стоит неотложная задача дальнейшего накопления музейных фондов, поскольку в результате социалистических преобразований многие традиционные предметы материальной культуры быстро исчезают. Предстоит также значительная работа по переустройству и улучшению экспозиции. Так, например, отделы «Связь школы с производством» и «Уголок юннатов» следовало бы соединить в один отдел и более четко систематизировать представленные там экспонаты. Необходимо составить описание имеющихся в музее предметов и этикетки ко всем экспонатам. Музей, несомненно, нуждается в постоянной научной помощи и в материальной поддержке местных организаций.

Опыт организации школьного музея в с. Хатажукай нашел в Адыгее широкий отклик. Этому в немалой степени способствовала изданная в 1958 г. Адыгейским областным институтом усовершенствования учителей брошюра Ю. Б. Гумова «Из опыта работы школьного краеведческого музея». По примеру хатажукайцев начат сбор музейных коллекций в Шовгеновской семилетней школе. Появились школьные музеи в Блечипсыне и Ишызовской семилетней школе.

Создание школьных музеев в Адыгейской автономной области — не единичное явление. Такие музеи возникли и в других районах нашей страны. Их возникновение — результат огромной работы Советского государства по связи школы с жизнью, работы, направленной на развитие у детей творческого мышления, живого интереса к окружающему миру, к историческому прошлому и настоящему родного края. На наш взгляд, Министерству просвещения РСФСР и отделам культуры местных советов следует обобщить положительный опыт организации школьных музеев и оказать им помощь как в организационном и материальном, так и в научном отношениях.

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1960 ГОДА

4—11 апреля 1961 г. в Москве проходила сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам полевых этнографических и археологических работ 1960 г. Отчетные доклады об этих работах были заслушаны и обсуждены также на пленуме Института археологии и расширенном заседании Ученого совета Института этнографии вместе с Институтом истории искусств АН СССР.

В ходе работы сессии по проблемам этнографической науки на общих собраниях сессии было заслушано 4 доклада, на расширенных заседаниях Ученого совета Института этнографии (в том числе совместно с Институтом истории искусств) — 8 докладов; более 150 докладов и сообщений было сделано в ходе работы секций — славянской этнографии, фольклора и народного искусства, Средней Азии, Кавказа, Сибири, Прибалтики и Поволжья, антропологии. В этой работе приняли участие свыше 300 этнографов, антропологов, археологов, фольклористов, искусствоведов, представлявших широкую научную общественность исследовательских учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, почти всех союзных и автономных республик и областей нашей страны. Активное участие в заседаниях принимали представители музеев: Государственного исторического музея, Музея народов СССР, Восточных культур, музеев Украины, Грузии, Эстонии, Латвии; городов: Куйбышева, Загорска, Горького, Нижнего Тагила, Костромы, Петропавловска на Камчатке и др. В ходе заседаний отчетливо проявилась из года в год укрепляющаяся координация научных исследований между родственными по профилю научными учреждениями, комплексное решение вопросов этнографической науки этнографами, археологами, искусствоведами и фольклористами.

Выросшее за последний год творческое содружество между Институтом этнографии и Институтом истории искусств АН СССР, выразившееся в совместном осуществлении экспедиций, позволило обоим учреждениям проводить ежегодную отчетную сессию совместно. Сессия показала, что такое совместное проведение экспедиционных работ полностью себя оправдывает. Тесная координация научных исследований хорошо проявилась в работе ряда секций: секции народов Кавказа и Средней Азии Института этнографии и Института археологии работали совместно; секция фольклора и народного искусства отдельные заседания координировала с работой секций славянской этнографии, народов Кавказа, народов Средней Азии, неславянских народов Европейской части СССР (Прибалтики, Европейского Севера и Поволжья).

В области этнографической проблематики в работе сессии центральное место заняли доклады, посвященные основным теоретическим вопросам этнографической науки, главным образом — изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. По этой проблеме на сессии было прочитано более 60 докладов. Вместе с тем, как указал, открывая сессию, академик-секретарь Отделения исторических наук Е. М. Жуков, в наше время советским историкам надлежит исследовать вопросы, связанные с процессами национального развития народов Азии, Африки, Латинской Америки, а также уделять внимание разработке проблем доклассового общества — самого длительного периода в истории человечества. Е. М. Жуков подчеркнул, что в условиях освободительной борьбы колониальных и зависимых народов проблема эволюции доклассового общества приобретает актуальное политическое значение.

На пленарном заседании сессии с теоретическим докладом «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии» выступил С. П. Голстов. Проблема первобытнообщинного строя, впервые подлинно научно обоснованная Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сказал он, имеет огромное значение, как один из важных составных частей марксистской теории исторического процесса. Выдающееся значение труда Ф. Энгельса заключается в том, что в нем нашло завершение одно из важнейших положений исторического материализма — учение об исторической ограниченности анта-

гонилистического общества, которому предшествовал длительный период первобытнообщинного строя, еще не знавшего классов и эксплуатации. С. П. Толстов подчеркнул не только тезисное, но и чрезвычайно существенное практическое значение данной проблемы.

Опыт нашей страны, когда после Великой Октябрьской социалистической революции многие народы, оставшиеся в недавнем прошлом на различных этапах развития первобытнообщинного строя или сохранявшие многочисленные его пережитки, успешно включились в активное строительство социализма и коммунизма, может иметь большое значение для народов, вышедших сейчас в результате кризиса и крушения колониальной системы на широкую арену мировой истории и вступивших в борьбу за преодоление прежней отсталости. Работы советских исследователей, в которых отсталые народы рассматривались не изолированно, а в тесной связи с историей человечества в целом, опровергают антинаучные построения буржуазных авторов, пытавшихся доказать неправильность положений, выдвинутых Ф. Энгельсом, и обосновать многообразие уровней социального и культурного развития народов расовым критерием или критерием якобы извечно присущих различным народам «моделей культуры». С. П. Толстов подробно охарактеризовал основные этапы развития первобытнообщинного строя и процесс расселения человека по различным материкам земного шара, подчеркнув, что различия в социальном и культурном уровне развития народов могут быть удовлетворительно объяснены лишь как результат различных условий, в которых протекала их история, в том числе колониальной эксплуатации, искусственно задержавшей развитие народов Африки и Азии.

Проблемам, отражающим процессы, характерные для современного развития народов СССР, были посвящены обобщающие доклады: Т. А. Жданко, В. К. Гарданова и Б. О. Долгих — «Основные направления этнических процессов у народов СССР», Л. Н. Терентьевой — «Полевые исследования Института этнографии в области изучения современности» и И. А. Крывелева — «Вопросы изучения религиозных пережитков и их преодоления».

В первом из этих докладов были подытожены данные полевых исследований Института этнографии (прежде всего в Средней Азии, на Кавказе и на Крайнем Севере). На конкретном материале докладчики охарактеризовали современные процессы этнического развития в СССР. Основное внимание авторы доклада уделили происходящему в период развернутого строительства коммунистического общества все более тесному сближению народов нашей страны на базе многообразных форм экономических и культурных связей, взаимопомощи и дружбы¹.

Л. Н. Терентьева в своем докладе на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии охарактеризовала состояние работ по проблемам современности, по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. Исследования Комплексной экспедиции по сравнению с первым годом ее работы расширились как по объему, так и по тематике. Значительно большее место заняли исследования, посвященные духовной культуре, развитию нового мировоззрения, процессам преодоления религиозных и бытовых пережитков. Отряды экспедиции в своей работе охватывали население не только отдельных пунктов, колхозов и совхозов, но и целых районов и областей, что способствовало разработке проблем обобщающего характера. Отдельные вопросы, затронутые в докладе Л. Н. Терентьевой, были развиты И. А. Крывелевым, который коснулся некоторых методических сторон изучения религиозно-бытовых пережитков и процессов их преодоления и подчеркнул, что оно должно проводиться в широком плане, причем внимание исследователя прежде всего должно быть обращено на мировоззрение людей, на идеологическую сущность религии, на выявление степени живучести традиционных обрядов и праздников.

В послевоенные годы научные исследования этнографов и археологов приобретают все большее значение для практики народного хозяйства и коммунистического строительства. Материалы экспедиционных работ позволили этнографам внести ряд практических рекомендаций по вопросам перестройки и подъема хозяйства, культуры и быта народов СССР. Это нашло яркое отражение в докладе С. П. Толстова «История освоения древней дельты Сыр-Дарьи (по материалам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции)».

Январский Пленум ЦК КПСС поставил важную задачу расширения ирригационных работ в различных районах страны, прежде всего в Средней Азии и Казахстане. В свете этой задачи С. П. Толстов на основе материалов многолетних работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции поставил очень важный вопрос о реальных возможностях нового освоения и использования под земледелие обширных пространств земель древнего орошения в области дельты Сыр-Дарьи. Докладчик, подробно охарактеризовав историю развития ирригационной сети в этом районе в античный период, в средневековье и в новое время (XVII — начало XIX в.), подчеркнул, что в запустении земель дельты Сыр-Дарьи, как и других земель древнего орошения, сыграли роль не столько природные факторы, сколько социально-исторические причины. В настоящее время новое освоение этой обширной территории путем ее обводнения и орошения при помощи со-

¹ Переработанный доклад публикуется в настоящем номере журнала.

временных технических средств может создать солидную базу для развития крупных многоотраслевых хозяйств, сочетающих возделывание зерновых культур с интенсивным стойловым животноводством и посевами кормовых культур на поливных землях.

Большой интерес представил доклад И. В. Маковского «Опыт комплексного экспедиционного изучения искусства и быта русского населения Восточной Сибири». Доклад был построен на материалах экспедиции, впервые проведенной совместно Институтом этнографии и Институтом истории искусств АН СССР. Эту экспедиционную работу, в которой принимали участие этнографы, искусствоведы, фольклористы, они проводили среди сложного по происхождению и этническим связям русского населения Забайкалья (в основном среди «семейских»). Изучая в первую очередь современную материальную культуру колхозников Забайкалья (особенно зодчество), народное искусство (роспись жилых помещений, песенное и поэтическое творчество, танцы, музыку), участники экспедиции вместе с тем имели возможность уделить внимание и важным вопросам этнической истории местного населения.

Итоги работы Тувинской археолого-этнографической экспедиции были доложены Л. П. Поталовым. Эта экспедиция имеет своей целью собрать данные для разработки основных проблем этнической истории тувинского народа и отразить опыт его хозяйственного и культурного развития после вхождения Тувы в состав СССР. Большое место в докладе было уделено итогам археологических раскопок курганов гуннского времени, давших богатый материал для истории материальной культуры местного населения того времени.

Несколько докладов было посвящено зарубежным народам. В докладе «Современные течения в буржуазной этнографии» Ю. П. Аверкиева на примере состояния этнографических исследований в США показала идейный кризис буржуазной науки, особо отметив, что съезд этнографов США 1952 г. показал то состояние тупика, в который зашла американская этнография. На этом съезде делегатами из стран Азии была вскрыта неорасистская сущность господствовавшего в США реакционного этно-психологического направления, оправдывающего притязания американского империализма на мировое господство. Ныне большинство американских ученых отошло от этого направления. Теоретические построения в современной этнографии США развиваются по нескольким линиям, в той или иной степени отражающим идеалистическую философию и социологию. Вместе с тем всемирно-исторические события нашего времени нашли отражение в напряженной борьбе прогрессивных взглядов передовых американских этнографов против антинаучных концепций.

С живым и содержательным докладом выступил Д. А. Олдерогге, рассказавший о своей поездке по новым государствам Африки: Сенегалу и Мали. Очень интересными в этом докладе были данные об огромном интересе африканских народов, добившихся самостоятельности, к своей истории.

Два доклада были посвящены Японии. В докладе М. Г. Левина «Основные проблемы антропологии Японии» на большом фактическом материале были освещены вопросы антропологии Японии, до настоящего времени недостаточно изученные в специальной литературе. Докладчик отметил длительное смещение этнических компонентов, что в условиях изоляции на Японских островах привело к образованию своеобразного довольно однородного антропологического типа современных японцев, при сохранении, однако, ряда локальных вариантов.

Другой доклад, прочитанный С. А. Арутюновым, был посвящен вопросам современного быта японцев. На лично собранном материале докладчик показал, что современный быт японцев в значительной степени сохраняет свои традиционные черты, наблюдающиеся почти в равной степени во всех слоях общества; однако конкретные формы проявления тех или иных черт в разных группах населения неодинаковы. На примере отдельных элементов материальной и духовной культуры (жилище, одежда, религия) докладчик показал, что в тех случаях, когда происходит заимствование, в частности европейских, черт культуры, обычно оно бывает не механическим, а при этом имеет место синтез и взаимопроникновение элементов разных культур.

В работе секций необходимо отметить значительное расширение тематики по сравнению с предшествующими сессиями. На секционных заседаниях было поставлено много интересных сообщений по всем основным направлениям советской этнографической науки.

В области изучения культуры и быта колхозного крестьянства расширился объем и тематика проводимых работ; большее место заняли исследования, посвященные духовной культуре, вопросам развития нового мировоззрения, процессам преодоления религиозных и бытовых пережитков.

Расширилась проводимая работа по изучению быта и культуры рабочих (в Средней Азии, в Карельской и Коми АССР).

Секционные сообщения свидетельствовали также о широко и успешно проводимых исследованиях этнографов всей страны в области изучения современных процессов у народов СССР, в области этногенеза и этнической истории, по антропологической тематике, фольклористике, народному искусству. Так, в частности, следует признать весьма удачными результаты изучения современных этнических процессов, достигнутые сотрудниками Кара-Калпакского филиала АН УзССР; большой интерес вызвали доклады, посвященные населению и искусству Башкирии. Доклады и сообщения на секции народного искусства и фольклора отчетливо показали возможности использо-

вания народных художественных традиций в современном быту и художественной промышленности. Особый интерес вызвала на секции Средней Азии серия докладов, посвященных сако-кушанской проблеме, о необходимости разработки которой говорилось на XXV Международном конгрессе востоковедов. Большой размах работ по изучению истории культуры сакских племен позволяет сейчас поставить вопрос о целесообразности объединения усилий скифологов и специалистов по археологии сакских племен Средней Азии.

Вместе с тем работа секций показала необходимость дальнейшего углубления исследования (особенно комплексного) ряда вопросов, отражающих основные направления советской этнографической науки: изучение процессов национальной консолидации, религиозных пережитков, в частности среди народов Сибири; изучение народного прикладного искусства, художественных промыслов и художественной промышленности народов СССР; необходимость пропаганды выдающихся произведений народного искусства; усиление методической работы в области полевых исследований и т. д.

В. А. Александров

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

• (Второе общее собрание Советской социологической ассоциации)

8—9 февраля 1961 г. в Москве проходило второе общее собрание Советской Социологической Ассоциации, в котором приняли участие представители научных учреждений, являющиеся членами Ассоциации, а также значительная группа ученых, занимающихся социологическими проблемами.

С отчетным докладом президиума Ассоциации выступил ее председатель Ю. П. Францев. Он напомнил, что создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации, входящей в Международную социологическую ассоциацию, было связано с увеличением влияния и престижа Советского Союза на мировой арене, с возрастанием международной роли нашей идеологической работы. Задачи Ассоциации были определены, главным образом, теми внешними связями, которые советские ученые поддерживают с огромной армией ученых-обществоведов капиталистических стран — очень влиятельным отрядом буржуазной интеллигенции Запада. Область общественных наук, подчеркнул Ю. П. Францев, была всегда, а сейчас особенно, ареной острейшей идеологической борьбы. Наше влияние на идеологическом фронте в капиталистических странах имеет огромное прогрессивное значение, организуя и стимулируя отпор реакционным течениям в области социологии, воздействуя на колеблющихся представителей интеллигенции, помогая прогрессивной интеллигенции находить правильные пути в своей деятельности.

Особое значение, отметил Ю. П. Францев, имеет пропаганда идей научного коммунизма с помощью конкретно-социологических исследований отдельных сторон жизни социалистических стран, в первую очередь Советского Союза. «В наше время, когда коммунизм является не только самым передовым учением, но и реально существующим общественным строем, доказавшим свое превосходство над капитализмом...»¹, нельзя уже распространять идеи коммунизма, не ссылаясь на великий исторический опыт КПСС, нашей страны и всех стран социалистического лагеря. Самые факты жизни советского народа, их точное и яркое изложение, серьезный анализ и теоретическое обобщение — замечательное средство пропаганды великих идей коммунизма как в нашей стране, так и за рубежом, где наблюдается огромная тяга к научным произведениям о социальном прогрессе в социалистическом обществе. Ответственной задачей Советской социологической ассоциации — удовлетворить растущую потребность в таких произведениях, которых пока очень мало на международном книжном рынке.

Ознакомив далее участников собрания с программой предстоящего в 1962 г. V Международного социологического конгресса и тематикой намечаемых докладов и сообщений, Ю. П. Францев сделал краткий обзор социологической работы, проводимой в СССР в настоящее время.

Надо, — сказал Ю. П. Францев, — прежде всего отметить значительный поворот в сторону конкретно-социологических исследований, который произошел после XXI съезда партии как у философов, так и у экономистов. У этнографов он может быть замечен, потому что конкретные исследования были всегда предметом их деятельности. Огромное значение для развития социологической работы имели постановления ЦК КПСС, в том числе от 9 января 1960 г. о пропаганде, и выступления Н. С. Хрущева, посвященные вопросам строительства коммунизма.

¹ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1960, стр. 48.

Ю. П. Францев напомнил, что еще недавно бывали случаи, когда конкретные социологические исследования рассматривались чуть ли не как уступка буржуазной социологии. Сейчас наши позиции совершенно ясны. Исторический материализм обращен не только к прошлому. Сила исторического материализма в том, что он позволяет видеть явления сегодняшнего дня в их развитии, в их отношении к прошлому, а также к перспективе общественного развития.

Вместе с тем исторический материализм отнюдь не ограничивается изучением лишь самых общих закономерностей общественного развития, он освещает и частные закономерности, особенности исторического развития.

В настоящее время уже выявились некоторые общие черты конкретных социологических исследований, осуществляемых в нашей стране.

Это, во-первых, то, что в большинстве конкретных исследований четко поставлена задача исследования, определено его практическое значение. Опыт показывает, что уже в самом начале исследования необходимы очень подробная консультация и постоянная связь с партийными, хозяйственными, профсоюзными организациями, необходим внимательный учет их запросов, непосредственно вытекающих из нужд практики. Одним из примеров такого рода социологических исследований является работа по изучению культурно-технического роста рабочего класса, которую ведет сейчас в Свердловске группа под руководством М. Т. Иовчука.

Во-вторых, социологические исследования требуют хорошо разработанной теоретической основы, точного определения, какие именно частные закономерности, являющиеся в конечном итоге частью общих закономерностей, должны быть установлены в данном конкретном исследовании. В противном случае возникнет опасность, что конкретные исследования могут свестись лишь к иллюстрации общеизвестных положений. Их комментированию с помощью фактов. Помощь практике в этом случае будет равна нулю, хотя по видимости и соблюдены все правила приближения науки к практике, собран конкретный материал.

В-третьих, проведение конкретно-социологических исследований далеко не всегда следует начинать с первичного сбора материала. Необходимо иметь в виду наличие огромного, уже частично обработанного материала в партийных, профсоюзных, хозяйственных организациях, материала, который ждет научного анализа и теоретического обобщения.

В-четвертых, обследуемый «человеческий материал» отнюдь не является только объектом исследования, а становится активным помощником, иногда даже как бы соавтором исследователя, чего, конечно, в практике буржуазной социологии быть не может. Эта особенность проявляется в частности в том, что предварительные итоги исследований, как правило, активно обсуждаются, корректируются на собрании коллектива, где проводилось исследование. Коллектив втягивается в обсуждение теоретической проблемы, важных вопросов марксистско-ленинской теории, а тем самым достигаются также серьезные успехи и в области нашей пропагандистской работы.

Вместе с тем докладчик отметил, что все еще недостаточное внимание уделяется методике исследований и критике методики социологических буржуазных работ. В связи с этим Ю. П. Францев внес предложение создать при Ассоциации специальную комиссию, которая занялась бы обобщением того положительного, что у нас имеется в области методики конкретных социологических исследований, и подготовила соответствующее пособие.

Касаясь содержания конкретных социологических исследований, проводимых в настоящее время в СССР, Ю. П. Францев отметил, что это содержание определяется самой природой нашего социалистического строя и нынешним периодом его развития — развернутым строительством коммунизма.

Ссылаясь на высказанную в 1923 г. В. И. Лениным мысль, что «...мы теперь получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений...»², Ю. П. Францев призвал советских социологов изучать эти планируемые во времени социальные изменения, ростки нового и того, что мешает этому новому пробиваться вперед. Направление развития социологических исследований в нашей стране определяется, сказал Ю. П. Францев, указанием Н. С. Хрущева на то, что сейчас главными задачами являются, во-первых, создание материально-технической базы коммунизма, во-вторых, развитие на этой основе коммунистических общественных отношений, и, в-третьих, формирование человека будущего, коммунистического общества³.

Комплексность этих задач определяет и комплексность работы советских социологов. Примером необходимости такой комплексности могут служить исследования в области изучения роста производительности труда. Их невозможно ограничить только вопросами техники; они обязательно ставят также и вопрос о характере общественных отношений, идеологии, общественного сознания, социальной психологии и т. д.

В отличие от Запада у нас нет всеобъемлющей абстрактной социологии, сказал Ю. П. Францев, но у нас имеется плодотворное соединение в социологическом исследовании обществоведов ряда специальностей, а также, если нужно, техников, инженеров, биологов, психологов.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 441—442.

³ Н. С. Хрущев, За новые победы мирового коммунистического движения, «Коммунист», 1961, № 1, стр. 10.

В заключение своего содержательного доклада Ю. П. Францев остановился еще на одной задаче, для выполнения которой советские социологи делают пока крайне мало. Буржуазные социологи накопили значительный материал, характеризующий, против их воли, язвы современного капитализма. Но эти социологические исследования погрены в специальных журналах или в мало доступных книгах, выводы в них либо вовсе отсутствуют, либо сделаны вопреки фактам. Наш долг внимательно пересмотреть такие материалы буржуазной социологии, дать им правильное истолкование и использовать для обличения капиталистического мира.

С докладом «Изменения социальной структуры в СССР» выступил В. С. Семенов.

В развитии социальной структуры в СССР докладчик выделил два основных этапа: первый — до победы социализма в СССР, второй — период завершения строительства социализма и строительства коммунистического общества, который начался в 1937 г. и продолжается в настоящее время.

На первом этапе перед советским государством в этой области стояли три основные задачи: 1) ликвидация эксплуататорских классов; 2) создание классов социалистического общества, 3) начало ликвидации различий между классами. Все эти задачи были успешно решены в период социалистического строительства — с 1917 по 1937 гг.

Прежде всего была ликвидирована собственность крупных капиталистов; она была национализирована в первый же год Советской власти (к концу июня 1918 г.). Ликвидация помещиков как класса была завершена к концу гражданской войны (в 1920 г.). С конца 1929 г. началось проведение политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Окончательно процесс ликвидации эксплуататорских классов в СССР был завершен к 1937 г.

Важнейшей задачей государства было создание классов социалистического общества. Основой ее решения, как и ликвидации эксплуататорских классов, были изменения в способе производства. После революции в России был только один социалистический по своей природе класс — это рабочий класс. Поэтому в отношении рабочего класса стоял вопрос о его дальнейшем количественном и качественном росте. Индустриализация привела к увеличению численности рабочего класса. К десятилетию Советской власти (к 1927 г.) численность промышленных рабочих составляла более 7 млн. человек. К 1932 г. среднегодовая численность рабочих в СССР выросла до 16,8 млн. человек.

Произошли также большие изменения в отраслевом распределении рабочих. Если в 1913 г. в машиностроении и металлообработке было занято 13,8%, то в 1932 г. — 26,9%, т. е. вдвое больше.

Изменения в рабочем классе шли также по линии поднятия его культурно-технического уровня. Рабочий класс стал классом всеобщей грамотности. Увеличилась доля рабочих средней и высшей квалификации. Возросла доля женщин в составе рабочих.

Значительные изменения произошли в национальном составе рабочего класса СССР. В дореволюционной России, как известно, рабочий класс в основном состоял из русских. Создание рабочего класса в национальных республиках привело к тому, что к 1934 г. в Белоруссии, Украине, Грузии, Азербайджане, Узбекистане, Туркмени, Армении рабочий класс от 30 до 70% состоял из представителей коренных народностей.

Произошли большие изменения в территориальном распределении — рабочий класс, сосредоточенный ранее в центральных районах Европейской части страны, в значительной части переместился в восточные районы: Урал, Сибирь, Среднюю Азию.

В отношении крестьянства стояла задача создания нового по социальной природе класса. Дореволюционное крестьянство — это мелкоотварные, мелкобуржуазные собственники — труженики и владельцы средств производства. После революции одно время наблюдался рост мелкоотварного производства. В 1913 г. в мелкоотварном хозяйстве было занято 66,7% населения, а в 1928 г. — уже 74,9%. Перевод мелкоотварного уклада на рельсы социалистического производства путем объединения единоличных хозяйств в колхозы был решающим шагом в социалистическом преобразовании крестьянства. К 1937 г. мелкоотварное хозяйство в деревне было почти ликвидировано, и процент коллективизации (по числу крестьянских дворов) составлял уже 93%. Удельный вес социалистического сельского хозяйства в валовой продукции сельского хозяйства в 1937 г. составлял 98,5%.

За первые 20 лет Советской власти была создана новая, социалистическая интеллигенция. Она выросла главным образом за счет выходцев из среды рабочего класса и крестьянства. К 1937 г. интеллигенция и служащие составили 13—14% населения, в том числе инженерно-технических работников более 1 млн. человек, агротехнического персонала 176 тыс. человек, учителей около 1 млн. человек, а также сотни тысяч работников здравоохранения, науки, искусства и т. д.

В ходе социалистического строительства началось решение и третьей задачи — устранения различий между классами, а вместе с тем и достижения морально-политического единства общества.

Изменение социальной структуры в СССР в период завершения строительства социализма и строительства коммунистического общества характеризуется по сравнению с первым этапом значительным своеобразием. Во-первых, была закончена ликвидация эксплуататорских классов. Во-вторых, в отношении рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции стоит вопрос уже не о создании классов социалистическо-

го общества, а о завершении развития социалистических по природе классов и общественных групп. В-третьих, на первое место теперь выдвигается задача постепенного устранения различий между классами, постепенного преобразования классового общества в общество бесклассовое.

В. С. Семенов отметил, что второй этап развития социальной структуры в СССР не был непрерывным. Он начался в 1937 г. с победой социализма, был прерван Великой Отечественной войной (1941—1945 гг.) и продолжался в послевоенные годы. В 1959 г. Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунистического общества.

В рассматриваемый период значительно увеличилась численность рабочего класса. В соответствии с советской национальной политикой происходил рост рабочего класса союзных республик. Если в целом по Союзу численность рабочих и служащих увеличилась в 1955 г. по сравнению с 1940 г. на 55%, то в Казахстане она увеличилась в 2,4 раза, а в Литовской ССР — в 2,6, в Латвийской ССР — 2,1, в Молдавской ССР — в 3,9 раза.

Основным направлением качественных изменений рабочего класса был дальнейший подъем его культурно-технического уровня, приближение его труда к инженерно-техническому уровню. Это нашло выражение в повышении квалификации рабочих, в появлении новых профессий высококвалифицированного труда, в изменении характера труда ряда старых профессий.

Исходя из существующей тенденции роста рабочего класса, можно (конечно, очень приблизительно) предположить, что в ближайший период — до 1980 г. — произойдет дальнейшее увеличение численности рабочего класса и что к 1980 г. она достигнет 55—60% в населении страны.

В то же время доля колхозного крестьянства в составе населения снизилась с 1937 по 1955 г. с 57,9 до 41,2%.

В капиталистических странах также происходит уменьшение численности крестьянства, но природа этих двух процессов в СССР и в капиталистических странах различна. Там это является результатом эксплуатации и разорения крестьянства; в нашей стране уменьшение численности крестьян отражает процесс перераспределения баланса рабочей силы, что связано с подъемом сельскохозяйственного труда до уровня индустриального. Можно предполагать, что в 1980 г. на долю крестьянства будет приходится примерно 20—25% населения нашей страны.

В период завершения социалистического строительства и развернутого строительства коммунизма сильно возрастает численность и удельный вес интеллигенции и служащих. В 1937 г. численность интеллигенции составляла 9,5 тыс. человек, а в 1956 г. достигла 15,4 тыс. человек. Процесс изменения социальной структуры сопровождается в настоящее время процессом перераспределения трудящихся между классами.

Происходит, во-первых, увеличение численности рабочего класса за счет крестьянства. Высвобождающаяся в результате технического оснащения сельского хозяйства часть крестьянства из деревни перемещается в город. Происходит и обратный процесс: десятки тысяч рабочих по зову партии и правительства пошли трудиться в колхозы.

Во-вторых, происходит пополнение рядов интеллигенции выходцами из рабочих и крестьян. В последние годы имеет место процесс перемещения детей служащих и интеллигенции в рабочий класс и крестьянство.

В заключение своего доклада В. С. Семенов остановился на вопросе о последовательности уничтожения классовых различий. Вероятно, сказал докладчик, раньше всего будет уничтожено различие в формах собственности, затем будут уничтожены различия между городом и деревней, далее — различие между умственным и физическим трудом и в соответствии с этим различия по роли в организации труда, и, наконец, последним этапом уничтожения классовых различий будет уничтожение различий по доле в общественном богатстве.

А. А. Зворыкин сделал доклад на тему: «Автоматизация в СССР и изменение содержания и характера труда». Отметив, что вопросы изменения в ближайшем будущем, приблизительно в ближайшие 20 лет, содержания и характера труда в СССР все еще незаслуженно не привлекают к себе внимания наших социологов и других исследователей, докладчик изложил результаты проведенного им изучения этой важнейшей проблемы.

Изменения труда прежде всего связаны с созданием материально-технической базы коммунизма. Центральным же в создании материально-технической базы коммунизма является переход к автоматической системе машин как всеобщей форме производства на базе сплошной электрификации, развития науки и растущего ее применения.

В литературе по вопросам изменения характера и содержания труда намечилось два неправильных направления. Одни пытаются представить себе изменения характера и содержания труда, отпавляясь от неправильно понятых высказываний классиков марксизма по этому вопросу. Другие делают робкие попытки связать вопрос изменения характера и содержания труда с изменением материальной базы, с развитием автоматизации. В последнем случае дело обычно сводится к такой схеме: автоматизация, появление пульта управления, уничтожение различий между профессиями рабочих в одной отрасли, а затем более легкий переход работников от одной отрасли производства к другой.

Подобные представления о нивелировке труда рабочих как в рамках одной, так и в рамках всех отраслей, по мнению А. А. Зворыкина, не соответствуют объективному ходу технического развития и создают неверное представление о характере труда рабочих при автоматизации. В действительности переход к автоматической системе машин ликвидирует узкоспециальные профессии и требует разносторонне подготовленных рабочих, но прежде всего подготовленных для данного вида технологических работ, что повышает требования к специальным знаниям в отношении определенной группы машин.

Полученные при конкретном изучении этих вопросов на производстве материалы показывают, что труд рабочих у пультов управления лишь внешне кажется унифицированным. Пульт управления — это средство управлять процессами данной технологии, а управлять этими процессами может лишь тот, кто знает и глубоко понимает природу данного технологического процесса. Функции работника, обслуживающего автоматические машины и системы машин, не исчерпываются работой у пульта управления, а включают разработку программ, устранение неполадок, совершенствование системы машин, накопление данных для создания новых, более совершенных машин. Повышение требований по обслуживанию данной автоматической машины в дальнейшем пойдет и по линии объединения в руках одного человека работ, касающихся не только механической, но и электрической и приборной частей.

Нивелировка характера труда в том виде, как это представляют себе некоторые, лишает труд его качественного разнообразия, привлекательности, соответствующей характеру и наклонностям отдельных людей. Такая трактовка исключает самую постановку вопроса о действии закона перемены труда, так как при такой нивелировке труд выглядит одинаковым во всех отраслях, и у человека нет причин переходить из одной отрасли в другую (может быть только с точки зрения близости жилья к месту работы). Поэтому такой подход является неправильным. Закон перемены труда, сформулированный классиками марксизма, отражает не только изменения техники, но и изменения социальной жизни, этот закон не исключает, а предполагает различия в характере труда и исходит из того, что человек в будущем будет обладать подготовкой, которая позволит ему находить работу «по душе» и заниматься ею, может быть, всю жизнь.

Наряду с неверной трактовкой закона перемены труда имеет место и отказ от раз-работки этих вопросов; практически у нас эти вопросы в народном хозяйстве в ряде случаев решаются самотеком.

В заключение А. А. Зворыкин подчеркнул необходимость комплексного изучения вопросов труда. Следует объединить усилия физиологов, экономистов, социологов, психологов в изучении этих вопросов, создать единый комплексный план таких исследований.

На заседании 9 февраля был заслушан доклад Б. Ц. Урланиса «Увеличение продолжительности жизни в СССР».

Докладчик начал с напоминания о том, что смертность в дореволюционной России была выше, чем в любом европейском государстве. Высокой была и смертность детей. В России 27 из 100 родившихся детей умирали до года, а в некоторых губерниях умирало больше одной трети.

После Великой Октябрьской социалистической революции коэффициент смертности (1:1000) резко снизился. Если до революции смертность была 30 чел. на 1000, то уже в 1928 г. — 21 чел., перед войной — 18 чел., а в настоящее время немногим более 7. Сейчас у нас коэффициент смертности ниже, чем в любом государстве мира.

За годы Советской власти в нашей стране резко возросла средняя продолжительность человеческой жизни. Об этом наглядно свидетельствует приведенная докладчиком таблица, в которой за среднюю норму человеческой жизни условно берется 90 лет⁴.

	Норма	Прожито лет	Не дожито лет
1913 г.	90 л.	33	57
1958 г.	90 л.	68	22

Как образно выразился докладчик, «жизнь и смерть в Советском Союзе как бы поменялись своими местами». Советский Союз по показателю средней продолжительности жизни занимает одно из первых мест в мире.

Резко снизилась за годы Советской власти детская смертность — (с 27% до 4%). Если по дореволюционным нормам у нас умирало каждый год 1200 тыс. младенцев до года, то теперь из 5 млн. рождающихся в год детей умирает 200 тыс. В СССР усиливается борьба за дальнейшее снижение детской смертности.

В заключение Б. Ц. Урланис указал, что в борьбу за увеличение продолжительности жизни большой вклад могут внести не только медицина, биология и другие естественные науки, но также социология и такая отрасль общественной науки, как демография.

Следующий доклад, представленный группой авторов (М. Т. Иовчук, М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган) посвящен опыту исследования культурно-технического подъема рабочего класса на материалах Свердловской области. Поскольку результаты этого

⁴ Б. Ц. Урланис считает, что при современном уровне развития медицины и биологии нормальная продолжительность человеческой жизни может быть определена в 90 лет, и более ранняя смерть человека означает, что он не дожил до полагающейся ему нормы.

исследования изложены в книге «Культурно-технический подъем рабочего класса в СССР», (М., Соцэкгиз, 1961), мы содержание этого доклада не излагаем. Укажем только, что группа под руководством М. Т. Иовчука, начавшая работу в 1956 г., в настоящее время расширила тематику своих исследований и сейчас ведет работу по трем основным темам: 1) всестороннее развитие советского общества; 2) изменение социальной структуры в СССР; 3) стирание социальных граней. Расширился и состав этой группы, первоначально состоявшей из научных сотрудников Института философии АН СССР и преподавателей общественных наук Г. Свердловска. В настоящее время в авторский коллектив входят также представители Академии общественных наук, работники народного хозяйства, отдельных промышленных предприятий.

В. П. Рожин в своем сообщении «О конкретном изучении закономерностей превращения труда в первую жизненную потребность (на материалах г. Ленинграда)» рассказал, что коллектив ученых философского факультета Ленинградского государственного университета совместно с экономистами, юристами и психологами в 1960 г. приступил к исследованию закономерностей превращения труда в первую жизненную потребность. В работе в настоящее время принимает участие 30 человек, в том числе 5 сотрудников лаборатории социологических исследований Ленинградского университета. Задача исследования — изучить и обобщить передовой опыт предприятий и, прежде всего, работы бригад коммунистического труда, выявить важнейшие закономерности перехода к коммунистическому труду. А на этой основе выработать советы, предложения и рекомендации партийным и хозяйственным организациям. Результаты первого этапа этого исследования изложены в научно-популярной книге «В борьбе за коммунистический труд», подготавливаемой в настоящее время к печати.

В. П. Рожин сообщил о важной работе, проводимой социологическим семинаром, организованным в г. Ленинграде три года назад. В этом семинаре, входящем в состав Советской социологической ассоциации, работает 50 человек, он разбит в соответствии с тематикой своей работы на четыре группы: 1) группа, изучающая вопросы подъема культурно-технического уровня рабочих на предприятиях г. Ленинграда (руководитель М. Д. Плинер); 2) группа, изучающая причины преступности и меры борьбы с нею (руководитель М. Д. Шаргородский); 3) группа, изучающая вопрос об общественном значении и роли народного образования в СССР (руководитель А. Г. Ковалев); 4) группа, изучающая вопросы брака и семьи при социализме (руководитель А. Г. Харчев). Семинар подготовил первый том работ, который вскоре будет издан.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад П. П. Маслова на тему «Проблема свободного времени и его использования».

Свободное время трудящихся, подчеркнул докладчик, есть категория свойственная только нашему строю, нашим условиям жизни. Свободное время трудящихся СССР — это важный показатель улучшения жизни населения. Нельзя говорить о «свободном времени» в условиях капитализма, так как там досуг, которым располагает рабочий, нельзя отделить от свободного времени принудительного, вызванного безработицей, неполным рабочим днем и другими особенностями той социальной среды.

Далее П. П. Маслов ознакомил собравшихся с методикой изучения свободного времени в СССР. Он указал на положительный опыт изучения бюджета времени в 20-х годах, когда этим вопросом занимался С. Г. Струмилин, и на опыт ЦСУ в 30-х годах. Большую помощь оказал Институт экономики Сибирского отделения АН СССР, который принял участие в разработке программы исследования свободного времени. Докладчик отметил, что изучение бюджета времени нельзя вести анкетным путем. Необходимо точное хронометрирование систематические наблюдения исследователя за избранными объектами, непрерывное «фотографирование» их режима суток.

Так и поступают сотрудники Института труда, которые под руководством Г. А. Пруденского проводят соответствующий цикл работ.

Полученный материал показывает, что свободного времени сейчас больше не только потому, что сократился рабочий день, но и потому, что сократилось время, затрачиваемое на домашний труд (в 1924 г. он в среднем в бюджете времени занимал 488 минут, а сейчас 295 минут). Однако свободного времени, как полезного досуга, пока все еще остается мало. Это общий вывод всех наблюдений. Затем выясняется, что досуг у женщин гораздо меньше, чем у мужчин. Следовательно, меры по высвобождению и организации полезного досуга у мужчин и женщин должны быть в известной мере разные, учитывающие особенности разделения труда в семье.

Докладчик отметил, что по имеющимся в его распоряжении материалам семейное положение на бюджет времени особого влияния не оказывает. Собранные данные показали, что у одиночек-женщин, живущих в общежитии, свободного времени подчас гораздо меньше, чем у женщин, живущих в семье. П. П. Маслов считает, что это объясняется семейной кооперацией. В связи с этим он обращает внимание на необходимость при изучении поставленной проблемы точно определить, что должно служить объектом наблюдения и единичной измерения — семья или отдельные ее члены. Нельзя говорить просто о сумме свободного времени членов семьи. В данном случае сумма — не показатель. Когда говорят о семье, то имеют в виду лишь два ее признака — родство по браку и по крови и общий бюджет. Докладчик считает, что нужен еще третий признак — семейная кооперация.

Если налицо будет родство и общий бюджет, но нет кооперации (например, мать с сыном живут вместе), то это все-таки не семья с точки зрения поставленной проблемы.

Только внутрисемейная кооперация решает вопрос свободного времени. Если брать как объект исследования семью в целом и не учитывать внутрисемейной кооперации, а просто подчитать свободное время семьи, то получаются иногда курьезы. Например, семья из двух человек — мать и взрослый сын, где мать берет на себя все заботы, а молодой человек учится. То же самое наблюдаем и в случае, если в семье есть дети и пенсионеры (когда более молодая семья не отделалась), естественно, что в этой семье образуется резерв досуга, которого не было бы, если бы неработающий член семьи не взял на себя труд ухода за детьми и т. д.

Поэтому укрепление семьи (с тем, чтобы младшее поколение не отрывалось от старшего и могла бы происходить естественная форма внутрисемейной кооперации) является важным фактором в увеличении досуга, свободного времени всей семьи.

Касаясь проблемы отдыха, П. П. Маслов высказался за то, что в нем должен занять определенное место и физический труд, который означает для многих перемену работы и, следовательно, отдых. Докладчик предлагает подумать о создании условий, позволяющих горожанам принимать в виде отдыха участие в сельскохозяйственных работах.

Выступивший в прениях Г. А. Пруденский отметил, что в докладе П. П. Маслова было много интересных, хотя и спорных мыслей. Однако, подчеркнул Г. А. Пруденский, не следует в угоду оригинальности усложнять некоторые вопросы. В частности, он считает, что докладчик напрасно усложняет понятие свободного времени, которое уже установлено теоретически и практикой научных исследований, проводимых Институтом труда. Мы ни в коем случае не должны сводить понятие свободного времени только к той его небольшой части, которую занимает повышение квалификации, и т. п., как это иногда делается. Мы должны исходить из понятия нерабочего времени как времени свободного от работы, включая сюда все, что связано с интеллектуальным ростом человека, его отдыхом, досугом, общественной работой, воспитанием детей и всеми другими затратами, которые относятся к свободному времени. Вместе с тем следует резко отличать свободное время от таких элементов нерабочего времени, как, например, домашний труд, так как что бы ни говорили о значении семейной кооперации, но самым главным фактором роста свободного времени трудящихся у нас является рост производительности труда и на этой основе сокращение рабочего дня.

Г. А. Пруденский указал, что вывод о том, будто у семейных больше свободного времени, чем у одиночек, ошибочен и противоречит всем имеющимся данным. Наблюдения показывают, что домашний труд, как правило, растет в зависимости от числа детей (особенно это касается женщин). Поэтому во всех наших планах предусматривается максимальное удовлетворение потребности в яслях и детских садах. Это одно из важнейших проявлений заботы Коммунистической партии и Советского правительства о благо человека.

Г. А. Пруденский выступил с критическими замечаниями по докладу Б. Ц. Урланидзе, отметив, что в этом очень интересном докладе была упущена экономическая сторона вопроса, а снижение смертности и увеличение продолжительности жизни в СССР объяснялись главным образом достижениями медицины, работой органов народного здравоохранения. Между тем при более глубоком анализе речь должна идти о комплексе социально-экономических условий, существующих в нашей стране. Ни одно социологическое явление, справедливо заметил Г. А. Пруденский, не может правильно и достаточно всесторонне характеризоваться общим универсальным показателем.

В прениях выступили также В. К. Гарданов (Институт этнографии АН СССР), Б. А. Грушин («Комсомольские правды»), Г. П. Лебедев (Академия общественных наук при ЦК КПСС), В. С. Немченко (Институт труда), Г. В. Осипов (Институт философии АН СССР), которые ознакомили собрание с ведущимися в представляемых ими учреждениях социологическими исследованиями и высказали ряд замечаний по заслушанным докладам. Все выступавшие отмечали необходимость более тесной координации ведущихся в нашей стране конкретно-социологических исследований, в чем большую роль призвана сыграть Ассоциация. Эту же мысль еще раз подчеркнул в своем заключительном слове Ю. П. Францев.

Второе общее собрание Советской социологической ассоциации приняло развернутую резолюцию, в которой, в частности, указывается, что работники общественных наук, объединенные в учреждения, входящие в Ассоциацию, «должны основное внимание сосредоточить на конкретном изучении вопросов развития коммунистических форм труда и общественной жизни в городе и деревне, развития коммунистического общественного самоуправления, проблем коммунистического воспитания».

Для разработки мероприятий по координации социологической работы членов Ассоциации была создана комиссия, в состав которой вошли М. Т. Иовчук, В. П. Рожин, Л. Н. Терентьева, А. А. Зворыкин, П. М. Лозневой.

Общее собрание произвело очередные выборы президиума Ассоциации. От института этнографии АН СССР вошел директор Института С. П. Толстов.

В. К. Гарданов

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Широкий размах этнографических исследований в СССР и большие достижения советской этнографической школы в разработке ряда важных теоретических проблем обеспечили советской этнографической науке международное признание. Одно из проявлений этого — значительный рост научных связей советских этнографических учреждений и в первую очередь Института этнографии АН СССР, с зарубежными научными этнографическими учреждениями и отдельными учеными.

Формы этих связей весьма разнообразны, и в небольшой заметке невозможно дать полную и исчерпывающую их характеристику. Основной формой является научное сотрудничество советских и зарубежных ученых, в первую очередь ученых из стран социалистического лагеря, в подготовке совместных коллективных работ, в разработке коллективных тем.

Примером такого сотрудничества служит работа над томом «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы» серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии АН СССР. Над главами этого тома о народах братских социалистических стран Европы в тесном контакте работали ученые сектора народов зарубежной Европы Института этнографии и этнографы из стран социалистического лагеря. В процессе совместной работы, во время двусторонних научных командировок, в ходе коллективных обсуждений написанных глав осуществлялось подлинное научное сотрудничество, одинаково полезное для всех участников подготовки этого тома.

Не менее полезным было деловое обсуждение с зарубежными коллегами некоторых глав других томов этой же серии. Так, в 1957 г. в Пекине вместе с учеными КНР были обсуждены посвященные народам Китая главы тома «Народы Восточной Азии». Китайские ученые сделали ряд ценных замечаний, которые были учтены при дальнейшей работе. Не менее важными были замечания корейских ученых по главе «Корейцы» этого же тома.

В 1961 г. научные сотрудники сектора Америки совместно с видными государственными деятелями и учеными Кубы подготовили сборник «Куба. Историко-этнографические очерки». Специально для этого сборника прислали статьи Эрнесто Че Гевара, крупный этнограф Антонио Нуньес Хименес, председатель Народно-социалистической партии Хуано Маринельо, кубинский этнограф Мануэль Риверо де ля Калье. Эта работа даст возможность советскому читателю еще больше узнать об истории и культуре оттаженного кубинского народа.

Первым опытом совместной научной этнографической работы советских и индийских ученых можно считать вышедший в свет в 1961 г. «Индийский этнографический сборник» (вып. 1). В него, кроме статей советских исследователей, вошли работы Д. Д. Косамби, М. Кхокара, П. Ч. Джоши, Г. Сурьяма, содержащие новый и ценный материал по некоторым проблемам этнографии Индии.

За последние годы теснее стали непосредственные научные контакты советских этнографов с зарубежными коллегами. Институт этнографии посещает много ученых из различных стран мира.

В 1958 г. Институт этнографии принимал Мэри Вормингтон-Фолк, известного американского археолога, сотрудницу Музея естественной истории в г. Денвере, Колорадо. За время своей двухмесячной научной работы в СССР М. Вормингтон-Фолк прочитала несколько интересных лекций по археологии Америки, в которых изложила свою точку зрения по некоторым проблемам (например, о заселении Америки).

В 1958—1959 гг. в Институте работал китайский этнограф Цзинь Тянь-мин, которыйзнакомился с методикой этнографических исследований в СССР, с достижениями советской этнографии. Цзинь Тянь-мин принял участие в работах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции и экспедиции на Кубань, где имел возможность в полевых условиях ознакомиться с методами работы советских этнографов. В настоящее время в Ленинградской части Института проходит стажировку молодой этнограф из КНР Гао Вэнь-дэ, занимающийся изучением этнографии народов Южной Сибири. В 1960—1961 гг. над этими же проблемами в Институте работала Улла Иохансен, этнограф из Гамбурга.

В 1960 г. Институт принимал японского этнографа С. Каяма, занимавшегося этнографией народов Средней Азии. С. Каяма совершил большую поездку по Средней Азии.

Институт этнографии в последние годы принимал также видных ученых Индии: директора Археологической службы в Индии А. Гхоша, Д. Д. Косамби. В 1960 г. А. Гхош передал в дар Музею антропологии и этнографии АН СССР ценную археологическую коллекцию находок из Мохенджо-даро и Харалпы.

В декабре 1960 г. на заседании Ученого совета Института этнографии с докладом о работе этнографических учреждений Мексики выступил вице-директор Национального музея изящных искусств в г. Мехико Фернандо Гамбоа, директор демонстрировавшейся в Москве выставки «Искусство Мексики». Этот доклад, как и сообщение Ф. Гамбоа о принципах экспозиции в музеях Мексики, был встречен аудиторией с большим вниманием и интересом.

В 1961 г. в Институте этнографии над методикой исследований по теме «Изучение рабочего быта» работали болгарский этнограф Р. Д. Калайджиева и болгарский антро-

полог П. Боев. В том же году институт посетил один из видных этнографов США — Дж. П. Мардок, сотрудники института обменялись с ним мнениями по вопросам общей этнографии и истории первобытного общества.

В свою очередь советские этнографы все более расширяют круг заграничных научных командировок. Так, в 1956—1958 гг. в КНР работал советский антрополог и этнограф Н. Н. Чебоксаров, проводивший, наряду с чтением курса лекций для китайских этнографов, полевые исследования в составе Гуанси-Юньнаньской и Гуандунской экспедиций¹. Он первым из советских этнографов побывал у многих национальных меньшинств юга страны.

В 1956—1957 гг. Г. Г. Стратанович посетил многие районы Бирмы: государство Шань на севере страны, государство Кая, государство Качин, область Чин, а также ознакомился с работой бирманских этнографов². В 1957 г. в течение двух с половиной месяцев в Индии работал М. К. Кудрявцев³.

Осенью 1958 г. в научной командировке в США находилась И. А. Золотаревская, собравшая большой материал о современном положении индейцев Оклахомы и об участии индейцев в войне Севера и Юга⁴.

В 1958—1959 гг. С. А. Арутюнов и А. И. Мухлинов проводили полевые исследования в северных районах Демократической Республики Вьетнам⁵. В 1960 г. двухмесячную поездку по Японии совершил С. А. Арутюнов, посетивший также районы расселения айнов и ознакомившийся с современными условиями жизни этой народности.

За последние годы в научные командировки в ряд стран Африки выезжал Д. А. Ольдерогге. На отчетной экспедиционной сессии о полевых исследованиях Института этнографии сезона 1960 г. Д. А. Ольдерогге выступил с интересным сообщением о своих последних поездках по Западному Судану, Мали и Сенегалу.

Неоднократно ездили в европейские страны народной демократии сотрудники сектора зарубежной Европы. В 1960 г. Ю. В. Иванова вместе с этнографами Албании принимала участие в работе по подготовке Албанского этнографического атласа. За последние годы советские этнографы работали в научных учреждениях Англии, Франции, США, Финляндии, Индии, Объединенной Арабской Республики и других стран.

Все эти поездки (мы упомянули только некоторые из них), важные для научной работы этнографов Института, опосредствуют также установлению непосредственных контактов советских этнографов с их зарубежными коллегами, способствуют ознакомлению зарубежных этнографов с достижениями советской этнографической науки. В Институт этнографии часто обращаются ученые из самых различных стран с просьбой дать консультацию по тому или иному вопросу. Советские этнографы всегда готовы поделиться своими соображениями с зарубежными коллегами.

Журнал «Советская этнография» — орган Института этнографии — широко представляет свои страницы ученым из разных стран мира. Только за последние годы журнал печатал статьи ученых Болгарии, Чехословакии, Польши, ГДР, Румынии, КНР, КНДР, Индии, США, Боливии, Чили, Англии, Финляндии, Норвегии. Уже этот неполный перечень свидетельствует о большой международной значимости центрального печатного органа советской этнографической науки.

В свою очередь, ученые Института также публикуют свои работы в зарубежной научной прессе. За последнее время специально для ряда научных изданий, выходящих в различных странах, были подготовлены статьи С. А. Токаревым («К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита»), С. В. Ивановым («Искусство народов Сибири»), О. А. Ганцкой («О работе Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1959 г.»), Н. Н. Грацианской («Жилище словашкого крестьянства в XIX—XX вв.>). Публикация исследований советских ученых за рубежом знакомит еще более широкие круги читателей разных стран с проблематикой и методикой работы советских этнографов.

Большую роль в ознакомлении международной научной общественности играют доклады о достижениях советской этнографической науки на различных конференциях и сессиях, а также участие советских этнографов в работе международных конгрессов.

Так, в 1960 г. директор Института этнографии С. П. Толстов выступил на семинаре, организованном Школой восточных и африканских исследований Лондонского университета, с докладом «Датированные документы из дворца Топрак-Кала и проблема эры Шака и эры Канишки», встреченным аудиторией с большим интересом⁶.

¹ См.: И. и Н. Чебоксаровы, Полевые этнографические исследования в Китайской Народной Республике (1957—1958), «Сов. этнография», 1959, № 5.

² См. Г. Г. Стратанович, Поездка в Бирманский Союз, «Сов. этнография», 1959, № 5.

³ См. М. К. Кудрявцев, Поездка в Индию, «Сов. этнография», 1957, № 5.

⁴ См., например, И. А. Золотаревская, Поездка к индейцам США, «Сов. этнография», 1959, № 6; ее же, Некоторые материалы об ассимиляции индейцев Оклахомы, «Кр. сообщения Института этнографии», 1960, т. XXXIII.

⁵ См. С. А. Арутюнов, Поездка во Вьетнам, «Сов. этнография», 1959, № 3; А. И. Мухлинов, В Демократической Республике Вьетнам, «Сов. этнография», 1960, № 1.

⁶ Доклад опубликован в журнале «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.

В том же году ученые Института этнографии принимали участие в работе трех международных конгрессов. С 30 июля по 6 августа 1960 г. в Париже состоялся VI Международный конгресс антропологических и этнографических наук. В состав советской делегации на Конгресс входило 18 этнографов и антропологов, выступивших с рядом докладов. Особое значение имел доклад руководителя делегации С. П. Толстова «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии». Оживленное обсуждение вызвали и другие доклады, в частности, доклад В. Ю. Крупянской, Л. П. Потапова и Л. Н. Терентьевой «Основные проблемы этнографического изучения народов СССР». Доклады советских ученых основывались на правильной и четкой методологии, содержащиеся в них теоретические положения были подкреплены новым фактическим материалом. Это, в сравнении с теоретическими шатаниями и разбродом в буржуазной этнографии, в значительной мере предопределило успех докладов советских ученых, встреченных участниками Конгресса с большим интересом⁷.

В работе XXV Международного конгресса востоковедов, проходившего в Москве в августе 1960 г., приняли участие многие ученые Института этнографии⁸. Они выступили с докладами на секциях истории Средней Азии, Ирана, Афганистана, алтаистики, Юго-Восточной Азии, африканистики. Ученые Института и на этом Конгрессе выступили с важными теоретическими положениями. Так, в докладах С. П. Толстова «Приаральские скифы и Хорезм» и Т. А. Жданко «Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана» была дана новая концепция относительно взаимоотношений оседлых и кочевых народов этих областей, опровергающая старый тезис об извечном антагонизме этих двух групп населения Средней Азии и Казахстана.

В сентябре того же года советские этнографы приняли участие в работе Международного конгресса финно-угроведов в Будапеште. В. Н. Белицер посвятила свой доклад итогам изучения финно-угорских народов в СССР за последние двадцать лет.

Советская этнографическая наука завоевала международное признание. Один из показателей этого в том, что следующий, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук по предложению итальянского антрополога С. Серджи, сделанному во время предыдущего Конгресса, было решено провести в Москве в 1964 г. Институт этнографии АН СССР деятельно готовится к проведению этого Конгресса, который не только явится смотром достижений этнографической науки, но и послужит установлению еще более тесных научных связей советских этнографов с передовыми деятелями этнографической науки за рубежом.

Ю. И. Журавлев

⁷ Информацию о работе VI Международного конгресса антропологических и этнографических наук см. «Сов. этнография», 1961, № 1.

⁸ Сообщение об этнографической тематике на XXV Международном конгрессе востоковедов см. «Сов. этнография», 1961, № 2.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧЕНЫЕ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СЕРИИ «НАРОДЫ МИРА» *

Институт этнографии осуществляет издание серии «Народы мира» — обобщающего труда, который по своему характеру должен стать первой в мировой литературе марксистской работой, дающей этнографическую характеристику всех народов земного шара.

Каждый том этой серии дает подробные, опирающиеся на новейшие данные сведения о культурно-бытовых особенностях отдельных народов, содержит материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней, рассказывает о современном положении народов СССР и зарубежных стран. Вместе с тем «Народы мира» — не справочное издание. В каждом томе материал подается в свете определенных проблем, специфических для народов, которым посвящается книга. Все издание связано единой идеей дать по возможности наиболее полную и верную картину образа жизни народов, больших и малых, высокоразвитых и задержавшихся в своем развитии, на основе всего богатства накопленных наукой знаний, оцененных с позиций марксистско-ленинской науки.

Для сбора новейших материалов Институт этнографии направляет экспедиции в различные районы страны. Некоторые экспедиции проводятся совместно с этнографическими учреждениями союзных республик; ученые Украины, Белоруссии, Грузии, Дагестана, Поволжья, Средней Азии принимают активное участие и в полевых исследованиях и в написании соответствующих разделов серии. В результате укрепления международных связей советские этнографы имеют возможность вести полевую этнографическую работу и в странах народной демократии. Этнографы европейских социалистических государств участвуют в написании тома, посвященного народам Центральной и Восточной Европы. Были осуществлены поездки советских специалистов в Индию, Бирманский Союз, Японию, давшие ценные материалы по этнографии этих стран.

Все издание будет состоять из 17 книг, включая атлас этнических карт, в который войдут сводная карта народов мира и региональные карты.

В настоящее время из печати вышло семь книг: «Народы Африки», «Народы Австралии и Океании», «Народы Сибири», «Народы Передней Азии», «Народы Америки» (I и II), «Народы Кавказа» (I). Подготовлены и вскоре должны появиться тома, посвященные народам Средней Азии, Индостана, Закавказья и др.; идет подготовка остальных книг.

Все вышедшие тома, кроме тома «Народы Кавказа», получили отзывы в советской и зарубежной прессе, все они так или иначе оценены. Настоящий обзор и предпринят с целью подвести некоторые итоги этих оценок, которые должны помочь при подготовке последующих томов. Правда, некоторые рецензии зарубежных ученых, стоящих на противоположных идейных позициях, представляются нам зачастую не только спорными, но и открыто враждебными. Но даже и в этих случаях они представляют определенный интерес, так как позволяют видеть причины этой враждебности.

В нашу задачу не входит пересказ всех отзывов, появившихся в печати, остановимся на основных их оценках и наиболее существенных возражениях. Обзор будет построен в хронологическом порядке, по мере выхода томов в свет.

В 1954 г. вышел первый том данной серии — «Народы Африки»¹. В книге дается обстоятельное описание общественного строя, материальной и духовной культуры

* Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Народы мира. Этнографические очерки. Под общей редакцией чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова.

¹ «Народы Африки», под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, М., 1954, 661+67 стр.

африканских народов, на конкретных фактах показывается, как империалистическое господство уродует и задерживает развитие этой культуры. Авторы книги стремились правдиво показать сущность колониальной политики империалистических держав в Африке и подвести читателя к пониманию особенностей и трудностей национально-освободительного движения африканских народов.

В томе «Народы Африки» поставлен ряд сложных теоретических вопросов. На большом историческом и этнографическом материале показывается несостоятельность буржуазных теорий об извечной отсталости народов Африки. Здесь дано новое, научное объяснение причин отсталости Африки, которые кроются прежде всего в колониальном господстве, сопровождавшемся бесчеловечным уничтожением цвета африканского населения в процессе работорговли, уничтожением целых племен и народов, разрушением их культуры, консервацией самого низкого жизненного уровня аборигенов. В книге подвергается критике и другая несостоятельная теория, согласно которой народы негроидной расы являются «неисторическими», пассивными, а вся их культура и даже политическая история — лишь результат воздействия на них «хамитских» народов.

Многочисленные отклики в советской и зарубежной печати свидетельствуют о том, что свое назначение книга выполнила. Сообщения, рецензии и аннотации, посвященные тому «Народы Африки», с подробным изложением содержания публиковала наша печать — «Советское востоковедение», «Вопросы экономики», «Советская культура», «Вопросы истории»². В странах народной демократии отклики на вышедший том появились в журналах Венгрии, Чехословакии, Германской Демократической Республики. Во всех отзывах подчеркивается то новое, что внесли в африканистику советские этнографы: всестороннее описание жизни народов в условиях империалистического гнета, постановка проблемы формирования наций, столь актуальной в настоящее время, разработка малоизученных до сего времени вопросов аграрных отношений в африканских странах и др.

Указывая на отдельные недостатки книги (несколько неравномерное освещение явлений духовной культуры у разных народов³; отсутствие сведений о заслугах русских путешественников в изучении Африки и о развитии отечественной африканистики⁴; одностороннее освещение зарубежной африканистики, — авторы лишь вскользь упоминают о работах прогрессивных зарубежных ученых, — и т. д.), советская печать справедливо отметила большое научное и общественное значение книги, в которой изложена история народов Африки, — именно народов, а не африканских колоний капиталистических государств, как это делалось до сих пор. Обстоятельный анализ африканских языков, материальной и духовной культуры африканских народов позволил авторам книги обнаружить за чрезвычайным разнообразием племенных названий наличие крупных этнических общностей и наметить ориентировочные рамки национальных формирований в различных областях Африки.

Не касаясь существа других возражений и уточнений по различным вопросам этнографии, истории, экономики и африканской филологии, можно сказать, что многие из этих замечаний учтены при втором издании тома, выходящем в Германской Демократической Республике на немецком языке. Все эти замечания отнюдь не снижают общей высокой оценки, которую получил в советской и прогрессивной зарубежной печати этот том.

Содержание книги, ее антиколониальная направленность, непримиримость по отношению к реакционным расистским теориям, заполнявшим литературу об Африке, определили отношение к ней различных научных кругов за рубежом. Прогрессивная английская печать и ученые Африки приняли том на вооружение для борьбы с расистскими колониалистскими теориями. Предисловие к тому, написанное И. И. Потехиным, переведено на французский язык и издано отдельной брошюрой под многозначительным заголовком «Отсталый ли континент Африка?», немедленно запрещенной колониальной администрацией во Французской Экваториальной Африке.

Надо сказать, что в иных кругах зарубежных ученых научная ценность книги отнюдь не ставится под сомнение. Один из наиболее внимательных рецензентов книги шведский африканист Гарольд Сикар, миссионер по профессии, проживший 20 лет в Африке, писал, что появление тома свидетельствует о продуктивной и энергичной работе русских африканистов в последние годы⁵. Он выражает пожелание, чтобы советские ученые развернули в Африке серьезные полевые исследования, которые должны явиться положительным вкладом в науку⁶.

² С. В. Датлин, Народы Африки. Этнографические очерки, «Сов. востоковедение», 1955, № 4, стр. 149—159; Г. Е. Скоров. Французский империализм в Западной Африке «Вопросы экономики», 1957, № 1; М. Шалашников, Африка борется, «Сов. культура», 1955, № 25; В. Я. Голант, А. М. Голдобин, Народы Африки, «Вопросы истории», 1956, № 1.

³ В. Я. Голант, А. М. Голдобин, Указ. раб., стр. 180.

⁴ Там же, стр. 180—181; С. Датлин, Указ. раб., стр. 159.

⁵ Harald von Sicard, D. Olderogge und I. Potchin. (Hrsg.). Narody Afriki (Die Völker Afrikas). «Anthropos», vol. 50, 1955, fasc. 4—6, p. 992.

⁶ Там же, стр. 996.

Гораздо более осторожен американский рецензент Гордон Хьюз, давший в «American Anthropologist» рецензию о первых четырех томах серии «Народы мира»⁷. Сам он не выражает своего мнения о «Народах Африки», а лишь в основном излагает американскому читателю содержание рецензии Сикара. Основной упрек, который бросает Хьюз составителям тома, заключается в том, что он не согласен с объяснением причин отсталости африканских народов. Не согласен Гордон Хьюз и с тем, что в книге критикуется утверждение некоторых буржуазных исследователей, будто африканские пигмеи — остаток раннего типа первобытного человека. «Африканские и другие пигмеи негроидных народов рассматриваются как люди, чье развитие было задержано дурными окружающими условиями, а не как остаток раннего типа *Noto sapiens*, что русские, видимо, считают реакционной точкой зрения», — пишет он.

Гордон Хьюз — достаточно эрудированный этнограф, поэтому трудно поверить, что он действительно не понимает, почему «русские... считают реакционной точкой зрения» этот взгляд на пигмеев. Ему должна быть известна суть теории изначально-сти патриархата, моногамной семьи и единобожия — адепты этой теории черпают свои доказательства из этнографии таких народов, как пигмеи, австралийцы, огнеземельцы, калифорнийские индейцы, социальная организация и вся культура которых претерпела большие изменения под влиянием колонизации, и они поэтому никак не могут фигурировать в качестве примеров древней стадии развития человечества.

Выход в свет тома «Народы Сибири»⁸ был встречен весьма положительно как советской, так и зарубежной научной общественностью. Наиболее полно разбирают достоинства и недостатки книги в своей обстоятельной рецензии И. С. Вдовин и В. Н. Чернецов. «В этнографической литературе о Сибири, — пишут они, — не было таких капитальных изданий. В этом коллективном труде систематизирован и обобщен огромный материал. Достаточно указать на то, что этот том содержит очерки по этнографии тридцати одного народа Сибири и Дальнего Востока, очерк русского населения Сибири и ряд статей обобщающего характера»⁹.

В основу описания отдельных народов легли новые полевые материалы по этнографии, археологии, антропологии, собранные в течение нескольких последних десятилетий. Широко использованы богатейшие коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии в Ленинграде и обширная этнографическая литература. В этом томе авторы впервые познакомили читателя с современным бытом практиков всех народов Сибири и с той коренной перестройкой их жизни, которая была проведена на Севере за годы Советской власти. Как известно, Сибирь была самой отсталой окраиной царской России, а за советский период народы Сибири совершили огромный скачок в своем развитии от отсталых патриархальных форм хозяйства и быта к социалистическим. О некоторых народах Сибири до появления этого тома не было не только обобщающих работ, но и вообще этнографических публикаций, за исключением заметок по частным вопросам.

Высоко оценивая научное и общественное значение появления обобщающего труда о народах Сибири, И. С. Вдовин и В. Н. Чернецов обратили внимание на трактовку авторами книги некоторых спорных вопросов, в том числе таких, как классификация народов Северной Азии по языковому принципу, определение дохристианских верований народов Сибири как шаманизма и др. Кое в чем рецензенты расходятся с мнением авторского коллектива. Таков, например, вопрос о характере присоединения Сибири к России. По мнению рецензентов, авторы тома должны были более убедительно доказать свою точку зрения о том, что присоединение Сибири к России происходило сравнительно мирным путем¹⁰. Но было бы ошибочно полагать, что в томе излагается по этому вопросу какая-то особая точка зрения авторского коллектива. За последние годы опубликовано большое количество материалов и документов, показывающих, что Сибирь была не столько покорена, сколько в значительной степени присоединена. Отдельные служилые люди были настолько немногочисленны, что говорить о завоевании ими множества народов, занимавших необъятные просторы Сибири, трудно.

Заканчивая свою рецензию, И. С. Вдовин и В. Н. Чернецов подчеркивают тот огромный вклад, который внесен изданием книги в мировую литературу о Сибири. «Этот вклад, — пишут они, — принадлежит советским ученым, осуществляющим большую трудную и благодарную задачу — дать читателю объективное и научное представление о культуре и быте современных народов земного шара, в том числе и народов, которые вышли на путь построения коммунистического общества»¹¹.

К высокой оценке, данной тому «Народы Сибири» советскими исследователями, присоединяются и ученые из различных стран народной демократии. Венгерский этно-

⁷ Gordon H e w e s, World ethnographies and culture. Historical synthesis, «American Anthropologist», т. 61, 1959, № 4.

⁸ «Народы Сибири», под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л, 1956, 590+93 стр.

⁹ И. С. Вдовин, В. Н. Чернецов, Народы Сибири, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 184.

¹⁰ И. С. Вдовин, В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 188.

¹¹ Там же, стр. 190.

графический журнал «Nyelvtudományi Közlemények» пишет, что «Институт этнографии АН СССР оказал большую услугу национальной науке, выпустив в свет этот том. Труд этот в значительной степени облегчит работу будущих исследователей Сибири»¹². Автор статьи о «Народах Сибири» в этом журнале Ференц Ковач выражает сожаление, что языкам народов Сибири не была отведена особая глава — отсутствие ее, по его словам, особенно чувствуют венгерские этнографы и лингвисты. И Ференц Ковач, и авторы упомянутой рецензии в «Советской этнографии» отмечают в некоторых случаях недостаточную полноту при описании духовной культуры и религии народов Сибири. Надо сказать, что том «Народы Сибири» — самый объемистый из вышедших томов серии, в нем более тысячи страниц. Материалы по Сибири так обширны, что понадобилось бы несколько таких книг, чтобы с достаточной полнотой рассказать обо всех сторонах материальной и духовной культуры всех населяющих Сибирь народов. Естественно, что авторам пришлось поступиться частью лингвистических и этнографических данных за счет публикации наиболее важных и свежих сведений. Кроме того, некоторые народы изучены хуже других и не могли быть описаны так же полно, как более известные.

На том, посвященный народам Сибири, имеется положительный отзыв и в американо-канской печати. В своей общей рецензии об издании «Народы мира» Гордон Хьюз также говорит о научной ценности сибирского тома. «Без этой книги, — пишет он, — не может обойтись ни одна хорошая исследовательская библиотека»¹³.

Особенно, по его мнению, заслуживают внимания описание материальной культуры народов Сибири и карты ее этнического состава в XVII в. и в настоящее время. Вместе с тем он бросает упрек авторам книги в том, что в ней отсутствует критика колониализма, «хотя Сибирь была ареалом экспансии европейцев». Заявление это представляется неправомерным: в томе ни в коей мере не было упущено из виду то обстоятельство, что после включения в состав Русского государства Сибирь превратилась в колонию, что царизм угнетал коренное население края, взимая с него натуральную подать мехами.

В 1958 г. вышел еще один том серии «Народы мира», посвященный народам Передней Азии¹⁴. Основное его содержание — описание современной культуры и быта, а также истории переднеазиатских народов и их борьбы за национальную независимость, мир и демократию. Том состоит из вводной части, дающей общее представление о современном положении, этническом составе и истории формирования народов Передней Азии, и четырех частей, посвященных народам Афганистана, Ирана, Турции и арабских стран.

Интересно и наглядно показано научное и общественное значение этого тома в статье иранского автора Реза Арасте Ширази¹⁵. Автор статьи сравнивает методологию и научную ценность двух работ — разделов тома «Народы Передней Азии», посвященных народам Ирана, и главы «Иран между двух полюсов» в книге Лернера «Passing Traditional society modernizing the Middle East» (Glence, 1958). «В суждении о значимости книги, — пишет Ширази, — существует объективный критерий, который сводится к следующему: хорошо ли автор справился с поставленной перед ним задачей, т. е., говоря научным языком, решил ли он поставленную проблему; имеет ли его книга преимущество по сравнению с трудами его предшественников; насколько авторитетны использованные в труде источники..., верен ли метод исследования, является ли он научным»¹⁶. Сравнивая методы исследования, примененные в труде советских ученых и в книге Лернера, Реза Ширази приходит к выводу, что последняя написана с антиисторических позиций, грешит субъективными оценками и поверхностным отношением к взятой на себя автором задаче. Начиная обзор данной работы, Ширази пишет: «Основной метод этой книги — статистика (опрос произвольно отобранных трехсот иранцев. — И. З.); этот метод подобен тому, как если бы некий ученый, взяв в качестве образца для изучения харвара¹⁷ зерна одну горсть из него, захотел бы затем полученные результаты перенести на весь харвар»¹⁸. Противопоставляя этой книге том «Народы Передней Азии», Ширази отмечает прежде всего, что метод, принятый советскими этнографами, — «это метод разработанного объективного научного исторического анализа». Подчеркивая полноту и глубокое знание материала, использованного в книге, автор статьи подробно пересказывает иранскому читателю содержание глав, посвященных народам Ирана, отмечая всякий раз, что описание жилища, одежды, пищи, всех элементов материальной и духовной культуры дается в историческом плане и с учетом новейших изменений. К числу особых достоинств книги Ширази относит помещенные в томе этнографические карты. Знаменательно, что обзор тома Реза Ширази заканчивает

¹² «Nyelvtudományi Közlemények». Budapest, 1958, köt. 6, 52, 2.

¹³ Gordon H e w e s, Указ. раб., стр. 624.

¹⁴ Народы Передней Азии, под ред. Н. А. Кислякова и А. И. Першица, М., 1958, 615 стр., 7 л. илл., 14 л. карт.

¹⁵ Реза Арасте Ш и р а з и. «Обзор книг», 1960, август, № 2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Харвар — мера веса, равная 300 кг.

¹⁸ Реза Арасте Ш и р а з и, Указ. раб.

призывом к иранской интеллигенции создавать собственные кадры этнографов, вооруженных научной методологией.

Надо сказать, что на высокое качество и научный интерес этнических карт, составленных для этой части земного шара впервые советскими учеными, указывают все рецензии, в том числе рецензия, написанная Гордоном Хьюзом. «Одно из лучших достижений книги «Народы Передней Азии», — заявляет он, — большая многоцветная карта Юго-Западной Азии, показывающая множество этнических групп. Это самая детальная карта этого района из тех, что приходилось видеть автору рецензии»¹⁹.

В нашей печати на выход тома о народах Передней Азии, отозвались востоковеды²⁰. К сожалению, авторы рецензии Е. А. Беляев, Г. М. Петров и А. М. Шамсутдинов выдвигают некоторые положения, удручающие читателя от существа вопроса. — насколько правильно и всесторонне показана современная жизнь и прошлое переднеазиатских народов. Высоко оценивая книгу в целом, отмечая, что она «содержит самые передовые взгляды советских людей на положение народов угнетенных стран Востока, пробудившихся к борьбе за свободу и независимость»²¹, рецензенты противоречат себе, бросая авторам тома упрек, что те «увлекаются научными дисциплинами, не входящими в компетенцию Института этнографии»²². При этом имеется в виду «включение истории национально-освободительного движения в понятие этнографии как науки»²³. Авторы рецензии отмечают, что национально-освободительное движение в различных странах Востока освещено в книге неравномерно, в ряде случаев схематично. С последним суждением спорить трудно. Пробелы, недостаток материалов вполне может иметь место в таком большом труде. Но вот с первым положением, где этнографам, по существу, говорят, что они берутся не за свое дело, расширяя рамки этнографии и показывая не только материальную и духовную культуру, но и рассказывая, за что сейчас борется народ, согласиться никак нельзя. Конечно, политическая история не входит в предмет этнографии, и авторский коллектив тома не ставил своей задачей пересказывать исторические события сами по себе. Однако поднять такие вопросы, как формирование нации, национального самосознания, невозможно без исторического фона, освещения каких-то узловых событий, наложивших отпечаток на судьбу народа. Национально-освободительная борьба составляет главное содержание жизни народов Востока на современном этапе, формирует пути их развития и в большей или меньшей степени влияет на все стороны жизни людей. И никакое этнографическое описание современной жизни народа не будет полным и правдоподобным без характеристики национально-освободительной борьбы, которая отражает рост национального самосознания, говорит о зрелости национальной и политической и, следовательно, непосредственно относится к одной из этнографических проблем — вопросу национально-го развития.

Тому «Народы Австралии и Океании»²⁴ посвящены обстоятельная рецензия в журнале «Советская этнография»²⁵ и несколько отзывов в зарубежной прессе²⁶. Надо сказать, что в этом томе серии «Народы мира» описание культуры и быта народов Австралии и Океании в прошлом занимает большее место, чем разделы, посвященные современности. Вызвано это не только недостатком сведений о современном положении народов островного мира, но и гораздо более вескими причинами. Народы Австралии и Океании в течение многих веков развивались почти в полной изоляции от остального мира, долго сохранявшиеся архаические черты в общественной жизни и материальной культуре австралийцев дают благодарный материал для выводов о древних стадиях развития человеческого общества. На островах Океании были обнаружены различные формы разложения первобытнообщинного строя, перехода к классовому обществу. Изучение истории европейской колонизации Австралии и Океании, воздействия ее на культуру и быт местных народов дает также богатый материал о различных формах колониализма. Все это имели в виду авторы книги, написавшие о народах Австралии и Океании с позиций марксистско-ленинского учения об обществе, что позволило им, как отмечает советский океановед Д. Д. Тумаркин, «в целом правильно использовать огромный фактический материал, собранный русскими и зарубежными исследователями, и внести новый вклад в разработку многих проблем австраловедения и океанистики»²⁷. Д. Д. Тумаркин считает, что одна из сильных сторон тома — страницы, посвященные истории колониализма в Океании: «История колониальной политики рассматривается авторами главным образом в связи с тем влиянием, которое она оказывала на

¹⁹ Gordon H e w e s, Указ. раб., стр. 624.

²⁰ Е. А. Б е л я е в, Г. М. П е т р о в, А. М. Ш а м с у т д и н о в, Народы Передней Азии, «Сов. этнография», 1958, № 5.

²¹ Там же, стр. 173.

²² Там же, стр. 167.

²³ Там же, стр. 168.

²⁴ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, 773 стр. + 79.

²⁵ Д. Д. Т у м а р к и н, Народы Австралии и Океании, «Сов. этнография», 1957, № 5.

²⁶ Barbara L a n e, Peoples of Australia and Oceania, «Société des océanistes», 1959; Ch. Bird. ed., «News from the Pacific», Honolulu, 1958; Gordon H e w e s, Указ. раб.

²⁷ Д. Д. Т у м а р к и н, Указ. раб., стр. 201.

общественные отношения и культуру австралийцев и океанийцев. В книге показывает, как под прямым и косвенным воздействием колонизаторов разрушался самобытный строй жизни аборигенов, прослеживаются особенности этого процесса в Австралии и на различных островах Океании. Авторы приводят интересные данные о возникновении на многих тихоокеанских островах скороспелых деспотических государств, о проникновении туда капиталистических отношений, о намеренном сохранении и использовании колонизаторами докапиталистических форм эксплуатации²⁸.

Не удивительно, что том вызывает открыто недоброжелательные нападки некоторых зарубежных этнографов. Так, Барбара Лейн, признает, что том «Народы Австралии и Океании» является единственным известным ей в этнографической науке трудом, в котором дается исчерпывающий обзор народов и культур Океании, однако характер освещения материала ее не устраивает. «Основное внимание сосредоточивается,— пишет она,— на проблемах сегодняшнего дня... Это не исследование культурного контакта или аккультурации, какие ведутся этнографами во Франции или в Америке, так как анализ касается не столько культурных изменений, сколько империализма, эксплуатации, рабства, принудительного труда — короче говоря, политико-экономических проблем на фоне нынешнего тихоокеанского мира. Многие страдания посвящены подведению итогов нейтivistских движений в Меланезии»²⁹.

На наш взгляд, все перечисленные «недостатки» несомненно относятся к числу достоинств книги; обвинения же Барбары Лейн в том, что авторы книги не интересовались «культурными изменениями», проблемой контактов народов Австралии и Океании с европейцами, представляются совершенно напрасными. Сущность исторического метода, который вызывает негодование Лейн, заключается в том, что советские этнографы изучают человеческое общество во всех его взаимодействиях, исследуют изменения, происходящие в этом обществе под влиянием внутренних и внешних факторов, а не в безвоздушном пространстве. Контакт народов Австралии и Океании с европейцами, как это видно даже из высказываний рецензента, интересует советского исследователя не сам по себе, а с точки зрения тех результатов, к которым привело народов Австралии и Океании вторжение колонизаторов.

Барбара Лейн возражает одному из редакторов и авторов тома — С. А. Токареву, который назвал сообщения русских мореплавателей конца XVIII — начала XIX в. наиболее объективными источниками сведений о народах Тихого океана, потому что русские застали местное население еще незатронутым или мало затронутым европейским влиянием. «Во-первых,— пишет Лейн,— русские попали на Тихий океан очень поздно, их обогнали голландцы, испанцы, французы и англичане. Во-вторых, если верно, что русские не создавали колоний, не посылали миссионеров и не имели важных торговых отношений в этой области, вряд ли из этого следует, что наблюдения русских путешественников были чисто объективны, а Кука, Лаперуза и других обязательно необъективны. Тогда мы должны предположить, что описание острова Пасхи Лисянским объективно потому, что Россия не имела там политических, торговых и религиозных интересов, в то время как его отчеты об алеутах и индейцах Северо-Западного побережья неправдоподобны из-за деятельности Российско-Американской компании и миссионеров русской православной церкви»³⁰.

Может быть, Барбара Лейн не знает, кем были многие открыватели островного мира. Широко известно, что плавания на Тихом океане, например, испанцев в XVI—XVII вв., были вызваны запросами невольничьего рынка в Южной Америке. «Испанские мореплаватели, поощряемые перуанскими властями, владельцами рудников и плантаторами, пускались в плавание через южные, неизведанные еще области Тихого океана за неграми и золотом», — пишет И. П. Магидович³¹. Известно также, что именно уничтожил поголовно все население Тасмании, от чьих рук пострадали многие сотни австралийцев, кто разбойничал в водах Тихого океана, занимался работорговлей и продавал меланезийцев на плантации кофры. Вряд ли работорговцы и контракторы, бесчинствовавшие на островах Тихого океана, могли потом сочувственно и беспристрастно рассказывать или писать об уничтожаемом ими населении.

Обратимся к кругосветным путешествиям русских в начале XIX в. По своим задачам они не были связаны с торговым предпринимательством, и поэтому предлогов для конфликтов с туземным населением у них было несоизмеримо меньше, чем у европейских мореплавателей, купцов и работорговцев. Но, кроме того, эти русские мореплаватели были людьми особого склада. В томе «Народы Австралии и Океании» достаточно ясно сказано, что русские ученые-мореплаватели, возглавлявшие эти экспедиции, в большинстве своем принадлежали к просвященной передовой части русского общества, к среде, которая дала России декабристов и находилась в оппозиции к царскому правительству. В трудах Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, Ф. П. Литке мы находим выражение самого гуманного отношения и живого интереса к людям иной культуры. Характерно, что история этих путешествий не знает ни одного случая гибели русского

²⁸ Д. Д. Тумаркин, Указ. раб., стр. 205.

²⁹ Barbara Lane, Указ. раб., стр. 402.

³⁰ Там же, стр. 404.

³¹ И. П. Магидович, Очерки по истории географических открытий, М., 1949, стр. 266.

от руки туземца. Ф. П. Литке, столкнувшийся с противодействием местного населения при описании Сенявинских островов, вспоминал позднее: «Чтобы держать их от себя на почтительном расстоянии, оставалось одно средство — дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия; но средство это почитал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это удовольствие ценою крови...»³².

Миклухо-Маклаю удалось стать другом папуасов Новой Гвинеи только потому, что он глубоко уважал чужие обычаи, стремился быть полезным туземцам. Недаром память о нем жители залива Астралабия хранят до сих пор³³.

Редактор журнала «News from the Pacific» Кристофер Берд также критикует том «Народы Австралии и Океании», но не за то, что в нем много внимания уделяется вопросам современности, как это делает Барбара Лейн, а за то, что современное положение народов островного мира в нем показано недостаточно полно, как и движение народов Океании за независимость. При этом он упоминает материалы разных комиссий, работавших в последние годы в Океании. Однако в те годы, когда том подготавливался к печати, материалы эти не были доступны советскому исследователю. Вместе с тем Берд отмечает, что советские этнографы сделали все, что могли, чтобы сконцентрировать внимание на проблемах современности³⁴.

Все рецензенты указывают на досадный пробел в разделах о Новой Гвинее и Микронезии, при написании которых не были использованы работы голландских и японских этнографов. Этот упрек приходится принять. Заметил этот промах и Д. Д. Тумаркин, который в своей рецензии говорит о недостаточном освещении культуры и современного положения народов Западного Ириана и микронезийцев. В настоящее время упомянутый пробел частично восполняется. Н. А. Бутинов подготавливает к печати научно-популярную брошюру о народах Западного Ириана.

Том «Народы Америки»³⁵ пока еще получил отзывы только в нашей печати. Единственная заметка о первой его части — «Народы Северной Америки», опубликованная в американском журнале «American Anthropologist», не может идти в счет, так как автор ее Р. Эджертон не ставил перед собой цели сколько-нибудь полно рассмотреть работу или хотя бы указать на ее недостатки. Он выражает лишь возмущение по поводу того, что в томе рассказывается о капиталистической эксплуатации, о борьбе американского народа за достойное существование, против расовой дискриминации, за гражданские и социальные свободы. Заканчивает свою заметку Эджертон весьма пессимистично: «Тем не менее трудно отклонить эту работу как просто еще одно эпитетическое издание советского вздора (?!), потому что редакторы «Народов Америки» цитируют фактически всю американскую классику по Северной Америке, а список авторов, использованных ими, почти дублирует список, составленный в настоящее время Американской антропологической ассоциацией. Тревожно и до некоторой степени тяжело видеть злоупотребление этими знакомыми нам трудами в целях грубой пропаганды» (!)³⁶.

Вряд ли Эджертон мог требовать, чтобы советские этнографы взяли на себя труд писать идиллические картинки из жизни Америки. Те мрачные стороны жизни, которые отражены в книге, известны американскому автору лучше, чем нам. Не упоминать о них — значит давать читателю заведомо неверную характеристику жизни народа. Но если бы Эджертон был беспристрастен, он заметил бы в томе и другое: уважение ко всем народам Америки, большим и малым, стремление как можно полнее и вернее отразить все многообразие и богатство культуры американцев, канадцев, негров США, национальных меньшинств — индейцев, японцев, пуэрториканцев — всех, кто своим трудом создает национальные богатства своей страны.

Надо сказать, что ни в американской, ни в какой-либо другой этнографической литературе нет обобщающих работ о крупных современных нациях. Советским этнографам пришлось самим искать пути для создания этнографической характеристики таких народов, как американцы, канадцы, бразильцы. И добросовестному исследователю, действительно заинтересованному в создании научного метода описания современных развитых народов, прежде всего следовало бы обратить внимание на данный том как на первую попытку в этом направлении. Американские этнографы владеют несоизмеримо более богатыми как литературными, так и полевыми материалами о народах своих стран, и именно они могли бы оказать большую услугу американистике деловым разбором достоинств и недостатков данной книги. Но так как Эджертон не взял на себя этот труд, вряд ли его заметка поможет понять читателям «American Anthropologist», какие задачи ставил перед собой авторский коллектив тома и насколько ему

³² Ф. П. Литке, Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826—1829 М., 1948, стр. 138.

³³ Н. А. Бутинов, Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк). См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1953, стр. 560.

³⁴ «News from the Pacific», февраль, 1958 г., стр. 6.

³⁵ «Народы Америки», I, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1959; «Народы Америки», II, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1960.

³⁶ «American Anthropologist», т. 61, 1959, № 5, ч. 1.

удалось с этими задачами справиться. Эджертон просто отрицает книгу. И подобно тому, как другие рецензенты определенного толка не могли принять, например, том «Народы Австралии и Океании» и другие тома за историзм и комплексный подход к изучаемому обществу, так и в этом случае Эджертон не устраивает в американском томе прежде всего метод исследования.

Известно, что далеко не все американские этнографы придерживаются статического изучения общества, что за последние годы пробивает себе дорогу новое течение, выражающее стремление вернуть этнографию в лоно исторических дисциплин. Мнение этой части американистов было бы особенно интересно узнать.

В советской печати задачу оценки тома взяли на себя историки, которые прежде всего отмечают то новое, что внесла книга в американистику, — опыт всестороннего этнографического описания современных буржуазных наций. Л. И. Зубок в рецензии, посвященной североамериканскому тому, высказывает мнение, что авторский коллектив в основном справился с освещением такого важнейшего вопроса, как формирование англо- и франко-канадцев, а также американской нации.

«Попытка авторов (И. А. Золотарева и Е. Э. Бломквист) дать этнографическую характеристику современным буржуазных наций США представляется весьма интересной и полезной — пишет рецензент. Заслуживает одобрения стремление авторов этих глав связать этнографическую характеристику народов с экономической и политической жизнью страны. Экономический анализ, хотя и занимает в работе по этнографии подчиненное место, все же показывает основу, на которой развивались те или иные явления культуры и быта народов».

Рецензент особо останавливается на разделе, посвященном неграм США (автор В. П. Мурат). Раздел этот, по мнению рецензента, написан ярко и дает богатый фактический материал по вопросам истории, быта и нравов негров, особенно духовной их жизни. Отмечая, что в томе «Народы Америки» «читатель получит доброкачественный, интересный материал, посвященный быту и нравам народов США, Канады, Гренландии», Л. И. Зубок указывает на некоторые неточности и пробелы, допущенные авторами тома. Больше всего таких недочетов он находит в экономической характеристике США, указывая в частности на слабое освещение вопросов расширения военного производства, разбухания бюрократического аппарата, милитаризации экономики, роста военных расходов, увеличения налогов. Как совершенно правильно отмечает рецензент, все перечисленные факторы послевоенной экономики США не могли не влиять на быт и нравы широких народных масс, а потому, конечно, должны быть более ярко показаны в соответствующей части книги³⁷.

Самый большой раздел тома посвящен культуре коренного населения Северной Америки в прошлом. По замыслу авторского коллектива, этнографическая характеристика ирокезов, индейцев северо-запада Северной Америки, индейцев прерий, охотничьих племен Американского Севера, индейцев пуэбло и других индейских народов должна была дать историю материал, иллюстрирующий различные этапы развития человеческого общества. Судя по отзыву рецензента, с этой задачей составители тома тоже справились. «В главах „Американские эскимосы“, „Алеуты“, „Индейцы Северо-Западного побережья“, „Индейцы Юго-Запада“, „Племена Калифорнии и Большого бассейна“, „Ирокезы“ и др. поднимаются и трактуются на конкретном материале такие вопросы общенационального значения, как переход от патриархата к патриархату в обществах в высокопродуктивной для того времени охотой или морским рыболовством, влияние колонизации на общественный строй и культуру отсталых народов и многие другие»³⁸.

Большая рецензия М. С. Альперовича подвергает подробному разбору вторую книгу, посвященную народам Америки. «Эта книга, — пишет М. С. Альперович, — подготовленная сектором Америки Института этнографии Академии наук СССР, представляет собой фундаментальный труд, в котором на основе огромного фактического материала показано развитие коренного индейского населения Латинской Америки до ее открытия и завоевания европейцами, освещены особенности испанской и португальской колонизации, прослежен процесс формирования латиноамериканских наций, дана характеристика этнического состава, быта и культуры современного населения стран Латинской Америки»³⁹. М. С. Альперович отмечает, что данный том является, по существу, первой попыткой систематического изложения и обобщения с марксистских позиций вопросов, по которым имеется достаточно большая литература, но до сего времени отсутствовали какие-либо обобщающие исследования марксистского характера. Рецензент считает, что авторский коллектив под руководством А. В. Ефимова и С. А. Токарева в целом хорошо справился со стоявшей перед ним трудной задачей разработки сложного комплекса проблем, связанных с развитием и современным положением народов двадцати латиноамериканских государств и колоний США, Англии, Франции, Голландии в Латинской Америке.

³⁷ Л. И. Зубок, «Народы Америки, I. Народы Северной Америки», «Сов. этнография», 1960, № 2, стр. 201.

³⁸ Там же, стр. 200.

³⁹ М. С. Альперович, «Народы Америки, II», «Сов. этнография», 1960, № 3, стр. 199—200.

Подробно останавливаясь на содержании каждой главы, рецензент отмечает спорные с его точки зрения вопросы, ошибки и упущения. Некоторые его замечания и возражения касаются вопроса формирования латиноамериканских наций (мексиканской, венесуэльской). Известно, что для стран Латинской Америки вопрос этот пока совершенно не разработан. В частности, история формирования венесуэльской нации, как, впрочем, и большинства других, еще не написана. При современном уровне знаний вряд ли можно с уверенностью говорить, что та или иная нация уже сформировалась. В тех случаях, когда полной ясности не было, авторы говорили о тех этнических элементах, из которых слагалось население страны, не делая скороспелых выводов.

Надо сказать, что работа над серией «Народы мира» оказала коллективу Института этнографии неоценимую помощь в выявлении «белых пятен» в этнографической науке. Степень изученности или, вернее, неизученности того или иного вопроса выявилась со всей очевидностью именно при работе над томами серии. В этом отношении подготовка к печати издания, занявшего много сил и времени, послужила стимулирующим толчком к целому ряду новых исследований. Описание этнического состава стран потребовало подготовки подробных карт, составленных в результате огромной исследовательской работы. Теперь эта работа над картами вылилась в создание атласа карт народов мира. Другой круг исследований, отпочковавшихся от многотомного издания, составили труды, посвященные современной культуре и быту различных народов Советского Союза и зарубежных стран. За последние годы вышли в свет и подготавливаются монографии по народам Африки, Океании, Америки, Передней Азии, Сибири, Поволжья. Идея создания историко-этнографических атласов также возникла в значительной степени во время работы над многотомником «Народы мира». При подготовке восточнославянского тома выяснилась необходимость расширения и углубления исследований в области этнографии русского народа. Работа над томом «Народы Америки» помогла выделить в качестве первоочередной задачу изучения формирования латиноамериканских наций. Эта проблематика нашла свое место в семилетнем плане Института в виде серии монографий об отдельных латиноамериканских нациях и сборника, посвященного вопросам этнической консолидации в различных странах Латинской Америки.

В заключение заметим, что деловые отзывы, появившиеся как в советской, так и зарубежной печати, несомненно, окажут коллективу советских этнографов существенную помощь при подготовке следующих томов серии. Что же касается заведомо недобросовестных и враждебных рецензий, написанных с позиций «опровержения» марксизма в этнографии, то они ясно показывают, что Институт этнографии проделал политически важную работу, заставившую ученых — апологетов империализма сплоченным фронтом выступить против первого марксистского этнографического многотомника, посвященного народам мира.

И. А. Золотаревская

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Организованный в 1946 году сектор этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР зарекомендовал себя исключительно плодотворной деятельностью. Сотрудники сектора составили и опубликовали большое количество этнографических карт: в БСЭ, во врезках к картам различных стран, в учебных атласах, в томах серии «Народы мира», в серии «Очерки общей этнографии» и проч. Без преувеличения можно сказать, что деятельность сектора ознаменовала собой новый этап развития этнической картографии в СССР.

Синтезом работ сектора на данном этапе являются карты отдельных областей и частей света, а также общая карта народов мира.

Уже опубликованы следующие региональные карты:

1. Индии, Пакистана и Цейлона, М. 1 : 5 000 000. Сост. М. Я. Берзина.
2. Стран Индокитая, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.
3. Китая, МНР и Кореи, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.
4. Африки, М. 1 : 8 000 000. Сост. Б. В. Андрианов.
5. Передней Азии, М. 1 : 5 000 000. Сост. С. И. Брук.

Все эти карты составлены по методу совмещения этнической принадлежности и плотности населения, предложенному П. Е. Терлецким. Каждому народу (или группе близко родственных народов) присвоен определенный цвет, плотность населения показана при помощи различной интенсивности цвета, что достигается путем штриховки различной густоты по белому фону или (для районов с большой плотностью) черной штриховкой по основному цвету. Народы, относящиеся к одной языковой семье обозначены оттенками одного цвета.

По тому же принципу, но с меньшей детализацией, составлена (под общим руководством П. Е. Терleckого) сводная карта народов мира, подводящая итог многолетних работ всех сотрудников сектора.

Составители карт должны были решить ряд сложных вопросов. В числе источников далеко не всегда имеются картографические материалы, часто приходится пользоваться статистическими данными или даже описаниями путешественников, правительственных чиновников и проч. Этнические границы большей частью не совпадают с границами административных и политических делений. Статистические данные приходилось картографически интерпретировать при помощи гипсометрических, геоботанических и иных косвенных данных.

Однако главная трудность состояла не в установлении границ и ареалов народов, а в самом определении понятия «народ». Этнические группировки далеко не стабильны, многие из них находятся на разных этапах консолидации. Очень часто эти проблемы приобретают политическую окраску. Наблюдаются две формально противоположные тенденции искажения действительной этнической структуры. Идеологи колониализма стремятся представить эту структуру в виде большого числа мелких изолированных групп, не способных к самостоятельному развитию вследствие малочисленности каждой из этих групп. Реальные процессы национальной консолидации оставляются при этом без внимания. Буржуазные националисты, наоборот, стремятся создать впечатление этнической монолитности там, где в действительности еще имеются ясно выраженные отличия.

Составители карт исходили из принципов национальной политики социалистических стран, сущность которой заключается в объективной оценке реально существующих отличий.

Родство народов, выражаемое сходными оттенками одного цвета, определено преимущественно по языковому принципу. Галисийцы в Испании обозначены цветом, близким к тому, которым обозначены португальцы, хотя языком культуры у галисийцев является испанский, а национальное самосознание безусловно испанское. Но ирландцы все искажены одним цветом, независимо от языка (у большинства, как известно, английского). Франкоязычные швейцарцы обозначены почти тем же цветом, что и германо-язычные, но в Бельгии валлоны резко отделены от фламандцев. Пигмеи, говорящие на языке банту, показаны особым цветом. Таких отступлений от языкового принципа на картах много, но вряд ли можно поставить это в упрек составителям. Несмотря на огромное значение языка как признака народа бывают все же случаи, когда язык не играет роли в этническом самосознании.

В общем составители стремились показать все реально существующие этнические группы насколько это позволял масштаб.

На карте Индии, Пакистана и Цейлона номерами обозначено 82 народа; на карте Индокитая — 50; Китая, МНР и Кореи — 59; Африки — 289; Передней Азии — 59. На мировой карте номерами выделено 584 народа. В действительности число этнических названий гораздо больше, так как многие родственные группы объединены под одним номером. Племена афганцев и кочевых арабов отмечены надписями на карте, без отражения в легенде.

Карты содержат, таким образом, огромное количество разнообразной информации и далеко превосходят в этом отношении все ранее изданные карты как по отдельным областям так и по земному шару в целом. Авторы стремились показать на картах, не только коренное население, но и пришлое, которое обычно на этнографических картах не обозначается.

Нельзя не признать, однако, что стремление к увеличению информации приводит в ряде случаев к снижению наглядности. Плотность населения обозначается семью ступенями интенсивности цвета. Тем самым интенсивность исключается как способ показа разных народов. Между тем родственные по языку народы должны быть показаны оттенками одного цвета. Однако количество зрительно воспринимаемых оттенков ограничено, что часто ставило авторов и исполнителей карт перед непреодолимыми затруднениями.

На карте Африки, например, автор стремился показать принадлежность большинства народов Центральной и Южной Африки к одной языковой семье (банту) в противоположность огромному разнообразию языков Западного Судана и Гвинейского побережья. Эта задача решена путем обозначения всех народов банту одним цветом. Но разные народы, относящиеся к семье банту, видны только при тщательном изучении карты. Сплошной заливкой одного цвета обозначены территории, заселенные разными народами, но с одинаковой плотностью. На участках с меньшей плотностью разные народы обозначены штриховкой разного направления. Этнические границы народа показаны тонкой черной линией, кроме того имеется название народа или (на небольших участках) его номер по легенде.

В ряде случаев принцип обозначения родственников по языку народов оттенками одного цвета выдержать не удалось вследствие недостатка цветов. Например, на карте Индокитая народы группы таи показаны розовым, лиловым и оранжевым цветом. Это облегчает чтение карты в отношении расселения народов этой группы, но родство их видно только из легенды.

Принцип сочетания показа плотности и этнической принадлежности наиболее эффектно проявился в карте Китая, МНР и Кореи. Большая плотность китайцев ясно

противопоставляется редкому населению Тибета и Монголии. В Синьцзяне ясно видны густо населенные оазисы среди пустыни. Однако тот же эффект был бы достигнут, если бы плотность была обозначена не семью, а всего двумя ступенями. Тогда многие оттенки интенсивности можно было бы использовать для обозначения родственных народов.

Практически, даже имея привычку к чтению карт, рецензируемыми картами приходится пользоваться с карандашом в руках, постоянно сверяясь с легендой.

Картами в качестве учебного пособия, для демонстрации на лекциях и т. п. пользоваться не всегда удобно. Для этих целей нужны более обобщенные обозначения. Однако в качестве источника для составления более наглядных карт по отдельным странам или группам стран, по отдельным народам или группам народов рецензируемые карты представляют огромную ценность.

Г. Ф. Дебеч

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Вопрос об исторической преемственности коллективной и частной собственности на землю у остальных племен на стадии охотничье-собирательного хозяйства дискутируется на страницах американских этнографических изданий в течение почти сорока лет. Эта полемика — одно из проявлений реакции буржуазной науки, направленной внешне против учения Моргана о первобытности, по существу же — против материалистического разрешения проблемы собственности и связанного с этим учения о поступательной смене одних общественно-экономических формаций другими, развитого в трудах классиков марксизма. На основе научно достоверных фактов исторический материализм устанавливает, что одна формация отличается от другой формами собственности на средства производства. В основе первобытнообщинной формации, как известно, лежит коллективная собственность на средства производства, совместный труд и уравнилельное распределение продуктов труда. «Этот первобытный тип коллективной или кооперативного производства, — подчеркивал К. Маркс, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»¹. Развивающиеся позднее из общинной первобытной собственности различные формы частной собственности определяют экономический строй последующих классовых формаций в истории человеческого общества. Отмена частной собственности и обобществление средств производства, достигших небывалого развития, характеризуют социализм как первый этап коммунистической формации.

Поэтому не случайно вопрос о собственности занимает в XX в. одно из центральных мест в борьбе буржуазной идеологии с марксизмом. Политическое значение этой проблемы совершенно откровенно подчеркивалось известным этнографом и главой «культурно-исторической школы» патером В. Шмидтом, писавшим, что частная и коллективная собственность, как две противоположные формы собственности, особенно резко противостоят одна другой в наши дни, «обнажая социальный смысл научных теорий». Проблема собственности, писал он, «является одной из наиболее жгучих проблем современности. Можно с уверенностью сказать, что именно из-за нее весь нынешний мир, если еще не пылает, то во всяком случае горит внутренним огнем»². Этими вводными положениями к своей работе, специально посвященной вопросу о первоначальных формах собственности, В. Шмидт определил место исследований буржуазных ученых, посвященных этой проблеме.

Не случайно также вопрос о происхождении собственности всегда сводится в основном к формам собственности на землю, ибо на всех этапах человеческого общества земля была главным средством производства. Исчерпывающую характеристику значения земли (в широком экономическом смысле) как основного средства производства в первобытную эпоху дает К. Маркс в «Капитале»³.

Как справедливо отмечает в одной из своих работ, посвященных проблеме собственности в первобытном обществе, А. И. Першиц, идея развития частной собственности из претшествующей ей общественной собственности высказывалась в работах европейских философов и историков XVIII и XIX вв. Одни писали об этом в общем философском плане, другие развивали эту идею, привлекая конкретные этнографические и исторические материалы⁴. Но особенно убедительно коллективный характер

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

² W. Schmidt, Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit, Bd. 1, Das Eigentum in den Urkulturen, Münster in Westfalen, 1937, стр. 3.

³ К. Маркс, Капитал т. I, 1950, стр. 186, 187.

⁴ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе, как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. LIV, стр. 152.

земельной собственности в родовой общине был показан в работе Л. Г. Моргана «Первобытное общество». Важное место в разработке этой проблемы занимают также исследования русского ученого М. Ковалевского, обратившие на себя внимание Ф. Энгельса. Однако исчерпывающее разрешение проблема собственности получила в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Под воздействием трудов Моргана, Маркса и Энгельса, теория первобытного коллективизма, из которого позднее развиваются отношения частной собственности, приобретает во второй половине XIX в. господствующее положение даже в работах большинства буржуазных ученых. Она подтверждается множеством этнографических данных. Однако признание этой теории означало также признание преходящего характера частной собственности в ее различных формах и основанных на них общественно-экономических формаций, в том числе и буржуазной. Для многих буржуазных идеологов развитие этой теории означало — рубить сук, на котором сидишь. Поэтому реакция буржуазной науки против теории первобытного коллективизма, связывавшейся с именем Моргана, учением Маркса и Энгельса, была неизбежна. И она действительно начала активно проявляться уже в конце XIX в. в трудах европейских ученых Фюстель де Куланжа, видного представителя немецкого позитивизма 90-х гг., К. Лаппрехта, Кейслера, позднее Летурно, доказывавших вторичное происхождение общественной собственности на землю⁵. Но особенную остроту эта проблема получила в XX в. в работах занимавшихся этнографией католических патеров В. Шмидта, В. Колпенса и их последователей.

Среди американских этнографов прославил себя на этом поприще Френк Спек. Весьма характерную оценку значения его работ дают коллеги Ф. Спекса. Херсковиц, например, считает, что исследования Ф. Спекса среди индейцев Лабрадора «нанесли первый удар доктрине общественной собственности у племен охотников и собирателей»⁶. Ближайший соратник Спекса Лорен Айзелей следующим образом оценивает значение его трудов: «Только благодаря трудам таких людей, как д-р Ф. Спек и д-р Купер нам удалось избавиться от этой упрощенной догмы (первобытного коллективизма.— Ю. А.), которая долгое время ослепляла исследователей проблемы собственности на землю»⁷.

Ф. Спек начал публикацию своих исследований алгонкинских охотничьих племен Восточной Канады в 1915 г. До этого в американской этнографической литературе под влиянием работ Моргана и его последователей господствовала идея развития частной собственности из коллективной. Она нашла свое отражение в специальных исследованиях проблемы собственности ученых США У. Сигля и Р. Диксона⁸. В работах же Ф. Спекса впервые на американском материале стала доказываться теория изначальности частной собственности. На основе якобы установленных в полевом исследовании фактов Спек доказывал изначальность у охотничьих племен Лабрадора частной собственности на охотничьи участки и вторичное развитие из нее общественной собственности.

Хотя Спек и называл «открытую» им форму собственности «посемейной собственностью на охотничьи участки», однако из определяемых им пяти, так сказать «диагностических» черт этой собственности очевидно, что речь идет именно о частной собственности. Спек доказывает, что у алгонкинов Лабрадора «семейные» участки имеют четко установленные границы; нарушение этих границ было строго запрещено; наследовались они сыном; сознание собственности на участок было настолько определенным, что собственник мог свободно распоряжаться своим участком; семейные участки патрилинейны.

Патриархальная семья, таким образом, постулировалась как носительница прав на эту частную собственность⁹.

Спек не ограничился простым описанием устанавливаемой им частной собственности на уголья у алгонкинов, но попытался также объяснить ее происхождение, а вместе с нею и происхождение патриархальной семьи. Спек развивает идею возникновения частной собственности у алгонкинов в доколониционный период под влиянием условий естественной среды, т. е. в силу «экологического» фактора. Согласно его концепции, частная собственность на охотничьи участки возникает у охотничьих племен северо-востока Северной Америки не в силу экономических причин, а в силу экологии — характера местности и главным образом привычек животных (преимущественно бобров), составляющих основной объект охоты. Главный аргумент Спекса сводится к утверждению, что оседлые привычки пушных животных и недостаток их способствуют формированию частной собственности на охотничьи участки.

⁵ См. А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 153.

⁶ M. H. H. s k o v i t s, *Economic Anthropology*, New York, 1952, стр. 335.

⁷ L. E i s e l e y, *Land tenure in the Northeast: a note on the history of a concept*, «*American Anthropologist*», т. 49, 1947, № 4, стр. 681.

⁸ W. S e a g l e, *The Quest for law*, New York, 1941; R. D i x o n, *Economic Institutions and Cultural change*, New York, 1941.

⁹ F. S p e c k, *Family hunting territories and social life of the various Algonkian bands of the Ottawa Valley*, «*Canadian Department of Mines, National Museum Anthropological Series*», № 8, Ottawa, 1915.

Спек доказывал, что в районах с недостаточным количеством дичи, которая по привычкам своим не стадна и не мигрирует, преобладает индивидуальная охота, а индивидуальная форма охоты якобы связана с частной собственностью на охотничьи участки. В качестве классического примера такого пути развития частной собственности приводятся им индейцы юго-западной части Лабрадора. Коллективные же формы охоты, сохранившиеся еще лет 20—30 назад у наскапи в центральном и особенно северо-восточном Лабрадоре, он объяснял теми же экологическими причинами: якобы олени-карибу, главный объект охоты в этих районах, являются стадными и мигрирующими животными, поэтому, мол, здесь более продуктивна коллективная охота. Следствием подобной организации труда является, по его мнению, превращение более древней формы частной собственности на уголья в коллективную собственность. «Граница, отделяющая тундру от леса, является фактором, определяющим образ жизни животных и социально-экономическую жизнь людей в пределах и за пределами этих зон»¹⁰, писали Спек и Эйзелей в одной из своих совместных работ.

В основе этой концепции, как видим, лежит постулат, что пушной промысел был древней основой экономики индейцев. Ошибочность этого предположения убедительно доказана, как мы увидим далее, многими этнографами США и Канады.

В дискуссии о формах собственности на охотничьи участки у северо-восточных алгонкинов можно наметить три периода. Первый (1915—1926 гг.) — описательный, когда вышел в свет ряд статей Спека о частной собственности на землю у различных племен северо-востока Северной Америки¹¹. На этом этапе система семейных охотничьих участков трактовалась как архаическое явление, специфичное лишь для этого ограниченного и якобы изолированного от внешних влияний района Северной Америки. Индейцы этого района изображались как носители самобытной, не тронутой цивилизацией, примитивной культуры.

Второй этап начинается с выступления Ф. Спека на 22 конгрессе американистов в 1926 г. В своем докладе¹² Спек попытался доказать, что система «семейных охотничьих участков» — характерная черта охотничьей экономики всей циркумполярной полосы и вообще всех отсталых племен охотников и собирателей, обитающих в окраинных районах земного шара. Для обоснования своих выводов он привлек сибирские материалы Богораз, Ихельсона и других, якобы свидетельствующие о наличии у ороченов, самоедов и финно-угорских народов такой же системы семейных охотничьих участков, как и у алгонкинов Лабрадора.

Выступление Спека привлекло внимание определенных кругов буржуазных этнографов. Его теория оказалась весьма привлекательной в обстановке той борьбы, которую вела с конца XIX и особенно в начале XX в. реакционная наука с учением Моргана. «Было нечто новое в идее, что существовали охотничьи племена, которые имели систему частного владения земель вместо общинной собственности», — писал по этому поводу И. Халлоуэлл¹³. Материалы Спека, казалось, давали твердую фактическую основу патриархальной теории, имевшей уже значительное влияние среди буржуазных ученых Европы. Неудивительно, что концепция Спека нашла живейший отклик у буржуазных ученых США в их борьбе с учением Моргана. Не только в частных исследованиях по этнографии алгонкинов, но и в общих руководствах по этнографии концепция Спека изображалась как доказанное историческое явление¹⁴.

Идеи Ф. Спека активно развивали в своих работах Дж. Купер и И. Халлоуэлл. В специальной статье, посвященной вопросу об автохтонности частной собственности на землю у восточных алгонкинов, Дж. Купер, как и Спек, доказывает, что возникла она в период до открытия материка в силу приспособления к специфическим экологическим условиям, и заключает, что эта система собственности является древней чертой всех первобытных племен окраинных частей мира¹⁵. В другой своей работе Купер вновь подчеркивает зависимость частной собственности на землю от экологических, т. е. природных условий: «Кажется, что форма собственности на землю у охотничьих

¹⁰ F. Speck and L. Eiseley, Mantagnais — Naskapi bands and family hunting districts of the Central and Southeastern Labrador Peninsula, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 82, 1942, № 2, стр. 220.

¹¹ F. Speck, Family hunting territories and social life of the various Algonkian bands of the Ottawa Valley; «Canadian Department of Mines, National Museum Anthropological series», № 8, Ottawa, 1915; его же, The family hunting band as the basis of Algonkian social organization, «American Anthropologist», т. 17, 1915, № 2; его же, Mistassini hunting territories in the Labrador Peninsula, «American Anthropologist», т. 25, 1923.

¹² F. Speck, Land ownership among hunting peoples in primitive America and the world's marginal areas, «Atti del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti», Roma, 1928.

¹³ I. Hallowell, The size of algonkian hunting territories: a function of ecological adjustment, «American Anthropologist», т. 51, 1949, № 1, стр. 35.

¹⁴ R. Lowie, Primitive society, New York, 1925.

¹⁵ J. Cooper, Is the Algonkian family hunting ground system pre-Columbian, «American Anthropologist», т. 41, 1939, № 1.

племен легко реагирует на экологию, особенно фауну, используемую как основной источник питания, — писал он. — Кажется даже вероятным, что эта система быстро приспособляется и изменяется в соответствии с изменяющимися местными экологическими условиями. Но некоторым нюансом в работе Купера, по сравнению с идеями Спекса, является допущение, что частная собственность на землю у алгонкинов не очень древняя, и возникла перед самым приходом на материк европейцев¹⁶.

Антиисторизм концепции Спекса еще более резко сформулирован в работе Халлоуэлла. В специальной статье он подчеркивает, что частная собственность на уголья у алгонкинов — явление не исторического, а экологического порядка¹⁷. Эта же мысль высказана им и в его позднейшем общем теоретическом труде (1955 г.), где он пытается подкрепить свои позиции ссылками на работы Р. Туривальда и М. Херсковича, которые якобы доказали на многочисленных примерах наличие частной собственности у примитивных народов¹⁸.

Финский ученый Вайно Таннер в своем исследовании по этнографии и географии Ньюфаундленда — Лабрадора, несмотря на то, что его индейские информаторы, как сообщает он сам, говорили ему, что у них никогда не было семейных участков охоты, полностью присоединяется к выводам Спекса и Купера. «Я полностью согласен со Спексом, — пишет он, — что до контакта с белыми зависимость от мигрирующей дичи могла способствовать пользованию участками отдельных семей. Точно такое же положение, как нам известно, было в Фенноскандии. В этой связи можно привести также мнение В. Шмидта, что семейные участки охоты ассоциируются с древней фазой культуры северо-восточных алгонкинских охотников. ...У них семья, а не большая семья — носительница принципов земельной собственности»¹⁹.

Аналогичную описанной Спексом частную собственность на уголья начали искать у других племен американского материка (у селишей, шошонов, сахаптинских племен, у атапаскских племен Канады).

Д. Дэвидсону «диагностические» черты собственности на уголья у алгонкинов «помогли» установить значительность частной собственности у австралийцев²⁰, а затем и у огнеземельцев²¹. Позднее Херскович в своем труде по экономике отсталых племен, отмечая политическое значение дискуссии о первичности частной или общинной собственности, всецело принимает выводы Спекса и сам пытается показать широкое распространение аналогичной описанной Спексом системы частной собственности на уголья у отсталых племен охотников и собирателей, а также на пастбища у пастушеских народов²². В объяснении же причин возникновения частной собственности он стоит на позиции релятивизма, говоря, что у разных народов она возникает в силу различных причин²³. Херскович пишет, что отрицание частной собственности на землю у племен охотников-собирателей и скотоводов было следствием псевдоисторичности социально-эволюционных теорий XIX в., но сам он, ставя на одну доску отсталые племена охотников и собирателей с пастушескими народами, проявляет явный антиисторизм, игнорируя тот факт, что пастушеские скотоводческие племена стоят на значительно более высокой ступени развития производительных сил, чем племена, живущие натуральной охотой и собирательством. Говоря о первобытных пастушеских племенах, Херскович, так же, как и В. Шмидт, имеет в виду прежде всего сибирские оленеводческие народы. Оленеводство рассматривалось культурно-исторической школой, как очень древняя форма скотоводства, возникающая чуть ли не в эпоху палеолита.

На этом основании оленеводческие народы объединялись с самыми отсталыми племенами охотников и собирателей, обозначавшимися В. Шмидтом как *Altvölker*. Однако, как убедительно показали исследования советских этнографов и археологов, оленеводство представляет собою очень позднее историческое явление, возникшее у народов, предки которых были некогда знакомы с разведением крупного рогатого скота и лошадей. Эти исследования показали, насколько ошибочным и антиисторичным было объединение пастушеских народов с племенами отсталых охотников-собирателей как носителей наиболее примитивной культуры. В этом вопросе Херскович всецело следует теории культурных кругов В. Шмидта. Однако современные представители культурно-

¹⁶ J. Cooper, The Culture of the Northeastern Indian hunters: a reconstructive interpretation, «Papers of the R. S. Peabody Museum», т. 3, стр. 292—294.

¹⁷ I. Hallowell, The size of algonkian hunting territories: a function of ecological adjustment, стр. 35.

¹⁸ I. Hallowell, Culture and experience, Philadelphia, 1955, стр. 237—242.

¹⁹ V. Tanner, Outlines of the geography, life and customs of Newfoundland and Labrador, Cambridge, 1947, т. 2, стр. 636—637.

²⁰ D. S. Davidson, Family hunting territory in Australia. «American Anthropologist», т. 30, № 4, 1928. См. Г. Ф. Хрустов, К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 16—36.

²¹ D. S. Davidson, Family hunting territories of the tribes of Tierra del Fuego, «Indian Notes», Museum of the American Indian, Heye Foundation, т. V, New York, 1928, стр. 395—410.

²² M. Herskovits, Economic Anthropology, стр. 335—340.

²³ Там же, стр. 326—327.

исторической школы вынуждены признать, что исследования советских ученых показали ошибочность хронологии оленеводства в схемах В. Шмидта²⁴.

Алгонкинскими материалами Спек и его единомышленников воспользовался и В. Шмидт в своей аргументации изначальности частной собственности и патриархальной семьи у остальных охотников и собирателей. В упоминавшейся уже работе В. Шмидт, превознося Спек, на основе его материалов делает вывод, что установленные им отношения собственности и основанная на них социальная организация у северо-восточных алгонкинов характерны для древних фаз культуры всех алгонкинских племен, хотя у многих из них они утрачены якобы под влиянием ирокезских племен и племен прерий. Эти же черты, по мнению В. Шмидта, некогда были характерны и для племен селишей, шононов, сиу, уапуней²⁵. С легкой руки Спек Шмидт распространил ареал изначальности частной собственности почти на весь американский материк.

Таким образом, в целом ряде работ доказывалось и обосновывалось развитие общинной собственности из частной как следствие приспособления человека к естественной среде. Экологический фактор оказался весьма удобным для опровержения теории общей закономерности развития человеческого общества и форм собственности, определяющих его экономический строй. С его помощью легко можно было доказать многолинейность развития: у одних народов в силу природных условий издревле сложилась якобы частная собственность, у других же — общинная. Таким путем устанавливалась изначальность института частной собственности и независимость его происхождения от экономического развития общества; производственные отношения капиталистического общества переносились в первобытность. Говоря о классовых корнях подобного рода концепций, В. И. Ленин писал: «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»²⁶. Переоценка экологического фактора вообще имеет место в современных социологических схемах американских этнографов и выходящих руководствах по этнографии (см., например, работы Стюарда, Кинсинга, М. Титиева).

* * *

На третьем этапе изучения форм собственности на землю у охотничьих племен Северной Америки под давлением вновь собранных фактических материалов происходит резкое размежевание среди американских этнографов — на сторонников первобытного коллективизма и последователей концепции Ф. Спек. Начиная с 1930-х годов, публикуются конкретные исследования форм землепользования у охотничьих племен Канадского Севера К. Осгуда, Д. Дженнеса, Дж. Стюарда, К. Биркет-Смита, Ф. де Лагуны, Э. Ликок, Х. Хикерсона и др., в которых они на основе своих полевых исследований и анализа архивных данных показывают несостоятельность теории Спек. Известный канадский ученый Д. Дженнес первым выступил с опровержением утверждений Спек. В обобщающем труде об индейцах Канады он категорически высказывается против географического (а следовательно, и экологического) детерминизма в объяснении экономики и социальной жизни различных индейских племен. Принимая сообщения Спек о наличии частных охотничьих участков у индейцев восточной Канады, он отвергает трактовку частной собственности на землю у этих племен как древней черты их культуры.

Он пишет, что раздел охотничьих угодий на семейные участки происходит только в результате вовлечения индейцев в капиталистическую меховую торговлю, этому разделу всюду предшествует общинная форма землепользования²⁷. Конкретно он анализирует эту проблему на материалах об оджибвеях о-ва Парри в заливе Джемса²⁸ и атапаскского племени секаней верховий р. Пис²⁹. Дженнес отмечает, что раздел охотничьих угодий на частные участки у этих племен происходил в недалеком прошлом, и что еще во время его полевых исследований у оджибвеев сохранялась общинная собственность на кленовые рощи, не имевшие отношения к меховой торговле. Выводы Дженнеса разделял и Дж. Стюард в своих теоретических работах. На основании полевых материалов, собранных им у племени носильщиков Британской Колумбии в Канаде, он прослеживает процесс раздела общинных угодий на семейные участки под воздействием меховой торговли³⁰.

²⁴ См. выступление В. Конперса на съезде этнографов в Нью-Йорке в 1952 г. См.: «An appraisal of anthropology today», Chicago, 1953, стр. 79.

²⁵ W. Schmidt, Указ. раб., стр. 141—155.

²⁶ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. I, стр. 137.

²⁷ D. Jenness, Indians of Canada, Ottawa, 1932, стр. 118, 124.

²⁸ Его же. The Ojibwa Indians of Parry Island, their social and religious life. «Bulletin 78 National Museum of Canada, Anthropological series», № 17. Ottawa 1935.

²⁹ D. Jenness, The Sekani Indians of British Columbia, «Bulletin 84. National Museum of Canada, Anthropological series», № 20, 1937.

³⁰ J. Steward, Economic and social basis of primitive bands, «Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber», Berkeley, 1936, стр. 339; его же, Determinism in primitive Society, «Scientific Monthly», 1941; см. также: его же, Theory of culture change, Urbana. 1955, стр. 145.

Выводы Дженнеса подтверждаются исследованиями северных атапасков Корнелиуса Осгуда, свидетельствующего о первоначальной общинной собственности на землю у этих племен. Например, относительно племен сатудене и невольников он сообщал в 1933 г., что индивидуальные участки на промысел бобров у них тогда уже имелись, но первоначально их не было³¹. Об ингаликах он пишет в последней из своих работ, что у них не было представления о частной собственности на землю³². Датский ученый Кай Биркет-Смит, непосредственно изучавший атапаскское племя чайпевайев, также писал об отсутствии у них частных охотничьих участков³³. В совместной работе Биркет-Смита и Ф. де Лагуны приводятся свидетельства об общинной собственности на землю у охотничьих племен районов Макензи, Плато, юга северо-западного побережья, у эйяков и эскимосов. На основании собранных данных эти авторы приходят к совершенно противоположному, в сравнении с выводами Спекса, заключению, а именно, что, «по-видимому, свободу пользования охотничьими возможностями в границах племенной территории нужно рассматривать как древнюю особенность в социальной организации циркумполярного района»³⁴. Этот вывод подтверждается и исследованиями отношений собственности у народов Сибири советскими учеными. Эти исследования внесли значительный вклад в историю изучения форм собственности на средства производства у охотничьих племен Северной Америки. В противовес утверждениям В. Шмидта и Спекса, на анализе конкретных материалов они убедительно показали, что частная собственность на угодья не является самобытной чертой первобытной экономики племен охотников и собирателей, что возникает она довольно поздно как следствие втягивания индейцев в меховую торговлю и проникновения в их экономику товарных отношений.

Однако Спек и его последователи упорно отстаивали свои позиции, полемизируя с Дженнесом и другими своими оппонентами³⁵. Этому посвящены и упоминавшиеся уже работы Купера и Халлоуэлла. В одной из совместных работ Спек и Айзелей, полемизируя с Дженнесом, для подкрепления своих позиций ссылаются даже на патера Шмидта, тоже считающего частную собственность и патриархальную семью древней особенностью алгонкинов и объясняющего все отклонения от них внешними явлениями и заимствованиями. Однако они не указывают, что эти выводы Шмидта основаны именно на материалах Спекса. В унисон со Спексом и Айзелеем В. Шмидт также отвергал выводы Дженнеса³⁶.

Купер и Айзелей пытаются подкрепить свои концепции ссылками на сообщения путешественников, якобы свидетельствующие об экологических причинах происхождения частной собственности на угодья у индейцев Восточной Канады. По мнению Дж. Купера, первое указание на это содержится в описании путешествия Дж. Рае, (1882 г.)³⁷. Айзелей же устанавливает еще более раннее свидетельство в журнале путешествия Д. Армона (1820 г.), также якобы говорящее об экологическом детерминизме в развитии системы частных охотничьих участков. Он сетует при этом, что господство в XIX в. идей общинной собственности на землю у отсталых племен было настолько сильным, что ценные указания Дж. Рае и Д. Армона остались незамеченными³⁸. Но из приводимой Айзелеем же цитаты из журнала Армона совершенно очевидно, что сообщение относится к XIX в. и характеризует экономику индейцев в условиях ее полной зависимости от пушной торговли, а не от экологии.

Несмотря на проведенные Д. Дженнесом, К. Осгудом, К. Биркет-Смитом и другими авторами исследования форм земельной собственности у охотничьих племен атапасков и у оджибвеев, в отношении алгонкинов Лабрадора вплоть до середины XX в. все еще господствовала теория Спекса и его последователей. Однако в начале 1950-х годов сокрушительный удар по теориям Спекса на конкретном материале этого района нанесли исследования Элеоноры Ликок. Две ее работы послужили чрезвычайно важным этапом в изучении развития форм собственности на угодья у охотничьих племен³⁹.

³¹ C. Osgood, The Ethnography of the Great Bear Lake Indians, «National Museum of Canada. Annual Report, 1931», Ottawa, 1933, стр. 41, 71.

³² C. Osgood, *Ingatic Mental Culture*, New Haven, 1959, стр. 72.

³³ K. Birket-Smith, *Contribution to Chipewyan ethnology*, København, 1930, стр. 69.

³⁴ K. Birket-Smith and F. de Laguna, *The Eyak Indians*, København, 1938, стр. 462.

³⁵ F. Speck and L. Eiseley, *Significance of hunting territory system of the Algonkian in Social theory*, «American Anthropologist», vol. 41, № 2, стр. 280.

³⁶ W. Schmidt, *Указ. раб.*, стр. 142—151.

³⁷ J. Cooper, *The Culture of the Northeastern Indian hunters...*, стр. 291, со ссылкой на J. Rae, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. 12, 1882, стр. 274—275.

³⁸ L. Eiseley, *Land tenure in the Northeast: a note on the history of the concept*, «American Anthropologist», т. 49, 1947, № 4, ч. 1, стр. 680—681, со ссылкой на Daniel Harmon, «Journal of Voyages and travels in the Interior of North America», New York, 1922.

³⁹ E. Leacock, *The Montagnais «hunting territory» and the fur trade*, «American Anthropological Association Memoirs», № 78, 1954; *е е ж е*, *Matrilocality in a simple hunting economy (Montagnais—Naskapi)*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. II, 1955, № 1.

Тщательным анализом собранных ею обширных, как полевых, так и архивных материалов об общественном устройстве индейцев Лабрадора, она полностью подтверждает положение Дженнеса, Остуда, Биркет-Смита и др., что общинная собственность на охотничьи угодья предшествует частному владению отдельным участком. Она очень убедительно показывает, как частное владение охотничьими участками складывается у остальных племен охотников под влиянием вовлечения их в капиталистическую пушную торговлю.

Безусловно важное значение для подхода к изучению социальной жизни у различных индейских племен вообще имеет также ее замечание, что теперь «становится все более и более очевидным, что та племенная жизнь индейцев, которая описывалась в XIX в. и даже в конце XVIII в., отражала уже серьезные изменения, происходившие в результате активного участия индейцев в развитии мировой торговли и коммерции»⁴⁰. Эта мысль тем более ценна, что до последнего времени этнографы США в своих эмпирических описаниях индейских племен подходили к явлениям их общественной жизни статически, без учета их предшествующей истории и тем более без учета влияния на нее колонизации. Социальная организация того или иного племени считалась автохтонной в той форме, какою ее удавалось реконструировать на середину XIX в. в лучшем случае на конец XVIII в. «Чтобы реконструировать самобытную культуру аборигенов,—справедливо замечает Ликок,—недостаточно описать ее в сегодняшнем виде и затем выделить из нее черты явно европейского происхождения. Необходимо учитывать, что со времени открытия и начала колонизации материала происходили коренные общественно-экономические изменения»⁴¹. Говоря, в частности, о подчеркивавшемся Спеком и его последователями «примитивизме» алгонкинов Лабрадора она называет его «кажущимся», «обманчивым примитивизмом»⁴².

В основу исследований Ликок положен историко-материалистический подход. Обе ее работы по существу посвящены показу того, как основа туземной экономики определяет социально-политическое устройство племени. Тщательным анализом материалов она прослеживает, как вместе с переходом от натурального коллективного производства и распределения к товарному пушному промыслу меняется весь жизненный уклад индейцев и формы их социальной организации. Она подчеркивает при этом, что при изучении общественной организации охотничьих племен северо-востока Северной Америки необходимо учитывать, что на протяжении последних 300 лет она складывалась под непосредственным влиянием пушной торговли и проникновения в их экономику товарных отношений⁴³.

Усомнившись в выводах Спекса, Ликок особое внимание в своих полевых исследованиях уделила проверке приводимых им фактов путем изучения тех же групп и даже семей индейцев, на которые ссылался Спекс.

В результате она обнаружила несостоятельность целого ряда положений в концепции Спекса. Она убедительно показывает, что главная ошибка Спекса заключалась в том, что он, установив в 1910-х годах наличие частных охотничьих участков у индейцев Западного Лабрадора, истолковал это явление как древнейшую форму собственности, характерную для всех алгонкинов. При описании же этих участков Спекс допустил ряд передержек. Через 30 с лишним лет после полевой работы Спекса Ликок установила, что даже в указанном ограниченном районе частные охотничьи участки не так четко разграничены, «как это показалось Спексу»⁴⁴; участком обычно владела группа братьев и не было маленьких узкосемейных участков; патрилинейное наследование не упразднило право всей группы на пользование участком, к тому же часто участки наследовались затем. Все это говорило о том, что процесс становления частной собственности на угодья еще не достиг такого завершения, как это описал Спекс. В интерпретации последнего по существу не было никакой разницы между частной собственностью на угодья у индейцев и капиталистической частной собственностью.

Против экологического объяснения возникновения частной собственности у индейских звероловов Ликок приводит весьма убедительный довод, что до появления на Лабрадоре европейских скупщиков мехов «мелкая пушная дичь не имела такого значения в экономике индейцев, чтобы определять их общественно-экономический строй»⁴⁵.

Обе работы Ликок посвящены обоснованию ее основного положения, что «собственность на специфические ресурсы возникает как ответ на проникновение в экономику индейцев отношений купли-продажи в связи с меховой торговлей»⁴⁶.

Собранные по истории индейцев Лабрадора материалы позволяют Ликок установить три этапа перехода от примитивной натуральной охоты к товарному пушному промыслу. Она прослеживает, как по мере вовлечения индейцев в меховую торговлю изменялось соотношение между натуральной мясной охотой и товарным пушным про-

⁴⁰ E. Leacock, The Montagnais «hunting territory» and the fur trade, стр. 43.

⁴¹ Там же, стр. 43.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 1.

⁴⁵ Там же, стр. 3.

⁴⁶ Там же, стр. 2.

мыслом в хозяйстве индейцев, а вместе с этим изменялись и их производственные отношения. На первом этапе втягивания индейцев в колониальную меховую торговлю мясная охота имеет еще более важное значение, чем пушной промысел. Индейцы лишь частично зависят от торговых компаний. На втором этапе пушной промысел начинает уже превалировать над мясной охотой, но приспособление индейцев к новым условиям денежно-товарной экономики вследствие колониальной эксплуатации и ограбления их скупщиками пушныни, происходит чрезвычайно медленно и болезненно. Ликок отмечает, что на этом этапе положение индейцев наиболее бедственно, они часто голодают, смертность необычайно велика, народ фактически вымирает. На третьем этапе пушной промысел становится главным занятием индейцев, и индеец-зверолов почти не отличается от белого траппера.

Проследивая историю колонизации и проникновения меховой торговли в Восточную Канаду, Ликок устанавливает три района, дающие наглядную картину намеченных ею этапов развития товарных отношений у индейцев этого района. Наскапи центрального и северо-восточного Лабрадора дают характерный пример первого из этих этапов. Устремление французских и английских скупщиков пушныни на запад по р. Лаврентия в наиболее богатые пушиной районы к югу и юго-востоку от Гудзона залива оставило центральный и северо-восточный районы Лабрадора на значительный период в стороне от главных пунктов меховой торговли. Меховая торговля велась здесь sporadически, от случая к случаю. Поэтому еще в 1926 г. охота на мясного зверя у наскапи восточного Лабрадора имела еще более важное значение, чем пушной промысел. Последний давал в основном лишь средства на приобретение ружей, пороха, капканов, отчасти одежды, пища же была своя. Меховая торговля только недавно стала решающим фактором в экономике этих индейцев. Поэтому товарные отношения и отношения собственности находятся у них на сравнительно раннем этапе развития. Индейцы живут еще в лесу, вдали от торговых постов. Они посещают их главным образом летом, когда продают заготовленные за зиму меха и покупают нужные им товары. На пост обычно приезжают лишь мужчины-охотники, семьи же остаются в стойбищах внутри полуострова.

Описания социальной жизни наскапи этих районов, данные Стронгом (1926 г.), Таннером (1939 г.), и материалы Ликок (1940—1950 гг.) говорят о том, что у наскапи до начала XX в. преобладали еще первобытнообщинные отношения и сохранялось еще родовое устройство. Основная социальная единица наскапи характеризуется авторами как сравнительно немногочисленный экзогамный коллектив охотников, объединенный общностью экономических интересов и родством по женской линии. Охотничьи угодья считаются общей собственностью этого коллектива, в основе охоты и распределения продуктов охоты лежат еще общинные начала. Например, Стронг, описывая в 1926 г. родовой коллектив (называемый им «band») в Девиз Инлет, характеризует его как состоящий из 36 человек экзогамный коллектив, объединяющий несколько многосемейных домашних общин. В течение зимы род сообща кочевал и охотился в пределах территории своей традиционной охоты, границы которой, однако, не были определены. Летом он из поколения в поколение объединялся в едином стойбище с другими такими же родами Озерного плато и озера Индиан Хауз для рыболовства, совместной охоты на карибу, для свиданий и браков⁴⁷. Эти летние стойбища можно рассматривать как территориальные объединения нескольких охотничьих родов, имевших по традиции общий район охоты и кочевания.

Так же характеризует и Таннер охотничий коллектив на Норд-Уест-Ривер в 1939 г.⁴⁸ Описывая большие домашние общины наскапи, Ликок отмечает, что они объединяют пять-шесть семей и еще в 1940-х годах очень часто состояли из семей материнских дядей и племянников. Это очевидно из приводимого ею состава нескольких таких групп в конце 1940-х годов. Одна из таких общин, кочевавшая в районе Норд-Уест-Ривер, состояла из пяти семей: семьи материнского дяди, двух семей его замужних племянниц и семей его дочери и сына. До зимних холодов эти семьи жили в одной большой палатке. С наступлением же заморозков они расселились в две разбитые рядом меньшие палатки. В этом случае две сестры с мужьями поселились в одной палатке, во второй — их дядя со стороны матери с семьями своих детей — дочери и сына. В этих родовых общинах, наряду с преобладанием еще матриликальных браков, в течение XX в. все чаще стали заключаться патрилокальные браки. Но решающее слово в определении локальности брака все еще принадлежало женщине. О родовой организации свидетельствует также классификационная система родства и широко практиковавшийся здесь кросскузенный брак, который, по свидетельству Стронга, сохранялся у наскапи еще в XX в.

Хотя родовые общины описываются у авторов под географическими названиями, сам Спек отмечал, что многие из них носят названия по животным эпонимам. Он же описал и тотемизм у индейцев Лабрадора⁴⁹.

⁴⁷ D. Strong, Cross-Cousin marriage and the culture of the Northeastern Algonkian, «American Anthropologist», т. 31, 1929, № 2, стр. 22.

⁴⁸ V. Tanner, Указ. паб., стр. 606—609.

⁴⁹ F. Speck, Game totems among the northeastern Algonkians, «American Anthropologist», т. 19, Menasha, 1917, № 1.

Анализ реляций незуитов и архивных материалов торговых компаний приводит Ликок к заключению, что на этом же этапе общественного развития находились в XVII—XVIII вв. все индейские группы Лабрадора, что еще в XVII в. у них не было раздельного пользования охотничьими угодьями, и формой общественного устройства был материнский род, который она характеризует как экзогамный охотничий коллектив, состоявший из нескольких многосемейных домашних групп («multifamily tent groups»), объединенных родством по женской линии. Матрилокальность брака и матрилинейный счет родства и наследования указываются миссионерами как идеальный тип социального устройства монтанье западного Лабрадора. Миссионер Ле Жень (1633—1634 г.) отмечает, что дети сестры являются предпочтительными наследниками у индейцев⁵⁰.

Эти описания, вопреки концепциям Спекса и В. Шмидта, относивших алгонкинов к издревле безродовым племенам, убедительно свидетельствуют о том, что ко времени прихода миссионеров и скупщиков мехов в этот район здесь существовал типичный материнский род, но род, приспособленный к условиям подвижной охотничьей жизни. Немногочисленность и относительная неустойчивость в составе родовой группы — это специфические особенности рода кочевых охотничьих племен, отличающие его от рода оседлых земледельческих и рыболовных племен.

Отношения собственности у индейцев юго-восточного Лабрадора дают представление о втором этапе развития товарности индейского хозяйства и распада родовых связей. Ликок устанавливает, что этот район был втянут в меховую торговлю несколько раньше, чем северо-восток и центральная часть полуострова.

В качестве типичной для этого этапа, Элеонора Ликок описывает общественную жизнь индейцев р. Наташкуань. На протяжении последних четырех поколений покупные продукты: мука и лярд почти вытеснили у них мясную пищу. Это было свидетельством того, что пушной промысел за это время приобрел здесь более важное значение, чем мясная охота. Однако промышляют зверя чаще всего партиями, обычно в 10 человек, партнеры по охоте чаще всего избираются из материнских дядей или родственников жены. В то же время наблюдается уже тенденция к разделу и закреплению охотничьих участков за отдельными охотничьими партиями. Есть даже отдельные лица, закрепившие за собой определенный участок. Ликок в качестве примера указывает на индейца Пьеа, Габриеля, закрепившего за собой участок, который одно поколение тому назад был охотничьей территорией целой группы.

Приводимые Ликок материалы свидетельствуют, что в недавнем прошлом основной социальной ячейкой у наташкуань была, как и у наסקапи, экзогамная материнско-родовая община. Однако в связи с переходом к товарному пушному промыслу и с постепенной индивидуализацией труда зверолова здесь начался уже процесс выделения семьи из коллектива как экономической единицы. Каждая семья жила уже преимущественно в отдельной палатке, но общинный характер прежнего жилища сохранялся в общности кухонного очага. В летних стойбищах женщины соседних палаток до сих пор очень часто имеют общий очаг на открытом воздухе. Характерен состав женщин различных палаток, пользующихся одним очагом. Летом 1950 г., по наблюдениям Ликок, в стойбище наташкуань в шести случаях одним очагом пользовались матери или матери с дочерьми; в двух — бабушки и внуки и только три очага объединяли свекровей и невесток⁵¹. Этот пример свидетельствует о том, что в основе объединения вокруг общего очага, а следовательно и расположения палаток, еще до сих пор лежат отношения родства, в большинстве случаев — матрилинейного родства.

Ликок хорошо показывает связь между переходом от матрилокальности браков к патрилокальности и возникновением права наследования по отцовской линии. Но матрилокальность была еще более частым явлением, чем патрилокальность, и еще сильнее была традиция наследования по женской линии, чаще всего в форме передачи прав на охотничьи угодья от тестя к зятю. Здесь мы видим тот же, что и у индейцев северо-западного побережья, путь перехода от наследования племянником к наследованию зятем как переходную форму от матрилинейного наследования к отцовскому праву. Переход к патрилокальным нормам сопровождается нарушением родовой экзогамии, которая быговала здесь еще лет 50 назад⁵². Ликок выявляет в этом районе любопытное переплетение и сосуществование вторгающихся в экономико-товарно-денежные отношений и прежних первобытнообщинных отношений. Это проявилось прежде всего в распределении охотничьей добычи. Вся добыча мясной охоты потреблялась сообща всем охотничьим коллективом. Пушнину же делили следующим образом. Мех зверей, убитых ружьем, делился между охотниками соответственно нужде каждого; при этом учитывались долг охотника в лавке компании и количество его иждивенцев. Мех же зверей, пойманных в капкан, за исключением ондатры, считался уже собственностью владельца капкана. Шкура медведя обычно отдавалась старшему охотнику. Вырученные за мех деньги сосредотачивались в руках главы семьи. Индейцы проводили четкую грань между пушным промыслом и работой по найму, с одной стороны, и трудом, затраченным непосредственно на удовлетворение своих нужд, — с другой. Само понятие «работа» на современном языке индейцев включало лишь различные виды работы по найму

⁵⁰ E. Leacock, *Matrilocality in a simple hunting economy*, стр. 32.

⁵¹ Там же, стр. 42.

⁵² Там же, стр. 35.

на «белых» и пушной промысел, понятие «промышлять зверя» означало также «искать» или «ловить деньги»⁵³.

Под влиянием миссионеров индейцы считали грехом работать по воскресеньям, но охотились на мясную дичь. Для добычи пищи, заготовки дров или других видов труда, направленного на удовлетворение своих непосредственных нужд, индейцы свободно давали друг другу ружья, лодки и другие орудия труда. Но за использование этих же орудий для заготовки чего-либо на продажу «белым» требовали компенсации. Ликок приводит характерный пример. Индеец, живя вместе с зятем, делал последнему и лодки и лыжи, а зять делился с ним своей добычей, но когда тестю понадобилась лампа на время беседы с этнографом, оплатившим его информацию, то дочь взяла с отца за пользование лампой 25 центов⁵⁴. Этот пример особенно наглядно иллюстрирует процесс вытеснения и замены связей по родству товарно-денежными отношениями.

Юго-западный Лабрадор дает картину третьего этапа развития товарности индейской экономики. Начало меховой торговли в этом районе относится к концу XVI в. и уже к концу XIX в. обитавшие там индейцы полностью зависели от пушного промысла. Именно здесь на протяжении 300 лет меховой торговли сложилась система частных охотничьих участков, начало выделения которых Ликок относит к началу XVIII в.⁵⁵. Именно у индейцев этого района Спек и установил в начале XX в. частную собственность на угодья и интерпретировал ее как архаическую форму землепользования, характерную для всех охотничьих племен. Однако, как замечает Ликок, еще в 1951 г. «частные охотничьи участки не были так четко разграничены, как это показало Спеку»⁵⁶. Хотя эти участки и места разбивки стойбища наследовались по отцовской линии, однако нередки были еще случаи перехода их от тестя к зятю. Сохранились также различные пережиточные формы общиннородовых отношений. Известный этнограф Г.ДР. Юлиус Липс, изучавший обычное право у индейцев этого района в 1930-х годах, отмечает, например, что в их «обычном праве преобладают отношения взаимопомощи». Он указывает, что, несмотря на наличие частных охотничьих участков, охота на мясного зверя еще разрешалась и на чужом участке. В случае голода можно было убить даже бобра, но шкуру необходимо было отдать хозяину бобровой хатки⁵⁷. Границы индивидуальных участков не соблюдались также при сборе ягод, бересты и прочего, что шло на собственное потребление, а не на продажу «белым».

Вместе с тем, кроме пушного промысла, в экономике индейцев этого района огромное значение приобрели уже заработки на лесозаготовках и других предприятиях у неиндейского населения. Заработок считается здесь уже собственностью самого работника. Каждый трудоспособный член семьи, становясь охотником, открывал свой счет в лавке компании⁵⁸. Индивидуализация охоты и частное присвоение ее продуктов были значительно ускорены практикой торговых компаний заводить в своих лавках отдельный лицевой счет на каждого охотника. Юноша, убивший первого медведя, например, уже открывал свой счет в лавке компании.

На конкретных фактах Ликок показывает, как в связи с проникновением товарных отношений в экономику индейцев сначала устанавливается частная собственность на пушнину, затем появляется право исключительной эксплуатации ресурсов на том или ином участке. В данном случае речь идет о собственности на бобровые хатки, формирование которой предшествует появлению частного владения охотничьими участками. Например, на юго-западе Лабрадора, у индейцев на озерах Мистассин и Сент-Джон все бобровые хатки считаются уже собственностью владельца участка. У индейцев же Семи Островов бобровой хаткой пользуется нашедший ее. Он ставит на нее свою тамгу, независимо от того, на каком участке эта хатка обнаружена⁵⁹.

Становление частной собственности на охотничий участок проходит также ряд этапов — от выделения отдельного участка и традиционного использования охотничьих троп на нем одной семьей в течение нескольких сезонов, до полного закрепления его за семьей, которая уже принимает меры к охране пушного зверя на своем участке. Нельзя не согласиться с Ликом, что меры по охране пушного зверя, и в частности бобров, появились у индейцев лишь в связи с истреблением бобров ради меха, и не являются древней автохтонной чертой их экономики, как это представлялось Спеку.

Выводы Ликок полностью подтверждаются в недавно вышедшем исследовании Г. Хикерсона форм собственности на угодья у оджибвеев и других племен района Больших озер в XVI—XVII вв. На основании изучения архивных материалов Хикерсон приходит к тем же выводам, что и Э. Ликок, относительно первичности общинной

⁵³ E. Leacock, Montagnais «hunting territory»..., стр. 34.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 15. На специальной картосхеме она наглядно показывает совпадение границ распространения частных охотничьих участков с районом наиболее раннего развития пушной торговли (стр. 14).

⁵⁶ Там же, стр. 1.

⁵⁷ J. Lips, Public opinion and mutual assistance among the Montagnais — Nascapi, «American Anthropologist», т. 39, 1937, № 2, стр. 223—224; его же, Nascapi law, «Transactions of American Philosophical Society», т. 37, ч. 4, 1947.

⁵⁸ E. Leacock, Matrilocality in a simple hunting economy, стр. 43.

⁵⁹ E. Leacock, Montagnais «hunting territory»..., стр. 27.

собственности на землю у индейцев этого же района. «Ранние источники, — пишет он, — содержат сведения лишь об общинной собственности на землю; о семейной или индивидуальной собственности на охотничьи угодья (каковая описана Спеком) не упоминает ни один из ранних авторов, а широкий обзор источников первой половины XVIII в. также не обнаруживает существования такой системы у предков чипева. Эта система развилась позже, таким же путем, как это описано у Ликок в отношении монтанье (1954)»⁶⁰.

Алгонкинские материалы Ликок, Хикерсона и Дженнеса, так же, как свидетельства ученых об атапасках Северной Канады, являются, таким образом, ярким доказательством того, что раздельное пользование охотничьими угодьями и частная собственность на охотничьи участки возникает у таежных охотников лишь в связи с их переходом от натуральной коллективной охоты на мясного зверя к товарному звероловству. Этот же путь развития собственности характерен и для охотничьих народов Сибири, как это показано в работах советских сибиреведов (Никульшина, Сергеева. Долгих и др.).

* * *

Как показывают изложенные материалы, вопрос о собственности на средства производства самым непосредственным образом связан с вопросом о формах социального устройства данного народа.

Сторонники изначальности семейных охотничьих участков постулировали семью как собственника этих участков. Авторы же, стоящие на точке зрения первобытного коллективизма, связывали его с организацией племени в так называемые «bands», или «локальные группы», характеризовавшиеся как коллективы родственников, сообща пользующихся охотничьими угодьями. Локальная группа считалась наиболее подходящей формой организации примитивных племен охотников и собирателей⁶¹. Американские этнографы категорическим образом отличают ее от рода. Считая типичной формой рода род оседлых земледельческих и рыболовных племен, все отклонения от него они не признавали уже родом и в отличие от него называли «band». Доказательству отличия «band» от рода посвящена специальная статья Стюарда⁶².

И Ликок, характеризуя основную социальную единицу аборигенного общества индейцев как экзогамный коллектив людей, объединенных матрилинейным счетом происхождения, в основе которого лежит общность экономических интересов, также не называет эту единицу родом, а, следуя традиционной терминологии американских этнографов, определяет ее как «билокальную локальную группу». К сожалению, Ликок остается на позициях широко распространенной в американской этнографии концепции изначальности билатеральной филлиации. На этом основании древнейшая форма социального устройства охотничьих племен характеризуется ею как неустойчивая биллокальная группа с наиболее частой матрилокальностью, которая под влиянием пушной торговли уступает место патрилокальности⁶³.

Прекрасно показав на конкретных примерах переход от материнского рода к патриархальным отношениям и твердо установив тенденцию развития именно в этом направлении, Ликок остается, однако, еще в плену распространенных в американской этнографии так называемых «антиэволюционистских» концепций, т. е. концепций, направленных на опровержение материнского рода как древней системы организации в первобытном обществе. Ее позиции в этом вопросе находятся в полном противоречии со всем, ею написанным. Она оговаривается, например, что не считает материнскородовые нормы более распространенными в прошлом, чем патриархальные нормы сейчас. В то же время она твердо устанавливает тенденцию развития от первых ко вторым. Она считает возможным снять вопрос о том, что чему предшествовало, говоря определенно, что стабилизация патриархальных отношений связана с переходом от коллективных форм к товарно-денежным отношениям.

«Билокальная группа» привлекает Ликок тем, что в ней якобы не было господства или доминирования⁶⁴ одного пола над другим. Поэтому она и считает наиболее древней формой организации именно ее, так как в материнском роде якобы господствуют женщины, а в отцовском — мужчины. Ошибка Ликок в данном случае заключается в том, что она не учитывает тот основной факт, что доминирование, и чаще всего мужчин, есть проявление развивающихся отношений частной собственности. И она это хорошо показала на алгонкинских материалах. Как показывают многочисленные накопленные современной этнографической наукой факты, всюду переход к отцовскому

⁶⁰ H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century — Algonkians of the upper Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, 1960, № 1. стр. 85.

⁶¹ J. Steward. The Economic and social basis of primitive bands, «Essays in Anthropology presented to A. L. Kroeber», 1936.

⁶² J. Steward, Ecological aspects of Southwestern Society, «Anthropos», т. 32. 1937, стр. 87—104.

⁶³ E. Leacock, Matrilocality..., стр. 32—33.

⁶⁴ Там же, стр. 46.

праву связан с переходом на более высокую ступень развития производительных сил и появлением частной собственности на средства производства — скот, рабов, пушнину, землю, охотничьи угодья, собственником которых становится мужчина. На этом и основывается его господствующее положение в семье.

В материнском роде не может быть и речи об отношениях господства или доминирования одного пола над другим. Он основан на коллективном производстве и распределении, в котором труд обоих полов имеет одинаково важное общественное значение. Это строй «равенства и братства», как писал Морган. Здесь нет понятия частной собственности — земля, охотничьи и рыболовные угодья как главные условия труда являются первоначально общими для всех. Все это иллюстрируется, в частности, наглядно материалами Ликок и других исследователей общественной жизни охотничьих племен Канадского Севера.

Несмотря на противоречивость позиций Ликок в этом вопросе, важнейшие выводы ее исследований имеют общесторическое значение, как очень веская аргументация в пользу марксистского учения о развитии первобытного общества, в основе которого лежит учение Моргана о роде. При этом очень важно, что эта аргументация основана на фактах, которые интерпретировались как говорящие против Моргана и в пользу патриархальной теории.

В настоящее время можно считать теорию Спекса и его единомышленников окончательно опровергнутой. Пожалуй, большинство современных этнографов США и Канады признают это. В обобщающей работе об индейцах Северной Америки Драйвера и Массея при характеристике форм собственности у охотничьих племен принимается точка зрения Ликок, правда, с некоторой оговоркой. В отличие от Ликок, авторы считают, что в аборигенный период для индейских племен Восточной Канады характерны были скорей патриархальные нормы, чем билатеральность⁶⁵.

Однако было бы ошибкой думать, что все буржуазные ученые отказались от идей Спекса и от теории изначальности частной собственности на землю. Например, в теоретической работе Линтона, опубликованной после выхода в свет исследований Ликок, содержится еще утверждение, что «...алгонкинские племена от Лабрадора до Виргинии имели систему частного владения землей, что было чрезвычайно редким явлением в аборигенной Америке. Здесь каждая семья имела свои определенные участки для охоты и рыбной ловли...»⁶⁶.

И. Халлоуэлл, игнорируя работы Дженнесса, Ликок и других оппонентов Ф. Спекса, в своей работе 1955 г. утверждает, что «концепция Спекса восторжествовала, несмотря на имеющиеся разногласия в некоторых кругах этнографов относительно автохтонности всех черт» установленной Спексом частной собственности у алгонкинов северо-востока Северной Америки. Он считает, что после Спекса наличие частной собственности у охотничьих и пастушеских племен других частей света было доказано⁶⁷ в работах Турнвальда и Херсковица⁶⁸, якобы показавших распространенность аналогичной алгонкинской системы частной собственности на угодья у этих племен. Отрицание ее в прошлом было, по мнению Халлоуэлла, как и Херсковица, следствием якобы «псевдоисторических» концепций социально-эволюционных теорий XIX в.⁶⁹ Концепции Спекса повторяет и А. Уоллас в своей работе (1957 г.), в которой он приводит в общем интересные материалы об общинной собственности на угодья в 1600—1830 гг. у ирокезских и алгонкинских племен северо-востока Северной Америки. Но автор «подозревает», что общинной собственности у делаваров и других алгонкинских племен тихоокеанского побережья предшествовала «система семейных охотничьих участков, аналогичная описанной Спексом»⁷⁰.

В основе всех этих концепций лежит отрицание единой закономерности в развитии общества, противопоставление ей принципа релятивизма и многолинейности в развитии различных племен и народов. У одних племен — ирокезов, индейцев пуэбло и северо-западного побережья, у степных племен — бесспорно признается общинная собственность, у племен же охотников и собирателей доказывается изначальность частной собственности. Обе формы собственности складываются якобы в силу экологических факторов.

Однако, наряду с экологическими объяснениями происхождения частной собственности, за последнее десятилетие в США появились этнографические работы, в которых происхождение частной собственности обосновывается психологическими факторами. Подобного рода объяснения не новы. В свое время Летурно объяснял изначальность частной собственности инстинктом собственности, присущим не только людям, но и

⁶⁵ H. Driver and W. Massey, *Comparative studies of North American Indians*, «Transactions of the American Philosophical Society», т. 47, ч. 2, Philadelphia, 1957, стр. 388.

⁶⁶ R. Linton, *The tree of Culture*, New York, 1955, стр. 601.

⁶⁷ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 242.

⁶⁸ M. Herskovits, Указ. раб., стр. 335.

⁶⁹ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 242.

⁷⁰ A. Wallace, *Political organization and land tenure among the Northeastern Indians, 1600—1830*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 13, 1957, № 4, стр. 312.

животным⁷¹. В 1932 г. в Нью-Йорке была опубликована работа Эрнста Биглхола, в которой частная собственность выводилась из врожденного у людей инстинкта владения⁷². Эта реакционная концепция полностью разделяется И. Халлоуэллом⁷³, не отрицается и Херсковитцем⁷⁴. Но современные американские этнографы Э. Фридл, В. Барноу, И. Халлоуэлл и А. Уоллас пытаются объяснить этот инстинкт владения из якобы свойственного психике первобытных охотников и собирателей индивидуализма или, по их терминологии, «атомизма». Этот первобытный «атомизм» доказывается в работах указанных авторов главным образом на примере оджибвеев. Но много писалось также об изначальном индивидуализме эскимсов, команчей, племен Большого бассейна⁷⁵. Относительно «атомизма» оджибвеев Барноу, например, писал: «...вне семьи у них не было экономической кооперации. У них не практиковалась коллективная охота подобно тому, как это было у степных племен, у них не было ни лагерного круга, ни организованного совета людей, ни какой-либо системы управления, ни военных обществ, никаких знаков групповой интеграции. Каждый жил для себя или для своей семьи; существовало очень мало видов деятельности, связывавших воедино изолированные семьи. Даже главные религиозные обряды отправлялись не ради благополучия группы в целом»⁷⁶.

Несостоятельность этих взглядов убедительно показали в специальных исследованиях американские этнографы Б. Джеймс⁷⁷ и Г. Хикерсон⁷⁸, в которых они пишут, что авторы теорий «атомизма» изучают оджибвеев с помощью различного рода психологических тестов в современных условиях их жизни в резервациях, а затем составленный психологический портрет проецируют в глубь истории, доказывая, что он характерен не только для предков современных оджибвеев, но и для всех отсталых племен охотников и собирателей. «В соответствии с картиной индивидуалистического типа личности чиппевеев (оджибвеев.— Ю. А.) — пишет Хикерсон,— исследователи их культуры изображали индивидуалистичной, „атомичной“ их общество-экономическую жизнь»⁷⁹.

Как именно устанавливается «индивидуализм» оджибвеев, красноречиво свидетельствует Б. Джеймс, год проживший в одной из их резерваций и выступивший с опровержением измышлений своих коллег. «Многие из черт личности, приписываемых извечному «атомизму» чиппевеев,— пишет он,— представляются как социально-психологические последствия нищеты экономики и состояния угнетенности в резервациях сегодняшнего дня»⁸⁰. Он справедливо указывает, что для суждений о психическом складе людей необходимы более длительные непосредственные наблюдения, подчеркивая тем самым поверхностный характер выводов сторонников теории «атомизма».

Как правильно отмечает Джеймс и Хикерсон, сторонники первобытного атомизма постулируют неизменность, статичность психического склада, его независимость от изменяющихся условий жизни. «Халлоуэлл и его единомышленники,— пишет Г. Хикерсон,— настаивают на стойкости «атомистичной» структуры личности чиппева (оджибвеев.— Ю. А.) на протяжении длительного периода их контакта с европейцами, несмотря даже на то, что условия их жизни чрезвычайно менялись»⁸¹. Оба автора высказываются против того, чтобы рассматривать структуру личности как постоянную, неизменяющуюся во времени категорию. Они отмечают на основании своих личных наблюдений, что составленный Барноу и Фридл «психологический» портрет оджибвеев не соответствует даже современной действительности. В чертах же, приписываемых индейцам сторонниками «атомизма»: «замкнутость», «агрессивность», «настороженность», «подозрительность» и т. д.⁸², явно проглядывает этнограф-расист.

Сама по себе концепция индивидуализма первобытного человека так же стара, как и теория изначальности частной собственности.

Она выдвигалась в свое время в работах Ю. Липперта, К. Бюхера, П. и Ф. Сарразинов. Плеханов подверг эту реакционную идею уничтожающей критике. Называя ее

⁷¹ Ш. Летурно, Социология по данным этнографии (перевод с франц.), СПб., 1896, стр. 231—232.

⁷² E. Beaglehole, Property, a study in social psychology, New York, 1932.

⁷³ I. Halloweell, Указ. паб., 1955.

⁷⁴ M. Herskovits, Указ. паб., стр. 329.

⁷⁵ См. например: E. Wallace and A. Hoebie, The Comanches: Lords of the South Plains, Norman, 1952; J. Steward, The economic and Social basis of primitive bands. «Essays in anthropology presented to A. Kroeber», Berkeley, 1936.

⁷⁶ V. Barnouw, Acculturation and personality among the Wisconsin Chippewa, «American Anthropological Association Memoirs», № 72, 1950, стр. 16.

⁷⁷ B. James, Some critical observations concerning analysis of Chippewa «atomism» and Chippewa personality, «American Anthropologist», т. 56, 1954, № 2.

⁷⁸ H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century Algonkians of the upper Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, 1960, № 1.

⁷⁹ Там же, стр. 81.

⁸⁰ B. James, Указ. паб., стр. 285.

⁸¹ H. Hickerson, Указ. паб., стр. 81.

⁸² F. Friedel, Persistence in Chippewa culture and personality, «American Anthropologist», т. 58, 1956, № 5, стр. 814.

«теорией индивидуального искания пищи», он на большом фактическом материале показал ее несостоятельность, вскрыл истинный смысл фактов, приводившихся указанными учеными в доказательство своей теории⁸³.

Теория первобытного «атомизма» несомненно представляет собой попытку установить изначальность в истории человечества частной инициативы и частного предпринимательства, свойственных капиталистическому обществу. Это еще один из характерных примеров перенесения буржуазными учеными капиталистических отношений в глубь веков, это попытка найти оправдание отвратительному буржуазному эгоизму эпохи империализма и противопоставить его как якобы освященную десятилетиями тысячелетий сущность человека современному коммунизму. Сторонники этой теории откровенно пишут о том, что спор идет о жгучем вопросе современности — «индивидуализм versus коммунизм»⁸⁴.

Антинаучный характер этих попыток убедительно разоблачают честные ученые Америки. Большая заслуга таких ученых как Дженнес, Ликок, Джеймс, Хикерсон и др. в том, что они собрали большой фактический материал, убедительно свидетельствующий, что у алгонкинов Лабрадора, у оджибвеев и других племен охотников и собирателей всюду коллективизм в производстве и распределении, совпадающий с материнской родовой организацией, предшествует отношениям частной собственности и патриархату. В работах этих ученых бесспорно доказывается, что становление патриархальных норм у этих племен связано с проникновением товарных отношений в их экономику под влиянием европейской пушной торговли. Этим они подрывают основы теории, метко названной С. П. Толстовым «теорией извечного кочевого патриархата»⁸⁵.

Ю. П. Аверкиева

⁸³ Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М., 1948, стр. 77—80.

⁸⁴ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 238.

⁸⁵ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 17.

Н. Ф. Жиров. *Атлантида*. Географиз, 1957, 119 стр.

За последние годы на страницах наших газет и журналов наряду с некоторыми другими псевдонаучными «проблемами», неоправданную популярность вновь приобрела проблема Атлантиды. Наиболее видным пропагандистом «атлантологии» в Советском Союзе является Н. Ф. Жиров: он опубликовал несколько статей и даже отдельную книгу, посвященные этой проблеме. В статье «Загадки древних культур»¹ Н. Ф. Жиров берется за решение вопросов происхождения и истории древних народов Америки и их цивилизации, исходя при этом из изложенной им в книге «Атлантида» гипотезы о действительном существовании этой мифической страны о переселении атлантов в Америку как из твердо доказанных фактов. Поэтому для выяснения вопроса излишне будет вернуться к рассмотрению этой книги, хотя она и вышла еще в 1957 г.

В связи с проблемой Атлантиды автор рассматривает множество вопросов. Отдавая должное его широкой эрудиции, нельзя не отметить ряда очень существенных недостатков книги.

Источники, которыми пользуется автор, крайне неравноценны. Н. Ф. Жиров часто ссылается на устаревшие (а иногда и на совершенно фантастические) работы авторов прошлого века и принимает на веру их выводы. Некоторые тексты цитированы в переводах, не выдерживающих никакой критики.

Вопрос о том, существовал ли материк (или остров) в Атлантическом океане, как правильно отмечает Н. Ф. Жиров, относится к области геологии. Общеизвестно, что земная кора может подниматься и опускаться. Вряд ли кто-либо сможет протестовать, если геологи найдут прямые доказательства того, что в Атлантическом океане был материк и что этот материк погиб сравнительно недавно. Однако до сих пор подобных доказательств не обнаружено.

Между тем, Н. Ф. Жиров полагает, что в диалогах Платона «Тимей» и «Критий» описан именно этот предполагаемый материк. Но на основании текста этих диалогов нельзя отождествлять Атлантиду Платона с гипотетическим материком в Атлантическом океане.

Н. Ф. Жиров не дает никакой характеристики диалогам Платона, в которых рассказано об Атлантиде. Между тем, совершенно ясно, что следовало бы начать именно с всестороннего критического изучения этих источников, на которые всецело опираются так называемые атлантологи. Больше того, Н. Ф. Жиров просто дезориентирует несведомленных читателей, утверждая, что диалог «Критий» специально посвящен изложению «предания» об Атлантиде (стр. 21), что «предание стало известно Платону от потомков Солона, приходившегося ему родственником по линии матери» (стр. 17), и т. д.

¹ Альманах «На суше и на море», Географиз, М., 1960.

В трудах древнегреческих историков (например, Геродота) записано много преданий в собственном смысле слова. Платон никогда не был историком и отнюдь не стремился записывать какие-либо предания. Его как философа чрезвычайно интересовал вопрос о наилучшем государственном устройстве, которое обеспечивало бы внутреннее благосостояние и давало возможность успешно противостоять врагам. Интерес к этой проблеме вполне понятен, если учесть разгром Афин в Пелопоннесской войне, в ходе которой в Афинах неоднократно менялась форма правления.

Пропагандируя свои философские взгляды, Платон разработал особый литературный жанр — диалог между несколькими лицами, от имени которых излагались взгляды самого Платона. Нужно отметить, что Платон не ограничивался только пропагандой, но и предпринимал попытки практически реализовать свои идеи об образцовом государстве (в Сиракузах). Взгляды Платона на государство изложены в трех тесно связанных между собой диалогах — «Государство», «Тимей» и «Критий». Эти диалоги относятся к числу поздних и написаны после ознакомления Платона с учением пифагорейцев. В диалогах ведут беседы известные исторические лица — Сократ, Критий, Тимей, Гермократ. Указаны даже даты бесед. Разумеется, это чисто литературный прием, искусно используемый Платоном, чтобы придать максимальную убедительность своим идеям. Диалоги Платона — вовсе не запись реальных бесед, а литературные произведения. Сократ действительно любил вести беседы, но известно, что он никогда не высказывал мнений, похожих на приписанные ему в этих диалогах Платоном, и вообще решительно отвергал рассуждения на отвлеченные метафизические и космологические темы как пустословие. Это же относится и к остальным участникам бесед.

Содержание диалогов следующее: 21 числа месяца таргелиона (год не указан) Сократ, ведя беседу с Критием, Тимеем, Гермократом и не названным четвертым собеседником (под которым можно подразумевать самого Платона), излагал свое (т. е. в действительности Платона) мнение о наилучшей организации государства (диалог «Государство»). На следующий день беседа была продолжена, на этот раз без четвертого собеседника. Сократ напомнил содержание предыдущей беседы и выразил желание, чтобы собеседники рассказали, как, по их мнению, такое воображаемое государство вело бы себя во время войны («Ведь из нынешних одни только вы могли бы, поставив город приличным образом в войну, дать о нем справедливый во всех подробностях отчет»²). Критий ответил, что, по его мнению, такое образцовое государство действительно существовало в очень древние времена у афинян и выиграло величайшую войну, вкратце рассказал о ней (как о славнейшем подвиге Афин) и предложил Сократу оценить, подходят ли эти древние Афины как иллюстрация идей о наилучшем государстве. Сократ ответил утвердительно и подчеркнул особую важность того, что будущий рассказ Крития «не вымышленная сказка, а истинная повесть». Небезынтересно отметить, что первоначально Сократ требовал рассказа именно о воображаемой войне. Было решено, что сначала Тимей (философ из Локра, знаток астрономии и естественных наук) расскажет о происхождении Вселенной, доводя изложение до появления людей, а затем Критий опишет древнее афинское государство и его военные подвиги. «И посмотри, Сократ (говорит Критий. — Ю. К.), в каком порядке расположили мы для тебя угощение. Нам показалось, что Тимей, как самый сильный между нами знаток астрономии и человек, особенно предавшийся задаче познать природу вселенной, должен говорить первый, и начав от рождения космоса, окончить природу человека. А я, после него, приняв людей, уже получивших по его исследованию бытие и некоторых между ними отлично воспитанных тобою, согласно с рассказом и законом Солона, поставлю их пред вас — судей и покажу в них граждан этого города, как бы действительных тогдашних афинян, — тех, что вывели на свет из забвения сказание священных книг, — далее буду уже говорить о них как о согражданах и настоящих афинянах»³. Затем следует речь Тимея, в которой излагаются космогонические взгляды Платона (диалог «Тимей»). В третьей беседе, как и было условлено, Критий рассказал об идеальном государстве Сократа (т. е. Платона), якобы уже существовавшем девять тысяч лет назад у афинян, подробно описал его и подчеркнул, что тогда афиняне победили самых могущественных варваров — атлантов благодаря своей гражданской доблести (диалог «Критий»; он остался незаконченным или не сохранился полностью и обрывается на описании противников афинян — атлантов).

Платон отнюдь не случайно приписывает рассказ о древних Афинах и о войне с атлантами Критию. Если учение об идеальном государстве Платон изложил от имени Сократа, а космогонии — от имени авторитетного философа-естественника Тимея, то на этот раз рассказ вложен в уста поэта, «младшего софиста» и безбожника Крития, в дальнейшем вождя крайних олигархов, главы «30 тиранов», убитого в стычке с отрядом Фразибула (403 г. до н. э.). Приписывая рассказ именно Критию, Платон с большим искусством держится на грани правдоподобия, так как, с одной стороны, в рассказе поэта естественно ожидать вымысла (тем более, что, по диалогу, Сократ именно этого и требовал), а с другой стороны, достоверность рассказа подтверждается ссылками на семейные предания, восходящие к знаменитому, «мудрейшему из семи мудрых» (по словам Крития) Солону.

² Платон, Соч., ч. VI, М., 1879, стр. 376.

³ Там же, стр. 387.

Критий подробно рассказывает, откуда и при каких обстоятельствах он получил сведения: Солон сообщил их своему родственнику и другу Дропиду (подчеркнуто, что сам Солон в стихотворениях называет Дропиду другом), тот передал их своему сыну Критию (старшему), а последний — своему внуку Критию (рассказчику). Критию-внуку было около 10 лет, когда он услышал этот рассказ в третий день праздника апатурий от своего деда, 90-летнего старика. После изложения этих подробностей Критий говорит, что накануне он не хотел рассказывать сразу, так как «...по давности времени недостаточно хорошо помнил», но «...по возвращении домой, в продолжение ночи, обдумывал и почти все восстановил»⁴. В следующей же беседе Критий заявляет, что у него до сих пор хранятся подлинные записи Солона и что он «перечитывал их еще в детстве»⁵. Этими явно нарочитыми неувязками в рассказе Крития Платон опять-таки искусно держится на грани правдоподобия, предоставляя читателю верить или сомневаться.

Критий рассказывает, что Солон получил сведения о древних Афинах и их победоносной войне с атлантами от очень старого египетского жреца в Саисе (куда Солон действительно ездил). Жрец прежде всего изложил Солону философские взгляды Платона о периодических катастрофах от огня и воды, которым подвергалась и будет подвергаться земля, за исключением Египта, где именно поэтому сохранились записи с древнейших времен. По словам жреца, Афины возникли девять тысяч лет назад, а Саис — восемь тысяч лет, причем в Афинах было государственное устройство, вполне соответствующее идеальному (спартанского образца) государству Платона, описанному Сократом в предыдущем диалоге. Таким образом, по словам Крития, все сведения Солона как о древних Афинах, так и об их войне с атлантами получены от саисского жреца, узнавшего их из записей в храмах. В дальнейшем рассказе Критий приводит не только сведения о государственном устройстве афинян и атлантов, но и подробнейшие географические сведения, детальное описание афинского акрополя, существовавшего девять тысяч лет назад, с указаниями, где находились те или иные здания, для чего они служили и т. д.; аналогичные сведения приводятся о стране и городе атлантов. Этот литературный прием дал возможность Платону придать рассказу Крития большое правдоподобие (в чем он и добился полного успеха, судя по книгам Н. Ф. Жирова и других «атлантологов»).

Таким образом, никакого предания об Атлантиде, основанного на исторической традиции, не существует. Рассказ об образцовом варварском государстве атлантов несколько не более «историчен», чем составивший с ним одно неразрывное целое рассказ об идеальном афинском государстве. И то, и другое несколько не более «исторично», чем сама беседа между четырьмя философами, которой, конечно, никогда не было. В своих диалогах — литературном произведении, а не историческом труде — Платон не имел никакой надобности ограничиваться в выборе нужных материалов и использовал все приемы, которые могли придать рассказу больше убедительности, занимательности и правдоподобия, однако же, как указывалось выше, не переходя известной границы. И Афины, и Атлантида Платона — синтетические художественные образы, иллюстрирующие его философские идеи, о чем в диалогах прямо и сказано.

Создавая свои диалоги, Платон использовал самые разнообразные материалы, в том числе, вероятно, какие-то смутные сведения о минойской державе (утверждение, что у греков несколько раз появлялась и исчезала письменность, соответствуют действительности). Прообразом атлантов явно послужили «народы моря», наступавшие на Египет в союзе с ливийцами и хорошо известные по древнеегипетским источникам. Платон мог узнать об этой войне во время своего путешествия в Египет. «Народы моря» для египтян того времени были выходцами с далеких неведомых островов. Уже Сицилия лежала за пределами известной египтянам ойкумены. Платон соответственно расширил географические рамки и поместил своих атлантов за пределами известной грекам ойкумены, т. е. за Гибралтарским проливом (вероятно, тут были использованы слухи о Тартессе). В географическом описании Атлантиды прямо говорится о Пиренейском полуострове (кстати, остров и полуостров в древнегреческом языке обозначались одним и тем же словом), а фауна (слоны) и «местный колорит» страны атлантов в основном соответствуют Северной Африке. Название «атланты» не придумано Платоном — так называются у Геродота некоторые северо-африканские племена. Что касается дат и других цифр, то здесь мы явно имеем дело, как и вообще в этих диалогах, с пифагорейской символикой чисел.

Н. Ф. Жиров не считает нужным рассмотреть сами диалоги или принять во внимание имеющийся критический комментарий к ним (что он на стр. 8 называет «односторонним изучением») и просто отбрасывает все то, что его не устраивает. Войну с атлантами он считает «баснословной» (стр. 18). Сообщение о том, что город Саис возник восемь тысяч лет назад, а Афины — девять тысяч лет назад, он квалифицирует как «нарочитый анахронизм» (стр. 18) и считает «вовне вероятным», что описание афинян является «патриотической фантазией и иллюстративным материалом, придуманным самим Платоном для пропаганды своих социально-политических взглядов» (стр. 21). По мнению Н. Ф. Жирова, в диалогах все вымышлено, кроме одного: описания Атлан-

⁴ Платон, Соч., ч. VI, стр. 386.

⁵ Там же, стр. 507.

тиды. Такой подход к диалогам поражает крайней тенденциозностью. Если Н. Ф. Жиров не верит тому, что Афины существовали девять тысяч лет назад, то почему нужно верить в такую же древность атлантов? Если описание Греции является фантазией, то почему не фантазия описание Атлантиды? Если неверно, что афинское войско провалилось сквозь землю, то почему нужно верить, что Атлантида погрузилась в море?

Касааясь вопроса о географическом положении Атлантиды, Н. Ф. Жиров пишет: «Указывается, что второму близнецу в одной паре с Атлантом, Эвмелу, была дана в удел самая крайняя, восточная часть Атлантиды, расположенная против страны, простирающейся от Столбов Геракла (Гибралтара) до Гадейры (нынешнего Кадикса в Испании). Из этого места следует, во-первых, что главное царство Атлантиды, где правили потомки Атланта, не было расположено близко к Европе и находилось значительно западнее или юго-западнее. Во-вторых, еще раз подтверждается взгляд о том, что море между Атлантидой и Европой не было очень большим, меньшим, чем между Атлантидой и Америкой. И, наконец, что самое главное, этим местом совершенно точно устанавливается, что Атлантида не может быть расположенной в Испании» (стр. 27).

В подлинном тексте диалога (который Н. Ф. Жиров почему-то не считает нужным цитировать) говорится: «Близнецу, за ним (Атласом.— Ю. К.) родившемуся, который получил в удел окраины острова от столпов Иракла до теперешней области Гадирской (от той местности получившей и свое название), дано было имя по-эллински Эвмил, а по-туземному Гадир,— название, перешедшее на самую страну»⁶. Из этого места следует, что территория между Кадиксом и Гибралтарским проливом является частью Атлантиды и что, таким образом, Атлантида тождественна с Пиренейским полуостровом. Совершенно невозможно понять, каким образом Н. Ф. Жиров делает противоположный вывод⁷.

Не менее произвольно толкует Н. Ф. Жиров другие места в предании. В подлинном тексте упоминается «тот древесный плод, что дает и питье, и пищу, и мазь». Н. Ф. Жиров совершенно бездоказательно утверждает, что речь идет о кокосовой пальме, и делает вывод, что Атлантида «простиралась значительно дальше на юг от 25° с. ш.» (стр. 30). В диалоге говорится, что с Атлантиды можно было плавать на другие острова и на «противолежащий материк». Из этого Н. Ф. Жиров делает вывод, что речь идет об Антильских островах и об Америке. Но так как Атлантида недвусмысленно отождествлена с Пиренейским полуостровом, то об Америке не может быть и речи. В диалоге говорится совершенно ясно: «Местность эта (царство Атласа.— Ю. К.) по всему острову была обращена к югу и защищена с севера от ветров»⁸. Неужели можно серьезно обсуждать вопрос о том, какой «противолежащий материк» находится к югу от Пиренейского полуострова? Помещая Атлантиду, вопреки прямому тексту диалогов, в середине Атлантического океана, Н. Ф. Жиров утверждает, что древнеамериканские цивилизации обязаны своим происхождением атлантам Платона. Далее Н. Ф. Жиров пытается найти сведения об Атлантиде в индийских источниках.

По мнению Н. Ф. Жирова, гибель Атлантиды, сопровождавшаяся землетрясением и вулканическим извержением, вызвала временное наводнение во всех приатлантических областях. «Это наводнение по своим масштабам, мощности и последствиям не могло не оставить в памяти даже первобытных народов неизгладимого впечатления, переросшего затем в мифы о „всемирном потопе“» (стр. 40). Далее Н. Ф. Жиров ссылается на мифы о потопе у юкатанских майя, киче, атапасков.

Миф о потопе у юкатанских майя имеется в разных вариантах. Н. Ф. Жиров ссылается на книгу Чилам Балам из Чумайеля: «Некоторые исследователи (например, Болио) считают, что в пятой главе этой книги имеются указания на то, что в какую-то очень древнюю эпоху прародину майя, расположенную на востоке в океане, постиг ряд губительных землетрясений и колоссальных вулканических извержений, в результате которых этот остров или материк исчез под волнами океана, а уцелевшие жители разбрелись в разных направлениях» (стр. 41). Далее Н. Ф. Жиров цитирует отрывок из этой главы в совершенно фантастическом переводе: «Земля начала содрогаться. И упал огненный дождь, и упал пепел, и упали скалы и деревья. И Великий Змей был похищен с небес. И вот одним ударом нахлынули воды... Небеса упали и суша утонула. И в один миг великое разрушение закончилось. И Сейба, Великая Мать, поднялась среди воспоминаний о гибели земли» (стр. 41, без ссылки на источник). Все эти сведения являются плодом фантазии. В книге Чилам Балам из Чумайеля нигде не упоминается ни «прародина майя», ни землетрясения или извержения. В подлинном тексте упоминаются ливни: «Был внезапный ливень, пошел дождь, когда лишились скипетра тринадцать богов. Рухнули небеса, рухнули на землю, когда четыре бога, четыре Бакаба ее разрушили. Когда закончилось разрушение мира, тогда были помещены деревья Бакабов»⁹.

⁶ Платон, Соч., ч. VI, стр. 509.

⁷ Не лишним было бы заметить, что Эвмел по-гречески означает «имеющий прекрасных коз и свец (мелкий скот)», а Гадир (по-финикийски «крепость») — название финикийского города, а не имя собственное.

⁸ Платон, Соч., ч. VI, стр. 515.

⁹ R. L. Roys, The Book of Chilam Balam of Chumayel, Washington, 1933, стр. 31—32.

В мифе киче, на который ссылается Н. Ф. Жиров, рассказывается о землетрясении и извержении вулкана. Такой миф не составляет ничего странного для Гватемалы. Достаточно напомнить, что первая колониальная столица Гватемалы Альмалонга была разрушена землетрясением и наводнением в 1541 г., а вторая столица — город Гватемала Антигуа — 14 раз страдала от вулканической деятельности, пока не была окончательно разрушена в 1773 г. Предание атапасков связывает потоп с таянием снегов.

Что же общего в рассмотренных Н. Ф. Жировым мифах различных народов о гибели мира? Атапаски, живущие на севере, рассказывают о наводнении, вызванном таянием снегов. Майя, живущие на равнинах Юкатана, рассказывают о ливнях, киче — о вулканических явлениях, характерных для Гватемалы. Общее только одно — наличие преданий о пережитых стихийных бедствиях. Во всех случаях эти предания и мифы не имеют низкого отношения к матерiku в Атлантическом океане.

Н. Ф. Жиров ссылается также на эпос делаваров: «В 3-й песне очень интересно указание на то, что горевшая страна Лусасаки была разорвана и расколота змеей Акоменаки, скреплявшей землю» (стр. 44). Далее он сопоставляет «змеей Акоменаки» с мифическим змеем у египтян и скандинавов. К сожалению, Н. Ф. Жиров опять же введен в заблуждение фантастическим переводом. В подлинном тексте говорится: «И все они (делавары. — Ю. К.) пошли дальше в другом направлении к Змеям (враждебное племя. — Ю. К.) на востоке. Они были глубоко опечалены и серьезны; они были слабы, мучились и дрожали. Оборванные и в лохмотьях они убежали с Змеиного острова (pechimuin shakowen pungihillan lusasaki pikihil, pokwihil akomenaki)». Из этого отрывка ясно, что «горевшая страна Лусасаки» и «змей Акоменаки» — плод фантазии. Во всяком случае, делаварам о них ничего не известно.

Дальше автор ссылается на сказания о том, что «предки некоторых индейских племен в незапамятные времена прибыли из какой-то баснословной страны, лежащей там, где восходит солнце, т. е. на восток от Америки, и что им приходилось переплывать большое море» (стр. 43). Н. Ф. Жиров цитирует известное место из книги Ланда: «Некоторые юкатанские старики говорят, слышав от своих предков, что эта страна была заселена неким народом, пришедшим с востока, который был спасен богом, открывшим ему двенадцать дорог через море»¹⁰. Аналогичные сведения имеются у Бернардо де Лисана и в хрониках майя. Во всех случаях речь идет о вторжении племен ица (в X в. н. э.) с острова Косумель, находящегося к востоку от Юкатана, в северный Юкатан. Несмотря на то, что эти сообщения подробно комментировались многими авторами, Н. Ф. Жиров игнорирует эти комментарии и вносит путаницу в совершенно ясный вопрос.

Н. Ф. Жиров неоднократно ссылается на предания о Кецалькоатле, Вотане и других легендарных героях. «Все они прибывали из-за океана, были светлокжими и бородаатыми и уезжали потом неизвестно куда» (стр. 45). «Затем есть основания предполагать на основе местных традиций, что появление Кетцалькоатла произошло еще до нашей эры» (стр. 46). В действительности прообразом легендарного героя Кецалькоатла был последний правитель Толлана Топильцин Се Акатль Кецалькоатль, бежавший после военного разгрома на восток и считающийся основателем майя-тольтекского государства в северном Юкатане (X в. н. э.). По всем источникам, этот Кецалькоатль был коренным тольтеком, сыном правителя и знатной женщины, а отнюдь не атлантом и из-за океана не приезжал. Нигде не упоминается о том, что он был светлокжим. В легендах юкатанских майя говорится, что Кецалькоатль основал государство в Юкатане, а затем удалился на запад (в сторону Табаско). В связи с этим Лас Касас сообщает, что в провинции Шикаланко помнили о прибытии с востока (т. е. из Юкатана) двадцати вождей во главе с Кецалькоатлем. Н. Ф. Жиров подозревает, что речь идет об атлантах (стр. 43). Нелишним было бы напомнить, что в предании говорится о событиях X в. н. э. Далее Н. Ф. Жиров ссылается на предание киче о путешествии трех героев на восток, чтобы засвидетельствовать верность «владыке Накшиту» (т. е. тольтекскому правителю северного Юкатана). Тольтеки называли восточными странами Табаско и Юкатан. После завоевания Юкатана они сохранили за этими областями традиционное название «страна востока» (подобно тому, как мы говорим, например, о Ближнем Востоке). По мнению Н. Ф. Жирова, герои киче путешествовали в Атлантиду. Хронологию он просто игнорирует. Особенно странно выглядит ссылка на легенду о Вотане. Эта легенда рассказывает о тех же событиях X в. н. э. (тольтекское завоевание), что и легенды о Кецалькоатле. Тем не менее Н. Ф. Жиров относит Вотана к X в. до нашей эры и полагает, что он эмигрировал с Крита после разгрома минойской державы (стр. 46).

Аргументация Н. Ф. Жирова в ряде случаев не может не вызвать недоумения. Так, например, он пишет: «Бесспорным свидетельством в пользу предположения о наличии древних связей между Старым и Новым Светом является факт обнаружения янтара в одном из погребений майя. Янтарь в Америке не добывается, и его месторождение известно только лишь на крайнем севере Аляски, притом оно никогда не имело практического значения. Два года назад мексиканский археолог Альберто Луис Луильер внутри одной из пирамид в Паленке (по легенде — города, построенного Вотаном) обнаружил погребение очень знатного жреца или правителя майя,

¹⁰ Диэго де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.—Л., 1955, стр. 110.

датированное 693 г. н. э. Таким образом, пирамиды майя похожи на египетские и служили не только храмами, но и усыпальницами. Лицо покойного было после смерти покрыто слоем гипса, а на последний уложены сотни мелких кусочков янтаря, в целом составивших янтарную маску. Этот факт говорит о том, что янтарь ценился у майя как самый драгоценный материал, много дороже золота» (стр. 47).

Во-первых, хотя в Мексике и обнаружены изделия из местного янтаря (склеп 107 в Монте-Альбан), это вовсе не «бесспорное свидетельство» древних связей Америки и Европы. Известно, что в доиспанской Мексике велась торговля янтарем. Во-вторых, если бы упоминаемая Н. Ф. Жировым маска была янтарной, то из этого никак нельзя было бы сделать вывод, что янтарь ценился у майя «много дороже золота». В-третьих, из факта открытия саркофага в тайнике Храма надписей (Паленке) никак не следует, что пирамиды майя похожи на египетские. Ступенчатые усеченные пирамиды майя служили базой для зданий и являлись оборонительными сооружениями.

Легенды о том, что Вотан основал Паленке, не существует. Вотан основал город На Чан. Паленке гораздо древнее, чем легенда о Вотане. Археолог Альберто Рус Луильер обнаружил 27 ноября 1952 г. в саркофаге Храма надписей в Паленке маску, которая, по его описанию, «представляет собой мозаику примерно из 200 фрагментов нефрита (fragmentos de jade), с глазами из раковин и радужной оболочкой из обсидиана»¹¹.

Рассуждения Н. Ф. Жирова о хронологии майя представляют собой сплошную путаницу. В оправдание автора следует отметить, что хронология эта весьма сложна. Жрецы майя отнюдь не были настолько скромными, как полагает Н. Ф. Жиров, чтобы удовлетворяться 13 «бактунами» и вести свое летоисчисление со времени «тибели Атлантиды» в IX тысячелетии до н. э. Согласно дате на стеле 10 в Тикале (в записи майя 1.11.19.9.3.6.2.0), этот памятник воздвигнут спустя 1 841 639 800 дней после начальной даты (что составляет более пяти миллионов лет).

В настоящей рецензии нет возможности рассматривать остальные разделы работы Н. Ф. Жирова. Среди индейских источников нет данных, которые в какой-либо степени можно отнести к гипотетическому материалу в Атлантическом океане. Сама тенденция во что бы то ни стало отрицать местное происхождение древнеамериканских цивилизаций противоречит общепризнанным фактам. Тем более неправильно пытаться выводить все цивилизации из одного центра. Такого рода попытки, вроде панвавилонизма, отвергнуты не только советской исторической наукой, но и вообще всеми объективными исследователями.

Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ СССР

Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Редакторы С. П. Толстов и А. С. Кесъ. «Материалы Хорезмской экспедиции», под общей редакцией С. П. Толстова, вып. 3, М., 1960, 348 стр.

Проблема древнего течения Аму-Дарьи, этой великой среднеазиатской реки, на плодородных берегах которой возникали древнейшие классовые общества, издавна привлекает к себе внимание ученых.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР с самого начала своей деятельности занималась изучением земель древнего орошения и, в частности, течения Аму-Дарьи. С 1953 г. в работах экспедиции приняли активное участие географы, проводившие значительные исследования по геоморфологии и палеогеографии края. Рецензируемая книга представляет результат этой комплексной работы. Исчерпывающее использование археологического материала позволяет разрешить многие вопросы древней истории не только Хорезма, но и соседней территории. Некоторые из рассмотренных в исследовании памятников, как, например, Джанбас-кала 4, давно известны читателю, другие вошли в науку в результате работ последних лет.

Сопоставление геоморфологических и археологических данных дало авторам возможность установить основные этапы истории Акча-Дарьи, Сарыкамыш и Узбоя и внести новые, уточненные данные в разработку проблемы впадения Аму-Дарьи в Каспийское море.

Книга состоит из пяти глав и заключения. Она снабжена четырьмя геоморфологическими и археологическими картами. Большое число схем и фото прекрасно иллюстрируют основные положения авторов данного труда.

Открывается книга введением «От редакции», в котором дана краткая характеристика работы, названы авторы отдельных глав и разделов, карт, а также фото-

¹¹ *Anales del Instituto Nacional de Antropologia e Historia*, т. VI, ч. 1. Mexico, 1954. стр. 98.

снимков. В основу первой главы «Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных» положен доклад С. П. Толстова и А. С. Кесь, прочитанный на II съезде Всесоюзного географического общества в 1955 г. Подвергая тщательному анализу и сопоставляя сведения античных и средневековых источников и данные нового времени, начиная от Геродота и кончая материалами экспедиций Географического общества, авторы прослеживают изменения русла Аму-Дарьи. Приведены в главе сведения хорезмийского ученого аль Бируни, отличающиеся большой точностью, полной независимостью от предшествующей литературы, необычным для его времени уровнем научных обобщений и значительной близостью к современным палеогеографическим данным. Данные аль Бируни хорошо согласуются и с положениями географического раздела главы. В книге отмечены неоднократные разрушения ирригационных сооружений, приведшие к изменению течения Аму-Дарьи. В истории развития этой реки авторы различают два периода, последний из которых начинается в верхнечетвертичном периоде и охватывает наше время.

Большую ценность имеет археологический раздел, в котором дан анализ памятников кельтеминарской культуры, представленной на Узбое особым вариантом, названным верхнеузбойской культурой. Эта культура, как неоднократно отмечал С. П. Толстов, встречает ближайшие аналогии в неолите и энеолите Западного Казахстана, Приуралья и Прикамья. На нижнем течении Узбоя в это время существовали стоянки другой, нижнеузбойской культуры, имеющей аналогии в Северном Иране и Закавказье. Наличие двух культур свидетельствует о двух направлениях заселения Узбоя человеком, а обнаруженные столь ранние стоянки дают основание считать, что к этому времени долина Узбоя уже сформировалась.

Рассматривая материалы стоянок, авторы заключают, что Узбой функционировал в эпоху неолита, пришел в упадок в последующую эпоху бронзы и прекратил существование ко времени железного века. Путем сопоставления различных данных авторы устанавливают существование Южной дельты Акча-Дарьи, где открыты богатые неолитические стоянки, в том числе Джанбас-кала 4. Для выяснения водного режима были изучены кости различных рыб, обитателей проточных и стоячих вод. Исследователи, имея в руках разнообразный материал, выявили несколько этапов в жизни реки и время формирования дельт. Изучение древних оросительных каналов позволило установить, что в домонгольское время Аму-Дарья впадала полностью в Аральское море. Удалось выявить характер античной ирригации, с ее огромными магистральными каналами, достигавшими 45 м ширины при сравнительно небольшой глубине. Тщательное изучение археологических памятников, сопоставление с данными палеогеографии привели авторов к ряду хорошо обоснованных выводов, касающихся многократного изменения русла Аму-Дарьи. Перемещения этой реки происходили не только в далекие доисторические времена, но и сравнительно недавно. Значительное влияние оказала на режим Аму-Дарьи деятельность человека. Люди в своих целях регулировали течение реки, стремясь использовать ее в нужном направлении. Отмеченные в исторические эпохи прорывы Аму-Дарьи связаны с большими общественными катастрофами, с такими событиями, как варварские нашествия, феодальные войны, в частности нашествия монголов, в результате которого были разрушены плотины, затоплены Ургенч и Хазарасп.

Последнее положение, выдвинутое С. П. Толстовым в более ранних трудах, получило в результате комплексных работ археологов и географов новую аргументацию. Исследованиями выявлены следы другой страшной катастрофы, подобной монгольскому разрушению, которая имела место в самом конце XIV в. и связана с разгромом Хорезма войсками Тимура, что привело к прорыву вод в Сарыкамышскую впадину, где образовалось тогда озеро глубиной до 90 м.

Вторая глава «Акча-Дарья» открывается геоморфологическим описанием дельты. Очень содержателен археологический раздел главы. Если в первой главе описание памятников дано довольно скупое, только в той мере, в какой это необходимо для понимания вопросов, связанных с изучением формирования и развития Аму-Дарьи, то здесь археологическим объектам уделено значительное внимание, и они рассмотрены всесторонне. Начинается изложение характеристикой памятников кельтеминарской культуры, в первую очередь стоянки Джанбас-кала, хорошо известной по публикации С. П. Толстова¹. Здесь же приведена таблица каменных орудий и керамики, выполненная, к сожалению, в слишком мелком масштабе. Материал исследованных стоянок, анализ топографических условий, точная датировка поселения позволили определить формирование Южной и Северной дельт Акча-Дарьи. Здесь отмечены северные связи кельтеминарской культуры, сходство ее с Андреевской стоянкой на восточном Урале и со стоянками на Каме. Последние работы в Зауралье, раскопки стоянок Козлов мыс I, Татарский бор, Ирбитское озеро, Кошкарское озеро, Палкино, Большой Алан дали материал, аналогичный аму-дарьинскому. Это блестяще подтвердило тезис, выставленный еще в конце 1940-х годов С. П. Толстовым о расселении племен Приаралья на север. Отмечены и беспорочные южные связи кельтеминарской культуры, выявлению которых уже посвящен ряд работ С. П. Толстова и А. В. Виноградова².

¹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 59—66.

² См. С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948; А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1.

Следующий этап истории Акча-Дарьи начинается характеристикой суярганской культуры, связанной с появлением нового этнического элемента с юга, из областей Иранского нагорья и прилежащих стран. Датировка стоянок, основанная на изучении инвентаря, позволила уточнить дату прорыва вод по Акча-Дарьинскому коридору — рубеж III и II тысячелетий до н. э. Для более позднего времени здесь характерно появление нового этнического, как полагают авторы, — северного элемента, связанного с приходом племен тазабаягской культуры.

Среди могильников, исследованных за последние годы, большую ценность представляет могильник Кочка 3, раскрывающий погребальный обряд, подробно описанный в рецензируемой книге. Особенно интересны парные разнополюсы погребения. Яму рыли при смерти первого из захороненных с расчетом на второе захоронение; в нее клали первого умершего супруга — мужчину или женщину; после смерти второго супруга могилу вновь вскрывали, первого покойника сдвигали несколько в сторону или оставляли на прежнем месте и на свободное место клали нового покойника. По мнению автора, данный обряд свидетельствует о том, что в этом обществе в эпоху бронзы существовала устойчивая парная семья. Однако наличие парных семей еще не служит доказательством существования поздних форм патриархата, с убийством жены в случае смерти мужа. Этот новый тип захоронений, прекрасно исследованный Хорезмской экспедицией, раскрывает семейные отношения ранних патриархальных общин.

Анализ находок из могильника убедительно свидетельствует о культурных связях племен Акча-Дарьинской дельты с племенами срубной культуры Заволжья, а также с Закавказьем, где широко были распространены сердоликовые бусы тех же типов, что и обнаруженные в могильнике Кочка 3. Материал и техника изготовления таких бус напоминают ассирийские цилиндры-печати. Аналогичные бусы были распространены в Закавказье в XI—VII вв. до н. э., т. е. в период наибольшего развития здесь ассирийской и урартской экспансии.

Антропологические материалы могильника проливают свет на этническую принадлежность населения этого района. Здесь четко прослеживаются два типа: первый — с небольшой емкостью черепа, долихокранный, с мезогнатным строением лицевого скелета, отличающийся средним ростом, и второй — с большой емкостью черепа, долихокранный и ортогнатный, характеризующийся высоким ростом. По антропологическим признакам захороненные в могильнике близки к носителям андроновской и срубной культуры, а южный тип обнаруживает черты связи с индо-дравидонидным типом экваториальной расы. Основываясь на этом материале, исследователи выдвинули правильную мысль, что в ту отдаленную эпоху Хорезм служил центром крупных этнических скрещиваний.

Интересны данные о первобытном земледелии с применением ирригации сначала в небольших низинах, а затем путем создания береговых дамб. Это наблюдалось в бронзовом веке в Южной дельте, тогда как в Северной Акча-Дарьинской дельте, в то время еще сильно обводненной, сохранялся старый тип хозяйства, основанный на охоте, рыбной ловле, скотоводстве и зачатках примитивного земледелия. Это различие, как отмечают исследователи, сохранялось и в последующее время, в эпоху раннего железа, в период господства амирабадской культуры.

Следующий период характеризуется созданием огромных ирригационных сооружений, связанных с переходом к рабовладельческому способу производства. Дальнейшее развитие земледелия в старых условиях первобытно-общинного строя было невозможно. Сложные ирригационные сооружения требовали иной организации, привлечения массовой рабочей силы, которая формировалась в то время только из контингента рабов. Новое рабовладельческое государство сумело создать высокую систему земледелия. Экспедиция проследила историю развития ирригационного хозяйства в античный период, отметив сокращение полезной для земледелия территории в конце его, что авторы справедливо связывают с разложением рабовладельческого строя и рядом варварских завоеваний гуннов-эфталитов и тюрков в V—VIII вв. К сожалению, авторы остановились только на общих выводах, не аргументировав и не доказав этого положения. (правда, эти вопросы получили освещение в предшествующих работах, посвященных данной теме)³. По-видимому, в руках экспедиции были данные, позволяющие датировать время возникновения и гибели отдельных каналов. Во всяком случае, в книге отмечены каналы, продолжавшие функционировать в эпоху средневековья, получила характеристику новая система орошения, созданная в раннем средневековье и просуществовавшая до монгольского нашествия. Несколько страниц посвящено хозяйству полукочевых земледельцев Северной Акча-Дарьинской дельты. Здесь кратко описаны стоянки этих племен и найденный материал. Эта культура названа кочка-тенгизской. Ее стоянки располагались в тех же условиях, что и стоянки более раннего времени эпохи бронзы. Авторы приписывают эти памятники приморским сакским племенам, входившим в союз племен апасиаков. В главе отмечено несколько территориальных и хронологических групп памятников, отличающихся своеобразием, и охарактеризована специфика

³ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 54—65; С. П. Толстов, «Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.», «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 100, сл.; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации Хорезма, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, 1957, стр. 10. сл.

иригационных сооружений, позволявших вести земледельческое хозяйство. В настоящее время эта территория, долгое время представлявшая собой пустыню, вновь осваивается. Самоизливающиеся артезианские колодцы создают условия для развития скотоводства. Материал, изученный экспедицией, показывает возможность ведения здесь и земледельческого хозяйства при условии орошения этих земель.

Третья глава посвящена Присарыкамьшской дельте. Первые два раздела главы содержат историю изучения и географическую характеристику этой территории, третий раздел — археологический. Заселение Присарыкамьшской дельты началось в эпоху неолита; о чем можно судить по распространению памятников верхнеузбойской культуры, представленной стоянкой Гяур 1. Сравнение ее со стоянкой Джанбас 4 и изучение подъемного материала позволяют датировать памятник рубежом IV и III тысячелетий до н. э. Другие стоянки дали аналогичный материал. Более поздние эпохи представлены единичными находками. Однако авторы нарисовали убедительную картину земледелия в это время. Интересны данные, свидетельствующие о влиянии земледельческой деятельности населения древнего Хорезма на естественную историю дельты. Заслуживают внимания античные сооружения, поражающие своими размерами. Детальный анализ крепостей, относящихся к различному времени, позволяет проследить развитие иригационной системы в ту эпоху. Показан и упадок земледелия, связанный с распадом античного общества в III—IV вв. н. э. и варварскими завоеваниями, когда пришли в запустение многие оросительные системы. Разрушение мощных плотин на Аму-Дарье привело к прорыву ее вод в Сарыкамьшское озеро, вызвавшему подъем уровня воды в Узбое. Датировка всех отмеченных событий основывается авторами на анализе подъемного материала на полях и по берегам каналов. Этот материал не выходит из границ середины I тысячелетия до н. э. до IV—V вв. н. э., что заставляет согласиться с предложенной концепцией.

Памятники эпохи средневековья характеризуются на основе как археологических, так и письменных материалов. Сведения Ибн Русте, Истахри, Макдиси, аль Бируни позволили полнее интерпретировать археологические данные. В период расцвета феодального общества в XII—XIII вв. здесь вновь воссоздается оросительная сеть. Исследования позволили выявить специфику иригационной системы того времени, резко отличающейся от античной. Несколько социальных катастроф — монгольское нашествие начала XIII в. и особенно нашествие Тимура — привели к сильному обводнению почти всей северо-западной территории Присарыкамьшской дельты и к затоплению Сарыкамьшской впадины. Более поздние эпохи освещены менее развернуто.

Глава четвертая посвящена Сарыкамьшу. Приведены имеющиеся немногочисленные исторические и исчерпывающие геоморфологические сведения и археологические данные. Заселение данной территории начинается также с эпохи неолита. Интересно почти полное отсутствие памятников эпохи бронзы и античности. Эти данные хорошо сопоставляются с письменными свидетельствами античности. Из средневековых памятников подробно описана крепость Зенги-баба (XII—XIII вв.), входившая в большую оборонительную систему окраин Хорезма. Иригационные системы Сарыкамьшской впадины, начиная с XIV до XVIII в., позволяют проследить ее историю. Исследователи отмечают несколько заполнений, связанных с социальными катастрофами: монгольским завоеванием, нашествием Тимура. В дальнейшем уровень воды уменьшался и впадина постепенно высыхала. Археологические остатки и топографические условия их залегания дают возможность точно датировать этот процесс.

Последняя, пятая глава посвящена руслу Узбоя. История вопроса, геоморфологическое описание составляют первые два раздела этой главы. Третий раздел содержит характеристику археологических данных и их сопоставление с географическими. Изучение археологических памятников и их топографии дает основание считать реку Узбой функционировавшей вплоть до начала I тысячелетия до н. э. Неолит представлен верхнеузбойской и нижнеузбойской культурами. Сопоставляя данные разных дисциплин, авторы датируют заселение Узбоя IV—III тысячелетиями до н. э. Большое количество находок, относящихся к этому времени, позволило судить о степени полноводности реки в ту эпоху. Сокращение числа археологических памятников, прослеживаемое уже с эпохи бронзы, свидетельствует о прекращении стока воды к началу I тысячелетия до н. э. Замечание, внесенное авторами главы, о возможности для скотоводов тазабгайской культуры пользоваться не только водой из Узбоя, но и колодцами, вносит поправку в наши представления о слабой заселенности края в конце II тысячелетия до н. э. Однако это не причина для пересмотра вопроса о водном режиме Узбоя. Отмечено небольшое количество памятников эпохи раннего железа, среди которых интересны так называемые варварские стоянки, хорошо датируемые стрелами скифского типа. Античные памятники отсутствуют, за исключением позднеантичной крепости Игды-Кала, зато богато представлено средневековье. Здесь обитало многочисленное кочевое население; караванные тропы связывали в то время Хорезм с Южной Туркменией и Ираном. Интересны исследованные экспедицией караван-саран с рядом подсобных сооружений, в частности водосборных систем.

Мастерски сопоставленные археологические и геоморфологические материалы делают убедительными выводы о заселенности долины этой реки в неолите, когда, судя по ряду данных, она была полноводной. Так обстояло дело и в энеолите. Усыхание прослеживается со времени эпохи бронзы. Однако ряд археологических и исторических материалов свидетельствует о неоднократном кратковременном обводнении русла Узбоя,

что подтверждается расположением позднеантичной крепости Игды-Кала на среднем отрезке Узбоя, на берегу скалистого каньона. С начала I тысячелетия до н. э. сток воды на Узбое прекратился, и русло реки заменили отдельные пресные озера. Об этой картине достаточно убедительно говорят отдельные стоянки кочевников как I тысячелетия до н. э., так и средневековые. Последнее кратковременное возобновление течения Узбоя связано с разрушением гидротехнических сооружений Тимуром в самом конце XIV в., что привело к затоплению Сарыкамышской впадины и сбросу воды в Узбой. Интересно, что этот факт нашел отражение в средневековой литературе, отметившей под 1392 и 1417 гг. течение этой реки.

В заключении подводятся итоги исследования. Рецензируемая книга представляет большой вклад в науку. Значение ее намного шире задач, поставленных авторским коллективом. Комплексное изучение, проведенное географами и археологами с использованием письменных данных, позволило установить время заселения нижнего течения Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбоя и проследить историю этих водных бассейнов. Прекрасно документировано, что в исторические эпохи, во всяком случае с периода античности, направление течения Аму-Дарьи и ее дельты менялось не только под воздействием гидрологического режима, но и вследствие преобразующей деятельности человека. Если для эпохи бронзы этот последний фактор и не мог играть большой роли в жизни реки, то, начиная с античности, со времени сильных рабовладельческих государств, течение реки контролировалось и сохранялось в нужном направлении. Берега реки укреплялись мощными дамбами, и она питала водой всю оросительную систему Хорезма. В книге убедительно показано, как социальные кризисы приводили к разрушению ирригационных систем и меняли режим реки. Интересны данные, показывающие разницу между античной и средневековой ирригационными системами и высокий технический уровень последней. В XII—XIII вв. орошение охватывает огромную территорию Хорезма. Последующая эпоха характеризуется двумя катастрофами, связанными с событиями 1220 г. и нашествием Тимура. Интересны оросительные системы XVI—XVII вв., созданные кочевниками-туркменами. Позднейшая эпоха XIX—XX вв. не внесла ничего нового в освоение земель древнего орошения, что авторы объясняют низким уровнем развития экономики в Хивинском ханстве.

Все основные положения авторов хорошо аргументированы, установленные даты не вызывают возражений. Хорошо показано действие на историю формирования русла Аму-Дарьи двух факторов — природного и деятельности человека. Вместе с тем хотелось бы видеть больше схем и профилей культурного слоя — там, где залегают в непотревоженном виде культурные остатки. Следовало больше внимания уделить характеристике культурного слоя, это дало бы возможность уточнить даты не только по сравнительным данным, но и на основе стратиграфии. Едва ли можно ограничиться только небольшим разрезом очага стоянки Джанбас 4 или простым упоминанием культурного слоя стоянки Джанбас 6 (стр. 87).

Полученный экспедицией хорошо интерпретированный материал отвечает на ряд вопросов древней и средневековой истории Евразии. Отмеченные общие элементы в культуре неолита на огромной территории Казахстана, Восточного Приуралья и Прикамья заставили в свое время С. П. Толстого поставить вопрос о Приарале как территории формирования финно-угорской языковой общности⁴. В более позднее время Приаралье входило в обширную этническую общность племен срубной, андроновской и тазабагыбской культуры, вопрос о формировании которых не может быть решен без знания составных элементов. Если наши знания о срубной культуре, главным образом в результате больших археологических работ на Средней и Нижней Волге, сильно продвинулись вперед, если много сделано по изучению андроновской культуры, то знанием тазабагыбской культуры мы обязаны работам Хорезмской экспедиции. Вместе с тем, указанные в книге северные корни тазабагыбской культуры еще не могут считаться окончательно выявленными, может быть происхождение этой культуры лежит и на Иранском Востоке. Интересный материал для понимания сакского мира дают стоянки, справедливо связываемые с апасианами. Весь рассматриваемый в книге материал является важным источником знаний о древнем периоде истории нашей страны, без чего ни одна проблема древности и средневековья Евразии не может быть правильно решена. Выход в свет рецензируемой книги представляет крупное событие в нашей исторической науке. Она разрешает важнейшие вопросы археологии в связи с практическими задачами народнохозяйственного плана и является большим шагом вперед в разработке истории ирригации Средней Азии.

А. П. Смирнов

⁴ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 65, примечания.

Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. LV1, М., 1960, 213 стр.

За годы Советской власти наиболее отсталые в царской России малые народы Севера достигли больших успехов в своем хозяйственном и культурном развитии. К сожалению, литература об их современном положении крайне бедна.

Рецензируемый сборник, содержащий интересный свежий фактический материал, приобретает поэтому особое значение.

Сборник состоит из введения и шести статей, посвященных вопросам социалистического хозяйства, культуры и быта у отдельных малых народов Севера.

Во введении указаны некоторые нерешенные пока проблемы социалистического строительства на Севере:

1. Проблема правильного определения направления хозяйственной деятельности колхозов. В недавнем прошлом были случаи внедрения земледелия и молочного животноводства, нецелесообразных в условиях ряда колхозов. В результате квалифицированные оленеводы, охотники и рыболовы шли работать на огороды и фермы, огромные пространства тайги и тундры оставались неосвоенными и исконные занятия местного населения — охота и оленеводство — испытывали значительный ущерб.

2. Проблема образа жизни охотников и оленеводов: как при их хозяйственном кочевании обеспечить им необходимый культурный быт.

3. Проблема подготовки кадров, способных вести промысел и заниматься оленеводством в условиях северных колхозов.

Во введении подчеркивается, что сборник не ставит перед собой задачу решить эти и другие стоящие перед социалистическим строительством на Севере проблемы; его назначение обратить на них внимание, дать материал, способствующий их решению.

Вопросы социалистического строительства рассматриваются в сборнике в связи с историей и культурно-бытовыми особенностями того или другого народа. Включение в сборник, посвященный современному положению народов Севера, историко-этнографических материалов вполне оправдано, так как они помогают лучше уяснить современную культуру народов Севера, знакомят с базой, на которой она развивалась. С другой стороны, при введении на Севере новых форм хозяйства и быта приходится постоянно учитывать складывавшийся веками положительный опыт коренного населения.

Первая статья сборника «Таймырские нганасаны» (авторы Б. О. Долгих и Л. А. Файнберг), посвящена группе нганасан, живущей на территории Таймырского сельсовета и объединенной в настоящее время в колхозе им. Шмидта. В статье подробно излагается история социалистического строительства у таймырских нганасан, дается анализ хозяйственной деятельности колхоза, добившегося больших успехов. Авторами исследуются материалы по оленеводству, охоте, рыболовству, бюджету колхоза, а также бюджету отдельных семей колхозников. Как существенный недостаток отмечается полное отсутствие в колхозе натуральных выдач — трудодень оплачивается только деньгами. Авторы находят целесообразным, учитывая местные условия, выдавать колхозникам не менее половины стоимости трудодня натурой: мясом, рыбой, оленьими шкурами.

В статье обращено внимание на серьезные недостатки в организации снабжения колхоза и колхозников со стороны торгующих организаций, которыми, в частности, не учитывались специфические потребности населения Севера, указаны конкретные пути улучшения торговли.

Авторами рассматриваются различные возможные варианты организации быта колхозников в условиях кочевания, вызванного характером оленеводческого и охотничьего хозяйств.

Недостатком статьи является то, что в ней не намечены конкретные пути для решения проблемы оседания, важной для народов Севера. Спорно предположение авторов, что несмотря на ряд отрицательных сторон бытового кочевания, оно долго сохранится в оленеводческих колхозах Таймыра (стр. 38—39). Техническое оснащение колхозов, решение проблемы кадров, а также выполнение мероприятий, предусмотренных постановлением Совета Министров РСФСР от 20 марта 1960 г. «Об оказании дополнительной помощи в развитии хозяйства и культуры народностей Севера», позволит колхозам Таймыра решить проблему оседания в сравнительно короткие сроки.

Значительное место уделено в статье характеристике современной культуры таймырских нганасан. Подробно описывается одежда, причем отмечается ряд общих особенностей в традиционной одежде нганасан, энцев и эскимосов, что дает авторам право высказать предположение о ее происхождении от распашной одежды типа тунгусского фрака с передником (стр. 42—43). Несомненный интерес представляет отмеченное авторами сходство своеобразных украшений энцев и нганасан, в форме так называемых «лапчатых подвесок», с древними украшениями карасукцев верхнего Енисея (стр. 44). Наряду с другими, факт этот может указывать на наличие древних южных связей у нганасан. Статья включает обширные сведения о традиционных типах жилища нганасан, духовной культуре, семье, в значительной своей части впервые приводимых в научной литературе.

Авторы вполне обоснованно выступают против выдвинутого в работе М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера»¹ утверждения о протекающем процессе поглощения нганасан другими народами (стр. 61). В статье приводятся убедительные факты, доказывающие, что нганасаны в настоящее время сохраняются как самостоятельная народность, но вряд ли можно согласиться с высказанным авторами предложением способствовать консолидации нганасанской народности «путем объединения *всех* (подчеркнуто нами — С. В., Ч. Т.) нганасан в едином нганасанском сообществе...» (стр. 62).

Статья И. С. Гурвича — «Эвены Камчатской области» повествует о Быстринской, Тигильской и Пенжино-Олжоторской эвенских группах. Автором приводятся интересные архивные материалы, данные полевых исследований, местные предания о переселении эвенов с Охотского побережья и Колымы на Камчатку в первой половине XIX в. В хозяйстве и культуре камчатских эвенов И. С. Гурвич справедливо отмечает «переплетение собственно эвенских элементов с корякским, камчадалским и якутским влияниями» (стр. 80).

В статье содержится богатый этнографический материал, включающий сведения о пережитках родового строя у эвенов, некоторых традиционных обычаях и обрядах, приемах охоты, технике обработки шкур, способах передвижения, жилище, одежде, пище и многие другие.

В написании некоторых терминов, приводимых автором на языке эвенов, допущены ошибки. Например, нижняя покрывка чума названа автором ит ки дэн, вместо ит ки пэн (стр. 71), наколенники названы бока нан вместо бока пан (стр. 72). Съедобное растение сарана названа тук ар, что по-эвенски означает мусор, правильно будет тэ р кэр (стр. 74).

Статья А. В. Смоляк «Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана» включает историко-этнографические сведения, а также значительный материал по современному хозяйству и культуре этого народа. Большой интерес вызывают приводимые автором данные о современных и традиционных видах одежды, орудиях морского промысла и охоты, средствах передвижения, жилище и хозяйственных постройках. Особенно важно отметить, что хотя о нивхах имеется сравнительно большая литература (работы Л. И. Шренка, Л. Я. Штернберга, Е. А. Крейновича и др.), статья А. В. Смоляк значительно обогащает наши знания об этом народе. Ею собраны в полевых условиях многие неизвестные ранее сведения о материальной и духовной культуре нивхов.

Большое место в статье уделено анализу хозяйства колхозов и экономического положения отдельных семей колхозников. Автором приведены убедительные факты о росте благосостояния и культуры нивхов.

Не со всеми выводами автора можно согласиться. В частности, автор утверждает, что у нивхов Амурского лимана в середине и конце XIX в. хозяйство было натуральным и продукция рыболовства и морского зверобойного промысла почти целиком оставалась внутри хозяйства (стр. 95). Эта характеристика верна по отношению к хозяйству нивхов середины XIX в., но в конце XIX в., как показывают материалы В. К. Бражникова², да и самого автора (стр. 95), хозяйство перестало быть натуральным, так как основная продукция промысла в значительной части предназначалась уже для сбыта.

До настоящего времени было принято считать, что нивхский язык включает два диалекта, сообщение же автора о существовании нескольких диалектов (стр. 146) нуждается в дополнительной аргументации.

При написании нивхских слов автор почему-то пренебрег знаками придыхания и увулярности звуков, употребляемых лингвистами, что приводит подчас к изменению смысла слов. Среди большого числа правильно приводимых терминов встречаются отдельные неточности. Например, лестница названа нинар (стр. 134) вместо ньнар, ловушка для нерп — хонк (стр. 118) вместо хонтк, острога — чоспс (стр. 108) вместо чоэспс и некоторые другие.

Небольшой малоисследованной группе эвенков Илимпейского района Эвенкийского национального округа посвящена статья В. А. Туголукова «Экондские эвенки». Эта изолированная группа в большей мере, чем другие малые народы Севера, сохраняла до недавнего времени в культуре и быте архаические черты, что делает ее изучение весьма интересным в этнографическом отношении. Статья состоит из четырех разделов: общие сведения, хозяйство, образ жизни и быт, культурное и общественное развитие. Автор сумел в доступной форме, хорошим литературным языком дать яркое описание жизни эвенков поселка Эконды. Им приводятся также исторические сведения о сложении этой группы.

Тщательно анализируя экономическое положение колхоза «Новая жизнь», В. А. Туголуков приходит к выводу, что колхоз, имея 78 трудоспособных членов, не в состоянии одинаково успешно развивать все отрасли хозяйства. Поэтому целесообразно, по его мнению, сохранить лишь оленеводство, охотничий промысел, рыболовство и звероводство, отказавшись от огородничества и животноводства по причине их малой доходности и недостатка рабочих рук (стр. 166—167).

¹ Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, гл. XXVII, М.—Л., 1955.

² В. К. Бражников, Рыбные промыслы Дальнего Востока, тт. I—II, СПб., 1900.

В статье недостаточно аргументирован вывод о том, что кочевой образ жизни эвенков есть не что иное, как рациональная форма осуществления промыслово-оленьеводческого хозяйства в условиях тайги и тундры, и что прекращение кочевания приведет к ухудшению условий ведения охоты и оленеводства, к понижению доходов от этих наиболее выгодных на Севере отраслей хозяйства (стр. 171). Вряд ли можно согласиться с таким категорическим утверждением по отношению ко всем эвенкам.

Жилищное строительство у ваховских хантов рассматривается в статье З. П. Соколовой «Современные селения и жилища ваховских хантов». Статья открывается краткой характеристикой хозяйства, культуры и быта ваховских хантов. Основное место в статье занимают вопросы строительства новых, укрупненных поселков. Автор делает ряд весьма ценных рекомендаций о выборе места для устройства поселков и характере сооружаемых жилищ. З. П. Соколова считает необходимым при этом учитывать национальную и хозяйственную специфику коренного населения.

Завершает сборник очень содержательная статья К. Г. Кузакова «Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки». Селение Аянки расположено на севере Пензенского района Корякского национального округа. Оно является хозяйственным центром колхоза-миллионера «Полярная звезда», которому принадлежат огромные пастбищные и охотничьи угодья (6 млн. га). В Аянки живут чукчи, коряки, эвенки, эвены, русские.

Автор дал глубокий анализ всех отраслей хозяйства колхоза, подробно описал быт охотников и оленеводов.

К сожалению, в статье квалифицированного экономиста, занимающегося хозяйством народов Севера, совершенно не затронута проблема перехода на оседлость.

Рецензируемый сборник хорошо иллюстрирован (77 рисунков и фотографий, 8 карт и схем), снабжен словарем местных терминов и специальных названий.

В заключение необходимо подчеркнуть высокий научный уровень рецензируемого сборника. Его материалы представляют интерес не только для историков и этнографов, но имеют и несомненную практическую ценность.

С. И. Вайнштейн, Ч. М. Таксами

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, I. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. Ответственный редактор Л. П. Потапов. М.—Л., 1960, 312 стр., 275 рис.

В 1960 г. Тувинская комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР (ТКЭАН, руководитель экспедиции — проф. Л. П. Потапов) приступила к публикации полевых материалов, собранных ее коллективом со времени начала работ (1957 г.). В рецензируемом томе публикуются отчеты и материалы, освещающие результаты полевых исследований экспедиции в районах западной Тувы (Монгун-Тайга и Кара-Холь) в 1957—1958 гг.

Западная часть Тувы, находящаяся на границе Горно-Алтайской и Хакаской автономных областей, до сих пор была почти не затронута археолого-этнографическими исследованиями, и поэтому выбор района работ был произведен безусловно удачно. Теперь наука получила первые материалы для суждения о многих вопросах истории и культуры этого уголка Саяно-Алтайского нагорья, связанного с сопредельными территориями, уже сравнительно хорошо изученными в археолого-этнографическом отношении. И в этом заключается бесспорная заслуга коллектива ТКЭАН.

Рецензируемая книга посвящена только публикации материалов, без попыток исследовательских обобщений, о чем сказано уже во вводной статье Л. П. Потапова (стр. 3—6), в которой изложены основные задачи, поставленные перед экспедицией, обоснован выбор района ее работ, рассказано о будущих планах. Три последующие статьи являются отчетами об археологических раскопках. Это отчеты А. Д. Грача (стр. 7—150) «Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (полевой сезон 1957 г.)», «Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.)» и В. П. Дьяконовой «Поздние археологические памятники на территории западной Тувы» (стр. 151—170).

Следующие три статьи посвящены публикации части собранных экспедицией обширных этнографических материалов. Это работы Л. П. Потапова «Материалы по этнографии тувинских районов Монгун-Тайги и Кара-Холя» (стр. 171—237), В. П. Дьяконовой «Материалы по одежде тувинцев» (стр. 238—266) и статья П. И. Каралькина «Жилище в западной Туве» (стр. 267—283). Том заключает антропологическое исследование В. П. Алексеева о краниологических материалах, собранных ТКЭАН за эти годы, «Материалы к палеоантропологии западной Тувы» (стр. 284—312).

Л. П. Потапов во вводной статье объясняет, что «Институт этнографии взял на себя труд по исследованию археологических памятников Тувы, несмотря на то, что

археологическая полевая исследовательская работа не является характерной для научного профиля этого Института» (стр. 4), так как, во-первых, «в археологическом отношении Тува не изучена» и, во-вторых, «археологи, как правило, исследуют ранние памятники» и не изучают памятников XVI—XIX вв., непосредственно смыкающихся с этнографической современностью.

Эта мотивировка нуждается все же в уточнении. Если нельзя не согласиться с тем, что Тува в археологическом отношении еще недостаточно изучена, то следовало бы сказать, что археологические материалы по Туве уже начали накапливаться.

Еще за два года до организации ТКЭАН, в 1955 г., приступила к регулярным многолетним работам Тувинская археологическая экспедиция Московского государственного университета, которая изучила по архивным данным и по коллекциям в музеях Ленинграда и Томска неопубликованные материалы раскопок, произведенных в Туве археологами А. В. Адриановым в 1915—1916 гг. (61 памятник) и С. А. Теплоуховым в 1926, 1927 и 1929 гг. (около 160 памятников), а также данные больших разведочных маршрутов в Туве Саяно-Алтайской археологической экспедиции под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой (1947 г.)¹, и продолжила изучение всех археологических памятников Тувы.

Тувинская археологическая экспедиция МГУ, ведя полевые исследования в прошлые сезоны 1955—1960 гг., поставила своей основной задачей создание периодизации археологических культур этой области с древнейших времен «до этнографически известной культуры тувинцев XVIII—XIX вв.»². Первая работа на эту тему вышла в 1958 г.³, и на нее имеются ссылки в статье В. П. Алексеева, входящей в рецензируемый том (см. стр. 284).

Что касается вопроса о памятниках XVI—XIX вв., то занимались ими все археологи, работавшие в Туве. Так, А. В. Адриановым раскопано два погребения этого времени, С. А. Теплоуховым — 15 и Н. Г. Богатыревым в 1941 г. — три. Коллекции из этих раскопок не опубликованы и хранятся в музеях, в том числе в Государственном Эрмитаже; очевидно, что археологам ТКЭАН необходимо было иметь их в виду⁴.

В. П. Дьяконова, специально занимавшаяся этими поздними памятниками, рассматривая материалы шести погребений XVIII—XX вв. из раскопок ТКЭАН в 1957—1958 гг., ссылается на раскопки поздних памятников на Алтае, Чулыме, в Хакасии и Якутии (стр. 151—152), но не упоминает о работах по Туве своих предшественников, собравших ценные материалы по погребальному обряду и материальной культуре тувинцев в XVI—XIX вв.

Археологические отчеты А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой представляют значительный интерес. Материалами отчетов впервые доказано распространение в самых западных районах Тувы памятников тех же культур, какие были выявлены до работ ТКЭАН на территории от долины р. Хемчика до Эрзина с запада на восток и от Тес-Хема до Тоджи с юга на север⁵.

Отчеты А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой прекрасно иллюстрированы фотографиями, чертежами и рисунками. Ознакомление с документацией позволяет заключить, что раскопки производились на хорошем методическом уровне. Наши замечания, касающиеся археологических отчетов, немногочисленны и носят частный характер. Например, основные и впускные погребения одних и тех же курганов в отчетах А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой не имеют своих особых номеров (МТ—57—II, V, VII; МТ—58—IV, X). На всех рисунках погребений очень трудно разыскать ту или иную находку, так как они не выделены и не имеют номеров. Затрудняет изучение отчетов и то, что все найденные предметы даны в фотографиях, а не в рисунках с необходимыми сечениями. Это не дает полного представления о предмете. Например, на рис. 65 (стр. 126) и 75 (стр. 132) невозможно различить типы наконечников стрел, отличить трехлопастные от плоских или «тяжелых» (стр. 131), на рис. 8 (стр. 157) определить тип стремян и т. д.

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, КСИИМК, вып. XXVI, М.—Л., 1949.

² Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы, «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, 1958, № 4, стр. 71, прим. 1.

³ Л. Р. Кызласов, Указ. раб.; О первом опыте классификации культур Тувы в эпоху раннего железа нами было сообщено в докладе на секции раннего железа в апреле 1956 г. на пленуме ИИМК в Ленинграде — см.: «Советская археология», 1957, № 1, стр. 295 и КСИИМК, вып. 72, М., 1958, стр. 136; ср. наш отчет об экспедиции 1955 г. в Архиве Института археологии АН СССР, Р. 1, № 1212.

⁴ Впрочем, они известны отчасти А. Д. Грачу, см. стр. 72.

⁵ Л. Р. Кызласов, Указ. раб.; его же, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.), «Вестник МГУ», серия IX, Исторические науки, 1960, № 1; его же, Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960; его же, О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв., «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960. Ср. С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Уч. записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958.

К сожалению, пользование отчетами затруднено и неоднократно случаями расхождений данных текста и чертежа. Например, в отчетах А. Д. Грача: 1) на стр. 40 сказано, что предметы найдены «в крайней южной ямке», а на чертеже (рис. 41) они находятся в северной; 2) на том же плане кургана изображены две ямки (рис. 41), а в тексте (стр. 40) говорится о трех углублениях; 3) на стр. 53 говорится, что «плитовая могила» в кургане МТ—57—XXXIV обнаружена «на уровне горизонта», а на чертеже она изображена в яме (рис. 65); 4) на стр. 110 сказано, что скелет ориентирован «головой на запад» — на чертеже он ориентирован на северо-запад (рис. 47 на стр. 112); 5) рис. 49 и 50 погребения МТ—58—II не сопоставимы, так как на рис. 49 неверно изображено направление на север, а в тексте (стр. 111) говорится об оси «северо-восток — северо-запад» (?!).

В отчете В. П. Дьяконовой: 1) по кургану МТ—57—II на рис. 1 неверно ориентирован план кургана и сопоставление рисунка погребения с текстом (стр. 152) выявляет ошибку в тексте, где сказано, что костяки коней ориентированы «головами на-юг», а надо: «головами на север»; 2) по кургану МТ—57—VII в тексте (стр. 159) говорится, что костяк коня «ориентирован головой на север (череп лошади и кости передних конечностей отсутствовали)», а на рис. 13 по расположению костей таза и лопаток видно, что костяк был положен передней частью на юг.

Укажу еще на одну досадную ошибку в археологическом отчете В. П. Дьяконовой. На рис. 24 (стр. 169) у нее фигурирует железный скребок, а на рис. 12 (1, 2) на стр. 160, такой же сломанный скребок из другого погребения (на рисунке изображен в двух частях) и в подписи под рисунком, и в тексте (стр. 158) назван двумя ножами (!?).

В отчетах А. Д. Грача почти отсутствуют описания могильных ям, не указываются в тексте их размеры и иногда ориентировка, вместо этого часто фигурируют неопределенные термины: «могильное пятно» (стр. 17, 88, 121 и др.), «вещевое пятно» (стр. 42—46, 142, 147 и др.) и т. п.

Следует отметить большую разноречивость в употребляемых А. Д. Грачом терминах. Погребальные сооружения одного типа цист-каменных оболочек, воздвигнутых внутри кургана над уложенным на горизонте трупом человека, называются им по-разному: «плитовая могила» (стр. 53, 57), «плитовые гробницы» (стр. 54, 145), «каменные ящики» (стр. 56—58, 119), «валунная обкладка» (стр. 61), «валунные камеры» (стр. 109) или даже «погребения на горизонте» (117—119). Полагаем, что такие погребения следует называть цистами — в отличие от каменных ящиков, составленных из вертикально или на бок установленных плит (см. стр. 99). К сожалению А. Д. Грач и каменные ящики называет «плитовыми гробницами» (стр. 83 и 145), чем вносит путаницу в типологию древних погребений Тувы.

Приходится констатировать также, что и отдельные эпохи выделены А. Д. Грачом не по местным, присущим Туве историческим периодам, представленным уже в литературе⁶. Так, период существования уюкской культуры Тувы (VII—III вв. до н. э.) называется им то «скифским временем» (стр. 12, 70, 145), то «временем ранних кочевников» (стр. 70, 109, 146), хотя ни скифов, ни ранних кочевников в Туве не было. По непонятным причинам говорится о каком-то древнетюркском времени (стр. 17, 35, 70, 120, 146 и 148), хронологические рамки которого «определяются в основном VI—IX вв.» (? — стр. 70) или даже VII—X вв. н. э. (стр. 146). Известно, что древнетюркское время — это лишь период вхождения древних племен Тувы в государство тюрк-туго с 555 по 745 г.⁷ что в 750—840 гг. Тува входила в состав другого государства — Уйгурского каганата⁸, и это, следовательно, был уже уйгурский период, что, наконец, с 840 по 1207 г. наступил период древнехакасского государства. Таким образом, если учесть основную задачу экспедиции — сбор материалов для разработки проблем этногенеза и изучения происхождения тувинского народа (стр. 3, 4, 7), то следует разновременные памятники разных этнических групп рассматривать не как «варианты погребений древнетюркского времени» (стр. 71), а подходить к ним исторически, конкретно, без рассуждений о безымянных «этнических пластах» VII—X вв. (стр. 148).

За два сезона 1957—1958 гг. А. Д. Грачом был исследован, судя по отчетам, 51 памятник. Из этого числа следует вывести 11 курганов и оградок, не давших ни погребений, ни предметов. Из сорока остающихся памятников только 23 кургана имели погребения, или являлись кенотафами, с инвентарем и могут быть сравнительно точно датированы. В других 17 курганах с погребениями не обнаружено находок, и их время может быть определено далеко не всегда точно и только лишь при помощи изучения устройства погребального сооружения и обряда.

При сопоставлении со всеми известными с территории Тувы памятниками выясняется следующее: 1) к уюкской культуре относятся пять курганов (МТ—57—III, XXII, XXIII; МТ—58—XIV (I); КХ—58—I); 2) к шурмакской культуре — шесть курганов: два погребальных (КХ—58—II, VI), и четыре поминальных (МТ—57—XI, XII, XVII, XX); 3) к периоду Тюркского каганата (VI—VIII вв.) — два тюркских погребения

⁶ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы.

⁷ Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.).

⁸ Л. Р. Кызласов, Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.).

ния (МТ—57—XXXVI и МТ—58—VIII) и, видимо, поминальная оградка МТ—57—XL; 4) к периоду Уйгурского каганата (VIII—IX вв.) — шесть курганов (МТ—57—IX, XXVI, XXXI, XXXII, XXXVII, МТ—58—X); 5) к первому этапу древнехакасского периода (IX—X вв.) относятся восемь курганов: 4 хакасских по инвентарю и обряду трупосожжения (МТ—57—VI, VII, XXI и БТ—58—I), два кургана местных чикских племен (КХ—58—IV и МТ—58—VI) и два тюркских кенотафа (МТ—58—IV и V).

Последние памятники неосновательно связываются автором с группой погребений, отличающихся северной ориентировкой скелета человека и южной ориентировкой коня (стр. 148), чего делать нельзя, ибо кони в кенотафах как раз лежат головой на север.

Наконец, следует остановиться на вопросе о датировке раскопанных в Монгун-Тайге десяти погребений на горизонте в цистах, не имевших вещей и ориентированных головой на запад (МТ—57—II; V, XVIII, XXX, XXXIV; МТ—58—I, II, III, XIII, XV). В настоящее время, до получения серии датирующих материалов, следует их относить к I этапу уюкской культуры, т. е. к VII—VI вв. до н. э. Это мы можем заключить по единственному погребению такого типа, раскопанному нами на р. Элегесте в 1960 г. (Шанчигский могильник, курган № 15), в котором имелся инвентарь VII—VI вв. до н. э. (двухсторонний боевой молот и пронизка из бронзы, а также обломки двух сосудов).

Ознакомление с отчетами А. Д. Грача показывает, что материалы ТКЭАН представляют ценное прибавление для уточнения общей картины археологических культур Тувы, но следует безусловно согласиться с автором, что «многие хронологические этапы отражены еще крайне фрагментарно» (стр. 144), и для того, чтобы разобраться с деталями этногенетического процесса у древнего населения западной Тувы, необходимы многолетние раскопки памятников этого района.

Из более мелких замечаний считаю необходимым отметить три: 1) найденная А. Д. Грачом в кенотафе МТ—58—IV китайская монета с надписью Кайюань-тунбао и гладким реверсом не может точно датироваться 713—741 гг., как сказано на стр. 131 и 147, ибо точно такие монеты неоднократно выпускались при Танах и в период «У-дай», начиная с 621 по 927 г.; 2) неверно шурмакскую вазу называть «кыргызской», так как последние делались на кругу и имеют иную форму (стр. 92); 3) не следует археологу искать «культурный слой» в курганах или же поминальных оградах (стр. 63).

Что касается статьи В. П. Алексеева «Материалы к палеоантропологии западной Тувы», то, не будучи специалистом, позволю себе указать только на некоторую несогласованность данных автора с отчетами археологов. Так, например, В. П. Алексеев как антрополог определяет пол погребенного в кургане МТ—58—XVIII как мужской (стр. 302), а В. П. Дьяконова, ссылаясь на тувинку — бабушку Анай и сделанные в этом кургане находки предметов женского обихода, пишет о женском погребении и даже как этнограф считает возможным говорить о погребении незамужней женщины (стр. 167—169).

У А. Д. Грача (стр. 103) отнесительно могилы КХ—58—VI сказано, что «датировка погребения пока не представляется возможной», а у В. П. Алексеева она отнесена к «скифо-сарматскому времени». У А. Д. Грача в кургане-кенотафе МТ—58—V вместо человека лежала кукла (стр. 141), а у В. П. Алексеева (стр. 298) значится мужчина!

Этнографические статьи тома представляют особую ценность, ибо, несмотря на сравнительно значительную дореволюционную и советскую литературу, в той или иной степени затрагивающую этнографию тувинцев, они впервые, с большой полнотой освещают особенности материальной и духовной жизни западных тувинцев, публикуют систематизированные материалы, собранные по программе, отвечающей высоким требованиям современной этнографической науки.

В статье Л. П. Потапова справедливо указывается, что некоторые этнографические наблюдения были сделаны посетившими западную часть Тувы еще в XIX и в начале XX века путешественниками П. Чихачевым, В. Радловым и И. Штыгашевым. Далее в статье подробно изложены систематизированные материалы ТКЭАН по следующим разделам: 1) пища и способы ее приготовления; 2) народные знания; 3) семейно-брачные отношения; 4) религиозные воззрения тувинцев, связанные с шаманским культом.

Особый интерес вызывает раздел о народных знаниях, данные о которых, к сожалению, приводятся далеко не во всех этнографических работах, посвященных тому или иному народу, и почти полностью отсутствуют в описаниях народов Сибири. Л. П. Потаповым кропотливо собраны сведения о народном календаре, представлениях о звездном небе, о важных в практической жизни народных мерах.

В разделе о религиозных верованиях особо ценны материалы по общественным, родовым и шаманским культам, которые сохранились несмотря на давнее проникновение к тувинцам ламаизма, являвшегося официальной религией. Эти данные позволяют многое выяснить в этнической истории западных тувинцев и их исторически сложившихся культурных связей с родственными соседними народами Саяно-Алтая.

Как справедливо указывает Л. П. Потапов, «выдающийся научный интерес представляет собой тип шаманского погребения, обнаруженный впервые в Кара-Холе, который до сих пор не был известен этнографам и, конечно, не нашел отражения в научной литературе. Речь идет об особом деревянных срубных гробницах шамана, построенных в виде домика с двухскатной крышей на четырех высоких толстых столбах» (стр. 224).

Эта гробница подробно описана автором и тщательно зафиксирована не только photographиями (рис. 18—20), но и хорошо выполненными чертежами (рис 23—24). Кроме того, членами экспедиции осмотрено еще несколько аналогичных разрушившихся гробниц шаманов и установлено, что они соорудились повсеместно в Кара-Холе и Мон-гун-Тайге еще в начале нашего столетия.

Безусловно, первая научная фиксация таких погребальных сооружений у западных тувинцев — это достижение экспедиции Института этнографии.

При этом автор приводит как единственную аналогию сообщение из рукописи Г. У. Эргиса о подобной старинной гробнице рядового якута (стр. 230) о том, что срубные с двухскатной крышей гробницы на столбах были распространены у якутов. Но мне кажется, что несмотря на отсутствие таких типов двухэтажных срубных деревянных гробниц с двухскатной крышей у соседних с тувинцами народностей Саяно-Алтайского нагорья, их можно было бы сопоставить уже при публикации этого материала с распространенными в Саяно-Алтайском нагорье погребениями умерших на столбах с настилами. Эти погребения были типичны для шаманов, которых хоронили обычно на деревянных настилах, устроенных на четырех столбах. Такие погребальные сооружения, как об этом сообщается в этнографической литературе, как раз были известны в прошлом ближайшим соседям западных тувинцев — южным алтайцам и хакасам. В. И. Вербицкий писал, что в XIX в. у южных алтайцев «тела умерших хоронят различно: или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на четырех столбах, или закапывают в горы вместе с любимыми конями покойников»⁹.

Г. И. Спасский в самом начале XIX в. сообщал, что бельтиры своих умерших «в лесных чащах в гробах вешают на деревьях или ставят на столбах»¹⁰.

Гораздо определеннее об аналогичных погребениях шаманов у хакасов писал позднее И. Каратапов: «Шаманов же хоронят не на кладбищах, а в тайге на самой вершине высокой горы; сначала ставят четыре столба с перекладинами, на них накладывают жерди, на жерди — хворост и, наконец, самого шамана во всем шаманском облачении с бубном»¹¹.

Таким образом, гробницы на столбах (в том числе и срубные) еще около ста лет назад были распространены не только у тувинцев¹², но и в горно-таежных районах Алтая и Хакасии.

Там они впоследствии исчезли под влиянием христианства, сохранившись, по выражению Л. П. Потапова (стр. 232), «в глухом углу Тувы».

Кстати, подобные гробницы на столбах были распространены не только на Саяно-Алтайском нагорье и у якутов, но и у других народов Сибири. Например, только шаманов хоронили на погребальных помостах (аранга) и буряты¹³. Арангасы на столбах были распространены у эвенков¹⁴ и угров.

Все эти данные о распространении арангасов у народов лесной полосы Сибири, видимо, должны учитываться этнографами при изучении «воздушных» погребений тувинцев.

Далее в статье Л. П. Потапова приводятся ценные материалы по похоронам и поминкам тувинцев, охотничьей магии, культу медведя, народным поверьям и приметам. Опираясь на рассказы тувинки — бабушки Анай (одного из основных информаторов экспедиции — см. стр. 5—6, 153—154 и др.) о том, что тувинцы ставили богатым покойникам «статуу, изображающую умершего человека», автор (стр. 233) высказывает сомнение, «ибо ни в каких поздних письменных источниках об этом ничего не говорится, а главное, все каменные антропоморфные изваяния, известные на территории Тувы, относятся по всем признакам к средневековым памятникам». Это все верно, но известно и определенное указание Н. Ф. Катанова, что у тувинцев северо-западной Монголии¹⁵

⁹ В. И. Вербицкий, Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 86.

¹⁰ Г. И. Спасский, Народы, кочующие в верьху реки Енисея, «Сибирский вестник», ч. 1, СПб., 1818, стр. 104.

¹¹ И. Каратапов, Н. Попов, Качинские татары Минусинского округа, «Известия РГО», т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 630—631.

¹² Еще Ф. Я. Кон, описывая ламаистские погребения тувинцев на поверхности земли, указывал, что «исключение делается лишь для шаманов и пораженных громом: и тех, и других складывают на площадке из досок, укрепленных на шестах (т. е. помостах. — Л. К.)» — см.: «Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов», «Русский антропологический журнал», кн. XII, № 4, М., 1903, стр. 119. Ср. сообщение Н. Ф. Катанова о похоронах тувинцев северо-западной Монголии: «делают из древесных ветвей подобие стола и кладут на него покойника», см.: Н. Ф. Катанов, О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней, «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 128.

¹³ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, Шаманство у бурят Иркутской губернии, «Известия восточно-сибирского отделения РГО», т. XIV, № 1—2, 1883, стр. 55.

¹⁴ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 504; А. Ф. Анисимов, Религия эвенков, М.—Л., 1958, стр. 58, 150, 233. Слово «арангас» ср. с монгольским: «аранга» — «помост, вышка».

¹⁵ О них и их языке см.: В. Ф. Ладыгин, Этнографический очерк, «Известия РГО», т. XXXV, вып. VI, СПб., 1899.

«если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева»¹⁶.

Следующие статьи В. П. Дьяконовой и П. И. Каралькина дают едва ли не первую научную фиксацию материалов по типам одежды и жилищ западных тувинцев. Их подробное описание сопровождается документальными фотографиями и хорошими чертежами. Следует отметить публикацию чертежей покроя тувинской одежды, даваемых впервые, а также как новый ценный материал в изучении одежды — публикацию описания и рисунков типов швов. Все эти элементы и части одежды описаны с выявлением тувинской местной терминологии.

Эти материалы, как и материалы статьи Л. П. Потапова, представляют определенный вклад в этнографическую науку. Конечно, можно высказать сожаление о том, чего не дали или не сделали авторы рецензируемой книги. Например, Л. П. Потапов обратил основное внимание на подробное изучение шаманизма и совсем не затронул ламаистского культа у тувинцев. Между тем было бы чрезвычайно интересно составить представление о местной разновидности ламаизма, о формах и сочетаниях этой религии с параллельно существовавшим шаманизмом, о синкретичности культовых представлений тувинцев в прошлом.

Представляется спорным при изучении каких-то конкретных форм материальной культуры тувинцев пытаться выискивать элементы сходства ее только с материальной культурой древних тюрков VI—VIII вв., как это делает иногда В. П. Дьяконова (стр. 169, 250—251), и при этом не упоминать сильнейшей «омонголенности» тувинской культуры в целом, что особенно проявляется в одежде. Можно ли на основании находок сходных с тувинскими бронзовых пуговиц в погребениях VI—VIII вв., говорить, что «сохранение традиционности в некоторых элементах материальной культуры у современных тувинцев прослеживается по археологическим данным довольно четко начиная с VIII в.» (стр. 250, прим. 20), или же наборные пояса тувинцев возводить к древнетюркским (стр. 251). И то и другое было и есть у монголов, а чтобы «четко» проследить по археологическим данным связи элементов тувинской материальной культуры с древнетюркской VI—VIII вв., необходимо еще доказать наличие таких генетических связей в материалах VIII—XVI вв.

Несмотря на некоторые отмеченные нами недостатки, носящие преимущественно частный характер, рецензируемый I том Трудов ТКЭАН является значительным вкладом в тувиноведение. В заключение следует пожелать коллективу сотрудников экспедиции успешного выполнения поставленных перед нею задач и скорейшей публикации всех собранных материалов.

Л. Р. Кызласов

¹⁶ Н. Ф. Катанов, Указ. раб., стр. 128.

И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков. *Корякский национальный округ*. М., 1960, 302 стр.

Каждый, кто бывал на Севере, знает, как нужны на местах работы о современном хозяйстве и культуре коренного населения, о природных ресурсах и перспективах промышленного развития национальных округов. В предвоенные годы обо всех национальных округах, кроме Таймырского и Чукотского, были изданы книги или брошюры. Корякскому национальному округу была посвящена интересная работа М. А. Сергеева, вышедшая в 1934 г.¹ Понятно, однако, что к настоящему времени она уже устарела. В послевоенные годы о Корякском национальном округе не было напечатано ничего, кроме отдельных газетных и журнальных статей. Потребность же в работе, обобщающей огромные перемены, происшедшие в жизни народностей округа за 30 лет его существования, очень велика. Поэтому книга И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова весьма актуальна и, очевидно, будет с интересом встречена широкими кругами специалистов и местных практических работников Корякского национального округа.

В книге подробно рассказывается о природных условиях и естественных ресурсах округа, истории корякского народа до Октябрьской революции и в советский период, а также характеризуются современное народное хозяйство округа и культура его коренного населения. Очень ценно, что авторы обращают внимание читателей на еще не решенные проблемы и дают много полезных рекомендаций по различным вопросам развития хозяйства и культуры Корякского национального округа и перестройки быта его коренного населения. Авторы использовали большое количество источников и литературы и, что особенно ценно, лично собранные ими в последние годы обширные материалы об экономике и культуре коренного населения округа. Поэтому в книге содержатся новейшие данные по всем рассматриваемым в ней вопросам. Тем более обидно, что эта интересная и обстоятельно написанная работа не лишена некоторых недостатков. Наиболее существенными из них, на наш взгляд, являются следующие.

¹ М. А. Сергеев. *Корякский национальный округ*, Л., 1934.

В некоторых разделах, посвященных хозяйству округа, характеристике природных богатств уделяется гораздо большее внимание, чем вопросам их эксплуатации. Например, в разделе об охотничьем хозяйстве характеристике запасов пушного зверя отводится восемь страниц (стр. 215—222), а организации промысла — менее трех (стр. 225—227). В результате для читателя остается не вполне ясным даже такой существенный вопрос: отправляются ли охотники на промысел поодиночке, звеньями или бригадами. О естественных запасах морского зверя говорится также на восьми страницах (стр. 237—244), а об организации промысла колхозами буквально одна фраза: «Он организуется колхозами и имеет местное потребительское значение» (стр. 246). То же замечание надо сделать и по разделу о лесном хозяйстве: опять-таки подробно охарактеризован лесной фонд округа и слишком кратко сказано о его эксплуатации. Из-за этой диспропорции в описании оказываются неясными и некоторые рекомендации по развитию хозяйства. Так, авторы предупреждают о недопустимости сплошной вырубке леса (стр. 253), но нигде не сказано, практикуется в настоящее время такая рубка или нет, поэтому рекомендация теряет свою направленность.

В разделах об оленеводстве, культуре и быте коренного населения наиболее досадное упущение заключается в том, что совершенно обойден вопрос об оседании, если не считать одной фразы в заключении: «Эта проблема не снимается с повестки дня в тех районах, где существуют оленеводство и пушная охота, необходимо развитие которых в округе бесспорна» (стр. 301). Такая формулировка теперь, после того как год назад было принято постановление Совета Министров РСФСР, предусматривающее завершение в ближайшие два-три года переход всего населения Севера на оседлость, явно недостаточна. Авторам надо было бы подробнее остановиться на проблеме оседания оленеводов в Корякском национальном округе и с учетом местных условий по возможности дать рекомендации для решения этой сложной проблемы.

В работе имеются и более частные недочеты. Так, не вполне четко охарактеризован общественный строй коряков к приходу русских. Приводимые авторами по этому вопросу материалы (стр. 36) определенно указывают, что у коряков в тот период существовала первобытная соседская община. Однако авторы ограничиваются тем, что называют общину коряков «своеобразной», не давая более точного определения (стр. 36). Иногда авторы забывают, что их книга рассчитана на широкие круги читателей, и высказывают мысли, требующие пояснения. Например, неспециалисту непонятно, почему принадлежность Корякского национального округа к внутренней зоне Тихоокеанского рудного пояса дает «основание для оптимистических выводов в отношении металлогенезиса округа» (стр. 24). В главе I работы авторы, говоря о богатстве округа различными полезными ископаемыми, не объясняют, почему месторождения их пока мало разрабатываются. Встречаются в работе неудачно сформулированные утверждения. Так, вряд ли можно сказать, что желание «быстро скатываться с гор» было одной из причин, по которой лыжи подшивались мехом (стр. 246), или что «дореволюционная торговля в округе не преследовала цели снабжения населения...» Сами авторы строкой ниже говорят, что «торговля сводилась по существу к покупке мехов и снабжению (подчеркнуто мной.—Л. Ф.) коренного населения «легкими» товарами: мануфактурой, охотоснаряжением, спиртом и т. п.» (стр. 262—263). Совершенно правильная мысль о том, что купцов интересовало не удовлетворение первоочередных нужд населения, а только получение прибыли, выражена здесь неудачно.

Отмеченные недостатки нетрудно будет устранить при переиздании книги. В целом же она заслуживает высокой оценки как солидный и содержащий большой фактический материал труд, полезный всем, кто работает на Советском Севере или интересуется жизнью его населения.

Л. А. Файнберг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Восточноазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LX, изд. АН СССР, М.—Л., 1960, 272 стр. + 1 карта и 3 схемы.

В конце 1960 г. вышел из печати «Восточноазиатский этнографический сборник» (выпуск I), подготовленный сектором Восточной и Южной Азии Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В сборник вошли работы: Р. Ф. Итса «Мяо», Ю. В. Ионовой «Корейская деревня в конце XIX — начале XX в.», К. В. Вяткиной «Монголы Монгольской Народной Республики».

Выход в свет этого сборника дает возможность советским и зарубежным читателям шире ознакомиться с историей, бытом и культурой народов Китая, Кореи и Монголии. Использование новой литературы, многочисленных источников на восточных языках и полевого материала (в статье К. В. Вяткиной) дало возможность авторам

не только описать различные стороны жизни этих народов, но и обосновать некоторые теоретические положения.

Сборник открывает работа Р. Ф. Итса «Мяо (историко-этнографический очерк)». Она состоит из введения, двух больших частей, разделенных на главы, заключения, списка источников и литературы на китайском языке.

Во введении автор отмечает сложность этнического состава Китая, кратко останавливается на истории изучения мяо и их положении в прошлом.

Народ мяо избран автором как объект исследования не случайно. До последнего времени в историко-этнографической литературе высказывались противоречивые, а порой путаные, мнения об этногенезе этого народа, специфике его культуры, культурно-исторической связи мяо с китайским народом. Р. Ф. Итс сумел дать убедительное, на наш взгляд, решение этих вопросов.

Рассмотрение проблемы этногенеза Р. Ф. Итс начинает с критического разбора антропологического и археологического материала, содержащегося в трудах советских, китайских и западноевропейских ученых. Основные выводы автора сводятся к признанию мяо одним из народов южноазиатской группы типа малой южномонголоидной расы с примесью веддоидных признаков (стр. 13, 16, 23). Областью формирования этого типа автор справедливо считает южный Китай, что подтверждается новейшими исследованиями Н. Н. Чебоксарова. Археологические данные позволили Р. Ф. Итсу научно обосновать теорию автохтонного происхождения мяо в южном Китае и начать их этническую историю с неолитических стоянок Нанкин-Дунтинского комплекса.

Во второй главе, посвященной вопросу о языковой классификации мяо, автор путем анализа основного словарного фонда языков мяо, народов мон-кхмерской, тибето-бирманской групп, а также языка тай, показал несостоятельность попыток некоторых лингвистов включать, вслед за Х. Р. Дэвисом, язык мяо в мон-кхмерскую языковую семью. Р. Ф. Итс, как и китайские лингвисты, считает, что язык мяо составляет отдельную ветвь китайско-тибетской семьи. Эта точка зрения общепринята в советской науке.

Глава третья посвящена этнической истории мяо. Большая заслуга автора в том, что он собрал и изучил почти все письменные документы о народе мяо. Особенно ценными не только для этнографов, но и для китаеведов представляются страницы, где приведены выдержки из древнекитайских хроник. Несмотря на фрагментарность сведений о мяо, автор прослеживает их историю, начиная с первых упоминаний в хрониках об этом народе вплоть до сложения мяо в народность.

Р. Ф. Итс разработал логичную, достаточно аргументированную концепцию о происхождении мяо и яо из единого этнического пласта саньмяо, которые обитали в южном Китае три тысячи лет назад.

Часть вторая этой работы посвящена культуре и быту мяо. Здесь рассматриваются хозяйство и материальная культура мяо, их общественный строй и семейные отношения до и после Освобождения. Заключает работу глава о духовной культуре мяо, их верованиях, обрядах, праздниках, танцах, письменности и фольклоре. Автор сумел показать самобытность национальной культуры мяо, сохранивших ее, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю этого народа в прошлом. Р. Ф. Итс в своей работе останавливается кратко на жизни мяо в братской семье народов КНР, где они обрели все возможности для всестороннего развития.

Рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. При чтении ее складывается впечатление, что она написана лет 5—6 назад. Автор пользуется в ряде случаев терминологией, уже не принятой в нашей литературе («тибето-китайская семья» вместо «китайско-тибетская», «тонкинские мяо», хотя название Тонкин, данное французскими колонизаторами северной части Вьетнама, уже давно вышло из употребления). Сведения, приводимые автором о переменах, происшедших в жизни мяо в последние годы, не достаточно полны. Говоря о продвижении китайцев на юг с начала эпохи Цинь в районы, населенные «мянями», и их культурном и экономическом взаимодействии с последними, автор датирует распространение китайцев по всей территории южного Китая I—II вв. н. э. (стр. 47). Следует напомнить, что войска циньского императора Циньшихуанди овладели Юго-восточным Китаем и даже Северным Вьетнамом уже в III в. до н. э.

Но эти недочеты не умаляют большого научного и политического значения работы Р. Ф. Итса. В ней впервые так подробно и аргументированно подвергнута критике теория Х. Р. Дэвиса, сформулирована научно обоснованная концепция о происхождении мяо — яо и с такой полнотой дано этнографическое описание мяо. Это позволяет считать работу Р. Ф. Итса «Мяо» одной из лучших работ советских ученых, посвященных этнографии народов Восточной Азии.

Ю. В. Ионова в работе «Корейская деревня в конце XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк)» ставит целью показать изменения, происходившие в то время в деревне в связи с развитием капиталистических отношений в Корее. Важность постановки этой темы, тем более когда ее разрешением занят этнограф, не вызывает сомнений.

Работа состоит из двух глав: в первой дана социально-экономическая характеристика корейской деревни, вторая посвящена описанию быта корейского крестьянства — жилища, пищи, одежды, семейных отношений, верований и обрядов.

Автор обращается к проблемам, представляющим интерес не только для этнографов, но и для историков-экономистов. Характеризуя состояние хозяйства в целом, Ю. В. Ио-

нова приводит мнение японских авторов, что «...развитие капитализма в Корее произошло исключительно благодаря иностранному, прежде всего японскому, капиталу», что «без вмешательства извне Корея никогда не смогла бы вступить на путь капитализма» (стр. 119). Выступая против этого тезиса, Ю. В. Ионова пишет: «...суть вопроса заключается в том, что еще до проникновения иностранного капитала в недрах феодального общества Кореи создавались предпосылки для развития капитализма» (стр. 119). Из материалов автора вытекает, что процесс капиталистического развития начался именно с конца XIX в., когда приток иностранных товаров подорвал основы натурального хозяйства, разрушил крестьянское домашнее ремесло, когда на базе докапиталистических мануфактур появились первые национальные предприятия и распространился наемный труд. В связи с этим кажется странным безоговорочное утверждение автора, что основу экономики Кореи составляло натуральное хозяйство (стр. 125, 126). Несколько выше Ю. В. Ионова пишет, что основы натурального хозяйства в Корее были подорваны уже в последней четверти XIX в. (стр. 119). То же утверждение повторяется на стр. 126, 136. Ю. В. Ионова пишет: «К концу XIX в. хозяйство крестьянства Кореи стало в значительной степени товарным, крестьяне уже не могли существовать без купли-продажи» (стр. 155). Эти противоречия порождены нечеткостью формулировок автора. Эта же нечеткость присуща разделу этой главы, посвященному землевладению и землепользованию в Корее того времени. Автору следовало бы точнее формулировать свои положения, что, несомненно, устранило бы многие противоречия в этой работе.

Интересна глава вторая этой статьи, где дается этнографическое описание корейской деревни на рубеже XIX—XX вв., составленное автором достаточно всесторонне на основе суммирования многих литературных данных по этому вопросу. К сожалению, автор недостаточно полно показал изменения в быту корейского крестьянства, связанные с развитием капиталистических отношений в Корее. Следует упрекнуть Ю. В. Ионову также в том, что она слабо использовала литературу на корейском языке, привлечение которой сделало бы работу более интересной.

В работе К. В. Вяткиной «Монголы Монгольской Народной Республики» публикуются материалы, собранные автором в 1948—1949 гг. во время историко-этнографической экспедиции, организованной Комитетом наук МНР и Академией наук СССР.

Маршрут этнографического отряда охватил наиболее интересные районы западной, центральной и восточной части Монголии. Южная часть МНР осталась необследованной. Основная работа велась в сельской местности. Несмотря на короткий срок работы (два полевых сезона по три летних месяца), автору и его сотрудникам удалось собрать чрезвычайно большой и интересный материал почти по всем этническим группам монгольского населения МНР, в том числе и западных районов, отличающихся сложностью этнического состава.

В работе К. В. Вяткиной широко охвачены все стороны быта населения МНР: сельское хозяйство, охота, средства передвижения, жилище, одежда, пища, различные обряды, поверья, предания, легенды, праздники, изобразительное искусство. В работе ярко и наглядно представлена живая этнографическая действительность конца 40-х годов XX в.

Автор, анализируя этнографический материал, сумел выделить из всей массы разнообразных данных основные черты, характерные для культуры монголов в целом, что имеет немаловажное значение при разработке проблем их ранней этнической истории. Так, например, К. В. Вяткина устанавливает, что, несмотря на разнообразие форм женской прически, зафиксированных некоторыми путешественниками у разных племен, она у всех монголов состоит из одних и тех же основных элементов (стр. 199—200). Автор впервые уделяет должное внимание наличию в монгольском языке терминов, характерных для классификационной системы родства, которая восходит к материнскому роду. Так, в работе приводятся термины родства у халха и дэрбэтов. Автор предполагает, что некоторые дэрбэтские термины родства заимствованы из тюркского языка (стр. 237). Не исключена возможность, что в дэрбэтских терминах родства или сохранились следы древней тюрко-монгольской языковой общности, или же эти термины были заимствованы из языка древнего домонгольского населения, обитавшего некогда в западных районах МНР. Архивные данные Комитета наук МНР по племенному и родовому составу, относящиеся к 1925 г., также показывают, что «в этническом отношении халха представляют сложный комплекс, в состав которого вошли как коренные монгольские племена, так и племена и роды немонгольского происхождения» (стр. 238).

В разделе «Остатки добуддийского культа» К. В. Вяткина анализирует связанный с культом деревьев термин «удуган», обозначающий шаманку-женщину, известный в различных фонетических вариантах у монгольских и тюркских народов. Автор раскрывает древность этого термина, связывая его с известным наименованием земли и духов земли стугу (другое древнее значение — женское материнское начало, символ плодородия) и относит возникновение этого термина к эпохе материнского рода (стр. 254).

Народные праздники и игры (надан), которые описывает автор, приурочены к 11 июля — годовщине вступления Монгольской Народно-революционной армии в Улан-Батор. Они служат ярким примером сохранения старой народной традиции военно-спортивных состязаний, известных по документам еще с XIII в. В настоящее

время эта традиция наполнена новым содержанием: проведение надана знаменует собою успешное выполнение народнохозяйственного плана. Любимые населением традиционные соревнования в стрельбе из лука, борьбе, скачках сочетаются с выставкой достижений народного хозяйства, науки, показом новых форм культуры и быта, образцов ухода за скотом и т. п., что, как отмечает автор, имеет большое пропагандистское и воспитательное значение (стр. 257—265).

Чрезвычайно интересен материал, собранный автором по народному изобразительному искусству. До сих пор монгольское изобразительное искусство не изучено, и для этого еще не собран достаточный материал. Недавно в МНР был издан альбом, где собрано большое количество образцов монгольского орнамента, но он не исчерпывает всех видов изобразительного искусства. В статье К. В. Вяткиной делается интересный опыт интерпретации наиболее характерных образцов орнамента. Сопоставляя монгольские и тюркские языковые материалы с мотивом орнамента, наиболее широко распространенным у монголов и известным в бесчисленном количестве вариантов под названием «ульзий», «ользий», автор делает вывод, что «...орнамент ульзий (ользий) уходит своими корнями в очень древние времена, связанные с охотничьим бытом; возможно также, что самый термин является наименованием тотемного животного. Наличие как в монгольском, так и в тюркском языках близкого термина, относящегося к орнаменту, символизирующему горного барана, указывает также на далекие связи предков монголов и тюрков» (стр. 271). Хотелось бы в связи с этим обратить внимание еще на один орнамент, имеющий аналогии с древнетюркским. Это орнамент на дереве (рис. 30, нижний), сохраняющий ряд общих черт с орнаментом на могильных памятниках тюркского времени, приведенных у Г. И. Боровки¹. Отличие имеется только в деталях.

Следует отметить, что во всей работе содержится много тюркских параллелей. Эти общие черты в языке, терминах родства, орнаменте и т. д. позволяют автору в каждом отдельном случае делать выводы о значении тюркских элементов в этногенезе монголов. Выводы эти, построенные на фактических данных, находят подтверждение и в письменных источниках. Из китайских хроник известно, что в центральной, южной и особенно западной части территории МНР в древности, во всяком случае до X в. н. э., обитали тюркоязычные племена. Прямые же предки монголов жили восточнее Хэнтая, расселяясь широкой полосой вдоль Хингана до границ Китая. Многочисленные тюркские элементы, сохранившиеся в терминах родства, орнаменте, словарном составе, свидетельствуют о том, по-видимому, что процесс этногенеза монголов на всей территории МНР не был завершен к началу XII в., а постепенное слияние тюркских и монгольских этнических компонентов и ассимиляция тюркского компонента монгольским были более длительными, чем обычно принято думать.

Материалы, собранные К. В. Вяткиной, заставляют еще раз пересмотреть недостаточно хорошо подкрепленную фактами, но широко распространенную точку зрения, что все племена Монголии в начале XIII в. (монголы, найманы, керенты) были монголоязычны и в качестве таковых дали начало монгольскому народу. Это упрощенное понимание процесса этногенеза монголов в свете новых материалов должно быть критически и внимательно пересмотрено.

Работа К. В. Вяткиной вводит в научный обиход новый достоверный и разносторонний фактический материал, который может быть положен в основу дальнейших исследований по этнографии монголов МНР. Статья сопровождается большим количеством фотоснимков и прекрасно выполненных цветных и черно-белых рисунков, воспроизводящих орнаменты, предметы одежды и т. п., что еще более повышает качество этой интересной работы.

Вместе с тем необходимо отметить, что публикуемый материал относится к 1948—1949 гг. и, когда он записан со слов информаторов, к более раннему времени. Остается только пожалеть, что эти интересные данные не были опубликованы уже несколько лет назад. Следует также отметить отсутствие в работе достаточно конкретного материала по современности.

Книга в целом хорошо оформлена. Набор иероглифического текста безусловно повышает качество сборника. В то же время в тексте статей содержится много опечаток. К наиболее досадным можно отнести упоминание о том, что в КНР насчитывается 40 национальных меньшинств, тогда как их на самом деле более 50 (стр. 3).

Рецензируемый сборник очень интересен как постановкой ряда научных проблем, так и публикацией новых фактических материалов. Хочется надеяться, что этот сборник станет первым в ряду монографических исследований советских ученых, посвященных этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии.

Л. Л. Викторова, Ю. И. Журавлев,
А. И. Мухлинов

¹ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толы, сб. «Северная Монголия» II, Л., 1927, рис. 8.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Ф. Виккерс. *Мираж*. Роман, М., 1960, 291 стр. *

Одинокий человек бредет по дороге. Перед ним — выжженная докрасна земля пустыни, сухой, колючий спринифекс. Человека мучит смертельная жажда. У него не осталось ни капли воды. Но вот впереди — озеро, полное влаги, и бахрома эвкалиптов вокруг. Человек напрягает последние силы, но до озера все так же далеко. Это — мираж. И силы оставляют человека...

Этот образ обманчивого видения, возникающего в выжженной солнцем пустыне, и человека, которому не суждено достичь своей цели, как бы он к ней ни стремился, проходит через всю книгу современного австралийского писателя Ф. Виккерса.

Автор книги Ф. Виккерс, хорошо знает то, о чем он пишет. Он родился в Англии, но в 1925 г. переселился в Австралию и много лет работал простым стригальщиком овец, сортировщиком шерсти и погонщиком скота в Западной Австралии, которую он так ярко изобразил в своем романе. Его перу принадлежат еще два романа и много рассказов.

Главный герой рецензируемой книги — Фредди Адамс, сын аборигенки и «белого» отца. Мираж — символ того, к чему страстно стремился и чего так и не достиг Фредди: места под австралийским солнцем, места в обществе тех людей, к которым принадлежал его отец. И этот образ становится символом участи австралийских аборигенов, такой же трагической, как участь Фредди Адамса.

Детство Фредди прошло на ферме Бегущие Воды, где-то на равнинах Западной Австралии, отнятых у аборигенов и превращенных в пастбища для скота. Он вырос среди людей, чьи земли простирались некогда от гор Троссел до берегов Индийского океана. От когда-то многочисленного племени осталась теперь горстка людей — батраков «белого» фермера, а от всей их обширной страны — лишь русло источника, впадающего в священный водоём Уанна Кабби, в котором для них олицетворена вся жизнь племени, их связь с прошлым и родной землей. Но и Уанна Кабби теперь им не принадлежит: «белый человек» обнес его проволокой, и только птицы да овцы могут пить из него.

Отец привел Фредди в свой дом — и здесь в нем мало-помалу развилось и окрепло сознание того, что он больше не принадлежит своему племени, что его место — среди «белых людей». И тогда он испытал первые жестокие разочарования: «белые люди» не захотели принять в свою среду человека, в чьих жилах течет кровь другой расы, а сородичи отвернулись от него как от отступника. Да и не было ему дороги назад: приобщившись к культуре «белых людей», он уже не мог вернуться в русло Уанна Кабби. Ему, оторванному от родной почвы, оставалось только идти вперед, в погоне за призрачным, убегающим от него видением.

Фредди суждено было встретить хороших, честных людей: доктора Грешэма, фермера Монтгомери, которые стремились отбросить прочь расовые предрассудки. Как и священник Уоткинс, все они понимали: «Эти люди, которых мы обрекаем на жизнь в резервациях, — это уже не представители первобытных племен, это люди нашего собственного народа. Пусть кожа у них другого цвета, но мыслят они так же, как и мы. У них те же чаяния и желания, что и у любого из нас. Они знают только ту жизнь, которой живем мы, и мы же не пускаем их в эту жизнь». Они готовы прийти на помощь Фредди и его подруге Ноне, тоже метиске, но их слишком мало, а людей, равнодушных к их судьбе, слишком много. И поэтому-то, пользуясь равнодушием большинства, в глазах у «толпы, хранящей молчание», могут творить свое черное дело негодяи вроде мистера Трю, самого влиятельного человека в городе, по мнению которого «время еще не пришло», чтобы помочь аборигенам жить по-человечески, или Дика, который использует аборигенов, когда они ему нужны, а потом, по его собственным словам, «вышвыривает их, как грязные носки».

Произошло то, что предсказывали Фредди, когда он еще мальчиком жил на ферме Бегущие Воды: «Когда его приобщат к цивилизации, у него не будет никакого места. Окажется, что он никому не нужен». Фредди живет в постоянном страхе, что его и Нону упрячут в резервацию. «Возле каждого города есть резервация — сборище цветных, своего рода скотный двор». Аборигены страшатся ее более, чем тюрьмы, и не удивительно: «Жить там — значило жить на помойке, среди человеческих отбросов, лишенных каких-либо признаков жизни, кроме одного — голода. Нет, думал он, лучше умереть, чем жить как собака». Скупными, но выразительными штрихами автор рисует страшную жизнь в резервации — страшную не только своим убожеством и нищетой, но и той степенью морального падения, до которого доведены живущие там люди — потомки когда-то гордых хозяев страны, а теперь жалкие жертвы капиталистической «цивилизации», отброшенные ею на самое дно, презираемые теми, кто был причиной их падения. Жизнь в резервации — это жизнь на грани физической или моральной гибели. Все это «тяготело над жизнью людей, словно меч, висевший на

* F. B. Vickers. The mirage. Melbourne, 1955.

паутине. И все это начиналось с голода — желания есть то, что они каждый день видели в магазинах, желания жить, не голодая, так, как — они знали — живут белые. Но голод не кончался — нити, поддерживающие тяжелый меч, рвались, и люди гибли; нищета, разложение, постоянные оскорбления со стороны белых — все это вместе давило их, и они становились просто рабами своих голодных желудков». Можно ли обвинять этих людей в том, что они стали такими? Вспоминаются слова другого честного австралийского писателя: «При господстве их традиционного морального кодекса аборигены были великой расой. То, чем они стали теперь, — это результат контакта с белыми. Мы никогда не должны это забывать!»¹.

Аборигены в современной Австралии — это каста отверженных, лишенных всех гражданских прав. Вот один из героев книги, Мик де Сильва, гоанско-малайский метис. «Мик такой же черный, как и Фредди, у него такой же цвет кожи, как у черных, но по закону он не считается ниггером. А Фредди — ниггер. То, что его мать — туземка, уже лишаю Фредди всех прав австралийского гражданина. Ему запрещено появляться в каком-либо городе, если так захочется полиции. Ему запрещено заходить в любую таверну...». Лишь очень немногим аборигенам Западной Австралии удастся получить гражданские права, но какой ценой, и как их легко потерять! Свидетельство о праве гражданства (certificate of citizenship) по закону выдается аборигену, который уже два года как прервал всякие отношения с другими аборигенами, за исключением самых близких родственников, служил в армии или как-либо иначе доказал, что он достоин прав гражданина, свободно говорит по-английски, имеет профессию, хорошую репутацию и т. д.² Подавляющее же большинство коренных австралийцев лишено избирательных и других гражданских прав. Условия и оплата их труда, здравоохранение и питание — все это находится на крайне низком уровне, как об этом писали не раз в самой Австралии компетентные лица в официальных отчетах и в прессе. Много раз писали и об ужасных жилищных и санитарных условиях в резервациях. Социальное обеспечение аборигенов фактически отсутствует. О ненормальных условиях для беременных женщин и кормящих матерей мы узнаем и из книги Виккерса.

Система резерваций — это средство принуждения аборигенов к труду, резервации — это «концентрационные лагеря», по собственным словам некоторых австралийских граждан. На основании статьи 16-й действующего на Северной Территории «Положения об аборигенах», директор Департамента по делам туземцев, если, по его мнению, это в интересах аборигена, может перевести аборигена в резервацию или держать его в исправительном заведении³. Австралийское законодательство об аборигенах было создано главным образом с целью контроля над ними как над дешевой рабочей силой и в первую очередь защищало интересы скотоводов.

В 1934 г. овцеводы района Роборна и Порто-Хедлендатого района Западной Австралии, где развортывается действие романа, — «докладывая британскому уполномоченному об условиях жизни аборигенов в Западной Австралии, горько жаловались на то, что аборигены вымирают и что они — овцеводы — теряют рабочую силу»⁴. Мы видим из романа, что положение аборигенов здесь не улучшилось и в дальнейшем.

В 1944—1946 гг. этнографы Р. и К. Берндт изучали жизнь аборигенов на скотоводческих фермах Северной Территории. Опубликованные ими данные «вскрывают неудовлетворительное питание, неудовлетворительные жилищные условия, образование, медицинское обслуживание, гигиену, санитарные условия и такие условия труда, вследствие которых аборигены вымирают так же быстро, как и в дни колонизации»⁵.

Выводы Р. и К. Берндт, по их собственным словам, приложимы к условиям, в которых живут аборигены всей Австралии⁶.

Согласно заключению одной из австралийских общественных организаций, условия труда аборигенов на Северной Территории, в северном Квинсленде и Западной Австралии таковы, что можно говорить о существовании здесь одной из форм рабства⁷. В самой Австралии, как это видно из австралийской печати, раздаются голоса о том, что положение аборигенов коренным образом противоречит Декларации о правах человека, принятой Организацией Объединенных Наций.

На следующий год после выхода в свет романа Виккерса «Мираж», в 1956 г., в Малиринге (Южная Австралия) были произведены экспериментальные взрывы английского атомного оружия. В результате насильственной эвакуации аборигенов из района испытаний многие аборигены погибли от голода и жажды.

Трагедия героя книги — это трагедия человека, оторванного от корней и брошенного в мир общественной несправедливости и расовых предрассудков. Он рано начал понимать, что «у него никогда не будет ни места в жизни, ни очага... Где бы он ни ока-

¹ W. E. Hargney, Content to lie in the sun, London, 1959, стр. 136.

² L. A. Mander, Some dependent peoples of the South Pacific, New York, 1954, стр. 191.

³ Ф. Роз, Положение австралийских аборигенов, «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 75—77.

⁵ A. G. Price, White settlers and native peoples, Melbourne, 1949, стр. 205.

⁶ Там же, стр. 209.

⁷ M. M. Bennett, Human rights for Australian aborigines, Brisbane, 1957, стр. 19.

зался, всюду будет это ужасное, оглушающее молчание, эти глядящие на него и не замечающие его глаза...»; «Фредди теперь знал: независимо от того, что он сам о себе думает, для большинства белых он черный, а поэтому — ниггер, и обращаться с ним будет так, как с черным». «Во время странствий их, случалось, ловили и отправляли в резервацию. Пусть у тебя были деньги и ты просто заглянул в магазин, чтобы купить что-нибудь; но если спускающиеся сумерки застгли тебя в городе, этого уже было достаточно, чтобы полисмен потащил тебя в резервацию».

На ферме аборигены жили на положении бесправных рабов. Автор знакомит читателя с группой «белых» рабочих-стригальщиков овец. Можно ли сравнить их положение с положением «черных» батраков? «Белые» рабочие объединены в профсоюз, они могут бороться за свои права. «Черные» — это просто даровая рабочая сила. Они работают за остатки еды и рваную или безобразно сшитую одежду, а если они посмеют отказаться от работы — их заставят силой. С ними даже разговаривают на каком-то особом исковерканном жаргоне. Не лучше ли в резервации. Власти поддерживают существование «черных рабов», распределяя через полицию скудные пайки — «щепотку чаю, немного сахара, муки и соли и, может быть, кусочек мяса».

Нищета и страдания не объединяли людей в резервации, «наоборот, далеко отбрасывали друг от друга, они становились настоящими врагами, они терзали друг друга, грызлись, как собаки из-за кости». Виккерс убедительно показывает, что именно социальные условия сделали людей такими. Это жизнь сделала чистую девочку Нону, воспитанницу приюта, а потом служанку в доме «белых людей», — такой, какой мы ее видим в романе. Образ Ноны — один из самых ярких в книге. И он, прежде всего, типичен. «Она понимала, что может жить, лишь обманывая и воруя, пресмыкаясь, если это давало ей какую-то выгоду. А чтобы так жить, приходилось пускаться в ход всю хитрость и коварство. Она не знала другого пути в жизни, кроме одного — пути джунглей, зубов и когтей: быстро напасть, укусить и снова отскочить в сторону. В этих джунглях не оставалось места для чувств». Она рано убедилась в том, что «хоть и одетая, она ничто, просто вещь, лишенная души, без всякой цели в жизни, ибо белые никогда не примут ее». Бывали минуты, когда и Фредди сам начинал думать, что Нона права, что «для них остается единственный путь сохранения жизни — путь лжи, обмана, воровства, путь голодных собак». Голод — единственное сильное чувство, которое испытывает эта женщина, и еще страсть к вещам, которыми обладают «белые», ибо ей кажется, что в этих вещах и заключается их превосходство над нею. Но даже обладая этими вещами, она остается по-прежнему внизу. Слабость ее духа, ее униженность и робость перед «белым человеком» становятся причиной гибели ее и Фредди, но их трагический конец имеет и более глубокую причину, которую вскрывает писатель. Они погибают, но остается их сын — маленький Джорджи. Что его ждет? Суждено ли ему увидеть другую Австралию, будет ли его жизнь более радостной, чем жизнь его отца? Этот вопрос возникает в уме читателя, когда он закрывает последнюю страницу.

К концу своей недолгой жизни Фредди все чаще отдавал себе отчет в том, что его надежды — это только мираж, только иллюзии, которым суждено развеяться как дым. То, что он метис, «попукровка», — не спасло его от расовой дискриминации. Он разделял участь тех людей, к которым принадлежала его мать — участь тех, от кого он еще подростком хотел отвернуться. Метис столь же бесправен, как и чистокровный абориген. Может быть, его жизнь еще невыносимей.

С большой художественной силой и проникновением Виккерс рисует коллизию внутри современного австралийского племени: между молодым аборигеном Доуди, восставшим против Закона племени, и Законом, олицетворенным в образе «его хранителя и старейшины племени Нулла. Доуди должен погибнуть в наказание молодым, для того чтобы восторжествовал древний Закон, в который они потеряли веру с тех пор, как «белый человек» завладел их землей и их судьбами. Для Нуллы Закон — это больше, чем власть традиций, это — само племя, его жизнь. Не будет Закона — не станет племени, оно погибнет. «Если мы забудем это, — говорит Нулла, — белые сметут нас с лица земли, как ветер сметает семена». Белый может разгородить их землю и пасти на ней своих овец, он может даже не пускать племя к Уанна Кабби, но до тех пор, пока оно живет по Закону, оно не умрет. Как река прорезает равнину, так и Закон пронизывает жизнь племени. «Подобно племенам Израиля, выжившим верностью своим законам, — говорит писатель, — Нулла боролся за то, чтобы его племя не отступало от Закона отцов и не исчезло навсегда». Но что может поделать Нулла против неумолимых сил, которые надвигаются со всех сторон? Может ли он их остановить? Доуди погибает вследствие самовнушения — он казнен способом, некогда распространенным в Австралии, «нацеливанием костью», но и Закон, и само племя все равно обречены.

Книга Виккерса — правдивое и сильное художественное отображение условий, в которых живут аборигены современной Австралии, — обращена к честным людям этой страны, она будит их совесть, напоминает им об их ответственности за судьбу многих тысяч коренных австралийцев. Эта книга обращена прежде всего к рабочему классу Австралии, который в послевоенные годы уже не раз протягивал руку помощи своим братьям — аборигенам. Это произошло, например, в мае 1946 г., когда впервые в истории австралийского рабочего движения восемьсот аборигенов в районе Порты-Хедленда в Западной Австралии — там, где жили и трудились герои рецензируемой книги, — объявили стачку, требуя минимальной заработной платы в 30 шиллингов в неделю

вместо скудного пайка, который они получали раньше. Стачка была подавлена, но ее значение было огромно — впервые в истории Австралии бастовали чистокровные аборигены. Впоследствии аборигены Порто-Хедленда организовали свой кооператив. А через год забастовали двести аборигенов Дарвина (Северная Территория). В 1951 г. здесь снова вспыхнула забастовка⁸. Прогрессивные общественные силы Австралии все чаще оказывают аборигенам свою поддержку. В защиту их прав выступает Коммунистическая партия Австралии. И мы верим, что Джорджи, сын Фредди Адамса, увидит не обманчивый мираж счастья в выжженной солнцем пустыне, а новую Австралию, в которой ее коренное население займет принадлежащее ему по праву место.

Надо отметить, что переводчики (Е. Макаров и Г. Стеценко) успешно справились со своей задачей, особенно нелегкой из-за многочисленных «австрализмов».

В. Р. Кабо

⁸ Ф. Роз, Указ. раб.

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу XXII съезду Коммунистической Партии Советского Союза	
Советская этнография накануне XXII съезда КПСС	3
В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко (Москва). Основные направления этнических процессов у народов СССР	9
И. А. Крывелев (Москва). Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР	30
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
И. С. Гурвич (Москва). О путях дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера	45
В. И. Козлов (Москва). К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы)	58
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Современный этап национального развития народов Азии и Африки	74
Г. А. Агранат (Москва). Положение коренного населения крайнего Севера Америки	100
Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии	
С. П. Толстов (Москва). Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи)	114
Народы мира	
(Информационные материалы)	
Р. Н. Исмагилова (Москва). Новые государства Африки	147
Сообщения	
Г. А. Гулиев (Баку). Этнография Азербайджана за 40 лет	166
Г. А. Сергеева (Москва). Школьный краеведческий музей в Адыгее	171
Хроника	
В. А. Александров (Москва). Сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований 1960 года	177
В. К. Гарданов (Москва). Актуальные проблемы советских социологических исследований (Второе общее собрание Советской Социологической Ассоциации)	180
Ю. И. Журавлев (Москва). Научные связи Института этнографии АН СССР с зарубежными странами	187
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
И. А. Золотаревская (Москва). Советские и зарубежные ученые об этнографической серии «Народы мира»	190
Г. Ф. Дебец (Москва). Картографические издания Института этнографии АН СССР	198
Ю. П. Аверкиева (Москва). Проблема собственности в современной американской этнографии	200
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Н. Ф. Жиров. Атлантида	213
Народы СССР	
А. П. Смирнов (Москва). Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3)	218
С. И. Вайнштейн (Москва), Ч. М. Таксами (Ленинград). «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера»	223
Л. Р. Кызласов (Москва). Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, т. I	225
Л. А. Файнберг (Москва). И. С. Гурвич. К. Г. Кузаков. Корякский национальный округ	230
Народы зарубежной Азии	
Л. Л. Викторова (Ленинград), Ю. И. Журавлев (Москва), А. И. Мулинов (Ленинград). Восточноазиатский этнографический сборник	231
Народы Австралии и Океании	
В. Р. Кабо (Ленинград). Ф. Виккерс. Мираж	235

SOMMAIRE

A la veille du XXII Congrès du Parti Communiste de l'Union Soviétique

L'ethnographie soviétique à la veille du XXII Congrès du Parti Communiste de l'U.R.S.S.	3
V. K. Gardanov, B. O. Dolguikh, T. A. Jdaniko (Moscou). Les principales tendances des processus ethniques chez les peuples de l'U.R.S.S.	6
I. A. Krevelev (Moscou). Disparition des survivances religieuses chez les peuples de l'U.R.S.S.	30

Matériaux et recherches sur l'ethnographie de l'U.R.S.S.

I. S. Gourvitch (Moscou). Les voies de la réorganisation économique et culturelle des peuples du Nord	45
V. I. Kozlov (Moscou). Sur la question des études des processus ethniques chez les peuples de l'U.R.S.S. (D'après l'expérience d'étude des Mordouans)	58

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

S. I. Brouk, N. N. Tcheboksarov (Moscou). Le développement national des peuples d'Asie et d'Afrique à son étape contemporaine	74
G. A. Agranate (Moscou). Situation de la population aborigène à l'Extrême Nord de l'Amérique	100

Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique

S. P. Tolstov (Moscou). Les Scythes de la région d'Aral et le Khorezm (Sur l'histoire du peuplement de l'ancien delta de Syr Daria)	114
---	-----

Peuples du monde (Matériaux d'information)

R. N. Ismaguilova (Moscou). Nouveaux états en Afrique	147
---	-----

Communications

G. A. Gouliev (Bakou). Ethnographie d'Azerbaïdjan durant ces 40 ans	166
G. A. Serguéeva (Moscou). Musée ethnologique scolaire en Adyguée	171

Chronique

V. A. Alexandrov (Moscou). Session consacrée aux résultats des recherches scientifiques des expéditions en 1960	177
V. K. Gardanov (Moscou). Conférence de l'Association des sociologues de l'U.R.S.S.	180
Y. I. Jouravlev (Moscou). Rapports scientifiques de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. avec les pays étrangers	187

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

I. A. Zolotarevskaja (Moscou). Des savants soviétiques et étrangers parlant de la série ethnographique «Peuples du Monde»	190
G. F. Debetz (Moscou). Editions cartographiques de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.	198
J. P. Averkiéva (Moscou). Problème de la propriété dans l'ethnographie américaine contemporaine	200
Y. V. Knorozov (Léninegrad). N. F. Jirov. Atlantide	213

Peuples de l'U.R.S.S.

A. P. Smirnov (Moscou). Le bas d'Amou Daria, Sarykamych, Ouzboï (Matériaux de l'expédition à Khorezme, fasc. 3)	218
S. I. Vainstein (Moscou), Tch. M. Taksami (Léninegrad). Economie, culture et mode de vie contemporains des petits peuples du Nord	223
L. R. Kyzlassov (Moscou). Travaux de l'expédition Touvine, vol. I.	225
L. A. Fainberg (Moscou). I. S. Gourvitch, K. G. Kouzakov. District national Koriak	230

Peuples des pays étrangers d'Asie

L. L. Victorova, Y. I. Jouravlev, A. I. Mouchlinov (Léninegrad, Moscou). Recueil ethnographique est-asiatique	231
---	-----

Peuples d'Australie et d'Océanie

V. R. Kabo (Léninegrad). F. Vickers. The Mirage	235
---	-----

Подписывайтесь на журнал

«ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Научный журнал «Вестник древней истории» освещает проблемы истории народов Европы, Азии и Африки в эпоху от возникновения классовых обществ до IV века нашей эры. В журнале публикуются научно-исследовательские статьи по истории древнейших классовых обществ на территории СССР, древних стран Переднего и Среднего Востока, античной Греции и Рима, Китая, Индии и других стран.

Журнал уделяет большое внимание изучению истории народных масс — производителей материальных благ древнего мира, социально-экономических и политических отношений древних обществ, классово-борьбы, истории идеологии и культуры. Журнал проводит научные дискуссии по наиболее актуальным проблемам древней истории (сущность и особенности рабовладельческих отношений в древности, античный город и другие).

В журнале систематически публикуются вновь найденные документы: древние надписи, монеты, литературные произведения древности, а также сообщения о важнейших открытиях в области древней истории и о наиболее значительных событиях научной жизни в нашей стране и за рубежом. В журнале печатаются рецензии на новые работы по древней истории советских и иностранных авторов, обзоры, дающие критический анализ различных направлений современной историографии, а также краткие аннотации зарубежных журналов по древней истории.

В специальном «Приложении» к каждому номеру журнала печатаются переводы важнейших литературных памятников и других источников по истории древнего мира, ранее не издававшихся на русском языке.

В журнале сотрудничают видные советские и прогрессивные иностранные ученые.

ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД. ОБЪЕМ КАЖДОГО НОМЕРА 16 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 9 р. 60 к.

Подписка принимается местными отделениями Союзпечати, отделениями связи, а также отделениями и магазинами «Академкнига».